

Евгений Николаевич Костюченко Сафари для русских мачо

Крылов; 2003
ISBN 5-94371-333-6

Аннотация

Получив неожиданное приглашение отдохнуть в Южной Америке, Вадим Гранцов вовсе не собирался им воспользоваться. Слишком много важных дел удерживают его дома.

Но оказалось, что в этой поездке он может выяснить судьбу пропавших товарищей.

«Вам надо только слетать, посмотреть и вернуться, — говорили чекисты, отправляя его с деликатным заданием. — Вы простой турист, ведите себя естественно».

Гранцов и ведет себя естественно — как русский офицер, оказавшийся в центре схватки с международным преступным синдикатом.

**Евгений «Краев» Костюченко
Сафари для русских мачо**

На рассвете они вышли из джунглей на песчаную отмель реки.

— Дальше... дальше будет легче, — сказал, задыхаясь, Куликов. — Найди лодку. Спустимся по реке... До Кальенте. Оттуда свяжемся с посольством.

Макс поглядел на мутную воду. Она была лимонного цвета у самого берега, а на стремнине становилась темно-оливковой.

— Спустимся? А водопад?

— Водопад остался выше по течению. Пройди к нему, там должен быть поселок. И пристань. Иди, я здесь подожду.

Они дошли до пальмы, наклонившейся над водой, и Макс усадил Куликова на песок. Оглянувшись, он увидел цепочку следов, оставленных ими. Куликов тоже глянул туда и усмехнулся:

— Полтора землекопа.

— Что?

— Ну, школу помнишь? Сколько потребуется землекопов, чтобы за такое-то время выкопать такую-то траншею... Если неправильно составишь уравнение, в ответе получается полтора землекопа. Даже мультик был такой. Так и у нас — три ноги.

«Бредит, — подумал Макс. — Совсем плох. Дотянул бы до посольства хотя бы».

Впрочем, у них действительно было три ноги на двоих. Ступню Куликову оторвало неделю назад, когда они наткнулись на минное поле. Самое обидное, что заминированный участок был обозначен на карте, которую они прихватили с собой перед побегом. Но в джунглях оба ориентировались неважно, и прозевали опасность.

Крови он потерял не так и много, Макс быстро наложил жгут. Но рана чуть ли не сразу начала гноиться — в этих краях все гниет быстро. И теперь Куликов был совсем плох. Часто терял сознание, и тогда его приходилось нести на себе. А прошлой ночью его стала бить лихорадка. Даже сквозь мокрую одежду чувствовалось, каким жаром дышала его кожа. Он начинал бредить, стонать и задыхаться. Потом вдруг температура спадала, и Куликов снова отключался, даже почти не дышал.

— Иди, не теряй время.

— Пойдем вместе. Мало ли что.

— Нет, одному тебе будет легче.

— Нельзя разбиваться, — сказал Макс, присев на песок рядом с ним. — Сейчас отдышимся, и почапаем себе потихоньку. На трех ногах, как полтора землекопа.

— Я старший, — твердо сказал Куликов. — Я приказываю. Выдвинуться в населенный пункт. И вернуться с плавсредствами. Выполняйте.

— Иди ты в жопу. Тут я старший.

— Это почему?

— У меня ног больше.

Куликов не засмеялся, и Макс пожалел о неудачной шутке.

— Сука ты, — сказал Куликов, наконец. — Хохол упертый. Отвяжись ты от меня, а? Дай подохнуть спокойно, а?

«Скорей бы найти лодку», — подумал Макс.

Он прислушался. Над водой разносился звук мотора. Но это было не ровное гудение катера. Так мог шуметь, например, грузовик, пробирающийся по песку.

«Значит, поселок близко», — решил Макс и пошел на звук, надеясь скоро обнаружить дорогу.

Однако ему не пришлось никуда идти. Из зарослей вдруг вывалился внедорожник-пикап. Рыча и завывая, он подмял под себя кусты и свернул на песок. Густо покрытая желтой грязью «тойота» остановилась у самой воды. Из открытого окна на Макса смотрела женщина.

«Напугалась тетка, — подумал он. — Увидела двух бродяг. Заросшие, грязные, один под деревом валяется, как пьяный. Сейчас даст задний ход и умчится. Даже спросить ничего не успею».

Он помахал ей шляпой:

— Сеньора! Не подскажите, в какой стороне поселок?
— Мы как раз туда едем, — сказала она. — Вас подвезти?
— Не стоит, я не спешу. Только покажите дорогу.

«Вот бы захватить машину, — подумал он. — Да что толку? Пока доберешься до Кальенте, сто раз остановят. Ни документов, ни денег. А бензин где брать? Нет, Куликов все верно рассчитал. Обойдемся лодкой».

В «тойоте» послышались детские голоса, и женщина, обернувшись, строго произнесла:
— Тише! Как вы себя ведете! Сеньор подумает, что попал к дикарям!

«Да там целый детский сад», — подумал Макс, разглядев в салоне множество детских мордашек.

— Вы иностранец? — неожиданно спросила женщина.

— Турист, — сказал он, отметив про себя, что сама она была, видимо, не местной, потому что говорила по-испански хотя и чисто, но медленнее, чем коренные жители.

Мотор взревел, и «тойота» подъехала ближе.

Женщина сказала:

— Полежайте в кузов. Помогать туристам — моя работа. — Она перевела взгляд за спину Макс, туда, где под пальмой остался сидеть Куликов. И добавила: — Если вам нужна помощь, вы получите ее бесплатно. Не беспокойтесь.

Макс решил не отказываться. Он только боялся, что Куликов начнет спорить, но тот снова отключился, и вместе с женщиной они перенесли его в кузов пикапа.

Женщина привезла их к дому, стоящему на краю поселка. Дети гурьбой высыпали из машины и умчались. Куликова занесли в комнату и уложили на диван. Он тяжело дышал и дрожал в лихорадке.

«Не дотянет», — подумал Макс обреченно.

— Вашему товарищу нужен врач, — сказала женщина. — Я привезу его. Вы можете остановиться здесь. Наверно, вам нужен телефон?

— Я могу сначала где-нибудь помыться? — спросил Макс.

Она отвела его за дом, где стояла душевая кабинка под навесом из пальмовых листьев.

— Кажется, вы долго шли по лесу, — сказала она. — Заблудились? Отстали от группы?

— Сеньора, простите. Но я не могу разговаривать с дамой, когда от меня пахнет трехдневным потом.

Он задернул за собой пластиковую шторку.

— Я повешу полотенце вот здесь, на дереве, — сказала женщина. — Минут через двадцать вернусь с врачом.

— Подождите, не уезжайте! — Он встал под холодную струю. — Ему не нужен врач. У вас есть дома аптечка? Конечно, есть. Приготовьте бинты и какие-нибудь антисептики. А я буду готов через две минуты.

— Хорошо. Вот вам еще майка и шорты.

Помывшись, он ощутил прилив сил. И страшный голод. Последние несколько дней они питались только галетами. Если сердобольная сеньора будет настаивать, чтобы они у нее пообедали, отказаться будет трудно...

Он надел чистое и вошел в дом.

Женщина сидела на полу рядом с диваном, обхватив голову руками. Ее лицо блестело от слез.

— Он... Ваш друг...

— Нет, он не умер. Это такая болезнь, — спокойно сказал Макс. — Он уже не раз меня так пугал. Становится холодным, и пульс не прощупывается. Потом оживает. Вы нашли аптечку? Нам понадобится нашатырный спирт.

— Сейчас, сейчас...

Она торопливо кинулась в соседнюю комнату, и там захлопала дверцами шкафчиков, загрохотала ящиками в столе. А Макс присел над телом товарища и приподнял веко, проверяя зрачок.

— Ты это нарочно, — сказал он. — Подумаешь. Я тоже умею останавливать сердце. Значит, так? Слинял, значит? А мне теперь за двоих отдуваться? А сколько мне бумаг из-за тебя написать придется. Об этом ты подумал? А еще товарищ...

— Вот! — она вбежала в комнату и подала ему пластиковую коробку с пузырьками и пачками таблеток.

— Знаете, лучше все-таки вызвать врача, — сказал Макс. — Вы обернетесь за двадцать минут?

— Да, если он дома... Здесь ни у кого нет телефонов, я даже не могу ему позвонить. Не волнуйтесь, я быстро!

«Двадцать минут? — Макс глянул в окно. Дорога терялась за деревьями, сворачивая к реке. С другой стороны сплошной зеленой стеной к дому подступали джунгли. — За двадцать минут я смогу углубиться не дальше чем на километр. Должно хватить. Места тут глухие. Интересно, есть у нее в хозяйстве лопата? Ишь, размечтался. Лопату ему подавай. Может, тебе еще бригаду землекопов?»

Заревел двигатель «тойоты», вылетающей со двора.

Макс привычно взвалил Куликова на плечи и вышел из дома, вышел осторожно, боком, стараясь не задеть ничего свисающими мертвыми руками.

— Ну, пошли, — сказал он, направляясь к лесу. — Эх, ты, полтора землекопа...

Глава 1. Письмо с экватора

После рождественских праздников Вадим Гранцов принимал у себя в бане высокое начальство, генерала Митрофанова, или просто Деда. Как обычно, Дед приехал не с пустыми руками.

— Пляши, Гранцов, — сказал генерал, — письмо тебе. Не простое, а золотое. С прошлого года лежит, а ты ноль внимания. Хорошо, что комендантша сообразила припрятать у себя, а то ведь филателисты не дремлют.

— Виноват, — согласился Вадим, разглядывая толстый пакет с диковинными марками. — Я уж забыл, когда был у себя на Садовой.

Зимой Вадима Гранцова трудно было застать по месту прописки, потому что он целыми неделями пропадал в лесу. В город удавалось выбираться только по выходным, и он почти никогда не заглядывал к себе в офицерское общежитие, а напрямик летел на Лиговку, где жила жена, проводил с ней эти сорок восемь драгоценных часов, и в понедельник снова возвращался на базу.

Неприметные одноэтажные строения на берегу лесного озера, огороженные высоким забором и двумя периметрами колючей проволоки, по-прежнему именовались Базой, несмотря на то, что за последние годы предназначение этой базы несколько раз менялось.

Построенная еще при Гречко и Ивашутине ¹, база унаследовала размах и основательность, свойственные поколению фронтовиков. Специалисты радиоперехвата и пеленгации располагались в добротных казармах, работали на благоустроенных постах и отдыхали в превосходной русской бане. А система защитных сооружений с командным бункером и подземными ходами сообщения позволяла надеяться, что гарнизон базы выдержит многодневную осаду.

В годы перестройки и ликвидации ее последствий этот объект отчасти утратил свое оборонное значение. В качестве базы отдыха его сдавали в аренду то какому-то совместному предприятию, то институту с загадочным названием. Кончилось тем, что арендаторы подверглись вооруженному нападению конкурентов, и малочисленному гарнизону базы пришлось вмешаться в бандитскую разборку. Эти события привлекли внимание не только военной прокуратуры, но и нового руководства армии.

¹ Гречко А.А. — министр обороны СССР (1967–1976), Ивашутин П.И. — начальник ГРУ ГШ (1963–1987)

База вернулась под небогатое, но надежное покровительство Шестого Управления ², и ее чуткие антенны снова принялись фильтровать эфир, а в казармах и классах появились прилежные курсанты специального учебного отряда.

Вадим Гранцов застал не лучшие времена на базе. Несколько лет проработал он здесь банщиком, попутно выполняя обязанности егеря, сторожа, плотника и водителя. Генерал Митрофанов был крайне удивлен, когда принимал дела и увидел его фамилию в списке вольнонаемных работников. Дед знал много Гранцова, капитана, который командовал ротой в Афганистане. А позже, в первую чеченскую, ему довелось подписывать и представление к ордену на майора Гранцова. И вдруг — какой-то вольнонаемный?

Они встретились, поговорили о прошлом, поспорили о настоящем и погрузились о будущем. Гранцов категорически отказался восстанавливаться в армии, но согласился на должность преподавателя в учебном отряде, выторговав себе право распоряжаться баней и охотой.

Вадим еще раз осмотрел фирменный пакет с ярким логотипом и отложил его, не вскрывая.

— Ты не хочешь посмотреть, что там внутри? — спросил Дед.

— Успею еще. Пойду полынью почищу.

— Полынья никуда не денется, — сказал генерал, неторопливо закутываясь в простыню. — Давай так. Я — в парилку, а ты читай. Через полчаса доложишь свои соображения. Судя по маркам, очень интересное письмо.

В конверте оказался рекламный проспект туристической компании «Глобо Туризм». Перелистывая глянцевые страницы, Гранцов обнаружил розовый листок с приглашением. Уважаемого Вадима Андреевича, участника программы «Феникс», настойчиво зазывали посетить наиновейший и наизытнейший курорт Латинской Америки. Ему предлагали комфортабельные номера в самых современных отелях. Его ждал пляж с белоснежным песком, специально привезенным с Багамских островов. Полная изоляция от городской суеты. Экскурсии на спецавтобусах с телохранителями и персональными гидами. Участок океана, огороженный сеткой до самого горизонта. И в этом раю В. А. Гранцов будет всего лишь отдыхать между главными мероприятиями, каковыми являются: рейд по заповедной сельве, ритуалы в древних храмах инков и участие в карнавале самбы. Перелет за океан и проживание — за счет программы «Феникс». Все подробности можно будет узнать в петербургском филиале компании по такому-то адресу, где Вадима Андреевича ждут ежедневно с 17:00 до 21:00. Дата вылета из аэропорта «Пулково» — февраль, 28.

Гранцов вооружился черпаком и пешней и вышел из баньки на лед озера, чтобы расчистить полынью, которая была прорублена как раз под желобом, ведущим из парилки в озеро. Вычерпывая полупрозрачные осколки льда, он думал о том, как сейчас, должно быть, жарко в заповедной сельве. Не говоря уже о карнавале самбы...

Заскрипел люк, из парилки вырвался клубами раскаленный пар, и генерал Митрофанов с душераздирающим воплем пронесся по ледяному желобу в полынью. Гранцов подал ему руку, помогая выбраться на лед, и накинул на малиновые плечи солдатский ватник.

— Докладывай! — прокричал Дед, семеня босиком по натопанной ледяной тропке.

— Что за спешка, — удивился Гранцов. — Дайте хоть чаем напоить.

— Какой чай, какой чай? — генерал остановился, тяжело дыша и окутываясь паром. — Тут вопрос государственной безопасности, а ты с каким-то чаем пристаешь! Не осознал, майор! Пора тебя вводить, я вижу!

Он все-таки позволил усадить себя за стол с самоваром и принял из рук Вадима огромную чашку с гербом СССР. Отхлебывая чай и хрустя сухариками, Дед начал вводить Гранцова в курс дела.

Этот фирменный конверт достался генералу после хорошей перебранки с начальством.

² управление радиоразведки ГРУ ГШ

Получив его в общежитии, Дед сразу заметил что-то неладное. Наверно, если бы он в свое время не защитил диссертацию по теме «Методы и средства наружного наблюдения», ему было бы сложнее и обнаружить слежку, и оторваться от нее. По некоторым признакам генерал смог определить и то, что слежку за ним организовали чекисты, а не угрозыск или, скажем, налоговики. Поэтому, вместо того, чтобы мирно праздновать Рождество в кругу семьи, Митрофанов вернулся в штаб и доложил о замеченном наблюдении. Наутро его пригласили на «нейтральную территорию», где и состоялась встреча с чекистами. Подробности разговора об этом письме с экватора он не стал сообщать Гранцову, а рассказал только суть. То есть ту часть, которая касалась непосредственно адресата.

— У «соседей» есть свой интерес к этой фирме, — сказал Дед. — А у нас, возможно, тоже на нее кое-что имеется. Они бы хотели сами все проверить. Проследить за тобой, вскрыть твои порочные связи и вывести на чистую воду. А мы им эти планы сорвали. Так что теперь ты не фигурант, а участник совместной операции. Подчеркиваю, совместной. Имей это в виду, когда будешь разговаривать с ребятами из Большого Дома.

— Мне нечего вам сказать, — пожал плечами Вадим. — Тем более — им. Могу проспект подарить, если требуется для дела. Никакой программы «Феникс» я не знаю. Что такое «Глобо» — понятия не имею. Нет у меня никаких зацепок к этой фирме.

— У тебя нет. А у фирмы к тебе, наверно, есть. Они абы кого не приглашают.

— Может, меня спутали с кем-нибудь, — предположил Гранцов. — А может, это рекламный трюк. Вход бесплатный, а выход предложат оплатить по полной программе. Знаем мы таких трюкачей.

Генерал, отдуваясь, отставил чашку и вытер взмокший лоб.

— Спутали или нет, а воспользоваться такой оказией сам Бог велел. Человек ты проверенный, я за тебя с чистой совестью поручился. Полетишь, осмотришься, вернешься и доложишь. На случай рекламной ловушки мы тебя подстрахуем. Есть финансовая возможность. Как я понимаю, тебе еще с супругой согласовать придется. И в этом вопросе прикроем. Конечно, на фестиваль самбы ни одна нормальная жена мужика не отпустит. Официально тебя отправим, скажем, на Кубу, по обмену опытом.

— Регина знает, что такое Куба.

— Тогда — в Караганду. На переподготовку. Вернешься загорелый, свеженький. Она еще благодарить будет.

— Дед, стоп, — Гранцов поднял ладонь. — Какая Караганда? У меня сорок человек одних курсантов. Зачеты пятнадцатого числа. Двадцать Третье отмечать надо, поляну накрывать по полной, гости из Генштаба намечаются. Дел — море. Какая Караганда? И вообще, Регина беременная, как я уеду?

— Не вижу проблемы, — ответил генерал. — Мы же не ее посылаем, а тебя. Ты, вроде, не беременный?

— Уже не знаю, — сердито буркнул Гранцов.

Генерал расхохотался и встал из-за стола.

— Веники заждались, — объявил он. — Пойдем погреемся, да потолкуем в тепле. Введу тебя в историю вопроса.

Гранцов понял, что ему уже не отвертеться. Если чекисты проявили к нему интерес и допустили, чтобы он об этом узнал, значит, все решено. Он уже принят в команду, и больше того — уже утвержден план его действий.

И если командир излагает историю вопроса в такой обстановке, значит, вопрос придется не обсуждать, а решать.

А вопрос был непростой. По множеству косвенных данных, перечисленных генералом, безобидная туристическая компания была причастна к таким интересным явлениям, как контрабанда, наркотики, нелегальная миграция, переброска краденых автомобилей.

— Ты следишь за ходом мысли? — спросил Дед, переворачиваясь на другой бок.

— Слежу, слежу, — заверил его Гранцов и припечатал горячие веники к худым ребрам, не соответствующим высокому генеральскому чину. — Следить слежу, но мысли не вижу.

Ну, кокаин. Ну, ворованные «мерседесы». Мы-то здесь с какого боку? Особенно я?

— Слушай дальше. Однажды человек из «Глобо» засветился в скандале с незаконными поставками оружия. Российского оружия. Которое, по всем документам, спокойно ржавело на базах хранения военной техники.

— Уже теплее.

— Тебе теплее? — генерал сердито глянул на Гранцова. — Ну да, ты же теперь штатский. А у нас в Генштабе такую баню всем устроили. До сих пор отдышаться не можем. Естественно, теперь при каждом удобном случае нас будут мордой тыкать, что прозевали целый канал незаконных поставок. А теперь представь, как всем нам будет приятно, если мы своими силами перекроем этот канал! Подчеркиваю, своими силами. Без лишнего шума. Никаких согласований и разрешений. В конце концов, это чисто наше внутреннее дело.

— Чисто наше, — согласился Гранцов.

— Да уже не совсем чисто, — сердито добавил генерал. — По этому каналу уже кто только не работает. И МИД, и СВР, чуть ли не Интерпол.

— Ну, и что «соседи» сделали в этом направлении? — спросил Вадим, стараясь изобразить лишь вежливый интерес.

— Ты же знаешь их методы, — Дед снисходительно вздохнул. — Отправили людей под видом туристов, чтобы пощупать Глобо в его берлоге.

— Результат?

— Ноль. Путевки-то не продаются на каждом углу. В России представительства Глобо действуют без рекламы, почти тайком. Обслуживают только избранных. Нужных политиков, журналистов, юристов. У «конторы» был подход к ленинградскому филиалу. Раздобыли пару путевок. А вот потом началась хренотень... Наши «туристы в штатском» вышли на связь в аэропорту прибытия. Доложились, что доехали, что грузятся в фирменный «глобовский» автобус. И все. Больше никаких сведений. То есть, это от них никаких сведений. Зато море побочной информации от полиции и из газет. В отеле они весь первый день провели в казино, где проиграли крупную сумму. Парковщик видел, как оба покинули охраняемую территорию. Горничная слышала, что они собирались в ночной клуб. Эмигрантская газетенка описала, как они ломились в ворота американского посольства. Проверить эти сказки нельзя, да и незачем. Пропали ребята. Резидентура до сих пор работает, расследование продолжается, но и без него все ясно.

— Могла быть утечка?

— Конечно, могла. Какая разница? Ребят-то не вернешь.

— Давно это было? — спросил Гранцов.

— Ровно год назад.

— Давно...

— Теперь ты понимаешь, как Большой Дом относится к конвертам с такой символикой? — спросил генерал Митрофанов.

— Я-то понимаю, — сказал Гранцов. — Главное, чтобы Регина все правильно поняла.

Семейная жизнь трудна сама по себе, и Вадим Гранцов старался не осложнять ее еще больше. Поэтому он взял себе за правило никогда не врать жене. Это не значило, что он ничего не скрывал от Регины. Слишком много было такого, что легче скрыть, чем объяснить без вранья.

В субботу он долго выгуливал ее по заснеженному Таврическому саду, потом они зашли в ее любимую кофейню на Шпалерной и там, после эклера и маленького «капучино», Гранцов решился сказать:

— Генерал просит меня слетать в командировку. В конце февраля. Примерно на неделю.

Регина вытерла свои тонкие пальцы салфеткой и принялась складывать ее — пополам, еще пополам, и еще, и каждый сгиб тщательно проглаживала ногтем...

— Ты справишься одна? — спросил он, так и не дождавшись ее слов.

— А ты?
— Опять отвечаешь вопросом на вопрос.
— У тебя научилась, — она расправила салфетку так, что получился журавлик. — Конечно, ты не мог отказать генералу. Приказ есть приказ.

Журавлик отправился в пепельницу.

«Как я мог отказать старику, если он уже присматривает на своем кителе место для ордена за операцию? — подумал Гранцов. — Кто бы на моем месте отказался участвовать в поиске пропавших ребят? Все это очень просто и понятно любому из нас. Но как растолковать это Регине?»

— Дело не в том, что он генерал, — сказал Вадим. — Я-то знал его еще подполковником. Он командовал бригадой, а я был просто ротный, но он даже тогда ничего не приказывал. Дед просто говорил, что перед нами стоит такая-то задача. А дальше мы уже сами соображали, как эту задачу решать, и кто этим займется.

— А почему он «Дед»?

— Один из его позывных. На связи он обычно был «девятый», сокращенно — «дед». Так и пошло.

— У тебя тоже была кличка?

— Сто четвертый, или «черный», или «чижик». По-разному называли, лишь бы на букву «ч». Иногда звали «Чапаевым».

Регина открыла зеркальце и, критически улыбаясь, посмотрелась в него.

— Уже пигментация лезет. Скоро буду совсем страшной.

— Я не замечаю.

— Вернешься — не узнаешь меня. Испугаешься и убежишь.

— Не надейся.

— Ты можешь мне сказать, куда тебя посылают? Не на войну?

— Нет. Наоборот.

— А направление?

— Карибский бассейн.

— Значит, Куба. Значит, «компаньерос»³ в мини-юбках. Ром, сигары, гамак, москиты, лихорадка...

Первый муж Регины, специалист по охране портовых сооружений, успел послужить и на Кубе, и в Никарагуа, поэтому она была знакома со спецификой региона. Регина до сих пор была уверена, что именно кубинская малярия в конце концов свела мужа в могилу.

— Нет, не Куба, — отрезал Гранцов. — И никакой лихорадки, никаких москитов. Деловая поездка в очень приличной компании.

— Все равно тебе надо будет перед поездкой походить в солярий, — озабоченно сказала Регина. — Я серьезно. И прививки сделать, пока время есть. Надо список составить. А что ты наденешь? У тебя же нет ничего летнего!

— Куплю на месте, — отмахнулся Гранцов. — Не забивай голову пустяками.

Получив, таким образом, благословение жены, Вадим Гранцов с чистой совестью отправился в офис турфирмы.

Его встретили с благоговейным почтением, провели в отдельный кабинет и оставили одного, разложив перед ним на столе целый ворох различных бумаг, которые предстояло заполнить, изучить и подписать. Две анкеты типа кадровых, три договора... Гранцов не торопился подписывать, внимательно вчитываясь в заковыристые тексты. И вдруг он заметил в стопке несколько листов лимонного цвета. На такой бумаге печатал свои документы Институт Духовного Возрождения, который когда-то брал базу в аренду. Когда-то? Это было прошлым летом, а уже кажется, что давным-давно...

Со странным чувством перечитал он заполненную институтскую анкету из тысячи

³ «компаньерос» — товарищи (исп.)

вопросов. Ее заполнил кто-то другой, и Гранцову оставалось только поставить свою подпись на каждом листе. «Вы предпочитаете читать детективы, а не любовные романы? Вы громко смеетесь во время просмотра комедий? Вы наблюдали НЛО?» Тот, кто взял на себя труд отвечать за Гранцова, знал правильные ответы. Иногда его мнение не совпадало с мнением Вадима, но зато оно было *правильным*. После обработки правильных ответов получался психологический портрет правильной личности, вполне достойной поездки на карнавал самбы за счет Института. Впрочем, Гранцов спокойно подписался под каждым листом, потому что на два главных вопроса анкета ответила так, как надо.

Вопрос 440: «Вы связаны с органами разведки (контрразведки) в настоящем или в прошлом?». Ответ — НЕТ.

Вопрос 530: «Вы служили в организациях с высокой секретностью?». Ответ — НЕТ.

На такой же лимонной бумаге был напечатан «Акт приемки выполненных работ» от июня, 30, прошлого года, откуда следовало, что Гранцов В. А. оказал Институту просто-таки неоценимые информационные услуги, за что Институт обязуется предоставить полный комплекс оздоровительных и восстановительных мероприятий.

Картина понемногу прояснялась.

Первое. Видимо, компания «Глобо Торизмо» была партнером Института.

Второе. Что касается «восстановительных мероприятий», то необходимость в них возникла как раз после оказания «информационных» услуг. Когда выездная сессия Института в полном составе оказалась в заложниках, Гранцов В. А. был вынужден ввязаться и получил две пули — первая застряла в груди, а вторая прошла легкое. Сгоряча его даже положили в окружной госпиталь, из которого он успешно бежал, потому что скучал без Регины.

Третье. Один из руководителей Института, американец, в самый разгар боя с бандитами пообещал Гранцову заплатить целых пятьсот долларов, если тот спасет его драгоценную шкуру. И не заплатил, потому что Институт после таких событий куда-то исчез. Но, наверно, американцам свойственно дорожить словом. И, наверно, те самые пять сотен превратились в заокеанское турне.

Все «лимонные» документы были подписаны представителем Института, которого звали О. Гарсиа. Гранцов не знал имени своего должника, потому что среди институтских было принято называть друг друга только по номерам, или «статусам». Американца называли Вторым. «Вот и познакомились», подумал Вадим.

Он переписал к себе в блокнот телефон этого Гарсиа и адрес: Сан-Деменцио, вилла Октавия. Надо будет встретиться. Или хотя бы позвонить. Хотя, скорее всего, американец сам устроит их встречу, раз уж он смог организовать эту поездку.

Генерал Митрофанов остался доволен отчетом о проделанной работе, и скоро на базу к Вадиму Гранцову прибыли двое специалистов по тропическим болезням. Они рассказали ему, какие прививки необходимо сделать перед отлетом. Потом, как водится, попарились в баньке и за чашкой чая поговорили о предстоящей поездке. Им очень хотелось, чтобы Вадим проникся серьезностью момента. А Дед, наоборот, всячески старался настроить Гранцова на отдых и восстановление подорванного здоровья.

— Мы тебя отправляем отдыхать, вот и выполняй задание, — повторял он. — Твое дело — слетать, посмотреть, вернуться и доложить. Только и всего.

— Да-да, — в один голос подхватывали специалисты. — Ведите себя органично, развлекайтесь и путешествуйте. Даже фотографировать старайтесь поменьше. Просто запоминайте важные детали. Особенно все, что касается аэродрома в Сан-Деменцио. Может быть, человек, который вас вызвал, захочет с вами что-то передать. Наверно, не стоит принимать от него никаких бумаг, дискет и прочих носителей. Пусть все передаст на словах.

— Самое надежное средство связи — пеший посыльный, — улыбался в ответ Гранцов. — Что-то мы слишком долго рассуждаем, товарищи. Шли бы вы в баню!

Один из чекистов оказался виртуозом по части веников, и даже поделился с Вадимом

своей методикой фитотерапии. Он специально привез с собой льняной мешок с сухим разноцветом. Рассыпав ломкие стебли и листву прямо на верхнем полке, он заставил Гранцова улечься там на пять минут.

— Ну как, есть эффект?

— Словно в копне сена переночевал, — с наслаждением потянувшись, воскликнул Вадим. — Надо будет прихватить такую торбочку с собой. Рассыплю на пляже... Аттракцион «Русский дух».

Он и сам был бы рад поверить в то, что ему удастся без забот поваляться на багамском песочке недельку-другую. Но все, что рассказали чекисты, настраивало его на иной лад.

История эта началась давно, лет семь назад, когда государство, торжественно провозгласив свободу совести, широко распахнуло двери для предприимчивых «пастырей» да «гуру». Народ, изголодавшийся по духовным деликатесам, валом валил на бесплатные представления магов, целителей и прочую эзотерику. Секты и секточки, культы и культики, «церкви», «движения» и «всемирные эзотерические центры» расползались по стране, как сыпь ветрянки.

Вот тогда-то у ребят с Лубянки, ведавших учетом новых религиозных организаций, и начали дико чесаться затылочные доли мозга. Простая арифметика показывала, что в некоторые московские секты уходило больше народа, чем могло в них поместиться. И это не считая приезжих, не поддающихся учету. Если бы у сектантов имелись свои колбасные заводи, вопросов бы не возникало. Но в том-то и дело, что люди исчезали без следа. Никто их, конечно, особенно и не искал, кроме наиболее обеспокоенных родственников. Да и то лишь по поводу утраченной жилплощади.

Но однажды среди сектантов был замечен один засекреченный инженер, технолог по взрывчатке. Он и раньше тревожил близких своими разговорами об астрале и Непале. По роду занятий заграница была ему противопоказана, так что Непал мог ему только сниться.

И вдруг он побрил голову и перестал ходить на работу (правда, работы как раз и не было, и не уволившиеся работники НИИ чинили утюги и решали на компьютере кроссворды). Потом его видели на собраниях одной из сект. А потом он исчез. И все бы ничего, но спустя какое-то время в далекой-далекой банановой стране партизаны подложили мину необычайной силы. Сигаретная пачка, подброшенная в окно проезжающего полицейского автобуса, превратила автобус в мясорубку — отовсюду торчал фарш. Эксперты были в шоке, потому что не смогли установить происхождение взрывчатки. Они могли твердо сказать, что это был не чешский пластит, не российский гексоген и вообще непонятно что. Все компоненты оказались сугубо местного происхождения, кроме стандартного взрывателя от гранаты. Следовательно, противники режима овладели в своих лесных лабораториях какой-то новой технологией. Когда несколько подобных сообщений накопились у московских аналитиков, тогда и вспомнили об инженере и о легенде, которая уже давно ходила среди сектантов.

Где-то на границе Парагвая и Уругвая строится город, называется Сан-Антонио. Жить в этом городе будут только Просветленные и Очищенные. Но строить его могут и не просветленные и даже неочищенные. И попадают туда только две категории сектантов. Самые лучшие и самые плохие. Если ты достиг самых высоких ступеней, ты в Сан-Антонио будешь жить. Если ты неудачник, если ты хуже всех — ты будешь его строить. И этим, может быть, поправишь свое положение.

Аналитики сначала рассматривали эту легенду как иносказательное обоснование сектантской любви к иерархии. Но тут как раз в этом регионе начали рваться мины с подозрительной мощностью, а бритоголового инженера никак не могли отыскать. Перетряхнули все «центры», «дома», «приюты» и «храмы» — нет и нет. Разве только в астрал никого не засылали...

Неожиданный подарок был получен от украинских коллег. Москвичи вовремя предупредили их о визите в Крым очень интересных субъектов, и киевляне в ответ навели лубянских на хуторок в степи, где поселилась какая-то религиозная община, и где был

оборудован классический концлагерь. Несколько бывших коровников стали бараками. Луковые плантации. На работу общинники ходили строем. Обратно с полей их увозили в тракторных прицепах — наверно, сил не оставалось. Туда регулярно подвозили единоверцев из стран СНГ. Пару раз навевывались представители властей. Их встречали хлебом-солью. Никаких жалоб, даже наоборот. Фольклорный коллектив исполнял песни и пляски народов Латинской Америки. Усталые и довольные, чиновники возвращались в тенистые города и рапортовали о проведенной проверке. Единственную неувязочку местные чекисты подарили москалям — народ на хуторок все прибывал да прибывал, а новые коровники не строились. Зато в шести километрах от хуторка, за пересыхающей речкой находился военный аэродром, где иногда садился Ил-76 какой-то непонятной авиакомпания, и к нему ночами сновали сектантские трактора с крытыми прицепами.

На Лубянке сразу возникли ассоциации с «илом», который фигурировал в скандале с незаконными поставками вооружений как раз в Латинскую Америку. Он тоже принадлежал непонятно кому, и вез российские минометы под видом нефтяной арматуры. Его задержали в Африке по пути из Болгарии в Эквадор. Россия громогласно отбрыкнулась от нелепых обвинений, потому что всегда была добросовестным партнером не Эквадора, а Перу, с которым именно Эквадор в то время конфликтовал из-за спорных участков границы.

— Ты, Гранцов, особо-то голову не забивай, — вмешался генерал Митрофанов. — Беглые ученые, пропавшие сектанты и международные конфликты тебя пускай не тревожат.

— Да Гондурас меня не беспокоит, — отшутился Вадим, однако все же добавил: — А вот на «семьдесят шестой» очень хотелось бы взглянуть.

— Мне тоже хотелось бы, — сказал Дед. — Причем хотелось бы видеть его не в полете, а на земле.

— В Домодедово, что ли?

— Да все равно. Только не в полете. От его полетов у меня давление портится.

— Не только у вас, — сказал чекист-фитотерапевт. — И не только давление.

Когда началась чеченская кампания, история с пропавшим ученым и загадочным «илом» получила неожиданное развитие и дополнилась «делом экспедитора». Обживая освобожденный грозненский аэродром, в развалинах, под дверью с табличкой «экспедиторы», солдаты нашли тело славянской наружности в натовском камуфляже. Камуфляж бойцы поделили между собой, а папку с документами передали в особый отдел. Так на Лубянке появились бумаги примерно следующего содержания.

Бумага номер один. Ксерокопия какого-то мандата на нескольких языках. *«Защитный сектор Малой Семьи Ц.Е.П. направляет своего представителя, Рональда Старка, для координации действий Ц.Е.П. и Министерства Обороны Республики Ичкерия. Рональд Старк уполномочен вести переговоры о закупках любой техники и оборудования, подписывать любые совместные документы от имени Ц.Е.П. и распоряжаться имуществом Ц.Е.П., находящемся во временном хранении Министерства Обороны Республики Ичкерия».*

Второй листок был украшен гербами и печатями. Письмо. Я, посол, допустим, Гонделупии в Скобаристане, уполномочен своим правительством обратиться за содействием к Рональду Старку, каковой должен закупить у правительства Скобаристана определенное количество товаров военного назначения, список которых прилагается. Мамой клянусь, что оружие предназначено исключительно для сил охраны общественного порядка республики Гонделупии и не может быть ни передано, ни продано третьей стороне. Подпись и посольская печать.

— Конечно, и подпись и печать были поддельными, — сказал чекист-фитотерапевт. — Если бы этот экспедитор сунулся с липовым сертификатом конечного пользователя в Росвооружение или на завод Дегтярева, мы бы его не упустили. Но эти жучки снуют по разным посредническим конторам. А те умеют закрывать глаза на мелкие погрешности, когда можно крупно заработать.

— А что такое ЦЕП? — спросил Гранцов.

— А на это у нас есть бумага номер три. Мы ее из собственных архивов выудили. Это обычное свидетельство о регистрации в России некоммерческого общественного объединения «Церковь Единого Принципа», в дальнейшем именуемого Ц.Е.П.

— Так вот, теперь самое главное, — генерал сел на полке, поправляя свою туркестанскую панаму, сползавшую с лысины на нос. — Два самых главных момента. Эта самая Ц.Е.П. имеет свои акции в Глобо Торизмо — раз. И Рональд Старк, он же Роман Старицын, он же «брат Олег», является директором русской дирекции Глобо Торизмо — два.

— Является? Так он жив? — удивился Гранцов. — А я так понял, что это его славянское тело нашли на Ханкале.

— Там был посредник. Старк слишком важная шишка, чтобы светиться в горячих точках.

— Что мне делать, если я его встречу? — спросил Гранцов. — Доставить живым? Или можно не надрывать, привезти только голову?

Специалисты так растерянно переглянулись, что Дед расхохотался и повалился обратно на полку.

— Извините, пошутил, — развел руками Вадим Гранцов.

Глава 2. Пиво, виски и океан под ногами

Его попутчики сгрудились около входа в беспешинный магазинчик, дожидаясь окончания технического перерыва. Гранцову было непонятно и неприятно их нетерпеливое возбуждение, и он стоял в сторонке, чувствуя себя так, словно ошибся рейсом.

В те добрые старые времена, когда доллар стоил, кажется, шестьдесят шесть копеек, Вадиму доводилось работать за границей. Обычно он отправлялся в командировку на борту мирного сухогруза, сопровождая сельхозтехнику, в которой так нуждались ливийские феллахи или эфиопские скотоводы, чтобы строить и, в основном, защищать свой социализм с эфиопским лицом. Обратный путь пролегал через международный аэропорт, и Гранцов заглядывал в магазины «такс фри», чтобы купить подарки для жены, тестя и тещи — косметика, виски, сигареты. Его первый брак оказался, мягко говоря, неудачным, и любое напоминание о бывших родственниках вызывало досаду. Наверно, еще и поэтому ему сейчас не больно-то и хотелось в этот храм халявы. Но перелет предстоял слишком длинный, и без виски в нем не обойдешься.

Тем более, что лететь придется не в самой приятной компании. Группа, набранная «Глобо Торизмо», состояла из удивительно похожих друг на друга людей. Цветущие и дорого одетые мужчины и женщины со смехом ворвались в торговый зал, и чуть ли не бегом, наперегонки, кинулись вдоль сверкающих прилавков.

Только один из этой команды задержался у входа и, прежде чем войти, оглянулся на Гранцова и уступил ему дорогу. Черноволосый и скуластый, он вырос, наверно, в тех краях, где принято уважать старших.

— Что за гонки? — усмехнувшись, спросил у него Вадим.

— Абсент выставили, — пояснил тот. — Говорят, большая редкость. Три тысячи в магазине, а здесь — пятьсот. Есть смысл подсуетиться.

Он был моложе своих спутников и одет попроще — зимние кроссовки, джинсы, просторный черный свитер.

— А вы что ж отстали? — спросил Гранцов.

— А я не любитель. Да, честно говоря, я и сам не знаю, что мне тут нужно. Первый раз все-таки. Можете что-нибудь посоветовать?

— Могу, — сказал Гранцов и подумал, что ему уже никогда не избавиться от роли инструктора.

Они запаслись сигарами, бутылкой виски и упаковкой пива. Как только самолет набрал высоту, Вадим предложил своему попутчику, который назвался Маратом, перебраться на

свободные места в самом конце салона.

— Крепкие напитки с пивом лучше не мешать, — осторожно сказал Марат.

— Виски — исключение, — ответил Гранцов. — Наверно, потому что виски и пиво делают из одних и тех же исходных материалов. Вот они и уживаются. А коньяк, водку, вино ни с чем нельзя смешивать. Только с закуской.

В проходе появилась женщина в синем двубортном пиджаке с золотыми пуговицами и белой капитанской фуражке. Пассажиры встретили ее жиденькими аплодисментами.

— Уважаемые господа! — заговорила «капитанша» в микрофон хорошо поставленным дикторским голосом с короткими паузами после каждого двух-трех слов. — Компания «Глобо Торизмо». Сердечно приветствует вас. Программа «Феникс». Призвана возродить связи. Между единомышленниками и единовѣрцами. Мы счастливы видеть. На борту нашего лайнера. Людей, достигших подлинного успеха в жизни. Поднявшихся на вершину карьеры. Добившихся общественного признания. Отдающим все свои силы. Весь свой талант. Делу бескорыстного служения. Свободе, демократии и общечеловеческим ценностям. И мы гордимся тем. Что имеем полное право. Назвать вас. Своими. Другими.

Пассажиры ответили аплодисментами и криками «вау». Гранцову снова показалось, что он ошибся самолетом. Здесь летели все свои, а он был чужим на этой корпоративной вечеринке.

— Наше путешествие. Будет удивительно приятным. Компания «Глобо Торизмо». Подарит вам букет незабываемых воспоминаний. Стоит пересечь океан. Чтобы окунуться. В неповторимую атмосферу праздника. Чтобы еще теснее сплотить. Команду нашей романтической каравеллы. Мы приготовили маленький сюрприз. Внимание на мониторы, пожалуйста!

Экраны над проходом вспыхнули яркими красками, зазвучала бодренькая музыка — классика в обработке джаз-оркестра. И Вадим Гранцов с изумлением увидел свое изображение на фоне старинного особняка.

Несколько пассажиров вежливо похлопали, а капитанша провозгласила:

— Вот кто отправился с нами! Гранцов Вадим Андреевич! Сорок лет, не женат, любит экстремальный туризм и классическую музыку! Представляет Институт Духовной Реабилитации!

Он чуть не выронил бутылку от неожиданности, но, к счастью, картинка на мониторах мгновенно сменилась, и экран заполнила розовощекая физиономия с боксерским вмятым носом.

— Гурьев Влад! Тридцать три года, не женат, коллекционирует нэцкэ, спонсирует молодежный рок-н-ролл! Представляет агентство юридической защиты «Дамокл»!

На этот раз аплодисменты длились гораздо дольше, а над спинками кресел выросла шарообразная спина юридического защитника, который даже помахал ручкой в ответ.

— Данченков Кирилл! Тридцать шесть лет, состоит в свободном браке, обожает кошек и кошечек! Представляет журнал «Желтый Экспресс»!

Когда капитанша познакомила пассажиров с Добкиной Олесей, («бизнес-вумен, дважды шестнадцатилетняя!»), а потом с Ермаковой Жанной, стало ясно, что это они не нарочно подстроили, а просто представление происходит в алфавитном порядке. Гранцов смог, наконец, разлить виски по стаканчикам, и выдал первый тост:

— Ну, со знакомством.

— Секундочку, — попросил Марат. — Интересно, что они про меня скажут.

— Кирсанов Марат! Двадцать восемь лет! Невесту еще не выбрал! Поклонник восточной эротики! Представляет Церковь Единого Принципа!

— Кто им сочинял эту рекламу? — Марат пожал плечами. — Не верьте, Вадим Андреевич, я не такой.

— Я тоже, — кивнул Гранцов, и они бесшумно чокнулись.

Представление продолжалось. Равнодушно глядя на экран, где мелькали журналисты, адвокаты и бизнес-вумены, Вадим Гранцов поймал себя на том, что ждет появления

знакомому лицу. Он бы не удивился, увидев среди попутчиков блондинку с мягкой улыбкой и жестким взглядом. Как ее звали? «Восьмая».

Все происходящее почему-то заставило его вспомнить об Институте Возрождения. Наверно, «капитанша» была чем-то похожа на институтскую предводительницу, которую называли «Первой». И эта капитанская фуражка... Такая же, как на портрете какого-то старика в кабинете директора Института. А кабинет, кстати, был в том самом особняке, на фоне которого смонтировали паспортное фото Гранцова... И голос, этот удивительный голос, который пробирал до спинного мозга, который завораживал, подчинял, парализовал... Таким же голосом говорила «Восьмая»...

Марат осторожно коснулся его локтя, и Гранцов, очнувшись, с благодарностью схватился за протянутую ему бутылку пива, как за спасательный круг.

Наваждение какое-то. «Первая» погибла. Портрет старика в капитанской фуражке исчез из особняка вместе со всем Институтом. Исчезла и «Восьмая», оставив свои свидетельские показания, заверенные по всей форме. Эти показания могли бы сыграть важную роль в суде по делу Института. Но никакого суда не было. Да, пострадали сотни людей, чьи деньги и квартиры были присвоены Институтом. Да, Институт занимался незаконной медицинской практикой, под видом лечения испытывая на наркоманах новые лекарства. Но никто не подал иска. Люди, которые бросили семью и работу и поселились в особняке Института, были уверены, что их ждет возрождение. На допросах они молчали и снисходительно улыбались, свысока поглядывая на следователей. Как утверждают эксперты, потерпевшим понадобится два-три года, чтобы осознать случившееся и вернуться в реальный мир. А за три года об Институте окончательно забудут.

— Вадим Андреевич, разрешите вопрос? — неловко улыбаясь, спросил Кирсанов.

— Ты что? Почему так официально? — удивился Гранцов.

— Да сам не знаю. Вы очень на комбата моего похожи.

— А ты где служил?

— Я по контракту. Чечня, 95–96 245-й мотострелковый. Майор Ключарев, не слыхали?

— Полк знаю, а про командира твоего не слышал. Нет. Так что ты хотел спросить?

— Вы ведь не такой, как они, — Марат показал пивной бутылкой на монитор. — Я никак не могу понять, какие у вас могут быть заслуги перед Глобо.

— А у тебя?

— У меня? Я, вообще-то, последний чемпион Церкви по фатта-до.

— По чему-чему?

— Фатта-до, рукопашный бой по системе Пука.

— А причем тут Глобо? — не понял Гранцов.

— Станный вопрос. Пук — основатель ЦЕП. А ЦЕП владеет всей структурой Глобо. Вот Церковь меня и послала на заслуженный отдых, — Кирсанов говорил со странной улыбкой, глядя в сторону. — Я думал, они забыли про меня. Ведь так давно это было. А оказалось, что после 95-го года внутренние чемпионаты не проводятся. Вот я и стал последним чемпионом. Прислали приглашение. Лишние деньги, наверно, завелись. Прикиньте, один перелет — тысяча двести. Плюс содержание — примерно семьсот за неделю. Вот не думал, что получу такие призовые! А вы что сделали для Структуры?

— Оказал особые услуги, — ответил Гранцов и сменил тему разговора: — Слушай, Марат, ты можешь мне растолковать, что это за «единый принцип» такой?

— Не единый, а Единственный, — поправил Марат. — Не забивайте голову, Вадим Андреевич. Это чисто рекламный трюк. Ловушка для придурков. Вроде меня в юности. Я ведь несколько лет потратил в этой Церкви. Дурак был. А насчет принципа... Тут такая тема... Ну, как бы все религии мира сводятся к одному-единственному принципу. И этот принцип можно узнать после долгого обучения в рядах ЦЕП. И когда человек достигает понимания этого принципа, на него сходит божественное просветление и все такое. Вплоть до бессмертия и управляемой реинкарнации.

— Лихо! — Гранцов рассмеялся. — Управляемой? То есть можешь воплотиться, в кого

пожелаешь?

— Точно. Ну, конечно, там у них все на мощной базе. Научные факты, литература, психологическая обработка. Поначалу-то кажется, что они во всем правы. И они ни с кем не спорят. Признают любую религию, потому что все пророки призывали к одному и тому же. Слова разные, но за ними скрыт тот самый Единственный Принцип. А Магомет, Будда, Христос и Моисей — это великие учителя человечества. И они тоже вели людей к Единственному Принципу. Вот так, вкратце.

Кирсанов перевел дух, вытянул свою сигару из кармана и принялся распечатывать неподатливую целлофановую обертку.

Гранцов заметил, что у парня слегка подрагивают пальцы.

— Потяни за ленточку, — подсказал он. — Как я понимаю, у тебя с этим «цепом» не заладилась любовь?

— Не заладилась.

— А что так?

— Долгая история. Потом как-нибудь расскажу, если захотите послушать. А вы-то сами что скажете? Ну, вот вы помогли Пуку. Оказали особые услуги. А смогли бы войти в ЦЕП? Чтобы объединиться со всем человечеством, могли бы? Дело-то ведь благородное, да?

На губах его змеилась злая усмешка, и Гранцов подумал, что напрасно оговорил себя. Зря признался в особых заслугах перед Пуком. Похоже, что парень был равнодушен и к Преподобному, и к его фирме.

— Отвечу по порядку, — сказал Вадим. — С человечеством я объединился в тот самый момент, когда покинул утробу матери. Объединяться с буддистами и мусульманами я не собираюсь, да и они не очень-то меня зовут в свои мечети и дацаны. И врут те, кто приписывает всем пророкам единое учение. Разному учили пророки, очень разному. Сам посуди. Магомет был процветающим торговцем, успешным политиком, повелителем обширного государства и умер в богатстве, на вершине власти, окруженный кучей детей и жен. Будда сам из царской семьи, прожил тихо и спокойно, и умер в глубокой старости, обжевшись жареной свинины. Как можно их сравнивать с Плотником, который не имел ни дома, ни семьи, и умер мучительной смертью?

— Вы верующий? То есть, христианин? — спросил Марат. — Я почему спрашиваю, у вас лицо такое, можно принять и за кавказца, и за еврея. Извините, конечно.

— Русский я, русский. И крещеный.

— А у меня отец татарин, мама русская. И крестился я в Чечне. То есть уже в Ростове. В госпиталь специально батюшка приезжал и всех крестил, — добавил Марат смущенно. — Только я не могу сказать про себя, что стал христианином. Много непонятного. И слишком много требований. Никаких сил не хватит, чтобы жить по-христиански в этом мире.

— А ты пробовал?

— Да что пробовать? Что я, себя не знаю, что ли? Или не знаю людей? Да вы и сами все знаете, — Марат безнадежно махнул рукой и откусил кончик сигары. — Давайте лучше закурим, Вадим Андреевич. Знаете, я до ранения не пил и не курил. А когда в госпитале лежал, приучился. У меня дыра была в легком. Никак не зарастала. Как только начал курить — мигом затянуло!

— Дыра в легком?

— Пулевое навылет.

— И у меня такая же дырка была, — признался Гранцов. — Сквозное в грудь.

— Ну вот, я же сразу почувствовал, что у нас есть что-то общее, — обрадовался Марат. — А где вас подбили?

— Да случайно получилось, — ответил Вадим. — Но должен сказать, что я как раз после этого дела целый месяц не мог курить. Чисто психологически. Казалось, что дым из спины выходит.

— Быстро вылечили?

— Моментально.

Гранцову не хотелось рассказывать об особенностях своего быстрого исцеления. Дело в том, что в первый же день в госпитале ему вкололи очень дорогое лекарство, но вкололи по ошибке, перепутав с кем-то. В результате через час он оказался в реанимации с удушьем. Клиническая смерть. Встреча с покойниками. Мучительное возвращение к жизни. Регина передала ему иконку Иоанна Кронштадтского, и он держал ее в нагрудном кармане.

Конечно, такое не расскажешь человеку, с которым познакомился пару часов назад. Поэтому Вадим спросил:

— А ты где схлопотал свою пулю?

— Ярышмарды, слышали?

— Да, место известное, — заметил Гранцов. — Раструбили о нем тогда будь здоров.

— Да все не то, — махнул рукой Марат. — Пропаганда одна.

— Можешь рассказать, как оно было-то?

— Могу.

Солдаты охотно рассказывают о войне, но только друг другу. И то, что Кирсанов не заставил себя упрасивать, означало, что парень признал Гранцова за своего.

— Как только из Нижних Атагов колонна вышла, я уже знал, что будет засада, — начал Марат. — На дороге одни женщины и дети, и все идут навстречу. Верная примета. И, по моему, все уже знали, что нас там ждут, в ущелье. А куда денешься? Последний мост прошли, перед ущельем затворы передернули.

«Да, все так и было, — подумал Гранцов. — Так было сотни раз. Знаешь, что тебя уже кто-то держит на мушке, и все равно идешь. Почему бы не послать разведку по флангам? Почему просто не накрыть огнем «зеленку» по краям ущелья? Потому что лень. Потому что командиры пьяны. Потому что уж такая это война»...

А Марат продолжал говорить, задумчиво вертя в руках пустой стакан:

— Прошли Ярышмарды, все тихо. Головной танк с минным тралом уже за поворот зашел. Я ближе к голове ехал, с дембелями на «Урале» с продовольствием. Они на мешках лежали, а я в кабине с земляком. Если б остался в кузове, сгорел бы вместе с парнями... Перед нами «бээмпэшки», а за нами — веселая компания: наливники и «Уралы» с фугасами. Только я подумал, что в случае чего надо держаться поближе к броне, и тут... Смотрим, из-за пригорка башня танка вылетает оторванная. Взрыв. Так рвануло, что даже под «Уралом» дорога дрогнула.

— Там фугас был заложен, — подсказал Гранцов.

— Ага, я так и понял. Сразу второй взрыв, тоже где-то в голове. Третий — между наливниками. Я из кабины вылетаю, кидаюсь на обочину. Огонь был очень плотный. Но я добежал, залег. Оглядываюсь. Ситуация грустная — колонна встала. Один наливник уже горит, из-под других ребята отстреливаются во все стороны, но духов пока не видно, только из кустов летят огни: штук пять РПГ⁴ бьют строго по наливникам. Поджечь хотят.

Командиров не видно и не слышно. Каждый сам за себя бьется.

Смотрю, мимо шагает во весь рост кто-то из наших. Контуженный, головой мотает, ничего не слышит. Я выскочил, повалил, за воротник к себе в яму затянул. Смотрю, а он офицер, капитан. Тут наливники уже взрываться начали. Керосин течет, горит и течет. В голове колонны бьются по-взрослому, оттуда дым черный, все затянуло. У моего контуженного капитана бинокль оказался. Стал я осматриваться, куда бы отступить. Вижу в кустах на той стороне — показались трое бородатых. Выдвинули пулемет на открытое место, нагло так устроились, налаживают. Не удержался, начал по ним бить из АКМ. Потом других высмотрел, гранатометчика с помощниками, ими занялся. Пока воевал, забыл, что хотел отступать. Тут как рванет... Нас чуть из ямы не выбросило. Сначала думал, нас бомбят. А это керосин добрался до грузовиков с фугасами. Нам еще повезло, что все снаряды по одному взрывались. А могли бы и разом сдетонировать.

⁴ РПГ — ручной противотанковый гранатомет

Так мы бились где-то час. Я патроны пожег, пора сваливать в конец, там, вроде, уже все затихло. А в голове так и стреляют. Там разведка в БРДМ отбивалась до упора. Геройские были парни. Если б подмога хотя бы на час раньше пришла, в голове могли еще уцелеть мужики. А так... — он махнул рукой и замолчал.

— Там поблизости стоял 324-й полк, — сказал Гранцов. — Парни мне потом рассказывали, что хотели выдвинуться, когда слышали взрывы. Но им приказали не дергаться.

— Обычное дело, — кивнул Марат.

— Ты так и не сказал, как тебя ранило.

— Глупо. Поднял я своего капитана на плечо, перебежками двигаемся в конец. Там опять стрельба. Мы — в зеленку на пригорок. Вдруг налетает совершенно очумелый народ, и долбят прямо в нас. Попали в грудь. Я же вижу, что наши, ору им. Врубились, подбежали, подобрали нас. Мой контуженный с перепугу мигом пришел в себя. Объясняет им, что надо в голову идти. Я с ними хотел, говорю, дайте магазин, а у меня уже кровь из горла. Тут капитан уже сам меня потащил на себе. Когда шли по дороге, насчитал двадцать восемь горелых трупов. Говорят, там больше полегло. Конечно, больше. Моих-то дембелей никто не считает. А их двадцать человек было в одной машине. Сгорели от одного выстрела. «Шмель»⁵ — и все. Мне повезло, что я из кабины успел вылететь.

Вот и все. Потом госпиталь. Отпуск, войну срочно закончили, и в полк я уже не вернулся. А тот контуженный капитан меня не бросил. Сейчас я у него работаю в конторе. Шеф мой. Вот так оно и бывает, да?

— Я смотрел видеокассеты по Ярышмарды, — сказал Гранцов. — Трофейные. С Хаттабом и его арабами. Они на следующий день туда вернулись и все аккуратно засняли. Для отчетности. Если хочешь, могу тебе достать копию.

— Не надо, — Марат поставил свой стаканчик. — Давайте еще по виски ударим.

— Второй тост — за здоровье, — сказал Гранцов. — Наливается под обрез. Пьется до дна.

— А я знаю только два тоста — третий и пятый.

Гранцов не собирался здесь, в уютном салоне, среди празднично веселых соседей поднимать Третий тост — за павших. Поэтому, закрыв бутылку, убрал ее в особое гнездо на сиденье, и спросил:

— Что еще за Пятый тост?

— Чтоб свои не замочили.

— Уже не актуально.

Марат пожал плечами:

— Черт его знает. Думаете, война кончилась?

— Не знаю.

— Они же не успокоятся.

— Это точно.

— Значит, снова — война?

— Не будем об этом, — сказал Гранцов. — У каждого, как говорится, своя война. Политики играют в свои игры, бандиты — в свои. Мы-то здесь с какого боку?

— Да, у каждого своя война, — повторил Марат задумчиво.

В проходе между креслами стюардесса раздавала пассажирам какие-то глянцевые листки. Дошла она и до последнего ряда.

— Внимательно ознакомьтесь с нашей программой, — улыбаясь, попросила стюардесса. — На обратной стороне вы найдете анкету. В ней всего пять вопросов.

«Опять анкета», — подумал Вадим. «Не могут без анкет. Обязательно надо что-то

⁵ РПО «Шмель» — ручной огнемет

выпытать о человеке».

Он не торопился отвечать на вопросы и знакомиться с программой, потому что обнаружил на первой странице групповую фотографию: жизнерадостные люди, молодые и не очень, все в одинаковых розовых теннисках с черными буквами GT. Они сидели и стояли в несколько рядов, словно выпускники школы на альбомной виньете. Мелким шрифтом перечислялись фамилии администраторов, координаторов и персональных гидов компании Глобо Торизмо. Гранцов сначала долго и внимательно разглядывал лица, но не обнаружил знакомых. В списке фамилий не было никакого Гарсиа. «Начинается, — подумал Вадим. — Все будет не так просто, как казалось в Питере».

«Распорядок тура.

День 1.

Прибытие в международный комплекс Лас-Риос. Распределение по группам.

Группа «Карнавал» — размещение в знаменитом «Глобо Отель».

Группа «Сафари» — трансфер в Сан-Деменцио, размещение в гранд-отеле «Эксельсиор».

Отдых и развлечения в местах размещения.

День 2, 3.

Группа «Карнавал» — перелет в Рио-де-Жанейро, размещение в знаменитом «Рио-Глобо-Кампус», знакомство с различными школами самбы.

Группа «Сафари» — вертолетная экскурсия над национальным парком Сан-Деменцио, выбор маршрутов, подготовка снаряжения и инструктаж. Отдых и развлечения.

День 4.

Группа «Карнавал» — участие в знаменитом карнавале.

Группа «Сафари», утро и вечер — нелегитимированное сафари на джипах по национальному парку Сан-Деменцио, наблюдение за редкими животными (ягуар, аллигатор, анаконда) в естественной среде обитания.

День 5.

Группа «Карнавал» — участие в карнавале.

Группа «Сафари», утро — экскурсия по водопадам национального парка Сан-Деменцио. День и вечер — рафтинг.

День 6.

Группа «Карнавал» — трансфер в Лас-Риос, дайвинг.

Группа «Сафари» — утренняя вертолетная прогулка над водопадами, трансфер в Лас-Риос.

День 7.

Трансфер в аэропорт, вылет в Санкт-Петербург».

«Анкета.

Группа «Карнавал». Группа «Сафари» (ненужное зачеркнуть)

Фамилия, имя.

Пол.

Имеются ли религиозные ограничения в пище?

Если да, то какие? (вписать)»

— Вы куда записываетесь? — спросил Марат, быстро изучив программку. — На сафари?

— Конечно.

— Я тоже. Чего я там не видел, на карнавале. А тут хоть на джипах погоняем. А что такое сафари, Вадим Андреевич?

— Африканская охота. Только вот... Какое может быть сафари в Сан-Деменцио? Намудрили что-то наши глобалисты.

— Ну и что? Главное, что на джипах, — мечтательно произнес Марат. — Люблю

покататься на мощной машине.

— Например, на БТР-80, - кивнул Гранцов.

— Точно. А еще лучше — на «хаммере». Не пробовали?

— Интересно, где это *ты* смог такое попробовать?

— Работа такая, — скромно улыбнулся Марат. — Наша фирма продает всякую навеску. Все, что можно навесить на машину или на вертолет. Например, зенитный комплекс. Или НУРСы. Или еще что-нибудь в этом роде. «Хаммер» у нас — демонстрационный образец. На него что угодно можно навесить. Клиенты просто угорают, когда я их по танкодрому катаю.

— Хорошая у тебя работа.

Они еще долго беседовали о различных системах навесного оборудования и вооружения, пока стюардесса не пожелала всем спокойного сна.

Заснуть Гранцову не удалось, потому что за иллюминатором уже разгорался рассвет. Самолет летел на юго-запад, убегая от восходящего солнца. И розовое золото заливало кромку облаков, сверкая то ярче, то слабее.

«Трудно придумать более изысканное зрелище, — думал Гранцов, потягивая пиво. — Бесконечный восход над океаном. Как жалко, что Регина этого не видит».

Глава 3. Ненавязчивый сервис

В отличие от своих предшественников, он не стал звонить из аэропорта, чтобы доложить Деду о мягкой посадке в заданном районе. Нормальные туристы звонят отсюда домой только в исключительных случаях, а Гранцов был очень нормальным туристом. И старался вести себя органично.

Спускаясь по трапу, он с наслаждением втянул свежий воздух. «Свежий» в смысле новизны, но не в смысле чистоты. Откуда может взяться чистый воздух на аэродроме? Знакомая с юности гарь авиационного керосина была перемешана с горечью раскаленного асфальта и сладостью ванили.

Вадим переоделся еще в самолете, но даже в легкой сорочке ему было жарко. А Кирсанов проспал до самой посадки, и вышел в том же свитере, в каком улетал из Питера. Но, оказавшись на твердой земле, он первым делом принялся подпрыгивать и размахивать руками.

— Что, замерз? — спросил Гранцов.

— Нет, застыл. Вот пытка так пытка, столько времени не двигаться, — ответил Марат, вытирая рукавом блестящий лоб.

Их попутчики направились к зданию аэровокзала, чтобы оттуда улететь на карнавал. А Гранцова с Кирсановым поджидал розовый несуразный самолетик на другом конце поля. Издалека он напоминал наш родной АН-2, возле него уже виднелись пассажиры, ожидающие посадки.

— Что это там за толпа у нашего «кукурузника»? — спросил Гранцов у сопровождавшей их «капитанши».

— Такие же туристы, как и вы, — холодно ответила та.

Ее недовольство было вполне понятно. В группу «Сафари» записалось только два человека. Все остальные пассажиры были настроены на карнавал и только на карнавал. Самба, самба, ничего кроме самбы! Похоже, компания «Глобо Торизмо» и не рассчитывала, что среди ее дорогих друзей найдутся два упрямца, которые променяют великолепие праздника на убогий пикник. Организаторы были уверены, что питерская группа в полном составе отправится на карнавал, не теряя ни минуты. Очень важно было побыстрее добраться до Рио, чтобы успеть занять там приличные номера и обеспечить себе приличные места на трибунах. Но из-за возни с любителями сафари пришлось пропустить удобный рейс.

Возле розового биплана с логотипом «Глобо» на фюзеляже сидели на своих спортивных сумках бритоголовые ребята. Это явно была какая-то команда. Гранцов насчитал шестнадцать голов и семнадцать сумок. Хозяин последней сумки выпрыгнул из овального

проема и скомандовал: «Суида аль авьон!».

«Суида? Сувида! Посадка», перевел Вадим, и обрадовался тому, что еще помнит некоторые испанские слова.

Бритоголовые спортсмены выстроились в колонну, которая быстро и бесшумно втянулась в черный овал люка.

— Долго лететь до этого Сан-Деменцио? — поинтересовался Гранцов у «капитанши».

— Полчаса. Пойдите здесь пока, мне надо поговорить с пилотом.

— А внутри нельзя подождать?

— Какая разница?

— Боюсь, что наши места займут еще какие-нибудь спортсмены, — сказал Гранцов и показал большим пальцем за спину.

Он давно уже приметил эту группу, направлявшуюся сюда от белой пирамиды аэровокзала.

«Капитанша» ничего не ответила и торопливо забралась в самолет по короткому неудобному трапу. Тем временем новая команда уже приблизилась, и было слышно, как они переговариваются по-английски.

Марат Кирсанов подхватил обе сумки, свою и гранцовскую, и поставил их у самого трапа.

— Верно, сержант, — похвалил его Гранцов. — Займем позицию. А сервис-то, прямо скажем, у глобалистов хромает. Пересадку не могут организовать толком. Представляю, каким будет все остальное.

— Халтура, а не сервис, — отозвался Кирсанов. — Сплошные понты. Сплошной дайвинг да рафтинг.

— Шопинг-керлинг-петтинг, — добавил Гранцов.

Марат посмеялся, а потом спросил:

— Шопинг — это бег по магазинам, керлинг тоже знаю. А что такое петтинг?

Теперь наступила очередь смеяться Гранцову. Но ответить на вопрос он не успел, потому что «капитанша» выглянула из люка.

— К сожалению, вам придется подождать следующего рейса. Эта группа улетит первой. Ее рейс откладывался несколько раз, люди ждут отправки с прошлого вечера.

— Прекрасно, а нам что прикажете делать? — спросил Гранцов.

— Думаю, что оптимальный вариант — присоединиться к коллективу и лететь в Рио. Я вам искренне это советую. Вы не пожалеете. Такого вы больше нигде не увидите.

— Охотно верю, — согласился Вадим. — Но я все-таки полечу в Сан-Деменцио.

— То есть, вы настаиваете? — обиженно спросила она.

— Настаиваю.

— А вы, молодой человек?

— Я? Что? — переспросил Марат Кирсанов. Он, казалось, не слышал спора, исподлобья поглядывая на подошедших спортсменов. — Да, я не хочу на карнавал. Хочу сафари на джипах.

«Капитанша» снова исчезла внутри самолета. А новая группа выстроилась в колонну и направилась к трапу, словно не замечая никого. Гранцов с Маратом невольно расступились, пропуская этих насупленных юношей, и те ловко забрались в «кукурузник», перешагивая через чужие сумки. Через пару минут «капитанша» спустилась по трапу.

— Я все уладила. Сейчас к вам подойдет персональный гид, он займется вашим трансфером, — с довольной улыбкой сказала она. — Вам придется подождать его здесь. Никуда не отлучайтесь. Вот ваши ваучеры, отдадите их в «ресепшен-деск». Желаю приятно провести время.

— Вы нас бросите здесь, посреди летного поля? — удивился Гранцов.

— Но вы же не тинэйджеры, — она весело помахала им ручкой и побежала к аэровокзалу, придерживая свою фуражку.

Двигатель самолета вдруг зачихал, и пропеллер начал вращаться.

— Плохо дело! — крикнул Вадим, наклонившись к Марату, чтобы перекричать завывание мотора. — Может, черт с ним, с персональным гидом? Билеты есть, полетим без него? На месте как-нибудь сориентируемся.

Не дождавшись ответа, он шагнул на трап, но перед ним вырос человек в синей форменной куртке с крылышками в петлицах. Он живо втянул трап внутрь, прокричал Гранцову «Аста ла виста!» и захлопнул за собой тяжелую дверь.

Самолет дернулся, заревел, обдал Вадима горячим песком и покатился по летному полю.

— Что он вам сказал? — мрачно спросил Марат, протирая глаза.

— «До свидания».

— Козлы, — заключил Марат Кирсанов. — Ответил бы я ему. Жалко, по-испански не знаю.

— Уже знаешь немного, — утешил его Гранцов.

— Вот как с такими жить по христианским принципам? Он тебе в морду плюет, а ты ему другую щеку подставляй?

— Подставь.

— А он по ней опять врежет.

— А кто тебе запрещает поставить блок и ответить встречным? — сказал Гранцов. — Но щеку для начала все-таки подставь. Иногда это помогает все уладить. А иногда срабатывает как отличная ловушка.

Они стояли рядом, оглядываясь посреди летного поля. Мимо них сновали кары с контейнерами, пропыхтел приземистый тягач, плавно проплыл трап.

— Ты бы переоделся, — посоветовал Вадим. — Жара градусов за тридцать.

— Если я переоденусь, станет прохладнее?

— Ты что такой сердитый? Голова болит?

— Есть немного. Да это ерунда, — Марат потер виски. — Пройдет. Просто мне все это не нравится. Домой хочу. Как думаете, можно сейчас с кем-нибудь договориться насчет обратного рейса?

Вадим Гранцов заметил, что настроение у парня резко изменилось в тот момент, когда он разглядывал спортсменов, улетевших в Сан-Деменцио.

— Разведка не отступает. Отставить разговоры, — приказал он.

— Есть, командир. Вижу гида, — доложил Кирсанов.

— Ты про того старика в белом? Почему он обязательно гид?

— Во-первых, бежит в нашу сторону. Во-вторых, у него в руке табличка. Надпись на русском: «Группа сафари».

— Ты отсюда разглядел? — позавидовал Вадим. — Вот это зрение!

Загорелый и седой, гладко выбритый старик в темных очках подошел к ним, издали помахивая своей табличкой.

— Как замечательно, что вы меня дождались! — произнес он, снимая очки, и несколько церемонно опустил голову в поклоне. — Позвольте представиться. Ксенофонов Федор Ильич, ваш персональный гид. Я приношу свои глубочайшие извинения, но...

— Да вы-то как раз ни в чем не виноваты, — остановил его Гранцов. — Только скажите, долго нам еще здесь загорать?

— Давайте отойдем в тень, Вадим Андреевич, — старик подхватил Гранцова под локоть и повел к вокзалу. — Администрация сейчас пытается заказать вертолет для трансфера. Но пока ничего определенного я вам сказать не могу.

— Да мы согласны даже на автобусе доехать, — сказал Кирсанов. — Да хоть на верблюде. Только не торчать на месте.

— Дорогой Марат, автобусы в Сан-Деменцио не ходят. Здесь своя специфика. С тем районом надежная связь осуществляется только по воздуху. Постойте пока здесь, в холодке, а я постараюсь разузнать, как идут переговоры. И незамедлительно поставлю вас в известность.

Еще час они стояли на перроне, слушая объявления. Гранцов переводил, и Марат послушно повторял. Он проявил прекрасные способности к языкам. Все запоминал с первого раза.

К тому же Гранцов должен был признать, что и произношение у парня гораздо лучше, чем у него. Марат идеально точно копировал певучую интонацию дикторов и произносил согласные предельно мягко, почти неслышно. Особенно его порадовало обилие знакомых слов. Так, он самостоятельно смог перевести на русский выражение «аппаратос электрикос» — электрические приборы.

Для начала Вадим обучил его жизненно важным, ключевым словам. Пор фавор — пожалуйста. Уно сэrvэса — одно пиво. Мучос грасияс — спасибо. Их урок испанского прервался, когда появился Ксенофонов.

— Ничего не поделать, авиация есть авиация, голубая кровь, небожители, — он сокрушенно развел руки. — Ближайший рейс на Сан-Деменцио только завтра. Забастовка диспетчеров. Кстати сказать, ваши друзья из параллельной группы тоже не смогут улететь в Рио-де-Жанейро. Не знаю, насколько это вас утешит, но... Вот такая вот ситуация. Но вы не расстраивайтесь. Сейчас мы доставим вас в отель, отдохнете, переоденетесь. В три часа — обед. А вечером можно будет посмотреть футбол. Сегодня международная игра, Кубок Боливара.

В пустом просторном автобусе было прохладно и сухо. Гранцов сразу пристроился к огромному смуглому окну, разглядывая новые для себя места. А Марат принялся, наконец, переодеваться. Когда он прошелся по салону в своих шортах, Ксенофонов схватился за голову:

— Марат, вы это можете носить только в своем номере по дороге из ванны в постель. Но в город я вас так не выпущу!

— А в чем проблема? Классные штанишки! Двадцать баксов, между прочим.

— Как сказал один русский поэт, «О! Закрой свои бледные ноги!» На такие ноги слетится весь криминальный элемент! Сразу видно, что приехал богатый иностранец.

— Других ног у меня на сегодня нет, — Марат подтянул шорты повыше, разглядывая свои колени.

— А других брюк?

— Пока тоже нет. Куплю. Где тут у вас можно купить что-нибудь подходящее?

— Везде.

— Доллары принимают?

— А вот это не везде, — ответил старик и наклонился к водителю. — Но есть тут по дороге один надежный локаль, заглянем туда.

Через минуту автобус остановился, и Федор Ильич с неожиданной резвостью выскользнул за дверь, которая тут же захлопнулась со смачным тяжелым щелчком, не впустив вовнутрь ни одной молекулы внешнего раскаленного воздуха. Гранцов видел через окно, как старик юркнул в неприметный полуподвальный магазинчик. («Духан, натуральный кабульский духан», вспомнил он словечко из прошлой жизни). Не прошло и пары минут, как Ксенофонов вернулся в автобус с объемистым черным пакетом.

— Извольте примерить, сударь.

Марат шагнул в широкие белые брюки и натянул на плечи мешковатый пиджак с укороченными рукавами.

— А ничего, — согласился он. — Приятная вещь.

— Обратите внимание на карманы. Все карманы внутренние и застегиваются на молнии. Ни один виртуоз не посягнет на ваш портмоне. Итак, будем брать?

— Сколько с меня? — Марат полез за кошельком в сумку.

— Продавец просит пятьдесят североамериканских долларов.

— Считай, даром.

Старик совершил еще один бросок по маршруту автобус-духан-автобус, чтобы рассчитаться с продавцом.

У отеля группу «Сафари» встречала целая команда. Юноши в розовых распашонках разобрали их немудреный багаж — две сумки да пара пакетов. Те, кому не досталось ноши, нашли себе иное занятие. Они побежали впереди, и перед ними со вздохом раздвигались стеклянные, с бронзовым отливом, двери. Так что дорогим гостям оставалось только важно шагать и на ходу отсчитывать премиальные.

Вадим Гранцов мог истратить на чаевые сто долларов. Еще двести у него были отложены на текущие расходы. Кроме того, имелась и кредитная карточка, но снимать со счета полагалось только в критической ситуации. Такую мощную финансовую поддержку ему оказал не генерал Митрофанов, а какой-то сочувствующий бизнесмен. Дед особо оговорил это обстоятельство, чтобы Гранцов не стеснял себя в расходах. Деньги, украденные у народа, должны были послужить народному делу.

Они поднялись на третий этаж, и Федор Ильич распахнул двери двух соседних номеров. Перешагнув порог, Вадим увидел на двуспальной кровати большую магнитолу, красную, с серебристыми динамиками.

— Номер занят? — спросил он. — Тут чьи-то вещи.

— Это ваши вещи, — пояснил Ксенофонов. — Каждый гость «Глобо» получает подарок. Радио и еще шампанское.

— Федор Ильич, могу я вас просить об одолжении?

— Чем могу?

— Избавьте меня от таких подарков. Отдайте мальчикам коридорным, или внуку подарите. А шампанское возьмите себе, — Гранцов вручил тяжелую бутылку озадаченному старику и похлопал его по плечу: — Премного вам благодарен.

— То есть вы все это отдаете мне, я правильно понял?

Из соседнего номера вышел Кирсанов с такой же магнитолой, только ядовито-зеленого цвета:

— Дядя Федя! И мое тоже прихватите!

— Что же это получается... Нет, я, конечно, с благодарностью приму... Ну, господа, вы меня просто ошеломили... Располагайтесь... Спасибо, сердечное спасибо... Итак, располагайтесь, а в три часа услышите колокол. Так у нас приглашают к обеду. Обед в ресторане на втором этаже, состоится знакомство с персональными гидами.

— То есть с вами? — спросил Гранцов.

— Со мной уже познакомились, — Ксенофонов уложил шампанское в пакет и свободной рукой подхватил обе магнитолы. — На обеде вам представят второго гида. Итак, до встречи в ресторане!

Гранцов заглянул в номер к Марату. Кирсанов стоял у окна и дергал рукоятки, пытаясь его открыть.

— Бесполезно, — сказал Вадим. — Окна сплошные. Хочешь сквозняка? Открой балконную дверь. Кстати, посмотрим, что у нас снаружи.

Оказалось, что длинный балкон опоясывал весь внутренний фасад отеля так, что соседи вполне могли навещать друг друга. В плане отель был похож на подкову, и вместо обещанного вида на море постояльцы получили вид на обширный двор с газонами, пальмами и бассейнами. Въезд во двор был перекрыт высокой ажурной решеткой с воротами в стиле рококо. А вот уже за воротами можно было разглядеть и берег.

Порыв ветра принес запах гниющих водорослей, и Гранцов с Маратом одновременно повернулись в сторону моря. Густо-лиловая полоса влажно поблескивала между сахарными башнями отеля.

— Сколько у нас до обеда? — Марат посмотрел на часы. — Пойдем, что ли, искупаемся в океане?

— А не сгорим?

— Да мы недолго.

На пляже белокожие Гранцов и Кирсанов долго не могли устроиться. Они бродили вдоль прибоя, краем глаза высматривая местечко подальше от загорелого местного народа.

Когда же наконец обнаружился свободный лежак под зонтиком, и Кирсанов бросил на него свою сумку, то не прошло и пяти минут, как вокруг них уже возились в песке розовые дети, бубнили толстые немки и дымил сигарой долговязый альбинос.

Гранцов быстро сбросил шорты и майку и побежал к воде, чтобы поскорее спрятаться в волнах. Он всегда чувствовал себя неуютно, если чем-то выделялся на общем фоне. А сейчас они с Маратом были воистину белыми воронами рядом с прочими отдыхающими.

И только возвращаясь из воды и оглядывая берег, Вадим понял, что им все равно не удалось бы уединиться. Свободных лежаков на пляже было много. Но все они виднелись на нейтральных полосах между группами белых, черных и желтых тел. Как только белый (уж куда белее) Кирсанов занял свободное место, к нему тут же потянулись белые, бродившие, как и он до сих пор, вдоль прибоя.

Чернокожая компания состояла, как на подбор, из статных парней и длинноногих девчонок. Парни оглянулись на Кирсанова, когда он лениво брел мимо. У них тоже были золотые цепочки, но его цепь была толще. Негры перебрасывались волейбольным мячом, и Марату явно хотелось к ним присоединиться.

Гранцов подтолкнул его локтем:

— Покажи им настоящую подачу.

— Не поймут. Их лучше не дразнить.

— Как это?

— Ну, представьте, что вы на пляже у Петропавловки загораете с дамой. И вдруг к вам подсаживается негр, да еще весь в желтом металле...

Вадим усмехнулся:

— Я-то к неграм спокойно отношусь. Но ты прав.

Азия была представлена парой индийских семей. А может, семей было не две, а восемь. Или одна, но очень большая? Женщины в белых платьях стояли по колено в воде, оживленно беседуя и отворачиваясь от волн, а мужчины играли в нарды.

Никто не купался, хотя вода была достаточно теплой, а волны не такими и большими. Однако, отплыв подальше, Вадим почувствовал, что какая-то мягкая, но властная сила уводит его от берега. Он нырнул и в прозрачной воде не увидел дна под собой, только сгустившуюся зеленую темноту. Слышался тонкий звенящий звук, словно где-то неподалеку проходила моторка. «Это просто океан так давит на уши», подумал Вадим и заторопился наверх, к солнечным пляшущим бликам в бутылочной толще над головой.

Гранцов вернулся под свой зонтик и намазался кремом, который дала ему Регина.

— Не хватало еще сгореть, — пояснил он, отвечая на насмешливый взгляд Марата, и протянул ему тюбик. — Намажь плечи хотя бы.

— У меня кожа дубленая, — отказался Кирсанов, но набросил на плечи полотенце.

Гранцов повалился на горячий песок и уткнулся лицом в скрещенные руки, пахнущие морем. «Эх, сюда бы сейчас Регину, погреть ее на этом песочке, да окунуть пару раз в соленые волны...» Его снова обжигали порывы стыда. Ничего себе особо важное задание — валяться на пляже да убивать время!

Однако угрызения совести мгновенно оборвались через минуту, как только он услышал над собой чей-то голос.

Кто-то спросил по-русски:

— Пивка не желаете?

Не поднимая головы, Вадим скосил глаз. Он увидел, что Кирсанов повернулся на своем лежаке и, приподняв черные очки, разглядывает подошедшего белого мужика в семейных трусах.

— Не узнаешь? — спросил мужик, присаживаясь рядом с Маратом на лежак и счастливо улыбаясь.

— Ни хрена себе. Ромка! — удивился Кирсанов.

— Тише ты. Кому Ромка, а кому Рональд. Ты что, Марат, не рад меня видеть? — счастливую улыбку дополнили удивленно приподнятые брови.

«Рональд Старк, — вспомнил Гранцов. — Он же Роман Старицын. Он же брат Олег. Директор русской дирекции расхаживает по пляжу в одних трусах. И пристает к соотечественникам. Кажется, я знаю, кто устроил Марату Кирсанову бесплатную прогулку».

Он продолжал незаметно наблюдать за встречами Старка и Кирсанова, радуясь тому, что оказался в нужное время в нужном месте. Шевельнулось, правда, подозрение, что этот спектакль могут разыгрывать специально для него. Но он тут же отбросил эту идею, как очередной симптом мании величия.

Марат Кирсанов опустил черные очки на глаза и отодвинулся от гостя.

— А чего радоваться? Разве что пиво продашь со скидкой.

— Насчет пива это неудачная шутка, — сказал Старицын. — Не знал, с чего начать разговор.

— Не будет разговора, Рома. Не о чем говорить. Раньше надо было говорить, когда я в ментовке сидел, когда на меня разбой вешали... Вот тогда нужны были разговоры. Только где же вы все были тогда, Рома? Как волной смыло...

— Все прошло, — спокойно ответил Старицын, продолжая улыбаться. — Сейчас у тебя все в порядке. Неужели ты думаешь, что мы тебя бросили? Ты должен был пройти еще одно испытание, и ты его прошел. Поэтому мы и вытащили тебя сюда.

— За приглашение спасибо, — сказал Кирсанов. — Только дальше, Рома, двигайтесь без меня. Я сюда приехал отдыхать.

— Ну что ж, отдыхай. Ты это заслужил, — Старицын продемонстрировал ободряющую улыбку. — Чем занимаешься?

— Экспорт-импорт.

— И какая группа товаров?

— Любая. От сникерсов до стингеров.

— Сникерсы меня интересуют мало... Значит, открыл свое дело?

— Свое дело? — усмехнулся Кирсанов. — Это у нас уже не в моде. Сейчас у нас можно выжить только в большой структуре.

— Значит, ты не босс, а менеджер? — уточнил Старицын. — Я хочу понять твой нынешний статус.

— Моя должность называется «референт». Для кого-то я менеджер, для кого-то босс. Все относительно.

— Неужели ты оставил фатта-до? Ты же был мастером, мог бы дойти до высших ступеней!

— Тренируюсь потихоньку.

— Хочешь, познакомлю с нашим спортивным директором? Он тебя на семинар сводит. Будут выступать мастера. Много перспективных ребят. Я, правда, в этом не очень разбираюсь, но говорят, что в фатта-до просто произошла революция. Прорыв в новое измерение.

— Да какая там может быть революция, — пренебрежительно сказал Кирсанов. — И вообще все эти системы, школы, стили — каменный век. Ловушка для лопухов. Неактуально это, Рома.

— Ты так думаешь? А что же тогда актуально? Айкидо? Или рукопашный бой по системе СМЕРШ? — спросил Старицын, несколько не обиженный, а наоборот, показывая живой интерес к мнению собеседника. Может быть, слишком живой интерес.

— Пистолет-пулемет, вот что актуально, — жестко ответил Марат. — Сейчас такие комплексы появились... Скорострельность, кучность, надежность. Вес просто игрушечный. Да еще бесшумные. Вот это революция, вот это прорыв в новое измерение. И не надо никаких семинаров. Инструкция на рукоятке — и все. Даже читать не надо — там рисунки. И в сложенном виде выглядит, как простой пенал. Вот это актуально. Для тех, кто хочет победить в ближнем бою. А фатта-до — это просто утренний зарядка.

— Ты говоришь как менеджер по сбыту, — на этот раз Старицын улыбался снисходительно. — Но я должен сказать, что о фатта-до нельзя судить по собственным

воспоминаниям. Мы ушли очень далеко.

— Это как?

— А вот на семинаре и увидишь. Я загляну к тебе вечером, — Старицын поднялся и протянул руку.

Марат тоже встал для рукопожатия.

— Вечером я на футбол иду.

— Знаю. Я зайду после футбола. Посидим по-свойски. Нам же есть что вспомнить. Не возражаешь?

— Я на третьем этаже, — сказал Кирсанов. — Последний номер в конце коридора.

— Знаю.

— Тебя в гостиницу-то пустят?

— Меня? Пустят. Это наша гостиница.

Гранцов слушал их разговор с закрытыми глазами, но успел заметить, что неподалеку все время стояли двое в розовых распашонках. И когда Старицын ушел, эти двое почтительно последовали за ним.

— Что, друга встретил? — спросил Вадим у Кирсанова.

— В гробу я видал таких друзей, — с неожиданной злостью ответил Марат. — Пойду поплаваю. А то перегреюсь.

Его не было довольно долго. Вернувшись, он плюхнулся на песок рядом с Гранцовым и объявил:

— Вода тут противная. Теплая, как моча. Больше не пойду. А вы как?

— Я тоже. Под душ — и домой.

— Значит, за пляж им ставим жиденькую троечку, да?

— Три с минусом, — вынес вердикт Гранцов.

Глава 4. Бритоголовый брат Кир

Если бы Марат знал, что его поездку организовал Роман Старицын, он даже не стал бы распечатывать тот красивый конверт с причудливыми штемпелями.

С Ромкой у него были старые счета. Жаль, что тот только рекламировал фатта-до, а сам никогда не занимался. А то Марат провел бы с ним спарринг. В полный контакт. В присутствии медиков — хирурга, стоматолога и патологоанатома.

Говорили, будто Старицын когда-то был неплохим каратистом. Кирсанов тоже начинал с каратэ, с холодного спортзала на окраине Ленинграда. Тренер уважал его и называл коротко и вполне по-восточному — Кир. Самого же тренера звали Сеня Кан, а стиль, который он исповедовал, назывался Шото-Кан. Это совпадение было предметом скрытой гордости его учеников.

Вообще-то «боевыми искусствами» принято называть чисто азиатские и вполне легальные приемы драки. Можно даже сказать, что ушу — это оздоровительная гимнастика, джиу-джитсу просто самозащита, а кун-фу китайская разновидность йоги. Дзюдо — олимпийский вид спорта, тхэквондо тоже. И больше того — айкидо, например, это самозащита, безопасная для нападающего. Там даже ударов нет, представляете? В общем, много чего можно наговорить, чтобы оправдать свой интерес к искусству мордобоя и получить разрешение на аренду спортзала.

Сенсэй Сеня был силен в методике, но не в демагогии. Вешать лапшу о благородном восточном спорте ему было не с руки, и на обработку чиновников он посылал Марата. Надо признать, что из любого кабинета брат Кир выходил победителем, торжественно размахивая подписанной бумажкой.

Марат Кирсанов любил побеждать в любой игре. Даже в подкидного дурачка он бился насмерть. Не самое приятное свойство. Но победители вообще не самые приятные люди. Особенно для побежденных.

Каратэ для него было новой, захватывающей игрой. Он просто хотел стать

непобедимым бойцом. Переходя от одного тренера к другому, он искал самый лучший стиль, самую мощную технику, самую глубокую концентрацию. Ни в одной секции он не добился успехов. Он мог забросать тренера терминологией и именами, но в спарринге проигрывал крепким середнякам. Каждое новое поражение только убеждало его в несовершенстве этой школы и подталкивало к переходу в другую.

В армии ему пришлось постигать премудрости «Боевого Самбо» по версии отдельного разведбата. То есть владение саперной лопаткой отрабатывалось на полигоне во время рытья очередного котлована. Реакцию и выносливость очень хорошо развивали многочасовые марши за баранкой «уазика» по хакасским степям. А «деды» приучили его держать настоящий удар.

Кроме того, ночные бдения у тумбочки (с учебником вместо Устава) помогли ему без проблем поступить в институт.

Он испытал на себе все доступные виды боевых искусств, а недоступные изучал в читальном зале, специально для этого выучив английский.

Из журналов он узнал о фатта-до. Описание было расплывчатым, но многообещающим. К сожалению, изучить этот закрытый стиль можно было, только став членом секты Пука. И Марат уже махнул рукой на эту экзотику, как вдруг в городе появились первые посланники Преподобного.

Кирсанов отсидел три часа в душном кинозале, даже не пытаясь понять, о чем вещает со сцены красавчик в строгом костюме. Потом он пробился через толпу и спросил у красавчика: «Как можно к вам записаться? Или вы берете только корейцев?»

«Мы берем всех», — лучезарно улыбнулся в ответ Роман Старицын.

Преподобный Пук действительно принимал к себе всех. Русских и нерусских, христиан и атеистов. Его «церковь» объединяла людей по одному признаку — надо было верить в Единственный Принцип. Марату, учитывая его интересы, предложили изучить этот принцип в спортивном лагере.

В спортивном лагере не было никакого спорта. Были многочасовые лекции о Единственном Принципе. Многие сломались уже здесь — пропускали пару лекций и тут же выслались из лагеря. Марат спокойно учился медитации. Слушая певучий нерусский говор, он отключался, сохраняя видимость бодрствования. Он даже дремать научился с открытыми глазами. Зато после лекций можно было пару часов провести в неплохом тренажерном зале, а по утрам, встав пораньше, он бегал по дюнам.

И хотя фатта-до здесь и не пахло, он простил эту подлянку с лагерем. В конце концов, они имеют право использовать естественный отбор. И когда ему предложили пройти *обучение*, он легко согласился, полагая, что теперь-то начнется что-то серьезное.

Первый курс «обучения» занял неделю. Брат Кир слушал лекции, молился, пел гимны. Все остальное время он таскал тюки с грязным бельем в прачечной. Спать ложился за полночь, вставал в полшестого. Родители были недовольны, но наставники предупреждали его о такой реакции, и он не спорил. О чем можно спорить с *физическими* родителями, если они даже слышать не хотят о родителях истинных?

После первого курса не было смысла отказываться от второго. Второй курс занял три недели, и он предпочел ночевать в общежитии вместе с некоторыми другими учениками. Гимны он пел, уже не заглядывая в бумажку и не вникая в смысл текста. Кормили их национальными блюдами — маринованная морковь, тертая свекла, жидкая рисовая каша. Хлеба не было, зато вволю давали чеснока и сырой воды. Свободного времени не оставалось, и Марат занимался растяжкой и набивкой ⁶, не прекращая разучивания новых гимнов и молитв, в компании других учеников. Те смотрели на него с недоумением и завистью — обессиленные национальной кухней, они еле переставляли ноги, а брат Кир отжимался на кулаках, как заведенный.

⁶ упражнения для гибкости суставов и укрепления ударных поверхностей

Его упражнения не остались в тайне от руководства. На третий, четырехмесячный курс, его отправили в учебный центр, где молитвы и чеснок дополнялись утренним кроссом и вечерними спаррингами. Там подобрались бойцы из самых разных школ. Вот где Марату пригодился накопленный опыт. Он легко распознавал стиль противника, легко просчитывал его ходы и бил по самым уязвимым местам. К концу обучения он считался непобедимым. Его мечта сбылась, но к фатта-до его так и не подпустили. И он уже был готов все бросить, но руководство наградило его. Община отправила Марата Кирсанова на семинар в Крым.

Там собрали непобедимых. Им выдали черные кимоно и выстроили в спортзале. Вы хотели видеть фатта-до в действии? Сейчас вы его увидите. Непобедимые чуть не лопались от счастья. Пришел инструктор в белом кимоно и по очереди отлупил каждого. Отстирывая свою куртку от крови, брат Кир заметил на ней старые бурые пятна. Видно, предшественник поленился при стирке.

Вернувшись в город, Марат узнал, что из института его давно отчислили. Родители пытались воздействовать криком и слезами, но ничего не добились. (Он видел их только один раз, когда зашел домой за вещами). Теперь он тренировался с мастерами по два-три часа каждый день, а все остальное время бродил по городу, охраняя группу рядовых членов секты.

Его новое положение имело определенные преимущества. После рабочего дня и вечерних ритуалов, после скудного ужина охранник перед сном получал женщину из группы. В команде Марата на четверых охранников приходилось семь девчонок примерно его возраста, три малолетки и шесть старух лет тридцати-сорока. Они ложились с ним по очереди, и он не замечал разницы. Так было заведено во всех укомплектованных группах. Если кому-то из женщин случалось забеременеть, ее выдавали замуж за мужчину из числа обучающихся и переводили на хозяйственные работы. Но такое происходило крайне редко, и только с новенькими. Хозработы считались чем-то вроде каторги, поэтому боевые подруги сами старались избежать нежелательных последствий.

Иногда группа отправлялась колесить по стране, и Марат ездил с ними, не запоминая названий городов. В памяти сохранились только гимны и молитвы, они сверкали в пустоте, которую уже ничем не хотелось заполнить... Он не мог запомнить даже имен своих подопечных. Они торговали женьшенем, открытками, всякой чепухой, выпрашивая у прохожих деньги на «благотворительные цели». Больше всего Марата удивляло то, что даже небогато одетые люди все-таки давали деньги. За день набегала приличная сумма. И без охраны тут не обойтись.

Однажды в Саратове, где секта была на «гастролях», уличные сборщики мелочи попали в поле зрения местных отмороzków. Те дали им поработать несколько дней, понаблюдали, а потом пришли за выручкой. Если бы они не начали сразу драться, им бы отдали всё — вместе с остатками товара. А так — Марату пришлось защищать изможденных попрошаек. Несколько *оппонентов* попали в больницу, откуда, впрочем, постарались поскорее сбежать. А Кирсанов угодил в камеру. В эту же ночь секта в полном составе испарилась, бросив доблестного охранника.

Трое суток он молчал, не отвечая ни на какие вопросы. Это раздражало дознавателя, но, с другой стороны, облегчало его работу. Задержанного направили на психиатрическое обследование, а когда Марат вернулся в изолятор, его уже поджидал капитан из военкомата. «Ты ни в чем не виноват, — сказал капитан, — но тебя могут посадить ни за что. Есть вариант. Ты подписываешь контракт и отправляешься в Чечню. Заработаешь неплохие бабки». «А где это, Чечня?» — совершенно искренне спросил Марат.

Ему еще долго казалось, что все это снится. Незнакомый город, чужие лица. Запах кирзы и хлорки в холодной казарме. Его новые спутники суетились, получая обмундирование и тут же обмениваясь им, чтобы подобрать нужный размер. Марат равнодушно натянул солдатское «хэбэ», подвернув слишком длинные рукава. Ему выдали какие-то деньги. Он не знал, что с ними делать, и легко одолжил их соседу по койке.

Команда, в которую он попал, была не простой. В нее набрались мужики 30–40 лет,

все, как говорится, «уволенные из органов». Бывшие оперативники, гаишники, участковые легко согласились на сделку: добросовестная служба могла стереть неприятные детали их прошлого. Они знали, на что идут, и понимали, куда едут. Поэтому и набрали в свой взвод немного крепкой молодежи из следственного изолятора — какая же армия без «молодых»?

Марат быстро занял особое положение в команде благодаря своей лошадиной выносливости. Его назначили пулеметчиком, и он носился по горам со своим ПК, обмотанный крест-накрест патронными лентами, как матрос революции.

Наставление он выучил почти наизусть, и сам удивился, какой цепкой стала его память. Правда, он не мог вспомнить того, что забыл. Но все новое впечатывалось в его промытые мозги четко и прочно, как почтовый штемпель на белом конверте...

Голос Гранцова вернул его к действительности:

— Ты что так ошетинился? Неприятная встреча?

— Если б знал, что это Ромкина работа, я бы сюда не поехал, — признался Марат. — Козлы они все.

— Помнишь поговорку насчет паршивой овцы? Вот то-то и оно.

— Да неприятно. Получается, я ему что-то должен.

— Не ты ему, а он тебе. Они вырвали у тебя кусок жизни, а теперь просто накладывают дорогую заплатку на дыру. Ничего ты не должен. И точка. Пошли домой, скоро обед.

Марат хоть и помылся под душем на пляже, но так и не смог стряхнуть с ног весь песок и, вернувшись в номер, первым делом побежал в ванную. Держа одну ступню под струей воды, он услышал стук в дверь и голос Федора Ильича:

— Маратик, ты в ресторан спустишься, или тебе в номер подать? Ваши все уже пируют, с гидами знакомятся. Присоединишься?

— Нет! — крикнул Марат через дверь. — Если можно, здесь поем.

— Можно, все можно!

— А Вадим Андреевич тоже со всеми пирует?

— Не видел, не могу сказать с полной уверенностью. Но в номере его нет. Тебе какое мясо заказать?

— Все равно.

— Морепродукты? Местная экзотика?

— Да все равно, дядя Федя, все равно.

Марат разделся и встал под душ. Ему казалось, что белоснежный песок въелся в его кожу, и смыть его можно было только горячей струей и жесткой мочалкой.

— А вино какое хочешь, Маратик? — не унимался услужливый старик.

«Достал!» хотелось ответить Маратику, но он сдержался и прокричал:

— Виски! Коробка сигар! И еще хочу шоколадную брюнетку с голубыми глазами и маленькой грудью! Все, дядя Федя, дай спокойно помыться!

Кожа на плечах подозрительно почесывалась, и Марат подумал, что все-таки обгорел на солнце. Он вышел из ванной и, не одеваясь, повалился на пол.

«Зря я согласился встречаться с Ромкой», думал он, изучая узор на циновке. «Ему от меня что-то надо. Ничего он не получит. Ничего. Только бы не сломаться при первой же встрече. Не поддаваться на его психологические приемчики. Что бы он ни предлагал — отказать во всем. И точка. И больше не пить. Ни виски, ни пива. И не курить. И бегать по утрам, как раньше».

Он вспомнил, как когда-то начинал день с пробежки. В любую погоду. В любом состоянии. Независимо от того, как провел ночь. Иногда он выбегал из дома с закрытыми глазами, и, наматывая круг за кругом по школьному стадиону, чуть ли не видел сны. Три километра трусцой — это пятнадцать кругов. Потом пять серий по тридцать отжиманий. Потом подтягивания. Потом домой и снова в постель, досматривать сны...

— Маратик, ты готов? — слышалось из-за двери.

— Всегда готов.

Федор Ильич хлопнул в ладоши, двери распахнулись, и серебристый столик с грудой

еды вкатился в номер. Голый Кирсанов вскочил и кинулся за полотенцем, потому что столик вкатила девушка, и она с улыбкой наблюдала за его суетой.

Волосы у нее были черные, глаза голубые, грудь маленькая. На столике среди блюд и вазочек возвышалась бутылка виски, а на отдельной полочке лежали сигары.

— Всё как заказано, — гордо сказал Федор Ильич. — Желаю приятной сиесты. Увидимся вечером.

— Сорри, сеньорита, — сказал Марат и выскользнул вместе со стариком в коридор.

Сеньорита снисходительно кивнула и уселась в кресло, высоко закинув ногу.

— Что за фокусы, дядя Федя? Ты зачем бабу привел?

— Как зачем? — Федор Ильич искренне опешил. — Это называется «эскорт». Без эскорта ты в город не выйдешь, тут на иностранцев такая охота идет...

— Короче, заведи ее.

— Не понравилась?

— Вот настырный дед. Короче, я сказал, заведи ее. Мне никакой эскорт не нужен.

— Маратик, это не то, что ты думаешь, — сказал Федор Ильич. — Во-вторых, эскорт прописан в вашей программе пребывания. Но давай рассудим по-человечески. Конечно, ты имеешь полное право отказаться. И она останется без работы на эту неделю, потому что все другие русские туристы уже с эскортом. И ты знаешь, куда она пойдет, если мы ее сейчас выгоним? Ее уже в отель не пустят, и она вернется в свой квартал на горе. Не слышал про наши кварталы на горе? Туристов туда не возят... Может, позволишь девчонке хоть недельку по-людски пожить?

— Может, мне еще жениться на ней? — сказал Марат. — Ладно. Пускай живет, если ты так о ней беспокоишься. Она по-английски понимает?

— По-английски-то? Понимает, понимает, — засмеялся старик.

Марат вернулся в номер и увидел, что девушка уже разложила по тарелкам салаты.

— Извините, но я все слышала, — сказала она по-русски без малейшего акцента. — Вы не закрыли двери. Меня зовут Оксана.

Он накинул халат и сел напротив нее. Девушка распечатала обертки салфеток и вилок.

— Значит, Оксана, — глубокомысленно произнес Марат. — Русская, что ли?

— Вас это удивляет?

— Да нет. Что у нас на обед? Выпьешь?

— Как вам будет угодно.

— Что за дела, — Марат поморщился. — Короче, давай так. Ешь и пей, что хочешь. Сама выбирай. Лично я из этого безобразия, пожалуй, только мясо съем. Если это мясо. Так, а хлеб где?

— В отеле вы хлеба не найдете.

— Вот теперь чувствуется граница, — сказал Марат. — А то вокруг одни русские. Непонятно, зачем надо было океан перелетать. А хлеба нет. Значит, граница. Меня все предупреждали, что за границей хлеба не найдешь.

— Со спиртным здесь тоже не очень, — сказала Оксана. — Вечером цены повышают в четыре раза, в десять все закрывают, а в ночном баре только пиво и соки. Русские обычно выпивку покупают в городе, но в одиночку в город лучше не выходить.

— А мне все равно. Я не пью.

— Вы заказали виски.

— Для друга.

— Да, с алкоголем у нас трудно. Зато здесь можно спокойно достать легкие наркотики. Не интересует? Сигареты с марихуаной. Тонизирующие таблетки для некурящих. Здесь это все легально, только вывозить нельзя, — предупредила Оксана. — Но все равно вывозят.

— Я похож на наркомана?

— При чем здесь это? Наркоманы сюда не ездят. Туристы везут отсюда то, что можно продать у себя дома. Кто-то везет камни. А кто-то таблетки.

— Спасибо, не надо.

Марат включил телевизор, и они ели молча, поглядывая на экран. Потом он встал из-за стола, разминая в пальцах сигару, и подошел к окну. «Жалко, что я бросил курить», подумал он. Оксана чуть слышно приблизилась и встала рядом, держа наготове зажигалку.

— Это лишнее, — сказал он. — Я не курю. Просто пахнет приятно.

— Сигары тоже для друга?

— Да.

— Так, может быть, и меня для него заказали?

— Никто тебя не *заказывал*.

— Вы, наверно, хотели побыть в одиночестве, — сказала она. — Но нам все равно надо было познакомиться. Я буду в своем номере, хорошо? Служебный номер в другом конце коридора, на нем такой значок, в виде компаса. Вы можете мне и позвонить. Просто поднимете трубку и нажмете ноль.

— Значит, ты будешь меня сопровождать везде? — спросил Марат.

— Если позволите, то везде.

— Мы вечером на футбол идем.

— Сегодня главная игра месяца, ее нельзя пропустить.

— Ты с нами пойдешь?

— Конечно, — сказала она. — Вы были на пляже?

— Был.

— Ну, кто же ходит на пляж в такое время? Это самоубийство. У вас даже через халат кожа светится. Ну-ка, ложитесь.

— Это еще зачем?

— У меня с собой масло от солнечных ожогов. Ложитесь, ложитесь. Не бойтесь, это не больно.

Он охотно подчинился и лег, опустив халат с плеч. Ее прохладная рука легла ему на шею.

— Какой ты жесткий, — удивленно сказала Оксана. — Просто каменный. Расслабься, зачем так напрягаться?

— Я и не напрягаюсь.

— Какая кожа гладкая, — говорила она, поглаживая его спину. — Да ты просто стальной вес. Я никогда не встречала такую кожу. Поразительно.

— Ну, все, все, хватит, — попросил он.

Оксана неожиданно уселась на него верхом.

— Пока ты не станешь нормальным человеком, не отстану, — заявила она, энергично растирая ему спину. — Просто робот какой-то, терминатор чугунный.

— Слушай, Оксана. У меня акклиматизация, понимаешь?

— Понимаю.

Он за руку довел ее до служебного номера, где обнаружил Федора Ильича.

— А я уже Ксюшины вещи сюда перенес.

— Дядя Федя, вы не родственники? — спросил Марат.

— А русские все как родственники, особенно на чужбине.

— Понятно. Русская мафия.

— Не видел ты мафию, Маратик, — строго заметил старик. — Что же касается русских, то ведь нас по всему миру раскидало. Не удивляйся, если в магазине к тебе обратятся по-русски. Многие у вас в Союзе учились, многие со специалистами вашими работали. Про русачек-жен я и не говорю, этого добра везде хватает. Да и просто так люди сюда приезжают из России. Сейчас это легко. На три месяца визу получаешь как турист. Начинаешь тут свое дело. Как бизнесмен оформляешь уже двухлетнюю визу, а потом просто продлеваешь. Было бы желание. А работу здесь человек из России всегда найдет. Московские и питерские дипломы тут ценят почти как американские.

— Не понял, — сказал Марат. — Ты мне предлагаешь остаться, что ли?

— Что ты, что ты! Просто рассказываю, как тут русские устраиваются! Ну а вы как,

познакомились?

— Почти, — сухо ответила Оксана и закрылась в своем номере.

«Кажется, я ее обидел, — подумал Марат. — Кажется, она решила, что я идиот. И кажется, она не ошиблась».

Глава 5. Неповторимая атмосфера праздника

Наверно, все любят получать подарки. А вот Вадим Гранцов не любил. Наверно, это пошло с детства. Они жили бедно, особенно после того, как погиб отец. И когда мама дарила ему что-нибудь на день рождения, он не радовался, а смущался. Ему было стыдно оттого, что на него потрачены такие деньги. Лучше бы мама купила себе лишние сто грамм конфет, которые она так любила. Тогда он, конечно, не мог знать, какое это счастье — дарить что-нибудь своему ребенку...

Так вот, подарков он не любил. Но от дареной магнитолы Гранцов отказался не только по причине своего скверного нрава.

Во-первых, она ему была не нужна. Во-вторых, в ней мог быть встроен «жучок».

Как только Гранцов пересек границу Российской Федерации и покинул борт самолета, он оказался за линией фронта. По крайней мере, ему было удобно считать именно так.

Ксенофонта он сразу мысленно окрестил «белогвардейцем», хотя по возрасту тот тянул, скорее, на «власовца». Но Гранцову все русские старики, которых он встречал за границей, казались эмигрантами первой волны. К ним он относился с сочувственным любопытством и не считал врагами. Но и на их помощь — не рассчитывал.

Своих попутчиков Вадим уже окончательно влил в ряды «глобалистов». Эти люди достигли больших успехов, если измерять успех деньгами. Они и не знали других единиц измерения. Гранцов не собирался их перевоспитывать или бороться с ними. Они имели право жить так, как хотели. Но, оказавшись вместе с ними за линией фронта, Вадим Гранцов мог ожидать от «глобалистов» любой гадости. Насколько он успел изучить эту породу, для них не имело значения, из какого источника поступают деньги к ним в карман. Следовательно, для них не имело значения, на чьей стороне работать. Для них даже не существовало такого понятия — «сторона». Существовали «заказчики» и «исполнители», существовали «сроки выполнения работ» и «цена контракта». А услышав о «линии фронта», они бы просто расхохотались.

Марат Кирсанов казался своим. Слишком своим. И в Чечне он был одновременно с Гранцовым, и даже ранение получил такое же, как Вадим. Слишком много совпадений. Но говорил он искренне и не врал, хотя и мог бы, например, разукрасить свое боевое прошлое. Гранцов по себе знал, как трудно удержаться от небольших преувеличений и домыслов, когда рассказываешь о войне. Тем более, когда речь идет о такой войне, про которую ничего хорошего не расскажешь.

Была в нем еще одна черта, которая понравилась Гранцову. Марат не стеснялся переспрашивать. Правда, немного странно, что взрослый парень, работающий референтом в солидной фирме, не знает значения таких слов, как сафари и петтинг.

В общем, с некоторыми оговорками, сержанта Кирсанова можно было зачислить в резерв самопровозглашенной ГСпН, то есть группы специального назначения, заброшенной сюда с целью выхода в район Сан-Деменцио.

Командир группы, он же и единственный ее боец, Вадим Гранцов после посещения пляжа решил провести рекогносцировку местности. С полотенцем через плечо он бродил по коридорам отеля, читая таблички на стенах и дверях служебных помещений. Особо заинтересовали его технические лифты, пожарные лестницы и мусоропроводы.

Сталкиваясь с обслуживающим персоналом, он начинал улыбаться и говорить по-русски. Персонал сразу избавлялся от счастливой улыбки и довольно неласково указывал бестолковому туристу дорогу на третий этаж.

Он услышал колокол, зовущий к обеду. Остановившись у служебного лифта и любуясь

через узкое окно видом на задворки отеля, Гранцов подождал, пока за его спиной прошаркает по коврам последний коридорный юноша. Из ресторана доносились звуки самбы, которые не могли заглушить многоголосый гомон и позвякивание сотен вилок. Вадим еще раз оглянулся и зашагал вниз по узкой винтовой лестнице.

Перед серой дверью с запрещающим знаком он остановился, выждал несколько секунд и бесшумно приоткрыл ее.

Длинное помещение было заставлено рядами черных мешков. В дальнем конце комнаты от стенки к стенке тянулся длинный стол, заваленный разнообразным мусором: пустыми бутылками и банками, коробками и тряпками, газетами и банановой кожурой.

Вадим услышал чьи-то шаги в глубине этого мусороприемника и взлетел по лестнице обратно на площадку перед лифтом.

Он побродил еще немного, перекусил в баре — куриная ножка и стакан колы, все бесплатно — и поднялся к себе в номер. В коридоре он встретил Марата.

— Вы пообедали? — спросил Кирсанов.

— Да.

— Обидно. У меня куча еды осталась. И виски есть. Будете?

— Не сейчас, — ответил Гранцов. — Что-то меня разморило. Ты разбудишь меня, когда на футбол начнешь собираться?

— Есть, — ответил Марат.

Прежде чем заснуть, Гранцов решил разорить фирму Глобо и за ее счет позвонить домой. Телефонистка говорила с ним по-английски, и он, немного запинаясь, продиктовал ей номер Регины.

— Вадим? Я не могу заснуть, жду звонка. Хорошо, что ты позвонил. Как долетел? Как там, не слишком жарко? Где ты устроился? Море близко?

— Привет, — смеясь, проговорил он. — Можно мне вставить словечко?

— Вставляй, — обиженно ответила она.

— Ну, не дуйся. Ты хорошо меня слышишь? У меня все нормально. Только пока я застрял в отеле. В Сан-Деменцио хотел улететь, но нашу группу задержали тут. Как ты?

— Спасибо. У тебя все?

— Что тебе привезти?

— Ананасы и бананы.

За счет фирмы он сумел уговорить жену не капризничать, и к концу разговора ее голос снова потеплел.

— Страшно скучаю, — сказала она.

— Осталось немного, потерпи, — ответил он на прощание.

Положив трубку, он с запоздалым раскаянием подумал, что надо было все-таки предупредить Регину: ее телефон был поставлен на прослушивание. Таким, немного варварским, способом Вадиму полагалось передавать информацию для Деда и «смежников».

Автобус подали к отелю за час до игры, хотя до стадиона можно было бы и пешком дойти минут за двадцать (судя по плану города). Кроме группы «Сафари», на футбол отправились и двое любителей карнавалов: юрист Гурьев с горном, и политолог Нужнов с трещотками. К ним присоединился смуглый незнакомец, чернявый, с висячими усами. Он представился коротко и важно: «Василь из Одессы». Знакомясь, он приподнял белую широкополую шляпу. Костюм на нем был такой же, как на Кирсанове, только цвета голубой мечты.

Последним пассажиром оказалась девушка, которую привел с собой Ксенофонов. Ее звали Оксаной Рамирес, она носила рубашку и шорты цвета хаки, ее черные волосы были заплетены в две косички. И была она персональным гидом группы «Сафари».

Как только автобус вырулил за территорию «Глобо Туризм» и оказался на городской улице, Гранцов посмотрел на часы и понял, что к началу игры они не успеют. Улица была заполнена толпой. Автобус осторожно катился в людском потоке со скоростью ленивого пешехода. Ритмично бухали барабаны, заливалась боевая труба, толпа возбужденно гудела,

шаркая по асфальту.

— Прямо Первое Мая, — сказал Кирсанов.

— Так для них это и есть Первое Мая, — сказал Федор Ильич. — Праздник души, именины сердца. Ты посмотри, какие лица просветленные. Можно подумать, никаких забот у них, никаких проблем. И как идут, как идут... Какая силища несметная. Идут и идут, и ничем ты их не остановишь. Так вот посмотришь на них сверху и начнешь понимать, что такое народные массы. Парады всякие, демонстрации трудящихся — это ведь не просто так. В толпе человек силу свою понимает. А те, которые во время парада на трибуне стоят и ручкой машут, те от толпы заряжаются. Говорят, в Советском Союзе отменили парады?

— Отменили вместе с Советским Союзом, — сказал политолог.

— И совершенно напрасно. Это же такой праздник для души. Ты посмотри, какие лица...

— Вы еще увидите их после игры, — сказала Оксана.

— Лучше не видеть, — сказал старик. — Это будут совсем другие люди. Лишь бы наши не проиграли.

— А что тогда? — спросил Марат.

— Тогда гаси свет, сливай воду, — засмеялся Василь. — Разнесут все к чертовой матери.

Над толпой нестройно колыхались бело-зеленые флаги, среди которых Гранцов неожиданно разглядел плывущее над головами разукрашенное распятие. Трехметровый крест был обвит белыми и зелеными лентами.

«Хорошо еще, что не додумались нарядить фигуру на кресте в футбольную форму», подумал Вадим.

— Ничего себе талисман, — повернулся к нему Марат. — Видите?

— Лучше бы не видел.

— Это наши новые евангелисты, — как бы извиняясь, заговорил Ксенофонов. — Сейчас тут новое поветрие. Все записываются в церковь Крещения, заново крестятся, читают Писание на каждом перекрестке...

— Как-то странно они читают, — заметил Гранцов. — Евангелистам здесь не место. Может быть, у них какое-то другое Писание? Адаптированное?

— А что, Евангелие запрещает футбол? — насмешливо спросил политолог Нужнов. — Я несколько раз читал, ничего такого не встретил.

— А слово «грех» встречалось вам? А «гордыня»? А «гнев»? — Гранцову не хотелось спорить с политологом, но он увидел, что Марат напряженно ждет его ответа, и потому продолжал: — Фанаты уповают на помощь Бога. Они почему-то думают, что Бог предпочтет их. Наверно, из-за того, что они несут над собой такое красивое распятие, Бог позволит кожаному мячу чаще залетать в чужие ворота. Допустим, их команда победит. Чему будут радоваться эти люди? Тому, что они оказались сильнее других людей. Эти люди будут думать, что они лучше своих братьев. Вот в этом — весь спорт. Доказать, что ты лучше другого.

— Что в этом плохого? Это естественное стремление к первенству! — раздраженно перебил его Нужнов. — В каждой стае должен быть лидер.

— Лидер — это должность. Лидер не лучше других, он всего лишь делает свое дело. Но мы не об этом. Мы — о евангелистах. Они, наверно, еще не прочитали, что у Бога нет лучших. Его солнце равно согревает и гениев, и злодеев, и святых, и грешников. Поэтому спорт сам по себе — греховное занятие.

Спорт сеет раздоры между людьми. А людей надо объединять. Спорт — это шоу-бизнес. А там, где шоу и где бизнес, там обязательно и похоть, и обман, и постыдная корысть.

— Ну давайте запретим его, чтобы угодить Богу, — предложил Нужнов.

— Не получится, — с сожалением ответил Вадим. — Рыночная экономика не позволит. Шоу-бизнес — это махина покрупнее ВПК. А если серьезно, то я ведь не против спорта. Сам

люблю посмотреть хороший хоккей, например, или теннис, или даже бокс. Только я за счетом не слежу, просто люблю процессом. Так спокойнее. Чистое искусство. Результат не имеет значения.

— Чем можно любоваться в боксе? — спросила Оксана.

— Чем же еще? Человеком.

— Вот вы и попались, — политолог обличительно выставил палец. — Любуетесь боксом, значит, поощряете насилие, то есть грех! Боксеры ненавидят друг друга, значит, вы любуетесь ненавистью!

— Кто вам сказал, что ненавидят? Иногда они даже обнимаются после боя, не замечали? Вы про Формэна слышали? Чемпион мира, профессионал. И при этом — священник. Бокс не мешал ему проповедовать любовь к ближнему.

— А футбол, значит, мешает? — не унимался Нужнов.

— Не сам футбол, а вот эта грязь вокруг него. Вот эти «евангелисты» мешают. Они любят только себя, а надо любить всех.

— Как это — всех? — спросил Марат.

— Как получится, — отшутился Вадим и отвернулся к окну, чтобы прекратить дискуссию.

— Нет, они все-таки козлы, — Марат постучал пальцем по стеклу. — Я еще понимаю, если бы христианская команда играла с мусульманской, но здесь же свои рубятся! Одна вера, один язык. Нет, вы меня, конечно, извините, но они — козлы.

Дорогих интуристов разместили в застекленной комфортабельной ложе. Крутящиеся кресла, столики с пепельницами, бар за спиной, несколько телевизоров и наушники с комментарием на пяти языках. Юрист и политолог сразу оседлали табуреты у стойки и принялись изучать испанский язык методом тыка: Гурьев тыкал пальцем в бесконечную витрину, бармен произносил название напитка, после чего напиток дегустировался. Но, как только началась игра, они накупили в баре пива и отправились на трибуны. В конце концов, они пересекли океан, чтобы окунуться в атмосферу праздника, как было написано в рекламном проспекте Глобо.

Насколько Вадим Гранцов разбирался в футболе, сегодняшняя игра была хороша. Виртуозная техника, неподдельная страсть и артистичное судейство. Рев трибун доносился сквозь толстое стекло. Когда в ворота гостей был назначен пенальти, задребезжали бокалы на столике — это болельщики оказывали давление на вратаря. И добились своего. Вратарь прыгнул в одну сторону, мяч полетел в другую, а автор гола помчался вдоль трибун, раздирая на себе майку.

— А не было никакого нарушения, — возмутился Кирсанов. — Судья-то на ваших работает.

— Судья тоже человек, — сказал Федор Ильич. — Его дома дети ждут.

— Откуда у футбольного судьи дети? Какая дура за него выйдет, за смертника? — хохотнул Василь, азартно захлопал в ладоши и вскочил с места. Он болел за обе команды и радовался каждому голу.

Его энтузиазм, однако, никому не передался. Гранцов заметил, что Федор Ильич и Оксана обмениваются тревожными взглядами. Минут за десять до конца матча в ложу пришел водитель автобуса. Он остановился на пороге и постучал пальцем по часам.

— Может быть, начнем собираться? — сказал Федор Ильич. — А то застрянем надолго.

— Ладно, — неожиданно легко согласился Василь. — И так все ясно. Пора уносить ноги.

— Спускайтесь к автобусу, а я остальных позову, — распорядился старик, нервно поправляя шляпу.

Лестница была усеяна окурками и пивными банками. Внизу у дверей толпились солдаты в касках и с прозрачными щитами. Они неохотно расступились, пропуская иностранцев к автобусу. При этом, поправляя амуницию, каждый норовил задеть

проходящих — кто локтем, кто дубинкой.

Водитель уже запустил двигатель и поглядывал в зеркала, а Федора Ильича все не было. Где-то вверху отдавался рев стадиона. Внезапно рев усилился и достиг высочайших нот.

— Все-таки продули, — констатировал Василь. — Где же чертов дед? О, гляньте, уже несут одного.

Мимо автобуса на носилках пронесли раненого. Одной рукой он прикрывал глаз, другой яростно молотил воздух.

Стоянку вдруг заполнили люди в разорванной одежде. Они на бегу молотили по машинам обломками своих флагов. За ними гонялись солдаты.

— А вон и наши, — заметил Василь и показал пальцем.

Гранцов не видел «наших». Он видел толпу, которая выдавливалась из ворот стадиона, и многие почему-то шли спиной вперед. Только привстав, он увидел в передних рядах белую шляпу Федора Ильича. И еще он увидел, как взлетают и опускаются на эту шляпу руки толпы.

В инструкциях, полученных в турфирме перед отлетом, было подробно описано, как вести себя во время массовых беспорядков. Сейчас туристам следовало оставаться в автобусе, держась подальше от окон. Но тут Гранцов услышал, как Василь вскрикнул:

— Наших бьют!

Кирсанов вскочил со своего места и схватил водителя за плечо:

— Давай туда, поближе к ним!

— Ноу, сэр.

— Давай, я сказал!

Автобус взревел, развернулся на пятачке и надвинулся на толпу, непрерывно сигналив.

Оксана отодвинула дверь и, стоя на подножке, кричала что-то умоляющее. Толпа расступилась, и Федор Ильич, придерживая помятую шляпу, забрался в автобус. Но туристы оставались в окружении. Толстяк Гурьев был почему-то голый по пояс, у Нужнова белая сорочка на спине порвалась ровно посередине до самого воротника.

Они пытались уклоняться, прижимая руки к груди и отворачиваясь во все стороны, а толпа била их по спине, по шее, по затылку. Кто-то обрызгал их черной краской из баллончика. В толпе раздался смех, улюлюканье, поднялся пронзительный свист.

— От же гады! — крикнул Василь и выскочил из автобуса.

Он пробился к туристам и, схватив одного за руку, потянул за собой. Но споткнулся и упал, и толпа сомкнулась над ним.

— Ой, забьют ребят, ой забьют, — запричитал Федор Ильич.

— Солдаты чего смотрят? — спросил Гранцов.

— Так пока машины не трогают, стекла не бьют, — сказал старик, вытираясь синим платочком. — А в драки они не вмешиваются. Никаких солдат не напасешься на драки.

— Значит, не вмешиваются? — уточнил Кирсанов. — Тогда, дядя Федя, я тебя прошу как родного. Сделай так, чтобы автобус от меня не отстал.

— Погоди, чемпион, — Гранцов хлопнул его по плечу. — Тебе как удобнее, слева встать или справа?

— Все равно.

— Тогда я слева. Вперед.

Они выбрались из автобуса и встали перед ним. Шаг за шагом продвигаясь вперед и повторяя «пардон, сеньор, пардон», Гранцов работал кулаками. Он старался не сбивать с ног, а только оглушить того, кто стоял на пути, и столкнуть его в сторону. Примерно так же действовал и Марат справа от него. Автобус послушно поддавливал сзади. Они подоспели вовремя. Двое любителей самбы уже скорчились на заплыванном асфальте, прикрывая уши руками. Василь волчком вертелся над ними, отпихивая руками и ногами наседавшую толпу.

— Встать! — рявкнул Гранцов. — Живо в машину!

Нужнов вскочил первым и, наступив на Гурьева, кинулся к спасительной двери.

Гранцов вместе с Маратом еле-еле поставили толстяка на ноги и затолкали в автобус. А Василь прикрыл их сзади. Он отступал с боем, раздавая налево и направо звонкие зуботычины. Каждый его удар сопровождали восторженные крики болельщиков. Еле удалось затянуть его в салон и захлопнуть дверь.

Автобус, осыпaeмый ударами и градом пивных банок, откатился к стоянке, где уже выстроилось оцепление. По улице прогрехотал допотопный гусеничный броневик, и толпа перенесла огонь на него.

Кирсанов, отряхивая свой белый пиджак, сел рядом с Вадимом и сказал с усмешкой:

— Неплохо получилось. Оказывается, можно проповедовать любовь к ближним и при этом крошить их налево и направо.

— А ты не знал? Любовь иногда выглядит довольно странно, — ответил Гранцов, зализывая разбитый кулак.

— Вот и сходили на футбол, вот и провели культурно время, — горевал Федор Ильич.

— А шо? Очень даже культурно, — заржал Василь, обнимая за плечи спасенных.

— Это называется «окупаться в атмосферу праздника», — заметил Нужнов.

— Нормально потусовались, — беззлобно махнул рукой Гурьев. — Хорошо еще, что менты не вмешивались.

Когда автобус остановился на пандусе отеля, Василь заявил:

— Приглашаю всех. Это дело надо отметить.

— Надо-то надо, — согласился Гурьев, — только на какие шиши? В гостинице к водке не подступиться.

— Нет проблем! — Василь щелкнул пальцами. — Скинемся по доллару. И я организую напиток богов.

— У меня с собой нет, — замялся толстяк. — И неудобно в таком виде...

— Нет, господа, спасибо за приглашение, — Нужнов развел руками, — но сами видите, в каком мы состоянии. Мне сейчас надо принять ван-н-ну, выпить чашечку коо-фе.

Он один засмеялся своей цитате и заторопился к лифту. Юрист Гурьев вразвалку зашагал за ним.

Василь смотрел им вслед, сдвинув шляпу на лоб и почесывая затылок.

— Не надо скидываться, — сказал Марат. — У меня в номере заначка. Василь, ты как насчет виски?

— Некоторые сорта виски бывают не хуже самогона, но до горилки все равно не дотягивают, — ответил украинский патриот.

Они поднялись в номер к Марату. Гранцов перенес из своего номера пару стульев, и дружная компания соотечественников расположилась на балконе, чтобы отметить свое счастливое возвращение. Действительно, все могло кончиться гораздо печальнее, судя по тому, что за оградой отеля то проносились машины «скорой помощи», то громыхал гусеницами очередной броневичок.

Гранцов не пил, а только подносил стопку к губам и вдыхал соблазнительный запах. Он не мог себе позволить никакого алкоголя за линией фронта.

Оксана сделала себе виски со льдом. Точнее — лед с капелькой виски. Зато остальные гости не стали портить добавками качественную продукцию шотландских мастеров.

Старик Ксенофонов взял на себя роль тамады, и умело направил застолье по чисто русской колее, руководствуясь двумя главными правилами: «После первой не закусываю» и «Между первой и второй — перерывчик небольшой».

Марат Кирсанов поделился секретом, который сам узнал совсем недавно: оказывается, виски можно запивать пивом — и наутро не будет болеть голова.

А Василь сказал, что самое полезное питье — это самогон из бурака.

Его аргументов Гранцов не расслышал, потому что в дверь номера кто-то постучал, и он пошел открывать. На пороге стоял директор русской дирекции Рональд Старк. Он же Роман Старицын.

Роман Старицын, заглянув в номер, просто застыл от изумления, увидев Кирсанова со

стопкой в руке.

— Ты пьешь?

— А шо такого? — вступился Василь. — Все нормально.

— Это фантастика, — сказал Старицын, присаживаясь к столу. — Кирсанов не пьет и не курит.

— Я многому научился, как видишь, — сказал Кирсанов. — Мы, русские, вообще способная нация.

— Одна головная боль у меня от вашей способной нации, — скорбно заметил Старицын. — Как русская группа, так обязательно пьянка, драка, кражи в магазинах. Плюс огромные чаевые персоналу. У меня мальчики на русских группах за неделю получают больше, чем менеджер за месяц.

— Завидуешь?

— Да нет, просто жалко мальчиков, которые не могут устоять перед соблазном. Каждый должен получать по уровню своих заслуг перед фирмой, а не перед отдельным клиентом. Если мальчики берут такие чаевые и не сдают их менеджеру, приходится их переводить на нижние уровни. А что делать? Приходится наказывать.

— Налить, Олежек? — спросил Василь, обращаясь к Роману Старицыну.

— Я пас, — ответил тот, бросив недовольный взгляд. — Хотел бы посидеть с вами, но дела, дела. Встреча в казино с очень важным гостем. Кстати, Марат, не хочешь поиграть? Как насчет рулетки? Я быстро освобожусь. И мы с тобой там же и посидим. У нас отличное казино, не пожалеешь.

— Я никогда не играл в рулетку.

— Вот и попробуешь. Надо все попробовать.

Оксана, сидевшая рядом с Маратом, прижалась к нему плечом:

— Возьми меня с собой. Я везучая.

Марат Кирсанов отыскал взглядом Гранцова и спросил:

— Вадим Андреевич, вы как настроены? Спать или гулять?

— Спать я мог бы и дома.

Роман Старицын встал и посмотрел на часы:

— Тогда я вас обоих жду на седьмом этаже, красное крыло.

— Олежек, налить? — пьяным голосом предложил Василь.

— Вы бы хоть закусывали, — поморщился Роман. — И вообще, Василек, тебе еще завтра работать, не забывай.

Василь вышел вместе с ним, но почти сразу же и вернулся. И на столе появилась закуска — черствый хлеб и шматок сала. Раскрасневшись и раздевшись до пояса, Василь щедро делился остатками своих стратегических запасов. Ему оставалось кантоваться в отеле еще пару дней, отработать, а потом он вернется на родину, где его ждет свежий хлеб и свежее сало. Он всегда брал с собой в командировку хлеб и сало и настоятельно рекомендовал окружающим поступать так же. А еще он рекомендовал посетить местный автомобильный аукцион. Самый дешевый аукцион в Западном полушарии. Самые роскошные машины и самые низкие цены. Кирсанов напомнил о телушке, которая за морем полушка. Но у Василя и здесь все было схвачено. С доставкой проблем не будет: в порту ждет сухогруз под непонятным флагом, но команда вся наша, никаких проблем, спокойно встречайте свой груз в Одессе.

— Осталось только смотаться в Сан-Деменцио, а потом ту-ту-у, пароход! И самое синее в мире, Черное море мое, Черное море мое...

— Давай с нами, — предложил Кирсанов. — Мы завтра как раз в Сан-Деменцио летим. Махнем с нами, а?

— Нет, я своим ходом, — отказался одессит. — Тачку туда перегоню, и свободен.

— Каким «своим ходом»? Туда же только самолетом можно долететь, — спросил Гранцов.

— А у меня тачка — круче любого самолета! Подпевайте, хлопцы! Самое синее в мире,

Черное море мое, Черное море мое...

Глава 6. Беспроигрышное казино

Пирушка закончилась неожиданно. Ксенофонтов отлучился в туалет и не вернулся. Гранцов обнаружил его в своем номере, мирно спящим на диване перед телевизором.

Он накрыл старика пледом, а сам уселся в кресло рядом. На балконе слышались пьяные голоса Василя и Марата, иногда раздавался смех Оксаны.

На экране появилась заставка новостей, и Гранцов прибавил звук. Диктор говорил по-английски, но Вадим понял бы его даже на китайском, потому что главной новостью были беспорядки в районе стадиона.

Беснующиеся фигуры вокруг опрокинутой горящей машины. Разбитая витрина, из которой выскакивают люди с коробками. Угрюмые лица солдат в оцеплении. Вид сверху: черная лавина толпы выливается на ярко освещенную площадь из прилегающих улиц. Из броневика с водометом бьет пенная дуга. Слишком высоко. Вода, падая дождем сверху, только охлаждает разгоряченную толпу вместо того, чтобы размывать ее.

— Ребята, я — козел! — воскликнул Кирсанов, появляясь в проеме балконной двери и путаясь в прозрачных занавесах. — Меня друг ждет в казино, а я тут прохлаждаюсь! Вадим Андреевич, вы где? Мы идем в казино! Надо все в жизни попробовать!

Вадиму Гранцову не хотелось никуда идти и ничего пробовать. Он бы охотнее побеседовал с одесситом о дороге на Сан-Деменцио. Интуиция подсказывала, что завтрашний «трансфер» может сорваться так же, как и сегодняшний. Опять могут найтись какие-нибудь ужасно уважительные причины, и вместо сафари на джипах Гранцову придется наслаждаться видом трясущихся ягодиц на улицах Рио.

«Если опять не будет самолета, поеду с Василём», решил Гранцов. «В конце концов, у меня путевка. Раз написано — сафари, значит — сафари. Вас, ребята, за язык никто не тянул. Обещали — выполняйте».

Впервые за все это время он порадовался, что рядом нет Регины.

Кирсанов одернул пиджак перед зеркалом и пригладил волосы.

— Вадим Андреевич! Я готов!

— Подожди минутку, — попросил Гранцов, подталкивая его к ванной. — Ну-ка умойся. У тебя краска черная за ухом. И за вторым тоже.

— Это те козлы на стадионе!

— Да-да, на стадионе. Снимай пиджак.

Марат плескался под струей довольно долго, потому что, на взгляд Гранцова, краска никак не хотела смываться. Конечно, никакой краски не было. Просто парню надо было хоть немного протрезветь, прежде чем отправляться в такое опасное место, как казино.

Роман Старицын в черном костюме поджидал их у входа, сидя на багровом плюшевом диване и разговаривая по сотовому телефону. Не прерывая фразы на отличном английском, он извинился улыбкой и пожатием плеч, достал из кармана столбик разноцветных жетонов и протянул их Кирсанову.

— И что с ними делать? — спросил Марат.

— В «чапаевцы» играть, — пьяно засмеялся Гранцов.

Старицын прикрыл трубку ладонью и сказал:

— Начинайте без меня, я вас найду.

Красные глубокие ковры под ногами, синие столы в форме подков, фонтан посреди зала. В углу — эстрада с роялем и гитарами на стульях. Музыканты еще не пришли, еще слишком рано. Но уже нет свободного места у рулетки, где шипит колесо и щелкает шарик, и роскошные женщины прихорашиваются у огромного зеркала. Скоро начнется. Начнется вечный праздник. Праздник состоится при любой погоде. Да, кажется, где-то стреляют? Ну и что?

Они побродили по игровому залу, постояли у аквариума, в котором плавали пираньи,

если верить предостерегающей надписи на пяти языках. На вид ужасные хищники были совсем не ужасны. Лещи как лещи. Даже, скорее, подлещики. Вот только челюсти великоваты. Такой лещ клюнет так клюнет... Кстати, о лещах. Где тут у них пиво?

Забравшись на высокие табуреты у стойки, Гранцов и Кирсанов заказали пиво, и бармен удивленно вскинул брови.

— Никто не начинает вечер с пива, — сказал Роман Старицын, подсаживаясь на соседний табурет.

— А мы и не начинаем, — ответил Вадим и икнул, изображая предпоследнюю стадию опьянения. — Мы уже за-заканчиваем.

— А почему пиво нельзя? — обиделся Кирсанов.

— Можно, здесь все можно, — усмехнулся Роман. — Но первая и последняя выпивка за счет заведения. Так что обычно все начинают и кончают самым дорогим коньяком или виски.

— Грамотно, — похвалил Гранцов.

— Конечно, — поддержал Марат, — когда без штанов уходишь, а выпить охота. Четко придумано!

— Да, — сказал Старицын. — Бывает, что проиграешь все на свете. Кажется, полный крах. Жить незачем. Но потом все как-то устраивается. Я ведь столько здесь пережил. Целый роман. Как говорится, и взлеты, и падения. А где Оксана? Вы же вместе были.

— Потерялась по дороге, — сказал Кирсанов. — Еще по пиву?

— Вот тебе еще один роман... — Старицын устроился поудобнее, расставив локти на стойке. — Беззащитное создание, выброшенное судьбой на помойку. Она ведь тоже здесь не по своей воле. Попала у себя в Киеве в компанию нехорошую. Поклонники всеобщей любви. Была там любовницей всех подряд. Потом выдали замуж за иностранца, по сути — продали. А он ее даже до дома не довез. И немудрено. У него тут семья, дети. Он ее даже до города не довез, по пути сдал ее в притон. Представь себя на ее месте. Что бы ты сделал?

— Дошел бы до посольства пешком, — сказал Марат.

— Не дошла она до посольства, не дошла. Да и кто ее там послушал бы без документов? Хорошо, что я ее подобрал. А если бы мы не встретились?

— Жуткая история, — согласился Гранцов.

Старицын вытянул из внутреннего кармана пиджака два длинных розовых конверта:

— Я придумал, как украсить вашу программу в Сан-Деменцио. Вы же не намерены целый день кормить москитов? А кроме москитов, там нет других развлечений. Все эти гонки на джипах быстро надоедают. Да и погода может подвести. Так что вот, господа, это ваши билеты на семинар по фатта-до. Обещаю, что там будет на что посмотреть.

— Круто! — восхитился Гранцов, вертя конверт в непослушных пальцах. — Это надо обмыть! Так я не понял, что заказать? Я угощаю!

— Нет, господа. Здесь только я могу угощать, — мягко возразил Старицын.

— Ну, наше дело предложить... — Гранцов с шумом хлебнул пива и застыл, подперев щеку кулаком.

По всем правилам хорошего тона ему сейчас следовало отлучиться, чтобы дать поговорить старым друзьям. Но Старицын вовсе не был другом для Марата. И к тому же — Гранцову хотелось подслушать их разговор. Он был уверен, что присутствие пьяного соседа не помешает дружеской беседе.

— Так выпьешь чего-нибудь? — спросил Марат. — А то как-то неудобно. Что ты пьешь вообще? Виски с пивом пробовал?

— Я все пробовал. Мне все равно, что пить. Коньяк вкуснее, виски полезнее. Для работы полезнее. Деловые разговоры лучше идут под виски.

— Раньше ты тоже не пил.

— Раньше у меня был другой бизнес, — Роман Старицын пожал плечами. — Не только ты сменил занятие.

— Мне тоже приходится пить на работе, — сказал Кирсанов. — Сейчас у нас вопросы

решаются только в кабаке, в сауне, на шашлыках. Верно, Вадим Андреевич?

Гранцов не ответил, сосредоточенно разглядывая пену над бокалом.

— У нас тоже все решается в ресторане, — сказал Старицын. Я имею в виду остальной мир.

— Ага! То есть я работаю в России, а ты во всем остальном мире, так, что ли?

— Ну, весь мир мы еще не охватили, — скромно признал Роман Старицын. — Может быть, с твоей помощью получится. Хочешь подключить свою фирму к мировому товарообороту?

— Я могу соединить тебя с шефом, — сказал Кирсанов. — Будешь в Питере, организую вам встречу.

— А зачем? Мне удобнее работать через своих людей. Ты согласен представлять мои интересы в твоей фирме?

— Смотря что тебя интересует.

— Начнем хотя бы с того, о чем ты на пляже говорил.

— Легкое стрелковое? Это так просто не решается, — небрежно сказал Кирсанов. — Боевым мы не торгуем, а гражданское и спортивное тебе, наверно, не нужно.

— Почему ты так решил?

— Невыгодно. Здесь рынок поделен между двумя китами, китайский «Политех» и штатовский «Интерармз». Они нас и по цене, и по ассортименту перебьют.

Роман Старицын подвинул к себе вазу с орешками, придирчиво выбрал ядрышко, повертел в пальцах, осмотрел и, наконец, отправил в рот.

— Кто не рискует, тот не побеждает, — сказал он. — У нас с тобой будет, по крайней мере, одно преимущество перед штатовцами. Товар. У нас нет рекламы, нет сети, нет государственного прикрытия. У них все это есть в избытке. Но этот избыток им же и вредит, потому что отражается на цене. А теперь посмотрим, что есть у нас? У нас есть очень хороший товар. Наш товар будет новым, дешевым и с хорошей репутацией. У русского оружия всегда была хорошая репутация.

— Мне не нравится, что он будет дешевым, — сказал Кирсанов.

— Это не отразится на твоих доходах, — пообещал Роман Старицын. — Мои экспедиторы получают больше, чем я сам.

— Я референт, а не экспедитор.

— Называй эту работу как хочешь, но ты будешь зарабатывать хорошие деньги. Будешь летать сюда два раза в год, после каждой сделки — двухнедельный отдых за счет фирмы. Нравится тебе здесь?

— Нормально, — сказал Кирсанов.

— Скоро здесь будет еще лучше. Возможно, что очень скоро, — Роман Старицын загадочно улыбнулся. — Ты пойдешь играть?

— Нет. Уж лучше я тут посижу. Привычнее.

— От привычного надо избавляться, — сказал Роман Старицын. — Надо чаще обновлять жизнь. Человека губит однообразие. Давай сыграем хотя бы в покер.

— А если я все продую? Если уйду отсюда без штанов?

— Маловероятно. Но в любом случае ты ничего не проиграешь. Игра сама по себе уже выигрыш. В этом зале все мое, видишь? Столы, фишки, люди. Все это мое. Но без игры все теряет смысл. Здесь все играют, даже скот.

— Кто? — не понял Кирсанов.

— Скот. Все эти лифтеры, гиды, носильщики, охранники, администраторы. Это наш скот, рабочие лошадки. Хорошо, сиди тут, жди меня, — сказал Роман Старицын. — Я сейчас вернусь. Поговорим более конкретно.

«Интересно, — подумал Вадим Гранцов, — зачем директору туристической компании связываться с поставками стрелкового оружия?»

— Слыхали, какое мне предложение поступило? — спросил Кирсанов.

— Слышал.

— Что скажете?

— Предложение поступило тебе, тебе и решать.

— Не верю я ему, — оглянувшись, сказал Марат. — То он проповедник, то туризмом занимается. Теперь вдруг оружием интересуется.

— Он же тебе объяснил. Его интересует не оружие, а товар. Любой перспективный товар. Он просто хочет заработать немного денег на перепродаже хорошего товара.

— Вы так говорите, как будто оправдываете его.

— Ты спросил, я ответил. Ну что, пойдешь играть?

— Нет, не пойду. Перепродажа, значит? И вам все равно, кому он перепродаст оружие?

— А тебе?

— Я первый спросил, — по-детски заартачился Марат. — Вам все равно?

— В общем, да, — признался Гранцов. — Все, что здесь творится, нас с тобой не касается.

Кирсанов отставил свой бокал в сторону и всем телом повернулся к Вадиму:

— Как это не касается? А если наши «винторезы» попадут к террористам?

— Минутку. Пока ты говорил только о спортивном оружии.

— Так вы же знаете, как это делается! Начинают с пустяков, потом находят ходы к нужным людям. Сколько таких сделок я видел! Договариваются о покупке тягачей, а в вагоны грузят «бэтры» с полным боекомплектom! Так и Ромка. Начнет с «Сайги», перейдет на «винторезы», а закончит НУРСами.

— Ты и ракетами торгуешь? — спросил Гранцов.

— Вам надо? Пожалуйста. Система С-8 устроит? На вертолет подвешивается. Блок Б-8В20, 20 ракет калибра 80 миллиметров. Какие хотите? Есть кумулятивно-осколочные, есть бронебойные, есть осветительные. Могут пригодиться для подсветки народных гуляний после футбольного матча. Желаете?

— Ты не забыл, что нам с тобой завтра на сафари лететь? — напомнил Гранцов, слезая с табурета. — Пошли спать, сержант.

— На сафари вам понадобится гранатомет. Предлагаю АГС-17⁷. Очередью накрываете сектор леса, а потом собираете подбитую дичь, — Кирсанов покраснелся и вспотел, он облизывал губы, размахивал руками и, казалось, не собирается отсюда уходить.

— Ты остаешься? — спросил Вадим. — Будешь ждать своего друга? Ах да, вы же собирались говорить более конкретно. Не буду мешать.

— Он мне не друг, — сказал Кирсанов. И догнал Гранцова у выхода.

Они спустились к своим номерам. В коридоре за столиком под пальмой сидела Оксана.

— Вы ушли, а номера оставили открытыми, — с укоризной сказала она.

— Там оставался Федор Ильич, — Гранцов пожал плечами. — Не мог же я его выгнать. Он уже ушел?

— Он у меня остался. Куда ему идти в таком виде? С виду-то он крепкий, но все-таки семьдесят два года...

Она поднялась и протянула руку Гранцову, прощаясь:

— Спокойной ночи.

Он подавил усмешку, коснулся губами ее пальцев и быстро закрыл за собой дверь, оставив девушку наедине с Маратом.

«Наше дело стариковское», посмеивался Гранцов, укладываясь в просторную постель. Он похлопал по подушкам, пораскачивал упругий матрас. Ни скрипа, ни шороха. Идеальный сексодром.

Он попытался представить, как хорошо было бы ему здесь с Региной. Но мысли упрямо возвращались к разговору в казино.

Вадим Гранцов лежал в роскошной постели, слушая рокот океана за окном и

⁷ АГС -17 — автоматический гранатомет

приглушенную томную мелодию, и думал об оружии.

Он думал о том, что атомные бомбы, контейнеры с заринном и ампулы со спорами сибирской язвы на самом деле давно перестали быть оружием. От них никакого толку. Безумно дорогое производство, и еще более дорогое хранение накопленных запасов. А применить невозможно, потому что теряется сам смысл войны. Война — это захват, а не уничтожение. Смысл войны — победа. А победа — это мир, который лучше довоенного...

Ты рассуждаешь с позиции государства, сказал он себе. Да, государствам нет смысла уничтожать друг друга. Но есть и другая сила. Ее называют терроризмом. Эта сила стремится диктовать свою волю государству и угрожает все уничтожить. Значит, атомные бомбы кому-то еще нужны.

Нет. Не нужны они никому.

Ядерное оружие? Технически возможно изготовить бомбу дома. Но это очень сложно и дорого. Слишком много хлопот — раздобыть материалы, удостовериться в их качестве. Здесь нужно множество специалистов. А там, где собирается много народу, обязательно будут утечки информации. И высок риск внедрения агентов противника. И даже если террористам удастся раздобыть готовое устройство, возникнут новые проблемы. Как доставить его к цели? Как привести в действие без вреда для себя? Захватить пусковую установку СС-20? Угнать Боинг-52? Нереально. Можно использовать смертника, но, в таком случае, кто будет его сопровождать, наводить на цель, страховать? Легенды о камикадзе-одиночках годятся только для газет. В жизни за каждым смертником стоят десятки, если не сотни участников операции. А ведь они рассчитывают уцелеть. Как им это удастся после ядерного взрыва?

Химическое оружие. Отравляющие вещества легко раздобыть, особенно сейчас, когда с такой помпой началась эра его уничтожения. Ну, и что с ними делать? Газы трудно эффективно применить. Их уносит ветер, они моментально теряют концентрацию, да к тому же перед террористами снова возникает проблема — как самим уберечься от их воздействия. Газами хорошо пугать общественность, они могут вызвать панику. Достаточно запустить в вентиляцию метрополитена какую-нибудь вонючую смесь, чтобы в давке погибло несколько десятков пассажиров. Ну, добавим еще несколько сердечников. И это вы называете оружием массового поражения?

Что остается? Остаются вирусы в ампулах. Бактериологическое оружие. Для обывателя звучит страшнее всего. Но бактерии — они такие крошечные и беззащитные, они так привыкли к тепличным условиям комфортабельных институтов. Если их просто выпустить в мир, они не успеют даже заразить достаточное количество врагов, и быстро погибнут вне лаборатории.

Конечно, все эти трудности отступают на второй план, когда за дело берутся настоящие фанатики. Но у таких людей обычно есть какая-то идеология. А оружие массового поражения плохо сочетается с идеологическими задачами. Атомный взрыв или химическая атака косят всех подряд, налево и направо, правых и виноватых. Одно дело — применить такое оружие на поле боя, где врагов хотя бы условно разделяет линия фронта. И совсем другая история — рвануть чемодан с плутонием где-нибудь в центре Европы. Погибнет много посторонних. Могут пострадать и близкие. Допустим, заранее оповещенная родня укроется на безопасном расстоянии. Но что будет с их домами? И даже страшно спросить — что будет с их бизнесом после ядерного взрыва? Особенно больно будет потерять свои магазины, которые с таким трудом удалось разместить на бойком месте. Еще больнее потерять покупателей. Отсюда — всеобщая враждебность к борцам за свободу. Потеря поддержки либеральной общественности. И прочие издержки.

Нет, настоящие террористы нуждаются не в уране и не в холерном вибрионе. Они нуждаются в легком стрелковом вооружении. Компактном, бесшумном и надежном.

Оружие должно быть простым и легким, чтобы с ним могли управляться даже дети и женщины.

Да, боевые группы террористов могут состоять как раз из детей и женщин. И нападать

они будут на детские сады, больницы, школы, родильные дома. Государство может окружить защитой важнейшие объекты, может обеспечить охраной представителей власти. Но к каждой школе не поставишь батальон.

Контингент для таких групп все время воспроизводится — это сироты и вдовы, жертвы преступного режима. Они готовы умереть, чтобы отомстить за своих погибших мужей и отцов. И готовы убивать, чтобы кровью смыть улыбку самодовольного равнодушия с сытой физиономии благополучного общества. Им не хватает только оружия. Вроде нагана или ТТ, где даже предохранителей нет. Просто наводишь на цель и жмешь на спуск.

Двух-трех таких акций хватит для того, чтобы правительство начало геноцид в мятежном регионе. Это резко увеличит численность контингента и, соответственно, число ответных терактов. Численность охранников, медиков и спасателей возрастет в сотни раз. Управлять такой армадой невозможно. Транспорт будет парализован ложными сообщениями о подготовке терактов. А когда все привыкнут к ложной тревоге, начнутся настоящие взрывы. Закладка мин будет немотивированной. Любой жилой дом. Любой рынок. Любая автобусная остановка.

Наконец, общественность взвоят и потребует мирного решения. Правительство будет разрываться на части. На этой волне захотят подняться политики и авантюристы, которые своими выступлениями только ослабят власть. Страна проваливается в хаос. И тут в действие вступают новые боевые отряды, которые нацелены на нервные узлы государства. Даже несильный удар по жизненно важным точкам способен парализовать противника. И этот удар нанесут уже не женщины и дети, а хорошо подготовленные солдаты все с тем же легким стрелковым оружием. Чтобы захватить аэропорт, электростанцию или водозабор, не нужны танковые полки и ракетные дивизионы. Гранатометы, снайперские винтовки, надежная система связи. Пистолеты-пулеметы для ближнего боя. Легкие бронежилеты и противогазы.

И, конечно, террористам нужно много взрывчатки, чтобы молниеносно заминировать захваченные объекты.

Да, нужна взрывчатка... Которую лучше всего не закупать у посредников, а производить самим...

Что вполне достижимо.

«Я не сплю вторую ночь подряд», вдруг подумал Гранцов, пытаясь обнять Регину. И проснулся.

Глава 7. Аventura грандиоза

Кто бы мог подумать, что с одной бутылки виски человека может так развезти? Марат едва успел добраться до постели и повалился в нее, не раздеваясь. Засыпая и ругая себя, он вдруг вспомнил, что пил не только виски. У одессита с собой была бутылка медицинского спирта, и они разбавляли его лимонадом.

«Значит, во всем виноват Василь! То-то старик так быстро вырубился! Гранцов, однако, крепкий мужик, держится. А Оксана... Ой, как стыдно-то! С чего же я так надрался-то? Она будет думать, что я пьяница. Пьянь подзаборная. Пить хочу. Но вставать лень. Буду терпеть. Человек без воды может прожить трое суток. Терпеть. Терпеть! Все, больше не могу».

Он с трудом разлепил глаза и поднял чугунную голову.

— Ты что? — спросил кто-то. — Плохо тебе?

— Пить.

— Сейчас принесу.

Голос был женским. Марат вдруг понял, что лежит в постели голый. Нет, плавки на месте. Он не помнил, как раздевался. Натянул простыню на живот. Сел, опустив босые ноги на прохладный пол. В открытом шкафу белел его пиджак, аккуратно висящий на плечиках.

В темноте мягко хлопнул холодильник, послышались легкие шаги.

— Пива или воды? — спросила Оксана.

— Воды.

«Все! Больше никакого пива. Никакого спирта. Ведем здоровый образ жизни», решительно сказал себе Марат, жадно глотая ледяную колючую минералку.

— А ты что тут делаешь? — спросил он.

Оксана засмеялась:

— Тебя караулю. Какой же ты все-таки дикий.

— Извини. Спасибо за воду. Нет, серьезно, извини, — Марат сокрушенно тряс опущенной головой. — Что-то я расслабился. Акклиматизация. Ты пойми, это все-таки другое полушарие. Извини, Оксана, я козел. Не обижайся.

— Я не обижаюсь. Я тоже долго не могла привыкнуть.

— А ты давно здесь?

— Три года.

Марат имел в виду, давно ли она находится в его номере. Еще он хотел спросить, не натворил ли чего за это время. Но девушка поняла его по-своему.

— Первое время не могла спать по ночам. А сейчас уже иногда получается. Но все равно с трудом. Почему ты не ложишься? Постарайся выспаться, завтра мы проведем весь день в дороге.

— А ты почему не ложишься?

— Вот тебя уложу — и тоже прилягу. На диване. Если ты не возражаешь. У меня в номере Федор Ильич, а я к тебе перебралась. Не возражаешь?

— То есть, — Марат расправил плечи, — меня ты боишься меньше, чем старика?

Оксана, смеясь, мягко шлепнула его по лбу и, потянув за руку, уложила в постель.

— Тебя надо охранять, как ребенка. У тебя полные карманы фишек.

— Каких таких фишек?

— Из казино. На пять тысяч. Ты так много выиграл, надо было сразу обменять.

— Это Ромкины фишки. Я не играл. Надо ему отдать. Тебе удобно на диване? Кровать большая, ложись тут. Тут еще пять таких поместится, как ты. Серьезно, ложись, — он похлопал ладонью по постели, приглашая ее, словно кошку.

«Зачем? Зачем я это делаю? Все равно ничего не получится. Сейчас она обидится и уйдет», — подумал он. Но Оксана, нисколько не смущаясь, скинула рубашку и шорты, достала из корзины длинное полотенце.

— Уговорил. Только сначала — душ.

«Может, и мне сполоснуться на всякий случай?» — подумал Марат, но снова провалился в сон. Его разбудила прохладная мягкая рука, скользившая по груди. Он накрыл ее своей ладонью, и рука замерла на месте. Его ладонь обхватила тонкое детское запястье, поднялась выше по гладкой упругой коже. Пальцы нащупали довольно крепкие мышцы, косточку локтя, плечо, ключицу... Он осторожно, не открывая глаз, опустил свою ладонь на ее грудь, и твердая ягодка соска попалась как раз между его пальцев. Попалась — и тут же вырвалась. Оксана ласково отвела его руку обратно.

— Спи, спи, тебе надо отдохнуть, — прошептала она, прижимаясь к нему. — Завтра тяжелый день.

— Ты полетишь с нами?

— Конечно. Я все время буду рядом.

— Я больше не буду пить, — пообещал Марат.

— Все будет хорошо. Спи.

Утром он проснулся в постели один. Соседняя подушка еще хранила запах ее шампуня. «Было или не было?» — подумал Марат, и не смог ничего вспомнить. Он отправился под душ. В голове перемешались обрывки ночных разговоров, шелест и пощелкивание рулетки, бесконечные рулады трубы, грохот барабанов и кошмарные картинки из последнего сна — голый Старицын стоит за рулем открытого «хаммера», как за штурвалом катера, и гоняется за Маратом по футбольному полю.

Неожиданно в номере зазвучал чужой голос. Остановившись на пороге ванной, Марат огляделся и заметил над входной дверью маленький репродуктор. «Вниманию гостей из России! Вниманию гостей из России! В связи с особыми обстоятельствами программа пребывания изменяется. Просим вас оставаться в апартаментах до новых распоряжений. Просим вас оставаться в апартаментах до новых распоряжений. Напоминаем, что заказать завтрак вы можете по телефону три-три-ноль».

Через несколько минут в его номер вошла Оксана.

— Встал? Все нормально? Вадим Андреевич уже заказал завтрак, пойдем к нему.

— А что случилось?

— Ты радио слышал? Особые обстоятельства.

Гранцов стоял перед телевизором, попыхивая сигарой. Он был в тельняшке-безрукавке и джинсах.

— Форма одежды полевая? — спросил Марат.

— Кажется, поторопился я с формой, — ответил Гранцов мрачно. — Плакало наше сафари, сержант.

Юноша в розовой распашонке прикатил сверкающую тележку, Оксана отослала его, сама накрыла стол на двоих и пошла к двери.

— Ты куда? А позавтракать? — спросил Марат.

— Мы с дядей Федей уже внизу покушали. Всех гидов собирают, пойду, получу новые инструкции. Но вы не волнуйтесь, все будет хорошо.

Гранцов подождал, пока за ней закроется дверь, и спросил:

— А что это за значки у персонала?

Марат почему-то очень боялся, что тот начнет спрашивать о вчерашнем, и особенно о прошедшей ночи. Поэтому, услышав вопрос, он вздохнул облегченно и переспросил:

— Какие значки?

— Круглые значки на рубашке, с какими-то цифрами. Может, какой-то код? Или закрепленный сектор обслуживания?

— Кажется, я знаю, — сказал Кирсанов. — Это личный номер.

— Вряд ли. Вчера у него был 641-й, а сегодня 629-й.

— Вот именно. Такая система. Называется статус. Вчера он был ниже, за ночь подрос. Или наоборот. Полный контроль, каждый шаг оценивается.

— Кем?

— Да уж есть кем, — сказал Марат. — Ефрейторов хватает. У них же все просвечивается, каждый шаг на виду. И стучат друг на друга со страшной силой.

— Допустим, номер изменился. Ему за это больше платят?

— Нет.

— Он какие-то льготы получает?

— Да нет же, нет.

— Тогда что в его жизни меняется с переменой значка?

— Как что? Да ведь значок — это и есть жизнь, — сказал Марат.

— Не понимаю.

— А вам и не надо их понимать. Вы, например, тараканов понимаете? Нет. Так и эти. Они же не люди, они тараканы. Живут с нами в одном доме, и пищу нашу употребляют, но все равно не люди. В общем, безобидные, и едят мало, но уж больно противные. Но если у вас к ним какой-то научный интерес... Надо просто пожить с ними внутри секты, и такие вещи становятся очень понятными.

— Ты что, жил с ними?

— Не слишком долго.

— Не затянуло?

— Просто не успели. Из секты сам не уйдешь. Надо, чтобы кто-то силой вырвал. Это больно вообще-то. Но по-другому никак. Вот меня и вырвали, мне, значит, повезло. А то бы сейчас и я тут суетился со значком на рубашке, — усмехнулся Марат.

Он снова вспомнил вчерашнюю встречу со Старицыным, и порадовался тому, что не дал себя уговорить. Кажется, не дал. Впрочем, разговор остался неоконченным. Продолжение следует. Но теперь он будет говорить только на трезвую голову и при свидетелях.

Гранцов разливал кофе, когда появился Ксенофонов. По озабоченному лицу старика Марат догадался, что их полет в Сан-Деменцио снова оказался под угрозой срыва.

— Ах, как обидно, как досадно... — приговаривал старик, вертя в руках шляпу. — Так нескладно все получается... Даже не представляю, как сказать...

— Федор Ильич, считайте, что вы нас уже подготовили. Переходите к делу, — сказал Гранцов.

— Дело заключается в том, драгоценный Вадим Андреевич, что наша столь желанная экскурсия временно откладывается. Как выразилось мое начальство, по обстоятельствам «форс-мажор». Все виды соответствующих компенсаций уже рассматриваются и будут предложены вам на выбор...

— Что значит «форс-мажор»? — Гранцов посмотрел на Кирсанова. — Ты у нас референт или кто? Поговори-ка с представителями, пока я завтракаю.

— Проигрыш футбольной команды, даже национальной сборной, не является форс-мажорным обстоятельством, — сказал Марат, охотно вступая в юридический спарринг. — Лично я не вижу никаких причин для отмены экскурсии.

— А погромы? А танки на улицах? — тоскливо спросил Федор Ильич. — Ты же сам вчера все видел.

— Видел как физическое лицо, — щегольнул словечком Марат, — а как юридическое лицо я ничего не видел, никаких форс-мажорных обстоятельств. Нет ни стихийного бедствия, ни эпидемии, ни государственного переворота.

— Ох, Маратик, здесь перевороты чаще бывают, чем эпидемии. Вполне возможно, что пока мы с вами беседуем, уже власть переменилась...

— Вот переменится, тогда и поговорим о компенсации, — сказал Марат. — Короче, дядя Федя, иди к начальству. Так им и скажи. Группа «Сафари» настаивает на точном соблюдении оплаченной программы.

— А будут мухлевать, так мы найдем чартер и слетаем без них, а потом выставим неустойку, — добавил Гранцов.

— Да лично я не против, даже наоборот, — сказал старик. — Лично я предпочел бы провести это время на природе, пока здесь всякие пертурбации не завершатся. Но я, как говорится, человек маленький. Что ж, я передам ваше мнение.

— Это не мнение, это требование, — сказал Марат, многозначительно подняв палец.

Старик ушел, а Гранцов протянул руку Кирсанову:

— Четко сработано. А я-то поначалу скис. Но ты молодец, обломал белогвардейца.

Федор Ильич вернулся с подкреплением, и стало ясно, что он не лицемерил, называя себя маленьким человеком. Теперь он стоял в самом незаметном углу номера, а пришедшее с ним Начальство развалилось в кресле и устроило щиколотку на колене.

Меня зовут Дональд, говорило Начальство на снисходительно медленном английском. Я не понимаю, в чем проблема. Мы очень сожалеем, что ваш трансфер невозможен. Компания сейчас ведет переговоры с центром, чтобы этот инцидент получил хорошее продолжение. То есть никаких обид, никаких претензий, вы получаете хорошую компенсацию.

Это могут быть деньги, это может быть дополнительное бесплатное обслуживание, это могут быть и другие варианты.

Например, два вечера в казино за счет фирмы. Это лучше, чем кормить москитов в Сан-Деменцио. В Сан-Деменцио ехать нельзя, туда просто нет дорог. Лететь тоже нельзя, потому что летчики боятся покидать аэропорт в такие дни.

Критические дни? — спросил Марат, и дальше повел разговор сам, потому что на таком-то английском и он мог изъясняться. Я тоже не понимаю в чем проблема. В городе

стрельба, беспорядки. Было бы логично перебросить элитную группу туристов подальше от этих трудностей. Тем более, что группа имеет приглашение на спортивный семинар. И тем более, что в случае нарушения договора Глобо Торизмо понесет большие убытки. Наш юридический ответ будет несимметричным, как говаривал Горбачев.

О, я не думаю, что юридический ответ из России может быть услышан в международном суде, сочувственно сказал Дональд. Кроме того, сейчас, к сожалению, слово «русский» употребляется только в сочетании со словом «мафия». Я бы не советовал вам обращаться в суд. Там могут выслушать немца или француза, саудовца, китайца или новозеландца. Но русских адвокатов слушать не станут.

И где же вы видели русского адвоката, спросил Марат. В нашей фирме работают отличные адвокаты, и все они (по совместительству) граждане государства Израиль. Кроме неустойки вам придется еще долго отмываться от антисемитизма. Нужна ли вам такая реклама? Так что не будем тратить время, подгоняйте автобус и везите нас в аэропорт.

Ха, автобус, сказал Дональд. Водители разбежались. У нас половина водителей иностранцы. Естественно, они напуганы. Кроме того, вы просто не сможете проехать по городу. Солдаты нервничают. Все опасаются провокаций, поэтому могут на всякий случай выстрелить первыми. Наконец, надвигается шторм. Вы чувствуете, как холодно, какой сильный ветер — это шторм. В этих местах лето круглый год, но когда шторм, тогда зима.

Well, we have got some winter clothes, у нас есть теплая одежда, вмешался Гранцов с ужасающим произношением. После его слов Дональд встал и поднял руки. Считайте, что мы отменяем экскурсию, как отменяем все мероприятия за территорией отеля. Сегодня вечером жду вас в нашем казино. Фирма готова понести любые издержки, в том числе судебные, ради сохранения жизни своих клиентов. И даже не пытайтесь добраться до аэропорта самостоятельно, сказал он. Вам придется договориться с солдатами, сказал он. А это невозможно, добавил он с ядовитой улыбкой.

Как только Дональд вышел, Гранцов достал из шкафа свою сумку и принялся переодеваться.

— Пока они нас тут не заперли, надо выходить, — говорил он, заправляя тельняшку и натягивая джинсовую куртку. — Надень что-нибудь походное, все-таки в сельву полетим.

— Нет, мне костюмчик нравится, — Марат любовно погладил белые лацканы пиджака. — Удобная вещь. Жалко, дома в таком не походишь.

— Я снял деньги в банкомате, — сказал Гранцов. — Хватит и на такси, и на самолет. Тем более, что самолет-то уже оплачен. Рейс для нас есть, я уже все разузнал. Нам бы только до аэропорта добраться.

— А с остальными что? Летят они на карнавал?

— Им тоже отбой. Да нам-то с тобой какое до них дело? Ты билет на семинар не потерял?

Марат похлопал себя по карманам.

— Вот билетик. А что с фишками делать?

— Сдай на вахте, там у них сейф я видел.

— Не на «вахте», а на «ресепшен».

Женщина-портье приняла у них ключи и жетоны, но когда Гранцов сказал ей по-английски, что «эти штуки отдать мистеру Рональду Старку», она на таком же английском сказала, что «мистер Старк лететь семинар вчера ночь».

— Как это «лететь»? — переспросил Марат. — Говорят, самолетов нет, а Ромка «лететь»?

Гранцов перевел вопрос, и женщина ответила, покрутив пальцем над головой: «Эликоптеро!»

— Вертолетом, гад, улетел! — самостоятельно перевел Марат.

— Вот видишь, ты уже понимаешь язык, — Гранцов похлопал его по плечу. — Еще пара дней, и начнешь шпарить не хуже меня.

Внизу они встретили Василя.

— Слыхали, чем футбол-то кончился? — с радостным воодушевлением спросил он. — Мы с вами еще легко отделались. Уже все окраины на ушах стоят. До стрельбы доходит. Вот так отдохнули, да? А вы куда намылились?

— У нас все по плану, — ответил Марат. — Летим в Сан-Деменцио. На семинар. Хочешь, давай с нами?

— Пока не могу. У меня тоже все по плану. Работа есть работа. Могу только подбросить до самолета. Мне как раз в ту сторону.

— Да мы лучше на такси, — сказал Гранцов.

— Не лучше, — отрезал Василь. — Ждите у ворот, я буду через шесть, нет, семь минут.

Пока они стояли у выхода, мимо них прошествовала веселая и шумная процессия. Мужчины и женщины в едва различимых «пляжных костюмах», в бусах и перьях, с нарисованными татуировками и густо тонированной кожей несли с собой гирлянды цветов, тамтамы, трещотки. Марат с трудом узнал в этих «индейцах» и «мулатках» своих недавних попутчиков. Группа «Карнавал» направлялась в подземный бассейн, где специально для русских гостей начиналось эротическое шоу. «Неповторимая атмосфера праздника» продолжала сопровождать участников программы, несмотря даже на особые обстоятельства.

— Ун, дос, трэс! — скомандовал политолог Нужнов, размахивая маракасами, и первым запел: — Байле Мари-и-и-я!

— Чики-чики-чики-та! — невпопад ответил ему юрист Гурьев, игриво подталкивая необъятной ягодицей бизнес-вумен Добкину.

Появились и сопровождающие. Персональные гиды были одеты попроще и смеялись потише.

Ксенофонтов и Оксана отделились от процессии, заведя у ворот своих подопечных. Федор Ильич, смирившись с непреклонной решимостью группы «Сафари», вызвался сопровождать ее вопреки всем решениям начальства. За участие в законных экскурсиях гидам обычно хорошо доплачивают, а эта экскурсия будет незаконной, то есть бесплатной, но он не мог бросить клиентов.

Гранцов пожал плечами: почему же бесплатной? Все будет проплачено отдельно. Чем выше издержки, тем хуже для Глобо Торизмо. Мы и эскорт с собой возьмем для важности. Если, конечно, сеньора согласится нас сопровождать в столь рискованном предприятии. Эскорт согласился, и Марат не удержался — расплылся в счастливой улыбке...

Василь появился, как и обещал, ровно через семь минут. Он подлетел к воротам на розовом фургоне, нетерпеливо размахивая своей белой шляпой:

— Сидайте, хлопцы! Меня уже ждут! Груз прибыл, получать надо, выгружать-загружать, а вы тут телитесь!

Федор Ильич посапывал, надвинув шляпу на глаза, Гранцов сидел рядом с Василем и изучал карту национального парка, а Марат смотрел по сторонам, обняв заснувшую на его плече Оксану. Улицы, прилегающие к отелю, были усеяны пухом: ночью толпа развлекалась с подушками в разгромленных домах. Блестели лужи, оставленные водометами. Вдоль трассы лежали рекламные щиты со следами гусениц.

Бронетранспортеры стояли на перекрестках, и почти у каждого уже пристроились торговцы. На картонных ящиках красовались пирамиды сигаретных пачек, бутылки и банки, пестрые фруктовые горки.

Аэропорт охранялся гвардейцами в оливковой форме и белых касках. Пылкая речь Ксенофонтова и розовые конверты участников семинара произвели на них вполне благоприятное впечатление. Фургон проехал за шлагбаум, и Василь с уважением произнес:

— Ну, дядя Федя, ты и мастер. Меня бы враз завернули. Что ты им такое сказал?

— Ничего сверхъестественного, Василек. С каждым человеком надо говорить на том языке, который ему понятен и близок. А солдатский язык я изучал не меньше двадцати лет.

Чиновник в мундире с крылышками на голубых погонах долго ругался с Федором Ильичем, размахивая руками и порываясь убежать по каким-то важным делам. Но не убежал. Однако и на поле не пускал.

— Говорит, нет самолетов. Никто не летит в Сан-Деменцио.

— Почему?

— Потому что никто не летит никуда. Надо ждать.

— Да не можем мы ждать. Скажите этому сеньору, что у нас заказан рейс. Заказан и оплачен, — сказал Марат, продолжая исполнять роль референта, на этот раз перед Оксаной. — Скажите, что мы приехали из России, только чтобы посмотреть на ваш всемирно известный национальный парк. И если мы не увидим эту жемчужину садово-огородного искусства, то мы за себя не ручаемся.

— Он говорит, что аэропорт закрыт. В стране могут объявить экстремальное положение. Ходят слухи о подготовке переворота. Какие-то войска окружают дворец президента. Поэтому надо доплатить по экстремальному тарифу. Наличными. Диспетчеру, пилоту и проводнику.

— Нет проблем, — сказал Гранцов, доставая бумажник.

Проводником оказался разговорчивый мулат — не то светлый негр, не то темнокожий китаец. Когда-то вместе с Федором Ильичом он сопровождал группы туристов, но в последнее время нашел более интересную работу, чем гнуть спину на Глобо Туризм. Тем более, что эти расисты, фашисты и антисемиты сейчас принимают только своих. В Сан-Деменцио он летал сто тысяч раз. Как только хрупкий самолетик набрал высоту, мулат откашлялся и, перекрывая гудение моторов, начал свою лекцию, рассчитанную как раз на подлетное время. От него туристы узнали массу полезных вещей. Например, какую важную роль начинает играть туризм в экономике страны. Раньше роль туризма недооценивали, что привело экономику на грань катастрофы. (Кстати, под каждым сиденьем вы найдете спасательный жилет. Странно... Скорее всего, их просто забыли положить.) При новом президенте все изменилось. Деньги вкладываются в туризм, который приносит новые деньги, которые тоже вкладываются в туризм. Туризм — это новые рабочие места, это тесные связи с мировым сообществом, это что-то там еще, не поддающееся переводу. Наш президент ведет страну к светлым горизонтам. Он пользуется просто небывалой поддержкой всего народа. Это самая популярная политическая фигура за последние годы. (Кстати, если вас тошнит, вам помогут вот эти полиэтиленовые мешочки под вашими сиденьями).

— А как насчет Сан-Деменцио? — спросил Гранцов.

— Национальный парк Сан-Деменцио есть уникальный объект туризма. Уголок природы, не затронутый цивилизацией. Бесчисленные озера среди гор, покрытых джунглями. Индейские племена, хранители древних тайн. Развалины языческих храмов. Богатый животный мир. Настолько богатый, что некоторым туристам предоставляется возможность участвовать в охоте. За отдельную плату.

Сверху аэродром Сан-Деменцио выглядел поразительно. Абсолютно инородное тело в живом организме леса. Ровно выбритая серая проплешина среди курчавых зеленых склонов.

Самолет начал снижаться, и в зеленой ряби леса стали различимы верхушки деревьев. Марат прижался лбом к стеклу, когда самолет накренился. С этой высоты под крылом уже видны были прожектора на краю бетонной полосы. Двигатель вдруг сменил тональность, заревел громче, и самолет опустил крыло еще ниже, входя в крутой разворот. «Почему он не идет на посадку?» — Марат встревожился. Но как раз в этот момент он увидел, что на краю полосы, под деревьями, аккуратными рядами сидят на земле люди в серой униформе. Он успел еще прикинуть на глаз, что в каждой группе насчитывалось до двадцати человек, когда самолет лег на другой борт и пошел вверх.

Аэропорт не дает посадку, объяснил проводник. У них ремонт покрытия. Какое еще покрытие? Бетонное покрытие. Зачем бетонное покрытие нашему самолетику? Эта стрекоза может сесть прямо на макушки деревьев. В основу этой аэродинамической гипотезы Гранцова была положена очередная купюра. Еще одна купюра подсказала пилоту удачную реплику в споре с диспетчером. Он потребовал дозаправки, сделал еще один круг и начал снижение, приглушив моторы.

Все замолчали, прислушиваясь к свисту ветра. Пилот отрывисто переругивался с

диспетчерами. По отдельным словам Кирсанов догадался, что переговоры шли на английском.

Самолетик провалился еще ниже, звонко чиркнул колесами, подскочил и снова ударился о землю, совершенно не теряя скорости. Мимо окна проносились вертолеты, цистерны заправщиков, снова вертолеты, колонна людей в серой форме, армейские джипы, и снова вертолеты... Резкое торможение, и самолет развернулся, опасно накренившись.

— Все. Приехали. Слава тебе, Господи, — сказал Федор Ильич.

— Здесь нет транспорта, — сказал проводник. — Вы будете ходить пешком. До трассы четыре мили, там есть транспорт. Вы готовы?

— Готовы, — за всех ответил Кирсанов, отстегивая ремень. — Сафари так сафари.

— А это что, не транспорт? — сказал Гранцов, постучав пальцем по стеклу иллюминатора.

По летному полю нестройной колонной неслись несколько джипов. При более внимательном рассмотрении джипы оказались нашими родными «уазиками», только без верха и дверей. Из них на ходу соскакивали люди в сером и выстраивались в цепь, окружая самолет, который продолжал медленно и бесшумно катиться к самому краю поля.

— Это не транспорт, — сказал мулат. — Это Легион. Народная самооборона.

Самолетик, между тем, все продолжал катиться, но уже с меньшей скоростью и не так плавно. Кирсанов вспомнил про обязанности референта и первым оказался у двери. Он повернул хромированный рычаг. Дверь, чмокнув, втянулась внутрь, и запахи влажного леса ворвались в душный салон.

Но через открытую дверь Кирсанов увидел не только джунгли. Он увидел, что самолетик продолжает катиться вовсе не под действием силы инерции, а под действием сил народной самообороны. Легионеры в серой форме и пилотках-«испанках» упирались в крылья и толкали самолет куда-то в джунгли. На самом краю бетонки они по команде выполнили разворот, и только колеса самолета остались на твердом покрытии, а хвост утонул в зелени, со смачным хрустом погрузившись в кусты.

Марат спрыгнул на землю и вытянул трап.

— Буэнос диас! — сказал он легионерам. — Мучос грасияс.

— Stop! Go away! — сказали легионеры.

— Ну вот, снова здорово...Руссо туристо, — сказал Кирсанов. — Сафари Сан-Деменцио! Аventura грандиоза!

Из самолетки выбрался пилот и, виновато разводя руками, понес какую-то тарабарщину. Кирсанов заметил, что среди личного состава народной самообороны почти не видно было представителей коренного народа. Преобладали узкоглазые азиаты. Командовал всеми краснолицый скандинав, похожий на сельского агронома в своей клетчатой рубашке и соломенной шляпе. И никто не понимал по-испански. Только перейдя на свой авиационный английский, пилот смог объясниться с водителем заправщика. Кирсанов помог вставить шланг и забрался в самолет.

— Экскурсия отменяется по техническим причинам, — объявил он.

— Ну и слава Богу, — ответил Федор Ильич.

Гранцов ничего не сказал. Он вообще вел себя странно. Ни разу не вмешался в разговор, не предлагал денег. Просто укрылся своей курткой на последнем ряду, притворяясь спящим. А может, и правда, спал.

Самолет уже взлетел, развернулся, набрал высоту и поднялся за облака, когда Гранцов, наконец, перебрался к креслу Марата.

— Нас сюда не пускают очень упорно, — сказал он. — Как думаешь, почему?

— Потому что козлы.

— Не только. Ты видел вертолеты?

— Видел.

— А подвеску на них разглядел?

— Нет, — признался Марат.

— Жаль. Ты мог бы порадоваться за свою Родину. Наша продукция там подвешена. Наша.

Глава 8. Семинар для заложников

Пересекая летное поле с сумками в руках, Гранцов отметил, что самолеты стоят на тех же местах, что и час назад. Значит, и в самом деле сегодня никто не летает.

Пройдя мимо стоянки такси, они с трудом добрались до небольшого ресторана. Таксисты наперебой зазывали богатых иностранцев, но Ксенофонов чуть ли не бегом устремился сквозь эту шумную компанию, увлекая за собой хмурых спутников.

Они заняли столик у самого окна, и Оксана заказала лимонад, пока старик звонил в отель.

— Проще было поймать машину на улице, — заметил Кирсанов. — Вон сколько свободных такси.

— Это опасно, — сказала Оксана. — Доверять можно только фирме. И потом, не всякий таксист решится взять такую компанию. Здесь все друг друга боятся.

— Да, весело тут у вас, — сказал Гранцов.

— Человек ко всему привыкает, — Оксана пожала плечами. — В других местах тоже страшно. А здесь, по крайней мере, климат хороший и жизнь дешевая.

— Жизнь, она и у нас недорого стоит, — усмехнулся Вадим.

«Плохо сидим, — отметил он. — Надо бы пересест в уголок, пока еще там есть свободное место».

В огромном окне было видно далекое приземистое здание аэропорта с круглой диспетчерской вышкой, запруженную пеструю автостоянку и дорогу, обозначенную цепочкой невысоких взлохмаченных пальм. Две желтые машины подлетели к тротуару и с визгом затормозили прямо перед окном ресторана.

— Вот и такси, — удивился Марат. — Быстро.

— Это не за нами, — сказала Оксана. — У Глобо Туризм такси розовые, а это обычные городские...

Она не успела договорить, потому что стекло вдруг с оглушительным звоном осыпалось на тротуар. Через окно в ресторан ворвались люди с красными косынками на лицах. Размахивая автоматами Калашникова, они орали какую-то тарабарщину, но публика оказалась понятливая, и через мгновение все уже лежали на полу, закрыв головы руками и оставив на столиках кошельки. Только трое русских остались сидеть, причем Кирсанов продолжал потягивать лимонад. Со стороны могло показаться, что происходящее не имеет к ним никакого отношения.

Налетчики были щуплые, грязные, вонючие. Видно, не от хорошей жизни пошли они на такое опасное дело. Среди них выделялся один — толстый и бритоголовый, он не кричал, а хищно оскалившись, водил автоматом по сторонам. Ему явно не терпелось пострелять.

— Надо было лечь на пол, — проговорила Оксана, — а деньги оставить на столике.

— Так ложись, — сказал Гранцов и выложил бумажник.

— Вот еще, пачкаться, — Кирсанов с глубоким вздохом последовал его примеру.

Лечь на пол они все равно бы уже не успели. «Красные косынки» обступили их столик.

— Они говорят, чтобы мы поехали с ними, — перевела Оксана.

— Потянем время, — сказал Гранцов, кивая и протягивая руки в знак согласия. — Старик сообразит вызвать ментов?

— Это бесполезно, — сказала Оксана.

— Черт, мы-то здесь при чем? — возмутился Кирсанов. — Чего им надо? Нон Ю Эс Эй, нон! Русия, Моску! Объясни им, что мы бедные иностранцы, что мы не американцы какие-нибудь.

— Да уж по тебе видно, какие мы бедные, — сказал Гранцов.

— Что же мне, голым ходить?

Раздался звук, который заставил обоих умолкнуть и задрать руки — мягкое клацанье передернутого затвора.

— Они говорят, надо сесть в переднюю машину, — дрогнувшим голосом перевела Оксана.

— Что же делать, пошли, — сказал Гранцов.

— Сумки брать? — спросил Марат. — Пропадут же вещи.

— Не смотри на них. Оксана позаботится. Пошли, — Гранцов встал, держа руки за головой.

Оксана тоже поднялась со своего места.

— Ты-то куда? — цыкнул на нее Вадим.

Но было уже поздно спорить, потому что толстяк подтолкнул девушку в спину стволом автомата и скомандовал:

— Кам он, бэби! Кам он!

— Это похищение, — сказала Оксана, садясь рядом с ним на заднее сиденье. — Будут требовать выкуп у вашего посольства. Или у Глобо Торизмо.

Машины сорвались с места и, громко сигналив, понеслись по улице, игнорируя сигналы светофора. Пленники сидели на заднем сиденье, отгороженные от водителя стеклом и решеткой. Дверцы не имели никаких ручек и не открывались изнутри.

— На посольство надежды мало, — сказал Гранцов. — Кирсанов, ты как думаешь, можем мы на посольство надеяться?

— Я ни на кого не надеюсь, — ответил Марат. — Черт, ну и водила. Сейчас впилимся, не могу я на это смотреть... Хоть бы глаза завязали. За кого нас держат эти духи? Мы же и дорогу запомним, и номера машин, мы же потом такие показания дадим. Вот козлы.

— Жалко, ты по-испански не говоришь. Позанимался бы с ними. Кажется, им нужен хороший инструктор.

— Если б не автоматы, я бы с ними позанимался.

— Ну-ну, сержант Кирсанов, не заводитесь. Не забывай, что мы в гостях.

Город как-то внезапно преобразился. Обе машины медленно взбирались по крутым тесным улочкам между обшарпанными стенами и горами мусора. Иногда за ними увязывались голые пацанята, черные, желтые, красные и еще каких-то невообразимых оттенков кожи.

— Я знаю про этот район, — сказала Оксана. — Нам придется вести себя очень-очень смирно. Давайте будем очень-очень послушными. Отсюда почти никогда не получают живых заложников. Люди пропадают навсегда. Иногда за очень большие деньги можно получить трупы.

— Я так и подумал, — сказал Гранцов. — А с трупа показания уже никто не снимет. Понял, Кирсанов?

Их затолкали в тесную комнатку с замурованными окнами. Вся мебель состояла из рваного тюфяка и двух пластиковых ящиков из-под бутылок. Дверь захлопнулась, заскрежетал старый замок, потом послышались удаляющиеся шаги.

— Приплыли, — Марат подергал дверную ручку, и она легко оторвалась.

— Вот тебе и курорт, — сказал Гранцов. — Ладно, бывало и хуже.

Он поднял палец, прося тишины. Прислушался. Не было слышно ни ребячьих голосов, ни шума улицы. Хлопнули двери машины, взвизгнул стартер. По звукам стало понятно, что такси выехало из двора.

— Наверно, это специальный закуток для заложников, — решил Вадим. — Но долго здесь людей не держат. Пересылка. Видишь, даже параша не предусмотрена. Думаю, сюда бросают на час-другой, пока не подойдет транспорт. Как они спокойно все провернули. Приятно иметь дело с профессионалами. Только бы без политики обошлось.

— Политики не будет, — сказала Оксана. Губы у нее дрожали, и она держала руки у рта. — Это просто бандиты.

— Чайники они, а не бандиты, — сказал Кирсанов. — Глаза не завязали, даже руки не

связали. Оставили нас тут одних, без присмотра. Совсем, что ли, не уважают?

— А за что нас уважать, тупых богатых иностранцев в белых смокингах? — спросил Гранцов, опускаясь на тюфяк и стягивая джинсовую куртку. — Бежать нам некуда, а суетиться нам незачем. На это у нас есть полиция, посольство, мировая общественность. Кирсанов, остаешься за старшего. Я — спать. Я уже забыл, когда спал по-человечески. Распорядись насчет обеда. При пожаре выносить в первую очередь. Постарайся девушку успокоить, смотри, она вся дрожит.

Оксана ходила из угла в угол, прижав ладони к губам, и что-то шептала. Кирсанов обнял ее за плечи.

— Вот так, — сказал Гранцов слабым голосом. — Не скучайте.

Он даже повернулся на бок и сложил ладони под щекой, чтобы выглядеть максимально безмятежно. Что бы там дальше ни случилось, надо беречь нервы, свои и своих товарищей. Эмоции только мешают делу.

«Как хорошо, что Регина осталась дома!» — порадовался Вадим. И как обидно, что опять придется что-то скрывать от нее. О таких приключениях женам не рассказывают.

Ему уже было понятно, чем закончится этот захват. Похитители не собираются отпускать заложников без выкупа. А выкупа не будет. Значит, придется уходить самостоятельно.

Значит, война.

На миг его охватило тоскливое предчувствие боли и крови. Только на миг, как всегда перед дракой. Но было в этой тоске и кое-что новое...

Ему приходилось воевать. И в чужих землях, и дома. Убивать всегда тяжело, но раньше он делал это, не задумываясь. Однако после того, как его вытащили с того света, Вадим Гранцов уже не был уверен, что сможет убивать снова.

Тогда, в госпитале, умирая от удушья, он вдруг увидел над собой бездонное сверкающее небо. А в небе — миллион лиц. Не тысячу, не десять тысяч, как, например, на стадионе — а миллион. Все они смотрели на него. И среди них он узнал тех, кого убил.

Это было удивительно обидно. Он знал, что где-то здесь его погибшие друзья, и его отец, и еще кто-то близкий — но он не видел их. Он тянулся к ним, но наталкивался только на лица бородатых афганцев и чеченов, на лица русских пацанов, которых ему пришлось убить во время боя на Базе...

Его захлестнула обжигающая волна стыда. Да, это было не раскаяние, не сожаление, а именно стыд. Когда хочется провалиться сквозь землю. И он провалился, и очнулся в реанимации под склоненными над ним лицами в белых масках и слепящими лучами люстры.

Вот с тех-то пор Вадим уже и не знал, сможет ли он когда-нибудь снова не то что убить, а просто ударить человека.

Он услышал, как Оксана что-то прошептала Марату, и парень что-то шепнул ей в ответ.

«Все нормально», сказал себе Гранцов. «Ты готов умереть, потому что это легче, чем убивать. Ты уже знаешь, что тебя ждет стыд, и суд, и муки. Но если ты умрешь, то по твоей вине погибнут и эти двое. А им еще жить и жить. Значит, пусть они живут. Значит, сегодня придется умереть другим. Другого выхода нет. В конце концов, эти шустрые ребята знали, что когда-нибудь могут понести наказание. И если таким наказанием станешь для них ты, значит, так было решено».

То, что похитители так легко вычислили и захватили «богатых» иностранцев, говорило о налаженной системе. Сигнал поступил из отеля. Или из аэропорта. Скорее всего, замешан и старик. Вот так старичок. Нет, все-таки он не белогвардеец, а власовец. Зря я ему сумки оставил.

С Ксенофоновым разберемся потом, сначала надо определиться с похитителями. Они настроены довольно благодушно, не бьют, не связывают, не пугают. Наверно, еще не время.

Оружие у них запущенное, ржавое. Запасных магазинов ни у кого не видно. Стрелять не собираются. У толстяка автомат албанский, судя по штыку. Насколько помнил Гранцов, только албанские «калашниковы» оснащались неотъемным игольчатым штыком. Грани

штыка блестели. То ли оттого, что терлись обо что-то при переноске. То ли оттого, что этим штыком пользовались. Неужели эти бродяги изучают штыковой бой? Вполне возможно, если их инструктор — китаец или американский морпех.

Итак, толстяк с боевым автоматом. У остальных оружие, похоже, китайское. Бренчит при ходьбе, как погремушка, из-за неплотной подгонки деталей. А толстяк держит его не на ремне, а в руках. Легче будет забрать.

Автомат не самое хорошее оружие для рукопашного боя. Пара ножей была бы удобнее. Не говоря уже о короткой пике. Такие пики бойцы в роте Гранцова делали сами — заточенный пруток арматуры, рукоять из простого шланга. Безотказное, надежное и бесшумное оружие.

Но сгодится и автомат со штыком.

Почему-то перед отправлением за границу туристов не инструктируют, как вести себя в такой ситуации. Гранцову пришлось разрабатывать тактику поведения самостоятельно. Будем набивать себе цену, решил он. И постараемся разделить. Может быть, они кого-нибудь из нас отпустят за выкупом? Вряд ли. Сделать вид, что мы родственники с Кирсановым? Или, еще лучше, я его начальник? Безнадежно. Но все-таки придется что-то им говорить, чтобы усыпить бдительность.

Хватит мудрить, сказал себе Гранцов. Еще две минуты отдыха — и беремся за дело.

Он прислушивался ко всем звукам, доносящимся сквозь неплотно слепленные кирпичи в оконном проеме. Во дворе переговаривались двое. Ему показалось, они о чем-то вяло спорили. Гранцов ничего не понимал, потому что слышимость была плохой. К тому же рядом ворковали Марат с Оксаной.

«Подумаешь, проблема, — говорил Кирсанов. — Сейчас Ромка заплатит любые бабки, лишь бы шума не было. Они же трясутся над каждым клиентом. Прикинь, какой удар, если с нами что-то случится. Это же полный конец всей фирме. Ромка заплатит».

«Ромка заплатит», — отозвалась девушка. — «За вас. За меня никто платить не будет. Я никому не нужна».

«Спокойно, спокойно. Без тебя мы отсюда не уйдем. Закон разведки знаешь? Сколько ушло, столько и вернется. Так что спокойно, сеньорита».

«Дурачок, какая разведка? Здесь не в игрушки играют. Здесь каждое утро на помойке кого-нибудь находят. Сколько подружек я уже похоронила... Теперь, значит, моя очередь».

Она, наконец, заплакала, а Марат засопел, наверно, обнимая ее. В комнате стало совсем тихо. Тарахтел разношенный двигатель машины во дворе, по радио играла гитара, охранники азартно выкрикивали какие-то короткие фразы.

Гранцов «проснулся», потянулся и спросил:

— Как обстановка?

— Обстановка стабилизируется, — доложил Кирсанов.

— Оксана, ты слышишь, что там делается во дворе? — спросил Гранцов. — О чем они там болтают?

— О чем? — она по-детски, кулаками, вытерла глаза. — Нас охраняют трое. Во дворе стоит машина, они не глушат движок, чтоб аккумулятор подзарядить. Ночью нас перевезут в другое место.

— До ночи еще далеко. Как насчет посольства?

— Не слышно. Они даже не знают, что мы русские. Называют канадцами.

— Плохо, — сказал Гранцов. — Кругом бардак. Может, нас вообще по ошибке захватили?

Он встал и расправил матрас. Его рука что-то нащупала под засаленной тканью. Быстро отыскав прореху, Гранцов запустил руку внутрь и вытащил бумажный комоч.

— Что такое? Да это записка! На каком это языке? Французский?

Оксана распрямила обрывок.

— Итальянский. Это письмо в полицию.

— Можешь перевести?

— Конечно. Меня зовут Риккардо Канталья. Меня... в общем, украли, 20-го ноября. Сегодня 28 ноября, и сегодня меня повезут в Буццо. Оттуда никто не возвращается. Кто найдет письмо, пусть сообщит в местное представительство «Фиат». Все.

— Нас тоже повезут в Буццо, — сказал Марат. — Духи называли это слово несколько раз. Только я не знал, что это название города.

— Это не город, — тихо сказала Оксана. — Это район в сельве. Партизанский район. Туда даже военные не заходят, боятся.

— Плохо, — сказал Гранцов. — Совсем плохая провокация.

Он встал и встряхнул тюфяк, приговаривая:

— Ну-ка, ну-ка, что у нас тут в почтовом ящике?

На пол выпали комочки бумаги. Дрожащими пальцами Оксана разворачивала их и читала. На португальском, на английском, на немецком... Всех увозили в Буццо, откуда никто не возвращался.

— Все не то. Хоть бы одна была записочка на русском, — сказал Гранцов.

— Давайте мы напишем, — предложил Марат.

Гранцов ничего не ответил, аккуратно расправляя бумажки и складывая их в карман.

— Сюда идут, — Кирсанов прислушался. — Один идет.

— Так, — сказал Гранцов. — Делать нечего, надо выбираться. Внизу двое. Выруби мне этого, остальные мои.

— Как это, вырубить? — переспросил Марат.

— Чтоб не встал, — просто сказал Гранцов. — Вон, ручку дверную возьми. И в висок. Выбора нет. Или мы их, или они нас. Ты за руль. Дорогу найдешь?

— Здесь одна дорога, вниз, — сказал Кирсанов.

— Я его сзади придержу, а ты — бей. Действуй, Марат, — сказал Гранцов и встал в угол за дверью. — Не мне тебя учить.

— Есть.

Марат сел на ящик, туго обхватив ржавую скобу дверной ручки, так, что только ее торец едва выглядывал из кулака. Заскрежетал замок, дверь приоткрылась, и заглянул тип в красной косынке под глазами. Увидев, что посреди комнатки сидит только Кирсанов, небрежно постукивая кулаком по колену, он распахнул дверь пошире и шагнул внутрь. Марат уже привстал...

Но Гранцов в последний момент вдруг услышал шум подъезжающей машины. Он сказал:

— Отставить!

Бандит резко развернулся в его сторону, неловко стаскивая с плеча автомат.

— Спокойно, спокойно, — сказал Гранцов. — Оксана, переведи ему, что все нормально.

Он мог бы сказать это и сам. Его познаний в языке Сервантеса вполне хватало, чтобы общаться с кубинцами в Эфиопии. Он, может быть, плохо воспринимал на слух, потому что давно не практиковался. Но говорить мог, хоть и не особо заботясь о произношении.

Однако сейчас знание языка стало его незаметным оружием. И демонстрировать его раньше времени Гранцов не собирался.

Оксана заговорила с бандитом, взмахивая руками перед собой, и он повесил автомат за спину. В следующий миг стало слышно, как во двор влетела еще одна машина.

Захлопали дверцы, двор наполнился возбужденными голосами, и по деревянной лестнице загрохотали шаги. Их было шестеро, и они не скрывали своих лиц. Красные косынки болтались на шеях, как пионерские галстуки. Один из них был в круглых очках, а пышная шевелюра и борода клинышком придавали ему сходство с известным портретом Троцкого. Он обратился к Оксане, и она начала переводить.

— Спрашивают, где деньги. Не верят, что вы привезли с собой только девятьсот долларов на двоих.

— Скажи, что мы заплатили турфирме за полный сервис. «Олл инклюзив». Нам

наличка не нужна.

— Не верят. Говорят, где кредитные карточки?

— Объясни им, что мы русские. Мы тупые. Мы не умеем кредитками пользоваться.

— Говорит, что сейчас начнет отрезать нам пальцы на ногах.

— Это бесполезно, — сказал Гранцов. — А почему на ногах?

— Руками вы будете писать письмо в свое посольство.

— Наше посольство не платит выкуп, — сказал Гранцов. — Пусть обращаются в турфирму.

— Обращались. Там не знают о таких туристах. Там говорят, что русская группа улетела в Бразилию.

В комнате появился фотограф с «полароидом». Гранцову дали в руки развернутую газету и сфотографировали с ней. Потом заставили Кирсанова встать на колени перед ним, и сделали групповой снимок.

— Говорят, что надо позвонить домой, в офис, в Москву, чтобы оттуда прислали деньги.

— Они хоть знают, где Москва? Объясни, что это далеко. Сколько они хотят?

— Двести тысяч. Долларов.

— У нас нет таких денег, — Гранцов развел руками.

Это звучало очень правдоподобно из уст человека в тельняшке и джинсах, но «Троцкий» гневно закричал на Оксану.

— Они убьют вас.

— Зачем снимали?

Фотограф дал Оксане стопку снимков, и она передала их Гранцову, не рассматривая.

— Это фото тех, кто не заплатил.

— Интересно, — сказал Гранцов. — Стреляют в ухо. Вижу резаные раны на груди. Пытали, наверно. Спроси у него, а есть снимки тех, кто заплатил?

Красные косынки засмеялись.

— Такие снимки родственники забирают на память.

— Все понятно, — сказал Гранцов. — Как он собирается получить деньги? Телеграфным переводом? Бандеролью?

— Вы позвоните в офис и скажете, что хотите купить здесь пару дорогих машин. Пусть переведут двести тысяч на счет фирмы.

— Это займет много времени. Мы будем сидеть в этом карцере, пока не придут деньги?

— Нет. Скоро за нами приедет грузовик. Они увезут нас в лес. Там лучше, чем в городе. Чистый воздух, — Оксана переводила дрожащим голосом, а бандиты ржали после каждой реплики «Троцкого».

Фотограф порылся в своей сумке и показал еще несколько снимков. Гранцов увидел на них сидящих под деревом длинноволосых и бородатых людей. Лохмотья едва прикрывали их плечи. Руки, худые, как спички, тянулись к большой миске с какой-то кашей.

— Богатым людям полезно жить в Буццо. Они быстро меняют свою философию. Если мы не хотим умереть от малярии, пусть Москва быстро переводит деньги, — перевела Оксана.

— Как они хорошо о нас думают, — вздохнул Гранцов. — Черт с ними. Где мои документы? Я не помню номеров своей бухгалтерии. Офис, офис, как я позвоню в этот офис?

Из сумки на пол высыпались паспорта и бумажники.

«Отсюда он не сможет позвонить в Москву», — сказал фотограф.

«Пусть попробует. Зачем нам терять свои деньги? Времени много, пускай звонит хоть до самого вечера», ответил главварь.

«Нам заплатили за их смерть», — сказал толстяк с автоматом.

«Нам заплатили? За две человеческие жизни нам заплатили пачку грязных бумажек!» — закричал Троцкий, потрясая кулаками над головой. — «Ничего святого у этих гринго! Да,

нам заплатили за их смерть. Я честный человек. Бизнес это бизнес. И эти русские умрут. Но только не здесь, а в Буццо. Лагерь заплатит за каждого по пятьсот долларов! А если мы еще получим деньги из Москвы, мы уедем в Майами!»

«Мы не получим денег из Москвы», — не унимался толстяк.

«Еще одно слово — и я продам тебя в Буццо вместе с русскими», — пообещал главарь.

По крайней мере, Гранцов именно так перевел для себя их реплики, пока искал свой бумажник и доставал оттуда электронную записную книжку.

— Двести тысяч долларов? Легко, — сказал он. — Кирсанов, ты как? Не хочешь спасти народные деньги?

— Ох, как хочу, — проговорил Марат, пряча в кулаке дверную ручку.

— Толстяк — твой. Оглуши и стань в дверях. Я все сам сделаю. Доллары, доллары, — добавил Гранцов слово, знакомое и приятное для бандитов. — Держи выход. Двести тысяч долларов.

Главарь закричал на Оксану, и она испуганно ответила ему. «Если они будут переговариваться, я вырву им язык!» «Они говорят о телефоне! Он не знает, куда звонить!»

— Молодец, девочка, — сказал Гранцов, водя пальцем по кнопкам. — А теперь прижмись в угол. Вперед, сержант.

Их было шестеро, не считая фотографа. Первым ударом Марат свалил самого здорового, и тот еще не успел осесть на пол, как его автомат уже был в руках Гранцова, и неотъемный игольчатый штык сам собой развернулся в боевое положение, пока приклад крушил очки и переносицу главаря.

Похитители не могли стрелять из-за тесноты. А пользоваться прикладом и штыком они просто не умели.

Они даже не сообразили, что можно хотя бы прикрываться своими автоматами от ударов Гранцова. А он бил как на тренировке в окружении манекенов: коли в живот, заднего прикладом в пах, поворот, коли в живот, осевшего — прикладом в висок... Когда все они уже хрипели на полу у него под ногами, он порадовался своему везению — штык застрял только в самом последнем противнике.

Кирсанов оторвался от двери и быстро поднял с пола АКМ. Гранцов наступил на грудь убитого и с трудом выдернул штык. Однако тут же отбросил окровавленный автомат и вытащил из-под тела главаря другой.

— Один живой, — сказал Кирсанов и коснулся ногой лежащего.

— Знаю. Это фотограф, он сам упал. Подними-ка его. На колени. К стенке.

Забившись комочком в угол, Оксана зажала лицо ладонями.

Гранцов поднял ее и похлопал по щекам.

— Все кончилось, — сказал он. — Мы едем домой.

Кирсанов отстегнул магазин, передернул пару раз затвор и недовольно пробурчал:

— Вот духи! Не чищен, не смазан. Козлы.

— Осмотри, — приказал Гранцов. — Деньги, документы, всё в нашу сумку.

Он ткнул автомат между лопаток фотографа, и тот затрясся всем телом, упираясь ладонями в стенку. Ладони сползли вниз, оставляя мокрый след.

Кирсанов быстро обыскивал убитых и складывал добычу в сумку.

— Оксана, скажи ему, что он должен считать до тысячи и не поворачиваться, — сказал Гранцов.

После стычки у него почему-то вылетели из головы все испанские слова. Да и русских-то осталось немного.

Фотограф ответил быстрым шепотом.

— Что он бормочет?

— Он говорит, что мы не сможем уйти далеко без него.

— Я так и понял. Тогда скажи, чтобы он считал до двух тысяч. У тебя помада есть?

— Нет.

— Плохо. Не хотелось пачкаться... Марат, давай потихоньку вниз. Будут дергаться,

стреляй. Оксана, пошла за ним. Я сейчас.

Он скрутил красную косынку в жгут, обмакнул его в лужу крови и быстро вывел на стене: CUIDADO! RUSO TURISTO! ⁸

— Кто заплатил за нашу смерть? — спросил он по-испански.

— Не знаю! Деньги получал команданте Карлос!

«Не врет, — подумал Гранцов. — Не того я оставил для разговора. Обидно».

— Аста ла виста, — сказал он и ударил прикладом по курчавому затылку.

Быстро спустившись по лестнице, он увидел, что Кирсанов заглядывает в приоткрытую дверь.

— Вперед! — зарычал Гранцов, и Марат распахнул дверь, выбегая во двор.

Два желтых такси стояли рядом. Ближняя машина, у выезда со двора, подрагивала и стреляла синим дымком, за рулем никого не было. За ней стояла машина с водителем, он тревожно оглядывался, прижимая к уху сотовый телефон.

— Что смотришь, мать твою, вали его! — зло крикнул Гранцов.

Кирсанов вскинул АКМ, но выстрелить не успел. Вадим опередил его, и водитель повалился на руль, а лобовое стекло покрылось красной рябью.

— Погнали, погнали, — говорил Гранцов, распахивая заднюю дверь и бросая сумку на сиденье. — Оксана, ты где? Садись живо! Шуму-то подняли...

Кирсанов упал за руль, плавно прибавил газу.

— Нас не в этой сюда везли, в другой! — крикнул он.

— Хрен с ней! Гони!

Машина выкатилась со двора. Улочка словно вымерла. Ни пацанят, ни бездельников на углу. Местное население хорошо знало, как себя вести после первых выстрелов.

Гранцов все поглядывал в заднее окно, держа автомат наготове. В этой машине не было перегородки, и дверцы были нормальными, даже улучшенными — к обивке были прицеплены старые бронежилеты. Не хватает только амбразур на окнах, подумал Вадим. Как только улицы стали пошире и почище, он не поленился вынуть из автоматов затворы и у первой же кучи мусора избавился от оружия. У следующей кучи он избавился от чужих бумажников, перераспределив купюры.

— А что с тем, который остался? — спросила Оксана.

— Он все еще считает, — сказал Гранцов. — Глянь, Марат, это твой кошелек или мой?

— Какая разница? Мне все равно.

— Ты в порядке?

— В порядке.

— Тогда почему не стрелял? Заклинило, что ли?

— Да промазать боялся, — признался Марат.

— Киллеры, — тихо сказала Оксана. — Вы же киллеры.

— Давай без истерики, — попросил Гранцов. — Если боишься, мы высадим тебя в приличном месте. Обойдемся без переводчика.

— Вы меня не так поняли, — сказала Оксана. — Я не это имела в виду. У меня был один клиент, с виду приличный мужчина. Даже хотел жениться. Говорил, что работает киллером. Сейчас понятно, что врал.

Глава 9. В гостях у Моронадо

Оксана ошиблась. Вадим Гранцов не работал киллером. Грузчиком работал, дворником работал, банщиком работал, а вот киллером — не довелось. Основной его профессией была и оставалась профессия военного разведчика. Просьба не путать со шпионом. Он не похищал документы из сейфа Пентагона и не вербовал премьер-министров. Его делом было

⁸ «осторожно! Русский турист!» (исп.)

наблюдение, дозор, поиск и т. д. И все это — в районе боевых действий.

В молодости, в так называемые мирные годы он накапливал боевой опыт, помогая зарубежным товарищам срывать коварные планы мирового империализма и внутренней контрреволюции. Потом этот опыт пригодился ему и на родине. Правда, новые времена внесли перемены в боевое применение разведывательных подразделений. В Чечне разведчики и в атаку ходили, и окопы рыли, становились то саперами, то карателями. Бывало, что вместе с морской пехотой Гранцов штурмовал высокогорные базы, а потом садился за рычаги танка, чтобы пробиться к осажденному блокпосту, где отбивались такие же разведчики, как и он, только в милицейской форме. Все перемешалось на той войне, все перепуталось. Где свои, где чужие? Кого бить, кого не трогать, и почему не трогать-то? Слишком много вопросов, и никаких ответов. А разведчик не может работать без точно поставленной задачи. Когда майор Гранцов понял, что никому не нужен со своим опытом, он ушел из армии.

На гражданке Вадим старался не терять квалификацию, потому что боялся спиться среди своих новых товарищей, грузчиков да дворников. Он обнаружил в себе охотничий талант, и научился ориентироваться в лесу не хуже, чем в пустыне. Он выписывал «Красную звезду» и «Зарубежное военное обозрение». Он слушал Би-би-си на английском, два-три раза в неделю занимался жесткой физподготовкой и не упускал случая потренироваться в прицельных метаниях чем ни попадя — от гальки до штык-ножа.

Правда, ему не давал покоя один простой вопрос. Зачем? Зачем все это — физподготовка, метания, английский? Зачем ему это состояние консервации, этот самовольный переход в боевой резерв, где он не нужен никому?

Судьба подарила ему шанс. Безобидная туристическая поездка превратилась в настоящую, хоть и маленькую, боевую операцию. Гранцову поручили добыть важные данные, от которых зависит очень много. Надо найти спрятанную в джунглях площадку. Надо связаться с человеком в Сан-Деменцио. Надо выяснить, куда пропали наши ребята.

И вот прошло уже столько времени, а он ничего не сделал для решения этих задач.

Небольшим утешением могло быть разве только то, что с первой минуты пребывания в оперативном районе он начал по привычке собирать специфическую информацию. Например, он отметил, что автоматы у похитителей были албанские и китайские, что вместе с полицией по улицам патрулировали солдаты в оливковой форме на гусеничных броневиках М-113, и что на крышах кое-где виднелись силуэты солдат в касках.

Кирсанов вылетел из тоннеля и остановился, пропуская колонну армейских грузовиков.

— А вот теперь я не знаю, — сказал он. — Налево? Направо?

— Не представляю, — Оксана беспомощно оглядывалась. — Кажется, направо.

— Вижу розовый фургон, — сказал Кирсанов. — На таком нас утром Василь подвез. Точно. «Рено». Розовый, значит, глобовский, да, Оксана? Буду за ним держаться. Рано или поздно фургон вернется в отель.

— Рано или поздно у нас кончится бензин, — сказал Гранцов. — И еще. Не забывай, что нашу машину могут искать.

— Может, пересядем на другую? — предложил Кирсанов, сворачивая за розовым «рено». — В смысле просто возьмем такси? Вон их сколько свободных.

— Такси на улице брать нельзя, — сказала Оксана. — Особенно иностранцам.

— Это мы уже проходили, — сказал Гранцов. — Смотри, он тормозит. Стой, не гони. Что-то здесь не так.

Из розового «рено» выскочил человек в голубом костюме и широкополой шляпе. Он достал из багажника длинную спортивную сумку и вошел в подъезд дома. Наверно, там его ждали, потому что он вышел через полминуты, уже без сумки, и уселся в фургон, который тут же отвернул от бордюра и влился в поток.

— Да это же Василь, — сказал Кирсанов, трогаясь следом. — Ромка говорил, что ему еще сегодня работать.

— Они связаны между собой? — спросил Гранцов.

— Да. Он называл Ромку Олегом... Что он тут делает?

— Работает на твоего Ромку, — сказал Гранцов, щелкнув авторучкой.

Василь посетил еще шесть адресов и выгрузил из фургона еще шесть длинных сумок. Каждый раз Гранцов записывал номер дома или название магазина, куда тот наносил свой короткий визит. Он не знал, пригодятся ли ему эти данные. Но это уже были какие-то данные о работе Рональда Старка.

Служба продолжалась до первого блокпоста. Им и до этого попадались броневики и армейские джипы, но, увлекшись наблюдением, Гранцов не обращал на них особого внимания, предполагая, что военизированная суeta на улицах как-то связана со вчерашними футбольными страстями. Но вот они застряли в пробке, которая медленно просачивалась между двумя пятнистыми бронетранспортерами. Солдаты в красных беретах и черных комбинезонах проверяли документы и обыскивали багажники.

Розовый «рено» пропустили почти без проверки, а на желтое такси начали поглядывать уже издалека, хотя от поста его отделяли еще две машины.

— Только этого не хватало, — вздохнул Гранцов. — Сейчас Василь оторвется, где его потом искать?

— Что-то мне тут атмосфера не нравится, — сказал Кирсанов, оглядываясь. — Может, сломаемся, пока не поздно? И рассосемся по сторонам.

— Куда тут рассосешься? Патрули на тротуарах. Снайперы на крыше. Что у них тут за осиное гнездо?

— Дворец президента за углом, — пояснила Оксана.

— Так, господа туристы, приготовьте ваши документы, — сказал Гранцов. — В любом случае мы ни в чем не виноваты, чисты перед законом, и за спиной у нас великая страна. Держимся спокойно, уверенно, но...

Он не договорил, потому что подошедший солдат бесцеремонно ударил прикладом по капоту. Другой солдат просунул короткий ствол в открытое окно, ткнул Кирсанова в плечо и что-то спросил. Кирсанов поднял руки, говоря:

— Си, си, бьен...

— Он спрашивает, кого везешь, — начала переводить Оксана, но вдруг ее выхватили и оттащили от машины, и сбежавшиеся солдаты направили на Кирсанова и Гранцова десяток стволов.

Офицер что-то кричал в рацию, наверно, диктовал цифры, ведя пальцем по номеру машины.

— Я же говорил, машина в розыске, — беззаботно улыбнулся Гранцов. — Теперь самое главное не делать резких движений. Напрасно они девчонку забрали. Ты сможешь сказать им что-нибудь по-испански?

— Не очень, — признался Марат.

— Запомни фразу. «Кисьера телефонар а ла эмбахада».

Марат медленно повторил.

— «Требуо позвонить в посольство», понял?

Не надо было заканчивать институт иностранных языков, чтобы понять, чего хотят солдаты. Требовалось всего лишь выйти из машины с поднятыми руками, лечь на асфальт и широко раздвинуть ноги. Некоторые нюансы перевода уточнялись с помощью пинков.

Краем глаза Гранцов видел, как Оксану посадили в открытый джип. С ней был человек в штатском, и он записывал в блокнот.

Подняв голову, он увидел более тревожные картины. Офицер перебирал вещи из сумки похитителей. Вот он достал пачку фотографий и начал их рассматривать, и лицо его становилось все краснее и краснее, пока не сравнялось по цвету с красным беретом.

Офицер сложил фотографии в нагрудный карман и отдал длинную звучную команду. Он еще не закончил фразу, а руки и ноги Гранцова и Кирсанова уже были надежно скручены веревкой. Солдаты молча перекинули связанных через борт джипа, и Марат оказался у ног Оксаны. Она закричала по-испански, хватая типа в штатском за руки, но он отмахнулся от

нее, продолжая чиркать в своем блокноте. Джип загремел и сорвался с места.

Солдаты, сидевшие на боковых скамейках джипа, удобно расположили свои подкованные ботинки на спинах лежащих пассажиров. Вадим Гранцов вспомнил, что и ему доводилось возить пленных в кузове, и ему порой приходилось тогда ставить ногу на чужой хребет — просто из-за тесноты. Так что обижаться на конвоиров он не стал.

Но когда их выбросили на асфальт во дворе казармы и начали пинать ногами, Гранцов возмутился. Защищая лицо связанными руками и поджав колени, он перекатывался с боку на бок и поливал обидчиков отборными кубинскими матюками. Задержать задержали, связать связали — но почки-то зачем отбивать? Где-то рядом он слышал отрывистые выкрики Марата, тот твердил одно и то же: «Кисьера телефонар а ла эмбахада!»

Вдруг, по команде, все кончилось. Их поставили на ноги, развязали и даже отряхнули. Магическую команду произнес человек в белой сорочке при галстукке, глядящий на них из окна казармы. Через пару минут они сидели в его кабинете и пили ледяное пиво из банок.

Потолок кабинета был затянут маскировочной сеткой. Здесь явно опасались штукатурки, которая может обвалиться от близких разрывов. На стене висел черный комбинезон танкиста, на спинке стула — офицерский китель, на столе отсвечивал монитор распахнутый ноутбук. Хозяин кабинета был удивительно похож на «лицо кавказской национальности» — черные усы, загорелая плешь, толстые волосатые руки. Он радостно улыбался, словно встретил старых знакомых.

— Это полковник Моронадо, — переводила Оксана, вытирая своим платочком слегка подбитые физиономии соотечественников. — Он лично приносит свои извинения. Он готов оказать помощь. Он предлагает отдохнуть у него в казарме.

— Объясни ему, что нас ожидает несколько номеров «люкс», — сказал Гранцов. Он заметил распятие на стене и не удержался: — Господи, дай мне добраться, наконец, до этого «люкса», хоть бы разок отдохнуть по-человечески. Господи, ну почему ты выбрал именно это время для таких испытаний!

— О, — сказал Моронадо.

Оксана повернулась к нему, ожидая продолжения фразы, но ее помощь не понадобилась.

— О... Я...Э... — Моронадо запнулся на секунду и продолжил на чистом русском языке: — Это что-то новое! Русский, в тельнике, молится Богу!

Кирсанов пролил пиво на пиджак. Гранцов развел руками:

— Вы блестяще владеете русским языком, господин полковник.

— А вы, товарищ, блестяще ругаетесь, как натуральный кубинский рыбак. Наверно, все русские туристы проходят подготовку в Гаване?

— Нет, — ответил Гранцов. — Не все.

— Только командный состав, — кивнул Моронадо. — Вы офицер? Какое училище?

— Суворовское.

— Такое не знаю. Я кончил два ваших училищ. Рязань и Киев.

— Два-то зачем? — спросил Гранцов, открывая четвертую банку пива.

— Папа не хотел меня видеть дома, — засмеялся Моронадо. — Я могу вас возить на танке в ваш отель «люкс».

— Зачем же на танке. Мы привыкли на такси.

— Опасно, — сказал Моронадо, — у нас опять революция. Где вы взяли свой такси? Очень плохой такси.

— На нас напали хулиганы, — спокойно объяснил Гранцов. — Увезли к себе, требовали денег. Мой референт вел переговоры, а переводчица отвлекла водителя. Потом мы быстренько сели в их машину и уехали.

Моронадо расхохотался и обратился по-испански к Оксане. Она встала и, бурно жестикулируя, рассказала всю историю, начиная с аэропорта и кончая блокпостом. Она нашла фотографии Гранцова и Кирсанова в роковой пачке, она даже вспомнила про смятые бумажки из тюфяка и отдала их Моронадо. Тот выслушал ее спокойно и больше не говорил

по-русски, предпочитая услуги прелестного переводчика.

— Он говорит, что нам очень повезло. Если бы мы попались полиции или гвардейцам, сейчас бы все лежали в морге. Потому что полиция сначала стреляет, потом делает заявление для прессы, а потом задает вопросы.

— А он не полиция? Тогда кто?

— Он охраняет президента. В городе... как это, ну, беспорядки. Народ громит магазины. Все в районе стадиона. Туда ушли все солдаты. Он говорит, очень удобный момент для революции. Вы приехали сюда делать революцию? Он шутит. В отель «Глобо» ехать опасно. Эта ночь может быть опасной.

— Скажи ему, что русские больше не делают революцию.

— В это трудно поверить, — сказал Моронадо.

— Если беспорядки в районе стадиона, это же совсем близко от нашего отеля, — сказал Кирсанов. — Вадим Андреевич, берите танк, не прогадаем.

— Вам будет приятно кататься на моем танке, — полковник поманил Гранцова к окну.

На заднем дворе казармы когда-то было небольшое футбольное поле. Сейчас о нем напоминали только ворота с обрывками сетки. Играть же на поле не смогли бы даже волшебники кожаного мяча, потому что почти все пространство было занято угловатыми зелеными «тридцатьчетверками». Их было девять, и они стояли тройками, строго параллельно задрав стволы орудий.

Сразу было видно, что боевые машины здесь избалованы лаской. Катки, блестящие черным лаком, были обведены щегольским белым кольцом. На стволах были натянуты черные чехлы без единой складочки. А над башнями раскачивались под ветром гибкие стебли антенн с красными вымпелами.

— Предпочитаете классику? — спросил Гранцов.

— Почему нет? Они достались нам по цене двух старых «шерманов». Но один Т-34 лучше десяти «шерманов»!

— Удачная сделка. Китайские?

— Этого уже никто никогда не узнает. Они направлялись в Чили. Но немного опоздали. Тот, кто их заказал... Ему уже не нужны были танки.

— Семьдесят третий год? — спросил Гранцов.

— Да. Если бы Альенде получил свой заказ вовремя, все могло быть по-другому. Но он не получил. Танки двадцать лет стояли в порту. Закрытый склад. По документам — старое железо. Наш президент был военным министром. Он договорился с хозяином груза. И теперь у меня самые лучшие танки. А у президента — самая лучшая защита.

— Танк в городе не защита, а мишень, — сказал Гранцов.

— Я танкист, — обиделся Моронадо. — Танк — это король войны.

— Не в городе, — покачал головой Вадим. — Пять-шесть гранатометчиков на узкой улице могут остановить танковый полк.

— Э, какие гранатометы? Наши люди боятся даже электробритвы.

— Наши тоже когда-то боялись, — вздохнул Гранцов. — А что, Кирсанов, не переночевать ли нам в казарме?

— А как же наши вещи? — напомнил Кирсанов. — До утра все пропадет.

— Что ж, очень жаль, — сказал Гранцов, протягивая руку Моронадо. — Приятно было познакомиться, господин полковник. Спасибо за пиво. Вернусь домой, буду пить только «Корону».

— Компаньеро Гранцов, компаньеро Кирсанов, — полковник крепко пожал им руки. — Я дам джип и два бойца. Ночью они будут около ваш отель. Если что, сами понимаете. И спасибо за идею насчет гранатометов.

Он добавил что-то по-испански, глянув на Оксану, но она отрицательно помахала рукой и прижалась к Кирсанову.

— У вас хороший эскорт, — заметил Моронадо.

— А у вас хороший русский, — сказал Гранцов.

— О, спасибо. У меня был хороший учитель. Моя жена.

Они забрались в тот же самый армейский джип, на котором их привезли сюда, попирая ногами. Белоснежный костюм Кирсанова еще хранил отпечатки солдатских ботинок, и сопровождающие бойцы, Рауль и Рамон, всю дорогу отряхивали его спину. Гранцов пытался на ходу прикладывать холодную банку пива к подбитой скуле, чтобы не было синяка. Но джип так лихо мчался и так подпрыгивал, перескакивая через тротуары и газоны, что Вадим чуть глаз себе не выбил этой банкой, и пиво пришлось просто выпить.

Он не мог отделаться от ощущения, что едет по знакомым улицам. И только когда увидел вывеску «Сомбрерия», вспомнил, что уже проезжал мимо нее. Наверно, и часа не прошло. Точно! Здесь останавливался розовый фургон одессита, за которым они следили из такси. А вот еще одна примета — сразу за поворотом рекламный стенд Кока-Колы. И здесь Василь спускался в какой-то дукан со своей длинной сумкой, а вышел без нее.

Одессит что-то развозил. Наверно, какую-то контрабанду, которую получил сегодня утром в аэропорту. Вот еще одно знакомое место, угловой дом, старинный, с кариатидами под крышей. Что же получается? Почему Василь заезжал в адреса именно на этом маршруте?

Оказывается, если бы Кирсанов свернул не налево, а направо, то минут через десять они могли оказаться у отеля. Вот уже показались угловые белоснежные башенки над въездом во двор.

Возле чугунных ворот отеля сгрудились десятка два оборванцев. Несмотря на липкую удушающую жару, они были в лыжных шапках, закрывающих лицо. У каждого за плечом висела сумка, из которой они доставали камни и ловко швыряли их сквозь ажурное литье ворот.

Завидев джип, они моментально рассыпались в разные стороны, но Рауль все-таки привстал и пару раз выстрелил в воздух из своего «узи».

Со стороны отеля к воротам подбежали юноши в розовых распашонках, чтобы пропустить джип.

— Оксана, переведи ребятам, — попросил Гранцов. — Нас захватили бандиты. А танкисты прочесывали тот район и случайно нас нашли во время зачистки. И освободили. Понимаешь? Нас освободили эти ребята. Ну, что ты молчишь?

— Как переводится «прочесывали»? — растерянно спросила она. — И что такое «зачистка»? Я таких слов не знаю. Ни по-испански, ни по-русски.

— Эх, пехота, — вздохнул Вадим.

Глава 10. Тост за капитана Мосина

К отелю подкатывал автобус за автобусом. Полураздетые мужчины с сумками и узлами, женщины с детьми на руках выскакивали из дверей и гурьбой устремлялись в холл. Непрерывно звенели створки лифтов, унося наверх очередную группу напуганных людей.

— Индусы, — объяснил Федор Ильич. — Громят ихний район, «Бомбей», так они сюда подались.

— Их-то за что? — спросил Кирсанов. — Они-то каким боком за футбол зацепились? По принципу «понаехали тут разные», что ли?

— Да вроде судья был из них, или еще кто... Просто не любят их здесь. Держатся особняком, и дома у них зажиточные, есть что пограбить. Вон гватемалов-то не трогают. Да ничего, это здесь не впервой. А вот костюмчик жалко до слез, — сказал Федор Ильич, разглядывая на свет остатки пиджака.

Марат Кирсанов подошел к окну и выглянул во двор. Джип стоял под фонарем рядом с будкой охранника у высокого каменного забора. Один солдат дремал, опустив голову на руль, второй чистил автомат, разложив детали на боковой скамейке и не обращая никакого внимания на въезжающие автобусы и толпы беженцев.

Марат опустил в мягкое бездонное кресло. Махровый халат нежно окутал тело, отлежавшееся в горячей душистой ванне. В желудке уютно переваривалась почти не

пережеванная телячья отбивная. Горло саднило от местных приностей, но ананасовый сок помогал справиться и с этой бедой.

— И как они разместятся? — сонно спросил Гранцов. Закутавшись в такой же махровый халат, он покоился в таком же кресле напротив, но вместо сока заливал отбивную пивом.

Юноша в розовой распашонке выкатил сервировочный столик из номера, с достоинством приняв от Гранцова скромное вознаграждение за сервис в полувоенных условиях.

— Отель не резиновый, а они всё валят, — сказал Кирсанов.

— Маратик, это не наши проблемы, — ответил старик. — Верхние этажи все равно пустые, не сезон. А для фирмы — реклама на весь мир. Здесь и не такое бывало. Меня вот больше волнует, как вас отправить вдогонку всей группе.

— А куда группа делась?

— Вадим Андреевич, это была картина, достойная кисти Брюллова. Когда ваши друзья узнали, что мы все-таки улетели в Сан-Деменцио, они устроили здесь просто последний день Помпеи. Я потому и не мог связаться ни с кем из администрации. Здесь такое началось! В конце концов нашлись и автобусы, и самолеты, и вся группа была отправлена таки на карнавал. Кроме вас, как выясняется. Да, Маратик, костюм твой придется очень долго стирать.

— Проще новый купить.

— Где же ты теперь такую вещь достанешь? Сейчас никакой торговли дня два не будет. Все лавки позакрывались. Погромы только начались. А что к утру будет, то одному Богу ведомо.

— Неужели в отеле нет никакого ларька?

— Ларьки есть, продавцы разбежались.

— Значит, буду ходить в шортах, — сказал Марат. — А где Оксана?

— Сидит у себя в номере, — сказал старик. — И как ты ехал через город в таком виде? Весь пиджак в крови.

— Это не моя кровь, — машинально ответил Кирсанов.

До этого момента он держался неплохо. Но стоило сейчас ему увидеть эти коричневые пятна на рукавах пиджака, как страшная слабость навалилась на него. В голове застучало, и желудок подскочил к горлу. Марат стиснул зубы и встал, шатаясь, как пьяный.

Он повернулся к Гранцову и увидел, что тот заснул в кресле.

— Вадим Андреевич, я пройду по территории? — сказал Марат, почти не слыша собственного голоса, и не получил никакого ответа.

Пока Гранцов командовал, все было нормально. Сейчас Кирсанов почувствовал себя так, словно остался без прикрытия. Он в два гигантских шага пересек номер, крепко задел косяк двери и привалился к стене в коридоре. Гудели лифты, проносясь вверх и вниз мимо «русского» этажа. Он толкнул соседнюю дверь.

В номере Оксаны на полу валялись ее вещи. Подбирая их по очереди (черную жилетку, белую блузку, черную юбку, белые трусики), он дошел до ванной, где шелестел душ.

— Ты здесь? — спросил он через дверь.

— Заходи, — сказала она.

— Хочу прогуляться по территории, — сказал он через дверь. — Не составишь компанию?

— Я так устала... — шелест душа прекратился.

— С чего бы это? — спросил Марат.

— Какой ты чурбан все-таки, — сказала она, выходя из ванной и вытираясь маленьким полотенцем. — Я от жизни такой устала.

— Бывает и хуже, — сказал он, подавая ей халат, но она, не заметив этого, голая прошла в комнату, раскрыла свою спортивную сумку и принялась там рыться. — Что ты ищешь? Твои вещи у меня.

— Оставь себе, — сказала она. — А я свежее надену.

— Вот и я свежее хочу, — сказал Кирсанов, наблюдая, как она и так, и сяк наклоняется над сумкой. — Хочу приодеться, а то уже выйти не в чем.

— Наверно, все закрыто, — сказала она. — Только на самой верхотуре можно поискать, в «аквариуме». Это бар такой. Вот там все можно купить. Женщины, наркотики, оружие. Ах да, я забыла. Тебе ведь ничего этого не нужно.

Он по-прежнему держал ее вещи в руках, слегка покачиваясь. Что-то липкое нащупала ладонь на скомканной юбке. Он поднес руку к лицу и увидел мазок бурой слизи с белыми прожилками.

Его шатнуло назад. К счастью, за спиной оказалась дверь в туалет, и он упал на колени, обхватив унитаз. Прощай, отбивная.

Прошло минут десять. Когда он вышел, Оксана поднесла ему бокал с ледяной водой, но он предпочел сначала умыться.

— Значит, это типичная реакция, — сказала Оксана.

— Ты о чем?

— Меня тоже прополоскало будь здоров.

— Давно такого не было, — сказал он, прислушиваясь к своему голосу. Все прошло, и его уже не качало. — Я пошел в «аквариум». За шмотками. Это на последнем этаже?

— Постой, я с тобой, — сказала она, — заблудишься еще.

Лифт был переполнен. Беженцы настороженно уставились на двоих благополучных туристов в одинаковых халатах. Оксана сказала «сорри» и отступила, потянув Марата за рукав.

— На служебном поднимемся, — сказала она и толкнула стеклянную дверь с запрещающим значком.

В подъехавшем служебном лифте оказался мальчик в розовой распашонке и огромная бельевая корзина на колесиках. На седьмом этаже мальчик выкатил корзину. Кирсанов и Оксана остались в кабине одни. В проеме медленно стягивающихся дверей Кирсанов успел разглядеть, что в коридоре на полу вдоль стен сидит множество людей, и юноши в розовом ходят между ними с блокнотами и всех переписывают. Перекатывался слаженный детский плач, крепко пахло чесноком.

— Уже седьмой этаж забили, — сказала Оксана. — Так и до крыши доберутся.

— Извини, что так получилось, — сказал Марат.

— Что получилось?

— Все это. Захват, резня. Они же нас хотели захватить, а не тебя. Если б ты не была с нами... Могла бы спокойно лечь на пол там, в ресторане, тебя и не тронул бы никто. А ты...

— Вот чурбан, — сказала она. — Ты меня просто убиваешь. Я же говорю, ты киллер.

Выйдя из лифта на последнем этаже, они оказались в прозрачной галерее. За стеклянными стенами горели и перемигивались огни вечернего города, сияющие гирлянды улиц и проспектов, беспорядочный поток автомобильных фар. Трудно было представить себе, что где-то среди этих праздничных, мирных огней озверевшие люди громят жилища других людей.

В баре тоже были стеклянные стены. Играл аккордеон, и за длинной стойкой сидел на высоком табурете один-единственный посетитель в пропотевшей насквозь майке. Перед ним стояли две пластиковые бутылки — «Кока-кола» и «Спрайт», и он смешивал их содержимое в высоком бокале. Бармен стоял у холодильника, перемешивая лед, и всем своим видом показывал, что ему нет никакого дела до странных занятий клиента.

Марат пристроился к стойке и спросил у Оксаны:

— Что тебе заказать? Хочешь «Кока-колу»?

— Да не пей ты эту газировку, — сказал ему одинокий клиент. Это был Василь. Точнее, то, что осталось от Василя после употребления смеси аптечного спирта и «колы». — Так и не смогли улететь? Я так и знал. А уроды ваши все улетели. И эти пидорасы, которых мы спасали, тоже слиняли. Я все помню, заметил?

— Заметил. А с чего это ты тут сидишь? Почему не спишь?
Василь оглянулся, тяжело вздохнул и махнул рукой.
— Уснешь тут... Вечным сном. Хорошо, что ты пришел, Марик. Вопрос у меня к тебе. Деликатный такой вопрос...

— Короче, Склифосовский.
— Можно мне у тебя перекантоваться? У тебя места много...
— А у тебя что, мало?
— Нет у меня места, — сказал Василь. — Ты только не подумай, что это белая горячка. Хотя похоже вообще-то. Крыша едет.

— Вась, давай короче.
— Короче, я у себя не могу оставаться. Все время кажется, что в меня сейчас начнут стрелять. Все время под прицелом. Даже красные пятнышки уже по стенкам бегают. Кругом киллеры. В сортир боюсь зайти, вдруг он там на горшке сидит. Ты не думай, я ведь не буйный. И постель для меня не нужна никакая, я в уголке посижу, покемарю, а с утра пораньше испарюсь, ты даже не заметишь.

— Значит, киллеры исчезают с первым лучом солнца?
— Марик, ты что, не веришь?
— Верю, верю, — кивнул Марат, чтобы не обижать его. — Нет проблем, устраивайся. Даже интересно. У меня еще не было таких соседей, за которыми киллеры строем ходят.

— Объясняю, — сказал Василь. — Такое состояние называется «фобия». У меня приступ киллерофобии. Для окружающих все выглядит как бред, а для меня эти страхи очень даже реальны.

— Фобии не передаются окружающим? — спросила Оксана.
— Нет.
— А мне кажется, что передаются, — сказала она. — Лично мне уже что-то такое передалось.

— Просто моя фобия очень сильная, — сказал Василь. — И я на нее реагирую, как на реальную опасность. Хотя все это бред.

— Зря суетишься, — сказал Кирсанов. — Киллеры тоже люди, они по ночам спят. Ты хоть раз слышал, чтобы кого-то застрелили ночью? Вот то-то и оно. И стрелять тоже не будут, не надейся. Одно дело простреленная башка, море крови, полиция, журналисты, скандал. И совсем другое дело — пьяный турист выпал из окна.

— А у тебя какой этаж?
— Третий.
— Вот, — сказал Василь. — А мой номер на одиннадцатом. Чуешь?
— Разбиться можно и на первом этаже, — сказал Кирсанов. — А можно поножовщину организовать. Подрались туристы из-за девочки по пьянке. И все шито-крыто. Никаких скандалов, даже наоборот, все постараются как-то замять дело.

— Может, хватит об этом? — поморщился Василь. — Нашли тему.
— Ты, Васек, послушай, послушай, — сказала Оксана. — Специалиста послушать — одно удовольствие.

Она вдруг засмеялась.
— Я семью представила. Муж и жена. Он киллер, она проститутка.
— Ну и шо такого, — сказал Василь. — Нормальная семья. Лишь бы они не брали работу на дом.

Все трое рассмеялись. Их смех, видимо, привлек внимание бармена, который захлопнул холодильник и подошел к стойке.

— Чао, Ксантита! — бармен приветливо улыбнулся, увидев Оксану. — Ксантита-Бланкита!

— Чао, Томми, — Оксана потянулась через стойку, чтобы поцеловать стильную трехдневную щетину, а потом повернулась к Марату. — Ты хотел найти одежду? Что нам нужно?

— Что-нибудь легкое. Такое, чтобы гулять по сельве.

— По какой сельве?

— Мы едем в Сан-Деменцио. А там сельва.

— Ты с ума сошел, — сказала Оксана. — Тебе русским языком сказали, что мы летим в Рио на карнавал.

— У меня билеты на семинар. Мы с Гранцовым едем в Сан-Деменцио — и точка. Спроси, есть у него что-нибудь для сафари. Слушай, а что он тебя Бланкитой называет? Бланкита — значит «беленькая».

— Была беленькая, стала черненькая, — сказала Оксана и затараторила по-испански, причем бармен поглядывал на Кирсанова с возрастающим уважением.

— Сафари? — спросил бармен.

— Йес, джангл сафари, — кивнул Марат.

— Секонд-хэнд-иквипмент, — сказал бармен. — О кей?

— О кей.

Оксана ушла с барменом, которого подменила молоденькая аккордеонистка, а Василь наконец-то задал главный вопрос, к которому требовалось подойти в ходе затеянной беседы:

— Вот теперь нам никто не мешает. Пить будешь?

— Нет, спасибо. Без закуски не могу.

— Кто казав без закуски?

Василь начал сползать с табурета. Он долго нашаривал ногой опору, но так и не обнаружил. Изумленно подняв брови, он наклонился, чтобы разглядеть далеко внизу недосигаемую землю, и полетел к ней, не выпуская бокала. Кирсанов дал ему приземлиться на мягкий ковер, потом поставил бокал обратно на стойку, а Василя поднял за брючный ремень и понес к выходу.

— Пиджачок, — сказал Василь на лету, делая ногами шагающие движения. — Пиджачок забыли и шляпу.

— Не вижу, — Марат оглядывал пустой бар.

— А еще профессионал, — пристыдил его Василь и перешел в вертикальное положение. — Вон же стульчик мой. Пойдем, посидим как белые люди. Не волнуйся. Никто нас не тронет. Это тебе не Штаты. Русских тут уважают.

Действительно, в глубине бара на столике красовалась широкополая шляпа, а рядом на спинке стула висел голубой пиджак с короткими рукавами. Василь по немыслимой траектории вышел на цель и обессиленно свалился на стул. Рука нырнула в карман пиджака, разлетелись какие-то бумажки, но вот на столе появилась золотистая луковица, и меткий удар кулака прибил ее к полировке стола.

Марат наклонился, чтобы подобрать с пола листок бумаги и фотографию, выпавшие из кармана Василя, но тот с неожиданным проворством опередил его.

— Не трожь! — Василь бережно спрятал бумажки во внутренний карман и похлопал по пиджаку. — Это знаешь, что такое? Это моя страховка! Без бумажки ты букашка, а с букашкой человек... Или нет, не так... Короче, давай выпьем!

Почему бы и не выпить? Говорят, это помогает расслабиться. Марат чувствовал болезненное напряжение во всем теле (особенно в желудке), а ведь завтра он должен быть в форме. Он всегда должен быть в форме. Сейчас его форма никуда не годилась. Координация нарушена, реакция замедленная, вон даже пальцы дрожат от перенапряжения. Почему бы и не выпить? Почему бы не переждать всю эту заварушку здесь, «над схваткой», в этой башне из толстого стекла? Марат подсел к столу, оглядываясь в поисках Оксаны. Но девушка за стойкой неправильно поняла его взгляд и принесла пару стаканов, блюдо с разными орешками и две забытые бутылки.

— Мучос грасияс, — сказал Кирсанов.

Девушка ослепительно улыбнулась и что-то сказала, но тут у них над головой взорвался светильник, и все покрылось блестящими осколками. Потом послышался звон оконного стекла, и Марат вдруг обнаружил, что лежит на ковре, прикрывая девушку.

Нет, все-таки он был в форме. Еще не успев понять, что случилось, он уже ушел из-под обстрела и при этом прихватил с собой мирных жителей.

Сначала они слышали удар пули в потолок, потом звон падающих осколков, и только потом доносился звук выстрела.

— Надо свет вырубить, — придумал Кирсанов.

— Сейчас вырубят, — сказал Василь, отползая к стойке. На полу он не выглядел таким уж пьяным. — Вот перебьют все лампочки, свет и вырубится. Давай сюда. Ну, чего смотришь?

— Не вижу, где выход.

— Куда ж ты денешься с подводной лодки, — сказал Василь, удобно устраиваясь под стойкой. Бутылки, стаканы и луковицу он расставил перед собой и широким жестом пригласил присоединяться. — Стенки все стеклянные, даже до лифта не дойдем. Вот у меня есть друг Хачик, он все время спрашивает: «Хачик, нам это надо?» Пускай себе постреляют ребята. Ну что, закуска есть, девушка есть, наливаю?

— Наливай, — разрешил Кирсанов. — Хуже не будет.

Пятая пуля, наверно, перебила какой-то провод, и свет в баре погас. Но стрельба не прекратилась. После небольшой паузы новые пять пуль влетели в разбитые окна. Столики, усыпанные осколками зеркал, сверкали и переливались в отраженном свете неоновых огней, которые опоясывали крышу.

— Это они по рекламе сандалят, — сказал Василь.

— Не они, а он, — сказал Кирсанов. — Один козел с винтовкой. Типа нашей трехлинейки. Пять патронов в магазине. Дистанция под восемьсот метров. Пока будет перезаряжать, можно отсюда выскочить.

— Зачем? Мне и здесь хорошо, — сказал Василь. — Я сегодня уже набегался. А там шум, гам, суета. Нет, я отсюда никуда. Видел я, какие дырки бывают от вашей трехлинейки. Спасибо, не надо. А вот ты мне скажи, откуда русская трехлинейка у этих папуасов?

— Ну, это может быть и «маузер», или там «спрингфилд». Но вообще-то, нашего оружия везде много. Так, этот козел начал новый магазин.

— Все не так просто. — Василь пальцем вылавливал в бокале осколок стекла. — Винтовка длинная, ее под майкой не спрячешь. Значит, она где-то хранилась. Где? Под кроватью? И скажи, зачем? Ворон стрелять? Значит, напрашивается какой вывод? Это солдатики балуются.

— Нет. У солдатиков я видел только «узи». Вот ведь козел, — сказал Кирсанов, — так и лупит в одно место. Хорошо еще, что потолок мягкий.

— Ты следишь за ходом мысли? Значит, солдатик стреляет по отелю, так? А зачем? Почему, ты можешь мне сказать?

— Потому что козел, — ответил Кирсанов. — Наливай.

Василь после второй порции фирменного напитка оказался очень интересным собеседником. Например, от него Марат узнал, что для «ваших российских дорог» годится только одна машина, «Лендровер», а все прочие внедорожники начинают сыпаться уже на втором году эксплуатации. В свою очередь, он полностью согласился с мнением Кирсанова о роли советского оружия в мировом революционном процессе. Последний тост они провозгласили за капитана Мосина, и очередная пятерка пуль сопровождалась аплодисментами и попыткой исполнения Гимна Советского Союза.

— Ты Олежека давно знаешь? — спросил Василь.

— Не очень, — ответил Марат, не сразу сообразив, что речь идет о Старицыне. — А почему Олег? Он же Роман.

Василь многозначительно похлопал себя по груди:

— Кому Роман, кому Олег, а кому и вообще мистер Старк. Вот, глянь.

Воровато оглянувшись по сторонам, он показал Марату фотографию.

— Заснято у вас в сибирской тайге. Там вдруг появилась новая община любителей здорового образа жизни. Без электричества, пластмассы и бумаги. Все вроде культурные

люди, аспиранты и инженеры. Продали свои городские квартиры, чтобы жить в землянках на берегу Енисея. Видишь, вот этот, в белом балахоне? Узнаешь?

— Ромка.

— Они его называли «Брат Олег». А вот, смотри, бумажечка у меня какая имеется. Дело было на Урале. В одном городке вдруг прокатилась волна самоубийств. И все погибшие оказались членами культурно-исторического движения «Белый Свет». В уставных документах движения Старицын Р.Р. фигурировал как казначей. Вот, глянь, это смета расходов. Подписана Старицыным. «Аудиоаппаратура — проигрыватель «Вега-312» с колонками — 1 шт., свечи восковые — 400 шт., ткань портьерная — 46 метров...»

— Зачем тебе это?

— Я ж говорю — страховка! Когда имеешь дело с такими крутыми ребятами, как Олежек, всегда надо иметь страховку. Он теперь знает, что кое-какие бумаги могут всплыть, если со мной что-то случится. Тыфу-тыфу, дай-то Бог, чтоб это не понадобилось.

— Какие у тебя могут быть дела с таким козлом? — неприязненно спросил Марат. — Я тебе точно говорю, Васек. Ромка — козел еще тот. Он тебя подставит, запомни мои слова.

— Не успеет. Отрабатываю последний рейс — и скрываюсь в тумане. Придется ему поискать себе другого экспедитора.

— Уже ищет. Уже подкатывался.

— К тебе? Не поддавайся! Наобещает золотые горы, а получишь дырку от бублика, — сказал Василь. — Давай выпьем за удачу! За нашу удачу и его неудачу! Нет, Марик, не связывайся ты с ними. Контора, конечно, огромная, и денег у них до кучи. Только за эти деньги они из тебя всю душу вынут.

Девушка-аккордеонистка вскрикнула и заложила уши руками, потому что с потолка снова посыпалось битое стекло.

— Вот именно, что контора, — пренебрежительно сказал Марат, не обращая внимания на стрельбу. — Только и умеют, что лапшу на уши вешать. Сплошные рафтинги, дайвинги и боулинги. Короче, шопинг, керлинг и петтинг в одном флаконе.

— Вот и выпьем за их полный шопинг! — наверно, у Василя от выпитого начала ухудшаться дикция, потому что последнее слово он произнес через «ж».

Спирт у них кончился раньше, чем патроны у рогатого снайпера. Пришлось переползать под огнем, по галерее до самого лифта, причем Василь еще тащил на спине аккордеон. Марат полз рядом с аккордеонисткой. Специально прихваченным веничком он галантно отбрасывал с пути осколки. Василя вдруг охватил приступ хохота, и он надолго застрял на середине галереи.

— Ты чего? — оглянулся Кирсанов.

— Вспомнил, что такое керлинг... Когда с вениками по льду... Керлинг! Шопинг! Петтинг!

Звонкие удары заглушили его смех, и новые осколки посыпались на них со всех сторон.

— Эй, Васек, хорош смеяться! Тут уже «Калашников» работает, — прислушался Марат. — И совсем близко. Вот уроды, они с соседнего дома бьют! Нас увидели, что ли?

Новая очередь подтвердила его правоту. Кирсанов подхватил девушку и, пригнувшись, пробежал остаток пути. Василь остался лежать в галерее, обнимая свалившийся набок аккордеон. Треск автомата слился со звоном стекла. Со стороны бара потянулся дым.

— Чего ждешь? — крикнул Кирсанов. — Сгорим тут к черту!

— Базиль, Базиль... — жалобно приговаривала девушка.

Марат схватил ковровую дорожку за края и потянул на себя. Что-то затрещало, он уперся покрепче — и дорожка подалась, и Марат, отступая к лифту, вытянул лежащего Василя из галереи.

Глава 11. Ответная любезность

Во всем отеле был погашен свет. В коридорах тускло мерцали аварийные указатели

выхода, но к выходу никто не стремился. Все перебрались во внутренние номера, с видом на газон, и сидели на полу, загнав детей под кровати. Даже в коридорах опасно было оставаться, — об этом красноречиво предупреждали насквозь пробитые пулями двери внешних номеров.

Когда Марат наконец дотащил Василя до своего этажа, на него напустилась Оксана.

— Где ты пропадал? Господи, что за вид? В чем ты извозил халат? Ты что, в мусоропровод упал?

— Во-первых, я ждал тебя, — тщательно подбирая слова, произнес Кирсанов. — Во-вторых, мы попали под обстрел.

— А в-четвертых, мы сыграли партеечку в керлинг, — добавил Василь из-за его спины.

Марат втянул его в номер, держа под мышки, и усадил в кресло. Василь сразу обмяк, уронил голову на грудь и захрапел.

— Вот, — сказал Марат, удовлетворенно вытирая ладони полой халата. — Здесь его никто не достанет.

— Ложись спать, — сказал Гранцов. — Потом поговорим. Много выпили?

— Грамм сто. Или двести. Не важно. Этот день кончится когда-нибудь вообще? С утра пораньше то одно, то другое. Мы для чего приехали? Отдыхать или как?

— Отдыхать, отдыхать. Вот и ложись, отдохни.

Марат послушно лег, но почему-то поперек кровати. Он закрыл глаза и притворился спящим, прислушиваясь к репликам собравшихся.

«Действительно, кошмарный день, — причитал старик. — В страшном сне такого не увидишь. Чтобы приехать на отдых и вместо этого попасть в лапы к бандитам. Хорошо еще, что солдаты подросли, отбили вас, а если бы не получилось? Здесь вообще не принято заложников освобождать. Все платят. А если даже и начинают спасать, то просто штурмуют, как говорится, без церемоний. Естественно, гибнут и бандиты, и заложники. Поэтому я даже и не звонил никуда, только в отель. Господи, что я пережил, когда вас увезли! Кошмарный день!»

«Наоборот, прекрасный день», — сказал Гранцов. — «На редкость удачный день, как говорил один мой знакомый за полчаса до смерти».

«Да вы, батенька, оптимист неистребимый, как я погляжу».

«Прекрасный день», — повторил Гранцов. «Правда, он еще не кончился. Так, это джинсы и майка для Марата, а это, получается, наши головные уборы?»

Марату очень хотелось посмотреть, что же это за головные уборы такие, но легче было притворяться спящим. Еще легче оказалось не притворяться... Когда же он проснулся, в комнате уже не было ни Оксаны, ни старика.

На полу был расстелен план города, и Гранцов, в камуфляжной майке и рейнджерской панаме, водил по плану карандашом и что-то записывал в блокнот.

— Я с Василем договорился, — вспомнил Марат. — Он нас отвезет на семинар. Завтра. Нет, послезавтра. Нет, если сегодня уже завтра, то не сегодня...

— Спи, спи, утром разберемся, — ответил Гранцов.

— А что вы там говорили насчет майки для меня?

— Для тебя не только майка. Ты же хотел переодеться?

Марат еле-еле выпутался из своего халата и прошлепал босиком в душ. Постояв под холодной струей, он живо вспомнил, как сегодня утром давал себе зарок не пить. И вот, пожалуйста, опять надрался. Опять этот одессит подвернулся со своим спиртом.

В наказание он пустил воду на полную мощь и стоял, пока не начал трястись от холода. Потом растерся полотенцем и вышел из ванной уже с почти трезвой головой.

На его постели лежал ворох одежды. Марат надел потертые мягкие джинсы и зеленую майку, примерил панаму с заломленными полями. Он поискал свои беговые кроссовки, но вместо них обнаружил рыжие высокие ботинки и захотел их примерить, а когда примерил, не захотел снимать. В углу он заметил две брезентовые сумки с веревками, фляжками и еще какой-то амуницией.

— Откуда такое богатство?
— Оксана твоя достала. Это богатство обошлось нам в двести долларов.
— Ботиночки-то классные, — сказал Кирсанов, приседая. — Да за одни ботинки сто баксов не жалко.

— Типа наших прыжковых⁹, — снисходительно согласился Гранцов. — Посмотри там в сумке, выбери себе что-нибудь.

— Да я бы все выбрал, — сказал Кирсанов, порывшись в сумке.

Выбирать — значит от чего-то отказаться. А он не мог отказаться ни от походного ножа, ни от компаса на шнурке, ни от фонарика, хоть тот и не горел. Три разноцветные веревки и невесомые титановые карабины пригодятся скорее в горах, чем в джунглях. Но кто сказал, что в сельве не будет гор? Нейлоновое квадратное одеяло оказалось с короткой молнией посередине. Оттянешь — получается дырка для головы, можно носить, как накидку. Интересное одеяло.

— Это не одеяло. Это называется пончо, — сказал Гранцов.

— А вы себе что выбрали?

— Я? Как и ты. Всё.

— У вас тоже такой нож? Дорогой, наверно, — Марат внимательно рассмотрел клеймо, изображающее кузнеца в трудовом процессе. — Неужели настоящий «Бак»?

— Китай, — огорчил его Гранцов. — Настоящий «Бак» стоит подороже, чем твои ботинки. Ну-ка, покажи.

Повертев нож под лампой, Гранцов хмыкнул. Попробовал лезвием построгать свой ноготь, и снова хмыкнул. Огляделся и неожиданно, без размаха метнул нож. Лезвие звонко впилося в косяк двери, и Марат с трудом смог выдернуть клинок.

— Нормальная финка, — кивнул Гранцов.

Марат бережно уложил «Бак» в кожаные ножны и вернулся к обследованию своей сумки.

— Смотрите, даже туалетная бумага осталась. Первый раз вижу туалетную бумагу «секонд-хэнд».

— Она неиспользованная, — сказал Гранцов.

— Я надеюсь.

— Да я не об этом. Я о хозяевах этого барахла. Они ничего не использовали. Ни бумагу, ни веревки. Батарейки не распакованы.

— Ну и что? Нам же лучше.

— Сумки остались от каких-то немцев, — пояснил Гранцов. — Оксана говорит, они тоже собирались на сафари, попросили бармена-спекулянта все приготовить. Обещали расплатиться. Он собрал им вещи, но они до сих пор не пришли за сумками. Чем нанесли ему финансовый ущерб.

— И долго он их ждал?

— Долго. Это еще в прошлом году было. Наверно, передумали. Или их отговорили.

— Почему?

— А нас с тобой почему отговаривают? Опасный район. Все время война с партизанами. Машины на дороге пропадают, надо ездить с охраной. Много хлопот, в общем. Проще отправить людей в Бразилию или здесь на пляже мариновать.

Марат распечатал батарейки и вставил их в фонарик. Проверил, направив узкий луч на потолок. Потом застегнул свою бесценную сумку и прошелся из угла в угол, привыкая к новой обуви.

— А где Оксана? — спросил он и тут же добавил, чтобы Гранцов чего не подумал: — И где старик?

— Они спят в моем номере. Там безопаснее.

⁹ прыжковые ботинки, обувь десантников

— А что за шум? Как на стадионе, — прислушался Марат.

— Это народные массы бузят, — сказал Гранцов и сделал пометку на плане. — Так, все ясно. Твой Василь не говорил, случайно, что он делал сегодня в городе?

— Нет. Кажется, нет. Не помню. Давайте разбудим, спросим.

— Не надо. Он и сам, наверно, не знает ничего. Вот смотри. Видишь эти точки? Сюда он заезжал со своими сумками. Вот здесь наш отель. Вот — казармы танкистов. Мы ехали вот так.

— Через все эти точки?

— Верно. И это не просто точки. Каждый такой дом — или угловой, или самый высокий на улице. Соображаешь, сержант?

— Огневая позиция?

— Может быть. Допустим, там сидят снайперы, а Василь подвозил им продукты. Или патроны. А зачем там нужны снайперы? — сам у себя спросил Гранцов, и сам себе ответил: — А чтобы стрелять по толпе, когда она рванется к президентскому дворцу, например.

— Или чтобы стрелять по нашему отелю, — добавил Марат. — Я целый час не мог из-под огня выйти в этом баре. Кстати, Вадим Андреевич, давно хотел спросить. Что значит петтинг?

— Это у тебя под огнем такие вопросы возникают? — засмеялся Гранцов. — Как тебе объяснить? Считай, что это поцелуйчики, объятия и все такое. Шаловливые ласки.

— Понял. Смешно.

— Я пойду с бойцами нашими потолкую, сигарами угощу. А ты ложись спать.

— Не хочу я спать. Что вы меня все время укладываете? — проворчал Марат.

В отеле стояла мертвая тишина. Ни гудения лифтов, ни детского плача. Спустившись в вестибюль, они увидели спящих вповалку солдат. Несколько часовых стояли у входа, сложив свои щиты в стопку.

Проходя за Гранцовым мимо зеркальной стенки, Кирсанов усмехнулся, заметив свое отражение: две фигуры в защитных майках и одинаковых панамах поразительно напоминали картонные мишени вероятного противника.

Неудивительно, что часовые замолчали и расступились перед ними.

Двор был ярко освещен, и было хорошо видно, что весь он усеян пустыми банками, бутылками и битым стеклом. Как только они вышли, через забор перелетела очередная бутылка и с громким хлопком разбилась на асфальте. Вторая бутылка упала на газон. За забором засвистели, загоготали.

Джип танкистов стоял на газоне под пальмами. Рауль и Рамон обрадовались сигарам и тут же принялись дымить, а Гранцов, заметив рацию, попросил связи с Моронадо. Пока он говорил, заглядывая в блокнот и мешая русские и испанские слова, Кирсанов огляделся. И чем яснее становилась картина, тем меньше она ему нравилась.

Через высокие ажурные ворота он видел густую толпу. В черной массе мерцали сигаретные огоньки, и толпа эта заполнила почти всю прилегающую улицу. Перед воротами прохаживался офицер в белой фуражке. Он что-то монотонно говорил, и толпа иногда отвечала ему свистом, а через забор летели новые бутылки.

— Может быть, нам наверх перебраться? — предложил Марат. — Если начнут громить, то нижние этажи разнесут первым делом.

— Наверху все занято, — сказал Гранцов. — Смотри, лезут. Прямо «Ленин в октябре».

По высоким створкам ворот полезли черные фигуры. Раздалась короткая очередь, замяукали рикошеты, и фигуры поспрыгивали обратно, а толпа возмущенно разразилась оглушительным свистом.

— Надо полковника нашего попросить, — сказал Марат. — Пусть рассредоточит этот несанкционированный митинг.

— Да его уже просят. Со всех сторон просят.

Рация снова зашипела, и солдат протянул ее Гранцову. Марат с удивлением услышал, как тот быстро и уверенно заговорил по-испански, уже не сбиваясь на русский. Рация

отвечала короткими вопросами, а Гранцов наседали горячо и убедительно, и даже кулаком размахивал в такт речи, как настоящий латиноамериканец.

— О чем спорим? — поинтересовался Марат.

Не ответив, Гранцов отдал рацию солдату, и тот, выслушав отрывистые команды начальника, завел двигатель джипа.

— Сбегай домой, принеси мне фонарик, — попросил Гранцов Марата. — Я пока бойцу маршрут растолкую.

— Есть!

Марат помчался исполнять приказ, но взял не один, а два фонарика, потому что он не собирался отпускать Гранцова одного. Теперь они будут действовать только вместе.

И, перелезая через бортик джипа, Марат спросил только одно:

— А как мы отсюда выберемся через толпу?

Гранцов что-то сказал водителю, и машина плавно покатила через газон к отелю. Джип обогнул пандус, протиснулся между двумя автобусами и въехал под навес подземного гаража. Фыркая мощным выхлопом, машина спустилась в освещенный тоннель и ехала по нему довольно долго. Наконец впереди показалась стеклянная будка у наглухо закрытых металлических ворот, окрашенных в черно-белую елочку. Солдаты что-то закричали охраннику, и ворота, дрогнув, откатились в сторону.

— Чувствуешь запах? — Гранцов обернулся к Марату. — Тут неподалеку рыбный рынок. Через этот тоннель в отель продукты завозят, а обратно идут телеги с отходами. Сейчас мы уже в городе.

Он заговорил с водителем, и Марат услышал: «Сомбрерия, сомбрерия».

Пропетляв по улицам, где от стенки к стенке перебегали какие-то фигуры, джип остановился на углу. Рауль и Рамон встали по бокам, грозно поводя автоматами, и улица вокруг них мгновенно опустела.

— Мы — наверх, чердак проверим, — сказал Гранцов. — Ты — в машине.

Марату вдруг показалось, что с ним говорит незнакомец. Сейчас перед ним стоял вовсе не тот добродушный Вадим Андреевич, с которым он пил виски в самолете. Этот сухощавый человек в камуфляжной майке и низко надвинутой панаме казался ему таким же местным жителем, как танкисты в своих черных комбинезонах. И с танкистами этот новый Гранцов разговаривал, свободно и быстро выдавая целые фразы на чистом испанском, и солдаты спорили с ним о чем-то...

— Где вы так наловчились, Вадим Андреевич? — спросил он. — Чешете, как местный.

— Потом расскажу, — улыбнулся Гранцов. — Посиди в машине, чтоб не угнали. Здесь любят угонять джипы.

Вместе с двумя танкистами Гранцов вошел в подъезд рядом с витриной, над которой изгибалась неоновая вывеска в форме шляпы. «Сомбрерия», прочитал Марат и догадался — «Шляпами торгуют. Надо будет завтра сюда заглянуть. Куплю на память. Такую, как у Василья». Он вспомнил, как Василь забегал ненадолго сюда. И пожалел, что не успел расспросить одессита о его странной работе.

Водитель расправил смятую пачку, вытащил сигарету и что-то спросил у Марата. Кирсанов пожал плечами в ответ и выпрыгнул на тротуар. Он вдруг понял, что его место рядом с Гранцовым, а не здесь.

Завернув за угол, он увидел двух девушек в коротких юбчонках, подпирающих стену. Они оглянулись на него и мгновенно приспустили свои блузки с плеч. При этом у одной вывалились наружу груди с задорно торчащими вверх сосками.

«Война войной, а работать надо», подумал Марат, пробегая мимо проституток. Уже войдя в подъезд, он пожалел, что не сказал им такую замечательную фразу, как «Русо туристо, облик морале». Обидно. Когда еще представится такой случай?

По узкой лестнице он поднялся до второго этажа и наткнулся на гранцовскую команду. Рауль и Рамон вполголоса переговаривались, и один из них придерживал Гранцова за локоть.

— Какие-то проблемы, Вадим Андреевич? — так же тихо спросил Марат.

— Хотят дожидаться колонны, — недовольно ответил Гранцов. — Я говорю, давайте слетаю наверх, посмотрю, что там. А они — нет, сейчас подойдут танки, тогда и посмотрим. В колонне будут разведчики, это их работа, по чердакам шастать. А эти — вроде комендантской роты. Короче, пехота.

Он снова заговорил по-испански, обращаясь к танкистам и показывая на Марата. Оба солдата недоверчиво качали головами. Наконец, тот, кто удерживал Гранцова, отпустил его локоть.

— Пошли, — еле слышно произнес Гранцов и первым двинулся по лестнице, бесшумно шагая через ступеньку, держась почти вплотную к стене и глядя вверх, в пролет.

Марат шел последним. Ему не нравилось, что танкисты так громко топают и дымят сигарами — если наверху и в самом деле кто-то прячется, то у него наверняка есть не только уши, но и нос. Конечно, ребят можно понять. Они тут дома, они спокойно несут службу, а двое иностранцев вконец достали их своей непонятной суетой. Ясное дело, если б не приказ полковника Моронадо, они ни за что не покинули бы удобную позицию под пальмами во дворе отеля...

На лестнице стоял отчетливый запах туалета. Поначалу Марат решил, что здесь тоже пользуются парадняками в случае крайней нужды. Но пованивать начало только начиная с третьего этажа. А на пятом, последнем, он вдруг обнаружил разгадку, увидев за приоткрытой дверью на лестничной клетке сливной бачок и бронзовую грушу на длинной цепочке. Вместо унитаза в туалете была просто дыра с двумя площадками для ног. «Как у нас на старых вокзалах!», восхитился Марат и повернулся к Гранцову, чтобы поделиться своим географическим открытием.

В этот момент шедший впереди Гранцов вдруг замер и поднял руку. Все остановились. Узкий эллипс луча пробежал по стене и, изгибаясь, пополз по ступеням.

— Растяжка, — прошептал Марат. — Видите?

— Леску вижу, — ответил Гранцов. — Не пойму, что на конце.

— Не важно, — сказал Марат. — Мы свое дело сделали. Пусть теперь ждут колонну и проверяют чердак.

— Какая колонна, какая колонна... — Гранцов присел перед натянутой струной, водя по ней лучом фонарика.

Один конец тонкой проволоки был обвит вокруг перил. Другой уходил за широкую трубу, примыкающую к стене. Гранцов посветил туда и сказал:

— Ничего не понимаю. Тряпки какие-то, что ли? Гранаты нет. Взрывателя не вижу. Наверно, что-то завернуто в тряпку. Шашка? Непохоже. Сигнализация такая?

— Сами разберутся, Вадим Андреевич, поехали домой. Пускай тут часового оставят...

Рауль и Рамон опустились на корточки рядом с Гранцовым, разглядывая растяжку. После короткого совещания один из них снял с шеи автомат и встал на площадке, держа под прицелом чердачную дверь.

— Вниз, — шепотом скомандовал Гранцов и подтолкнул Марата.

Втроем они спустились к джипу, и танкист сразу схватился за рацию. Когда Моронадо ответил, Гранцов заговорил с ним по-русски:

— Вы уже выдвинулись?

— Мои готовы. У меня, э-э, приказ. Э-э... Что там у вас?

— Отложите выход на один час. По тем адресам, про которые я говорил, отправьте разведчиков.

— Вы нашли?

— Да, нашли. Как понял?

— Понял вас, компаньеро. Роджер ¹⁰.

— От Роджера слышу, — проговорил Гранцов, отдавая рацию водителю.

¹⁰ «конец связи» — термин американских радистов

Не прошло и пяти минут, как на соседней улице заревели мощные моторы, и из-за угла вылетели сразу три джипа, с которых посыпались солдаты в камуфляже и танковых шлемах с большими очками на лбу. У каждого на груди болталась респираторная маска. Командир был в черном комбинезоне и красном берете. Он молча, жестами, направлял своих бойцов, которые бесшумно вливались в темный подъезд или занимали позиции на улице.

— Компаньеро Гранцов? — спросил он, подойдя к джипу.

— Я.

Командир поднял руку и щелкнул пальцами. К нему подбежал солдат с большой и тяжелой картонной коробкой.

— Полковник Моронадо благодарит вас за помощь и передает этот маленький подарок, — сказал командир разведчиков.

Он говорил по-испански, но Марат понял все до последнего слова, когда коробка, приятно звякнув дюжиной банок, перенеслась через борт джипа и опустилась к нему под ноги.

Очень бы хотелось остаться посмотреть, чем закончится зачистка лестницы, но разведчики были неумолимы. Да и какая польза от двух гражданских, безоружных иностранцев? Спасибо за сигнал, с миной разберутся наши специалисты, а чердак мы сейчас обследуем. Всего доброго, сеньоры!

Они успели отъехать за угол, когда позади ударил взрыв и зазвенели выбитые стекла.

Гранцов поднялся над сиденьем, оглядываясь, но водитель ударил по газу, и джип рванул вперед.

— Черт, растяжка сработала! — крикнул Марат. — Что-то больно громко, да?

— Поторопился я, — Гранцов опустил на место. — На спецов понадеялся. Дай-то Бог, чтоб никого не убило...

Танкисты привезли их обратно в отель тем же путем, через тоннель. Поднявшись к себе, Марат посмотрел через окно — толпа разрослась, пока их не было. Теперь черная масса заливала всю улицу за забором.

Василь, похоже, спал так же крепко, как и час назад, свернувшись калачиком в кресле и накрыв лицо шляпой.

Они легли, не раздеваясь, Кирсанов на диване, Гранцов на кровати. Несколько очередей прозвучало в ночи, вызывая мощные волны свиста. Потом вдруг в тишине задребезжали стекла, послышался гул, и Гранцов сказал:

— А вот и бронетехника. Концерт окончен. Рота, отбой.

Глава 12. С термосом против танка

Испанский язык Вадим Гранцов изучал во время своей самой первой командировки в Африку. Он был контужен на эфиопско-сомалийской границе, чудом выжил в пустыне и едва добрал до жилья, до монастыря в пещерах над пересыхающей речкой. Монахи его подлечили и переправили в расположение кубинского батальона. Вот там-то Гранцов и освоил новый для себя язык. Позже ему часто поручали обеспечивать взаимодействие с кубинцами, и он получил богатую практику.

Однако тот случай подарил ему не только новый язык и новых друзей. Отлеживаясь у монахов, он целыми днями читал единственную книгу на русском, которую нашел в их скромной библиотеке — Новый Завет, 1913 года издания. Никогда не забыть Вадиму, как он впервые открыл этот томик в кожаном переплете, и прочитал: *«Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет»*¹¹. «Что значит иже?» — подумал лейтенант Гранцов. (Почему-то первая мысль его в тот момент относилась вовсе не к религии, а к языку). И вдруг понял, что «иже» значит «тот, кто» или «который». И перевел —

¹¹ Евангелие от Марка, 16,16

«тот, кто имеет веру...» Нет, «иже» звучит лучше, и произносится легче. Не закрывая книгу, он вспомнил первые слова молитвы, которой когда-то учила его мать. Так вот что значат эти *«Иже еси на небесех»* — Тот, Который существует на небесах.

В следующий миг Вадим почти испуганно осознал, что... Кто-то незримый учил его старославянскому языку.

Его взгляд снова упал на пожелтевшую хрупкую страницу. И он смог прочесть ответ на вопрос, который боялся задать. *«Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы»*¹².

Коммунист Гранцов до сих пор относился к религии достаточно терпимо. По крайней мере, он ни в чем не перечил матери, выросшей в семье сельского священника. Если маме так хочется хранить за книжками старую икону, то пусть хранит. Если ей легче от того, что сыновья будут тайком от отца крещены — сыновья примут крещение. И если ей так важно, что над могилой мужа должен стоять крест, а не пирамидка со звездой — то пусть стоит крест, хотя это было очень трудно устроить. Но чтобы самому вдруг стать таким же верующим? Этого Гранцов от себя не ожидал.

Понадобилось не так и много, чтобы обратить его в христианство. Во-первых, он не видел в нем ничего дурного, хотя и пользы особой тоже не замечал. Коммунистические идеи, в конце концов, почти ничем не отличались от моральных устоев христиан. Все люди — братья. Быть богатым — стыдно. А лозунг «Кто не работает — тот не ест» почти ничем не отличался от библейского «В поте лица будешь добывать хлеб свой».

Во-вторых, нательный крестик носили русские солдаты и офицеры, казаки и моряки, которые вели себя вполне достойно во всех войнах, независимо от их результата. Гранцов тоже старался вести себя достойно и всегда чувствовал какую-то связь с этим славным воинством. Допустим, самураи или янычары тоже были неплохими бойцами, но — чужими. А казак Платов, или моряк Ушаков, или генерал Брусилов — они свои, можно сказать, однополчане.

Оставалось только побывать под огнем, да полежать на песке под пулеметными очередями, да прошагать сквозь пустыню почти сто верст, в бреду повторяя материнскую молитву. Вот и все, что было нужно для того, чтобы *уверовать*.

Значит, он уже может говорить новыми языками. И может брать змей. А уж сколько смертоносного было выпито, это и учету не поддается...

Шутки шутками, но за изучение Писания Гранцов взялся так же основательно и въедливо, как брался за любое новое дело.

Как настоящий разведчик он предпочитал лично работать с источником информации, не доверяя пересказу посредников. Никаких богословских трактатов, никаких популярных брошюр. Чувствуя себя Ломоносовым, сидящим на одной лавке с первоклашками в начальной школе, он изучал азы веры. Изучал то, что должен был узнать еще в детстве. А, изучив, захотел делиться своими познаниями с окружающими. Наверно, сказывалась инструкторская привычка. Еще в училище он не мог промолчать при виде небрежного обращения с оружием или техникой. А теперь у него словно раскрылись глаза, и он вдруг увидел, что никто вокруг не заботится о душе. Его просто убивало такое наплевательское отношение к вечности. Теперь он знал, что смерть — это только порог, за которым начинается какой-то иной мир, и в этот мир надо войти с чистой и целой душой, не изъеденной язвами лжи, ненависти, тщеславия, жадности...

Вадим был готов проповедовать при каждом удобном случае, но смог удержаться от этого. В зарубежных командировках приходилось держать язык за зубами, а ушки на макушке, потому что каждый советский специалист находился под двойным «колпаком»: в

¹² Марк, 16, 17–18

зоне внимания чужой разведки и родной контрразведки. Вернувшись в Союз, Гранцов по-прежнему хранил свою веру в тайне. В должностные обязанности командира роты не входят душеспасительные беседы с личным составом. Особенно если этому личному составу приходится чуть ли не каждый день уходить на боевые действия, убивать врагов, хоронить друзей, а потом мстить за них — снова убивать.

Но у Вадима была и другая причина для молчания. Как его никто не вербовал и не склонял к вере, так и он не имел права насильно тянуть за собой кого-то. В конце концов, каждый сам выбирает, что ему ответить, когда Бог стучится в сердце. Кто-то откроется, а кто-то, наоборот, запретится покрепче.

Когда в стране начались перемены и бывшие патентованные богоборцы стали целоваться с митрополитами, для Гранцова наступило тяжелое время. Его тянуло в церковь, ему хотелось слышать божественный хор, он мог бы часами стоять перед иконами. Но что-то мешало ему присоединиться к толпе озлобленных старушек, что-то не позволяло довериться благообразным священникам, что-то удерживало его от раздачи милостыни бойким нищим.

И он продолжал молчать, в тайне от всех читая и перечитывая Евангелие.

Даже с Региной, ближе которой не было человека на Земле, Вадим Гранцов почти никогда не говорил о вере. Наверно, потому, что она всегда была готова с ним спорить. Регина избавилась от своего увлечения всякими «кармами» и «космическими энергетиками» и переключилась на православие. В церковной книжной лавке она покупала тоненькие брошюры, в которых находила ответы на все свои вопросы: что такое грех, как ставить свечку, спасутся ли иноверцы. Она уговаривала Вадима не бояться церкви. Допустим, когда ты идешь на рынок, приходится терпеть и неповоротливых теток с кошелками, и медлительных продавцов, и грязь под ногами. Но ты все равно идешь и покупаешь для беременной жены мандарины. Главное — мандарины. Точно так же и в церкви. Не обращай внимания на то, что тебя отталкивает. Старайся видеть только то, что тебя манит. «Мои мандарины растут у меня на подоконнике», — отшучивался Гранцов, и она ходила в церковь одна. По вторникам, на вечерние службы в Никольский собор.

«Сегодня как раз вторник», — вспомнил Вадим Гранцов. Он подошел к окну и посмотрел на сиреневую полосу океана, видневшуюся между башнями отеля. Где-то там, на северо-востоке, океан бился о берега Европы, вливался в тесный Ла-Манш, набирался сил в Северном море, чтобы протиснуться в Балтику и, наконец, хотя бы брызгами, как кончиками пальцев, коснуться Кронштадта. «Сегодня вторник, и Регина поставит свечку к иконе Николая Чудотворца, покровителя странников», — подумал Вадим. «Когда вернусь, пойду на службу вместе с ней».

Во дворе сновали работники отеля с вениками и пластиковыми мешками. Они уже основательно вычистили газон и сейчас доводили санитарное состояние территории до прежних немислимых вершин, наклоняясь за невидимым мусором.

За воротами отеля виднелась улица, по которой двигались две поливальные машины. Дуги воды сверкали на утреннем солнце, и в мокром асфальте отражались пальмы и белые стены домов.

— У меня отличные новости, — объявил с порога Ксенофонов. — Все чрезвычайные обстоятельства прекратили свое существование. Нет никаких препятствий для полноценного отдыха. Если вы еще не утратили желания посетить Сан-Деменцио, то...

— Нет, не утратил, — сказал Гранцов.

— Прекрасно! Полагаю, что сразу после легкого завтрака мы и отправимся. Сейчас в ресторане кормят беженцев, поэтому вам придется немного обождать. Однако если желаете, завтрак будет подан прямо сюда.

— Желаем. Через полчаса.

— Вот и замечательно, — Федор Ильич поглядел на часы. — Вот и превосходно. Вы найдете меня внизу, мы с Оксаной помогаем вывозить наших горемык.

Старик был явно чем-то обрадован. «Наверно, ему и самому уже надоело торчать в отеле», — подумал Гранцов. «Зря радуешься, власовец недобитый».

Он уже решил на этот раз обойтись без услуг Ксенофонтова. До Сан-Деменцио их подбросит Василь, а там они прекрасно справятся сами. Марат отправится на свой семинар, Вадим встретится с загадочным мистером Гарсиа, после чего останется только вернуться в отель и дожидаться своего рейса на Питер.

Словно уловив его мысли, Василь заворочался в кресле. Шляпа свалилась на пол, и одессит, постанывая, вытянул ноги.

— Вот это я вздремнул, — пробормотал он, глянув на часы. — Это что, уже десять вечера?

— Десять утра, — успокоил его Вадим. — Как самочувствие?

— Пока не знаю. Ой, как же меня скрючило... Ой, как все затекло-то...

— Ты когда собираешься выезжать?

— Да хоть сейчас и поедem. Только вот спину развяжу...

Василь встал, с хрустом потягиваясь.

— Вроде, все срослось. Состыковался организм. Давайте, собирайтесь потихоньку. Я только за шмотками смотаюсь — и к вам. Засиживаться не будем. Раньше поедem — быстрее доедем. Спасибо за приют. Я вас не очень тут стеснил?

— Не очень, не очень. А долго ехать туда?

Одессит укоризненно поцокал языком:

— Кто же перед дорогой такие вещи спрашивает? По прямой триста километров, это я точно могу сказать. А сколько ехать? Можно два часа, а можно и два дня. Как получится.

— Два дня меня не устраивает.

— Меня — тем более, — Василь отряхнул свою шляпу и отвернулся к зеркалу, тщательно устанавливая ее на затылке. — Не волнуйтесь, Вадим Андреевич. Довезу в лучшем виде. Я же говорю, моя ласточка круче любого самолета.

Гранцов растолкал Марата и отправил умываться, а сам приник к экрану телевизора, потому что началась программа новостей по спутниковому каналу.

Он вдруг увидел на экране знакомые картины. Показывали отель «Глобо Торизмо», точнее, рекламный щит на крыше, весь в пулевых пробоинах. Коридоры отеля. Простреленные двери. Группа молящихся мусульман. Работник отеля на хорошем английском поясняет: мы предоставляем всем беженцам не только временное жилье, но и помещения для религиозных отправлений. Система Глобо Торизмо учитывает разнообразие религий. В нашем штате есть и мулла, и раввин, и христианские функционеры. Это хорошо, когда люди могут обратиться к Богу со своими проблемами. И это плохо, когда люди думают, что у них разные боги.

Розовые автобусы с буквами GT. Водитель тоже бегло говорит по-английски. Да, он подъехал прямо к дому, у которого собралась большая толпа. Жильцы успели сесть в автобус, и как только они отъехали, толпа набросилась на дом.

Вот этот дом. В черном проеме окна болтается сорванная рама. Ветер гонит по улице рваную бумагу и стайки пуха.

Три портрета. Молодые лица. Эти трое солдат погибли сегодня ночью.

Угловой дом в стиле модерн, с овальными окнами под крышей. Неоновая вывеска «сомбрериа» повреждена, светятся только две крайние буквы. Из подъезда выносят тело, затянутое в черный пластик. Комментарий: сработала мина на лестнице. Погибшего изрешетили чугунные осколки.

— О, да это же тот самый дом! — сказал Кирсанов, вытираясь. — Жалко парня.

— Да, жалко.

«Как же я не разглядел там, за чугунной трубой, тротилловую шашку?» — ругал себя Гранцов. «Не было ее там. Только скомканная тряпка, в которую уходил провод. Да и не могла шашка поместиться в тесное пространство между трубой и стенкой. Что же там рвануло с такой силой?»

Снова говорящая голова заполнила экран. Речь шла об утренней пресс-конференции полковника Моронадо.

Пустынный плоский берег, низкие волны далеко выкатываются на гладкий песок. Вдалеке виднеется силуэт танка с опущенной пушкой. Он отбрасывает длинную тень на песок. В углу кадра — армейские грузовики и джипы, от них направляется пестрая толпа с камерами и микрофонами.

Толпа репортеров останавливается перед брезентовыми полотнищами, расстеленными на песке и придавленными по краям камнями, на брезенте какие-то продолговатые предметы.

Вот полковник Моронадо в черном комбинезоне, он стоит перед шатким стендом и водит указкой по плану города. Стенд шатается под ветром, и полковник придерживает его свободной рукой.

Крупный план позволяет разглядеть на брезенте длинную сумку. Рядом — несколько вполне обыкновенных термосов, одни поменьше, другие побольше. Полковник Моронадо повертел маленький термос в руках, отвинтил крышку, — и на свет появилась остроконечная граната. Жестом фокусника полковник поднял над головой сначала один большой термос, потом второй — а затем легко и сноровисто соединил их корпуса в одно целое. Граната была вставлена в трубу, труба легла на плечо гранатометчика, тот опустил на одно колено и навел оружие на далекий танк. Моронадо поднял палец вверх, призывая всех к тишине. Женщины в кучке журналистов зажали уши руками, но это была излишняя предосторожность. Не было ни грохота, ни вспышки, ни облака дыма. Труба только немного качнулась, выстреливая тяжелую гранату, и сказала низким шепотом «Пуфффф». Зато танк-мишень, до которого было метров триста, громыхнул всем своим железом так, что уже и мужчины схватились за уши.

Вадим Гранцов немного разбирался в гранатометах и решил, что журналистам продемонстрировали нечто вроде бельгийского «Армбруста». Он читал об этой системе когда-то, но в действии увидел впервые. Почти бесшумное оружие с гранатой-невидимкой — она была без реактивного движка, в полете ее не выдавал дымный след. Идеальное оружие для скрытного удара по бронетехнике.

На экране возникли еще несколько одинаковых сумок. Они были раскрыты, и мировая общественность могла убедиться, что в них были самые обыкновенные на вид коробки с термосами.

— Вот они, сумочки-то, — растерянно заключил Марат. — Ай да Вася-Василек...

— Твоя фирма не торгует такими игрушками? — спросил Гранцов.

— Нет.

— Напрасно. Дело прибыльное.

На экране появилось озабоченное лицо Моронадо. Он говорил устало и медленно, с длинным «э-э-э» перед каждой фразой, и Марат разобрал только «маньяна», «завтра». Полковника сменил один из его помощников. Тот бойко говорил по-английски, отвечая на вопросы журналистов. Микрофоны и диктофоны тянулись к нему со всех сторон. «Вопрос к полковнику Моронадо! — пробила на экран яркая блондинка. — Он назвал события заговором. Если это не народные волнения, а заговор, то какие силы стоят за ним?»

«Маньяна», — отмахнулся Моронадо, и помощник перевел: «Завтра выйдет обращение президента к нации, там будут даны ответы на все ваши вопросы».

«Какие признаки заговора видит полковник Моронадо в этих народных выступлениях?», не унималась блондинка.

«Маньяна, маньяна», что означало: «Завтра вы все узнаете. Но — завтра, а сегодня в одиннадцать приходите на брифинг, услышите официальное сообщение».

Телевизор сам собой переключился на какой-то фестиваль пляски народов Юга.

— То-то Василю стали киллеры мерещиться, — задумчиво проговорил Кирсанов. — Наверно, есть причины.

— Какие киллеры?

— Да он вчера напросился у нас переночевать, потому что боялся к себе в номер возвращаться. Значит, были причины.

— Ты не мог мне это раньше сказать? — Гранцов выключил телевизор и принялся раскуривать огрызок сигары. — Я уже собрался с ним ехать, а тут такие детали всплывают.

— Что мне было делать? — обиженно спросил Марат. — Человек просит помочь, я помог. Вы бы как поступили? Послали бы подальше? Вот и я не послал. Он же наш, свой, советский. Да вы не переживайте так. Нам бы, главное, отсюда поскорее выбраться, из этого змеюшника.

— Я не переживаю.

Вадим Гранцов не переживал, а рассчитывал варианты.

Доверяться Ксенофонтову ему не хотелось, потому что однажды тот уже подставил его. Случайно, или нет, не важно.

Но отправиться в одной машине с человеком, за которым, возможно, началась охота? Это еще хуже.

То, что творилось с Василем, вовсе не было приступом белой горячки или провокацией. Веселый хлопчик был охвачен неподдельным страхом. Он еще пытался хорохориться, но смотреть на него было жалко. Похоже, он и в самом деле попал в ситуацию, когда человека используют «в темную».

Так называемые специальные операции большей частью выполняются руками людей, которые и не подозревают о своем участии в них. Кто-то развез сумки по указанным адресам. Кто-то другой вывернул шурупы из оконных рам. Кто-то третий припарковал микроавтобус в переулке... И в нужный момент кто-то последний откроет сумку, одним движением выставит раму из окна, выполнит нужное действие, а потом исчезнет на микроавтобусе.

Это похоже на мозаику. Каждый кусочек выглядит бесформенным, но, оказавшись в нужном месте, он вместе с другими бесформенными кусочками создает цельную картину. Так и незначительные поступки незначительных людей могут слиться в событие. А могут и не слиться. Не все зависит от художника. Особенно если по соседству работают другие мастера.

Нет, Гранцов не мог рисковать. Ему надо выполнить свою задачу. А Василь пускай выпутывается без него.

— Придется все-таки лететь на самолете, — сказал он. — Так будет проще.

— Как хотите, — помрачнел Марат. — Тогда я один с ним поеду. Посмотрим, кто первый доберется.

Он снова повалился на диван, заложив руки под голову. Гранцов молча курил у окна. Когда Оксана вошла в номер, ни тот, ни другой не оглянулись.

Она постояла на пороге и спросила:

— Что-то случилось?

Никто не ответил.

— А где Василь?

Гранцов пожал плечами. Марат встал:

— Что ты там стоишь, как сирота казанская? Заходи.

— Боюсь помешать. Кажется, я не вовремя.

— Ты всегда вовремя, — галантно ответил Марат и за руку усадил девушку рядом с собой на диван. — Какое у тебя платье красивое.

Она была сегодня в красном платье на узких бретельках. «На карнавал собралась», — догадался Марат.

— Вот скажи мне, Оксана, на чем лучше путешествовать — на самолете или на машине?

— На яхте. Куда вы собрались?

— Ты все забыла. Мы едем в Сан-Деменцио.

— Это невозможно. Все дороги сейчас перекрыты армией. Вы новости смотрели? Мне приказано уговорить вас лететь на карнавал. Если не уговорю, меня уволят. Я шучу. Ну, правда, Марат, давайте слетаем в Рио! Там весело, там спокойно, никаких проблем. Пока еще

есть такая возможность, а?

— А вот Федор Ильич говорит, что мы можем лететь в Сан-Деменцио, — повернулся к ней Гранцов. — Он нас почему-то не уговаривает.

Оксана замялась:

— Наверно, у него начальство по-другому думает. А мой начальник — так.

— У вас разные начальники? — удивился Марат.

— Конечно. Я работаю в русской дирекции, а Федор Ильич — по международным связям. Это разные направления.

— Значит, тебя Старицын уговаривает? — спросил Гранцов. — А нам говорили, что он уже улетел на семинар. Так он здесь, получается?

— Не знаю. Мы по телефону общались.

Гранцову очень хотелось задать девушке еще несколько вопросов, но вдруг он услышал за спиной какой-то шорох. Резко развернувшись, он увидел Василя. Тот стоял за перилами балкона и заносил ногу, безуспешно пытаясь перелезть через ограждение.

Вадим вышел на балкон и схватил одессита за плечо, чтобы тот не свалился вниз. Он почувствовал, что парня бьет сильнейшая дрожь.

— Что за акробатика? — спросил Гранцов, с усилием втаскивая Василя. — Ты откуда?

— От... От-оттуда, — заикаясь, ответил одессит. — По пожарной лестнице спустился. Гонятся за мной. Можно мне у вас спрятаться? Больше некуда бежать, только к вам.

Глава 13. Вершители судеб

Роман Старицын родился проповедником. Он еще застал время, когда был спрос на звонкоголосых пионеров и фотогеничных комсомольских вожаков. Хорошая дикция в сочетании с безукоризненной анкетой открывали ему путь в то самое светлое будущее, о котором он так вдохновенно говорил с любой трибуны.

Поначалу он и сам верил в то, что было написано в сценариях торжественных мероприятий — про самого человеческого человека, про верного ленинца, про вдохновителя и организатора и, особенно, про счастливое детство, за которое спасибо, родная страна. Веры этой хватило ненадолго. Мама говорила, что за хорошую учебу и общественную активность всех пионеров награждают поездкой в «Артек». Но наступил тот сентябрьский день, когда в класс вошел загоревший Жорик Какишвили, сын завмага. Он хвастался значками и разноцветными галстуками, которые купил у зарубежных пионеров, когда отдыхал в том самом «Артеке». Жорик был отпетым троечником, Жорик игнорировал общественную работу, Жорик продавал сигареты старшеклассникам на переменах. Но он побывал а «Артеке», а Ромка — нет. Вера его рухнула, но на дикции и активности это не отразилось. Даже наоборот. Ромка стал рваться наверх еще яростнее.

Он опоздал самую малость — и не по своей вине. Комсомольский поезд еще катился, но его локомотив уже незаметно отцепился и свернул на рельсы бизнеса, а вагончики бежали себе по инерции, пока не уперлись в тупик.

Какое-то время Роман крутился среди иеговистов, потом распространял «гербалайф», хорошо заработал на продаже книжек по дианетике, но остановился он все-таки на «единственном принципе». ЦЕП поразила его своей всеядностью. Она действительно не знала границ и действительно не различала наций, рас и религий. Любой мог вступить в Церковь хотя бы ради того, чтобы объединиться со всем остальным человечеством. К тому же вера в «единственный принцип» позволяла воспользоваться некоторыми услугами, которые предлагала Церковь.

Например, Марата Ромка завлек в секту, подловив на интересе к спорту. Других он ловил иными способами, свято соблюдая принцип индивидуального подхода, усвоенный еще в райкоме. Кому-то достаточно было пообещать вечную жизнь, кого-то требовалось утешить и обогреть. А как он выступал на общих собраниях... Старушки рыдали от умиления, когда он спускался со сцены кинозала и шел по рядам, касаясь протянутых ладоней и

провозглашая: «Бог любит Вас! Любите Бога! Пук спасет вас! Идите за Пуком!»

Справедливость восторжествовала, хотя бы в отдельно взятой судьбе. Старицын вкладывал в ЦЕП все свои способности — и получил достойное вознаграждение. Его карьера была не столь стремительной, как бы хотелось, но зато неуклонной и без задержек. На каждой служебной ступеньке Роман старался быть лучше всех своих соседей. Лучше — с точки зрения руководителя этой ступеньки. Каждый сверчок заведовал своим шестком, и Старицын умел найти индивидуальный подход к каждому сверчку. Постепенно он пробился на вершину своей карьеры. Можно было бы расти и дальше, но он решил, что лучше вовремя остановиться.

Теперь ему не надо было общаться с низовыми уровнями. Правда, и на самый верх его не допускали. Но ему это и не было нужно. Старицын сознательно перестал пробиваться в слои высшей элиты. Там его никогда не признали бы равным — с его комсомольским, советским, русским прошлым он казался бы выскочкой среди безупречных аристократов. Его вполне устраивало новое окружение, руководители среднего звена, всякие координаторы и директора. Он-то знал, что все они, в отличие от него, уже не способны прыгнуть выше.

Но комсомольская школа сказывалась до сих пор. Старицын умел безошибочно определять лидера в любой группе и сразу подстраивался на роль его помощника.

Когда начальство потребовало срочно представить отчет о ходе текущих событий, Роман отправился в офис Дональда, а не пригласил его к себе, хотя они были абсолютно равны по статусу. Но он все равно называл Дональда боссом, потому что тот был немного старше, был американцем, и думал, что он тут круче всех. Старицына вполне устраивало такое положение.

Он ходил из угла в угол с диктофоном в руке и составлял меморандум. Дональд устроился в кресле, положив ноги на столик. Время от времени он подсказывал Роману или, наоборот, перебивал его, задавая неожиданные вопросы.

— ...Двенадцать. Очаги массовых выступлений против режима находились под контролем звена «Чарли». Тринадцать. В районе «Отель» была создана реальная угроза жизни и безопасности сотен мирных жителей, которые были там сконцентрированы. Подчиняясь неоднократным просьбам о помощи, которые транслировались несколькими телеканалами, администрация президента была вынуждена подключить к полицейским силам подразделения гвардии и бронетехнику. Четырнадцать. В условленное время звенья «Ромео» и «Папа» выдвинулись на позиции и были полностью готовы к действиям.

— Лишнее слово «полностью», — сказал Дональд. — Как можно быть готовым не полностью?

— О кей, — сказал Роман, отмотал кассету назад и повторил фразу.

— Извини, — остановил его Дональд. — Но ты был прав. Слово «полностью» создает впечатление, что наши люди сделали все, что могли. Надо везде вставлять такие слова, которые не несут информации, но создают впечатление.

— О кей, — Роман повторил фразу еще раз: — И были полностью готовы к действиям. Однако противник отправил в район волнений только три танка из девяти, и охрана объекта оказалась недостаточно ослабленной. Пятнадцать. В результате полицейских мероприятий были случайно обнаружены позиции звена «Квебек». Личный состав был полностью выведен из-под удара, но оснащение было захвачено противником. В этих условиях начинать захват объекта было слишком рискованно, и оперативный комитет подал сигнал «Отбой».

— Получается, что операция сорвалась, потому что противник действовал не по нашему плану, — сказал Дональд.

— Операция не сорвалась, — мягко возразил Роман. — Она перенесена на более удобное время. Я могу продолжить?

— Нет, не стоит. Наш меморандум полная чушь. Из него можно сделать только один вывод. Операция провалилась. И виноваты в этом мы.

— Что ты предлагаешь? — спросил Роман, выключив диктофон. — Не писать меморандум?

— Писать, конечно, писать. Но только не о провале. Как тебе нравятся эти русские лица?

Дональд, не вставая с вертящегося кресла, откатился на нем к столу, где стоял компьютер, и пробежался пальцами по клавишам. На мониторе замелькали чьи-то портреты.

Роман увидел знакомое лицо. Да, это был Марат Кирсанов. Рядом с ним — портрет Гранцова. На этих черно-белых контрастных фотографиях они оба выглядели похожими скорее на местных жителей, чем на русских. Гранцов — настоящий мачо с орлиным носом и аккуратными усами. А Кирсанов со своими широкими скулами даже напоминает боливийца или перуанца.

— Мы должны отчитаться не о провале, а о победах, — загадочно улыбаясь, заявил Дональд.

— Есть победы?

— Когда обнаруживаешь скрытого врага, разве это не победа? — сказал Дональд. — Мы же с тобой нашли русских шпионов!

— Где?

— У нас под боком. Что мы знаем о нашей последней русской группе? Я имею в виду вот эту парочку, которая так рвется в Сан-Деменцию.

— Мы всё про них знаем. Почти всё, — сказал Роман. — Биография, привычки, связи. Они приглашены в рамках программы «Феникс». У обоих есть старые заслуги перед структурой. Мы знаем, чем они могут быть полезны. Знаем пределы их возможностей. Мы даже знаем, что у них одинаковый размер обуви. Гранцов работает преподавателем в радиотехническом колледже. Бывший военный, сейчас на пенсии. Кирсанов — мелкий бизнесмен, занимается торговлей списанной военной техникой. Последняя сделка — под видом тягачей продали кому-то партию БТР.

— Кому?

— Я не держал в руках их сертификат конечного пользователя, но есть определенные косвенные данные. Кирсанов имел дело с посредником, который обычно работает на индусов.

— О кей. Классический ход. КГБ знает, что тебя интересуют ракеты для вертолетов, поэтому подставляет приманку, — сказал Дональд.

— Нет, — подумав, ответил Роман. — Так они могли прицепиться ко мне в Европе. Но этого Кирсанова никто не подставляет. Я сам его сюда пригласил.

— Ты сам? А второго кто вызвал?

— Гарсиа, по линии Академии Меры и Чисел. Дон, поверь, это не те люди. Это не КГБ. Они даже в Ленинград звонят через телефонистку. У КГБ были бы сотовые с международным роумингом и кредитом в десять тысяч долларов, и звонили бы они в какой-нибудь Гондурас, на диспетчера.

— В центре никого не интересуют твои доводы, — сказал Дональд. — Я и сам знаю, что эти двое простые туристы. Но они лучше всего подходят на роль шпионов. В конце концов, мы их пригласили сюда, чтобы использовать. Но, как я вижу, пользы от них — никакой, а хлопот они доставили уже слишком много. Ты согласен, что их надо использовать?

Роман Старицын открыл диктофон и заменил в нем кассету. Он пытался выиграть хотя бы несколько секунд, чтобы решить, какой ответ будет правильным.

Марат Кирсанов не проявил особой охоты сотрудничать со структурой. Но это была нормальная реакция. Было бы хуже, если б он сразу согласился — такое поведение наверху сочли бы подозрительным. Предстояли еще две встречи, предстояла кропотливая работа по восстановлению своего влияния на Кирсанова. В результате структура должна была получить в свое распоряжение еще одного исполнителя, легально действующего в области оборота оружия.

Гранцов тоже мог оказаться перспективной фигурой, как и любой отставник. И с ним тоже еще будут работать, раз уж вложены деньги в его транспортировку и обслуживание.

Итак, они оба еще были нужны структуре.

Но Старицын не мог рассказывать об этом Дональду. Потому что Дональд понятия не имел о деятельности структуры Глобо в области оборота оружия. У американца был какой-то свой сектор работы. Какой? Старицын этого не знал, не мог знать и не хотел знать. Достаточно того, что их сектора пересеклись на зоне активной политики.

Он решил, что правильнее всего будет не давать никакого ответа.

— Но как мы привяжем их к операции? — спросил Старицын.

— Странно, что ты сам до этого не дошел, — сказал Дональд. — В чем тактическая причина срыва операции? Мы рассчитывали сжечь танки на улицах, но они остались на позициях вокруг дворца. Почему Моронадо не вывел все танки на улицы? Потому что его люди нашли гранатометчиков. А почему они их нашли? Потому что их выдали! Кто? Наши русские туристы.

— Как это доказать?

— Это очевидно! Во-первых, потому что Моронадо работает на русских. Это невозможно доказать и абсолютно невозможно опровергнуть. Уверен, они его завербовали, еще когда он учился. Во-вторых, они не туристы. Например, эта история с захватом в заложники. У нас были случаи, когда заложников так быстро освобождали?

— У нас вообще не было случаев захвата. И не могло быть. Иначе структура Глобо лишилась бы своей высокой репутации, — сдержанно напомнил Старицын.

Он тут же пожалел о сказанном, потому что всего лишь год назад из отеля пропали двое русских. То, что они были похищены ради выкупа, удалось скрыть. Историю замяли, но сейчас Дональд мог бы об этом напомнить. И Старицын быстро начал готовить свои ответные реплики. Во-первых, те двое не были приглашены структурой, а прибыли по какой-то другой путевке, «дикарями». Во-вторых...

Но эти аргументы не понадобились.

— Я знаю, что у структуры высокая репутация, — сказал Дональд раздраженно. — Я хотел сказать, что это выглядит подозрительно. Похоже на инсценировку.

— Я читал отчет твоего Ксенофонтова. Он видел, как их захватили, — сказал Роман. — Это были настоящие бандиты.

— Настоящие бандиты не отпускают иностранцев без выкупа.

— Русским просто повезло. Тот район прочесывали танкисты Моронадо. Они и наткнулись на подпольную тюрьму.

— Ага! Опять танкисты, — обрадовался Дональд. — Вот видишь, все сходится. Никакого похищения не было. Была конспиративная встреча. Это пункт номер один. Пункт номер два — твой Василь. Он отвечал за доставку гранат.

— Не совсем так, — сказал Роман. — Он понятия не имел, что в сумках гранаты. Он занят совсем другим делом.

— Все равно, Василь идеально подходит на роль русского шпиона.

Старицын искренне рассмеялся. Он умел смеяться так искренне, чтобы не обидеть собеседника.

«Нет, Василя я тебе не отдам», думал он, смеясь. Одессит вообще был *полностью* вне структуры, и работал только на Старицына.

— Василь не русский шпион, — сказал Роман. — Он украинский гражданин. А украинец по определению не может быть русским шпионом.

— В центре таких тонкостей не знают, — сказал Дональд. — Наша задача — создать максимально правдоподобную картину.

— О кей, — согласился Роман. Он уже понял, что американцу необходимо просто отчитаться перед своим начальством. — Идея картины: операция не провалилась, а просто отложена в связи с переменой обстановки. Обнаружены признаки активного противодействия третьей стороны. Ждем указаний насчет противодействующей команды. Пока будем согласовывать и ждать указаний, русские спокойно уедут.

— Мне нравится идея, — сказал Дональд. — Только у нас так не работают. У нас в

конторе не ждут указаний. У нас предлагают варианты, и в нашем случае я могу предложить только один вариант. Нейтрализация.

— Нейтрализация? А как же ваша профессиональная солидарность? — спросил Роман. — Ты же сам говорил, что сейчас ваши конторы не убивают конкурентов.

— Правильно, — сказал Дональд. — Если бы они были настоящими шпионами, я бы не рискнул их убивать.

— О кей. Запрашивай разрешение на нейтрализацию. Это еще лучше. Такие вещи согласовывают не один день, так что у нас куча времени. Через четыре дня они уедут, и какой бы ответ мы ни получили, нам не придется с ними возиться.

— Я вижу, они тебе очень дороги, — сказал Дональд. — Может быть, тебя огорчат мои слова. Но считай, что разрешение мы уже получили.

— Василь мне еще нужен, — растерялся Роман. — И с теми двумя... На них рассчитывают. Мы не можем просто так взять и выбросить такие фигуры. В них вложено слишком много денег и времени. Нет, Дон, не торопись. Я просто не уполномочен решать такие вещи.

— О кей, пусть пока живут, — разрешил Дональд. — Остается еще Моронадо. Ему пора уходить со сцены.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Эти танкисты... Они помешали нам вчера, они могут помешать и завтра. Они могут не принять нового президента. Моронадо — источник проблем. Без него танкисты ничего не значат. А у тебя как раз пропадает такая штучка. Я про ту блондинку.

— Блондинку? — переспросил Роман.

Женщина, о которой напомнил Дональд, часто меняла цвет волос. Роман видел ее и брюнеткой, видел и бритоголовой. Она была когда-то журналисткой, которая внедрилась в секту сатанистов, чтобы сделать сенсационный репортаж. Но приобретенные знания, магические ритуалы и новые друзья заставили ее отказаться от старых планов и вообще от прежней жизни. Она прожила в специальном лагере два года и прошла подготовку по особой программе. Сейчас блондинка работала в городе, делала репортажи для телеканала структуры, но в любой момент была готова выполнить и специальное задание.

— Моронадо днем выступит на брифинге, — сказал Роман. — Очень кстати.

— Ты успеешь ее приготовить?

Старицын знал, что «журналистка» сделает все, что ей скажут. Оставалось только снабдить ее соответствующей аппаратурой, но это уже забота технического сектора.

— У меня все готово, — сказал Роман. — Техническая сторона вопроса меня не касается, а все остальное готово.

— Ты уверен? — спросил Дональд.

— Абсолютно. Я полностью уверен. Но у меня только один вопрос. Мы не слишком торопимся? Как мы будем оправдываться, если навалим гору трупов, а тебе все-таки не дадут разрешение на нейтрализацию? У нас потом не будет проблем с твоей конторой?

— Скажем, что ситуация вышла из-под контроля, — спокойно ответил Дональд. — Туристы забрели в опасный район и не вышли оттуда. Такое иногда случается. А у Моронадо слишком много врагов. Кто бы мог подумать, что найдется такая психопатка? Мы к твоей блондинке не имеем никакого отношения. Все, хватит обсуждать. Давай скорее закончим эту идиотскую бумагу. Я еще хочу выспаться.

— О кей. На чем мы остановились?

Теперь, когда общая идея была согласована, меморандум складывался легко и быстро. Народное восстание против коррумпированного режима успешно разгорается. Режим опирается только на немногочисленные гвардейские и танковые подразделения. Танки и гвардия используются для разгона студенческих демонстраций. Отмечены массовые нарушения прав человека.

Параллельно сочинялись запросы на всех предполагаемых участников раскрытой группы.

Развернув свой ноутбук так, чтобы Старицын не мог видеть экран, Дональд отстучал цепочку кодов допуска, сверяясь с блокнотом. По его важному виду Роман догадался, что запросы отправились в тот отдел информационного центра, где хранились так называемые бакатинские картотеки.

Дональд, наверно, очень гордился, что во всей структуре Глобо он один имеет доступ к такой уникальной базе данных. Сам он давно уже не работал в спецслужбе, но старые связи продолжали действовать. И, наверно, его и держали в структуре только из-за этих старых связей.

О том, что такое «бакатинская картотека», Старицын знал не только от Дональда. Бывший министр госбезопасности Бакатин так щедро поделился государственными тайнами со своими новыми союзниками по борьбе с коммунизмом, что специалисты по обе стороны фронта изумленно писали об этом до сих пор. Но аналитикам открытых материалов недоступны пикантные подробности. Например, всем было известно, что американцы получили чертежи подслушивающей системы, вмонтированной в здание строящегося посольства. Но никто, кроме Дональда, не знал, что в качестве ответного жеста ребята из Лэнгли ¹³ обещали передать целую кучу своих космических снимков. Обещали, но, unfortunately ¹⁴, не успели выполнить обещание, потому что Бакатина сняли.

Всем также было известно, что при нем получили доступ к архивам КГБ американские историки, которые разыскивали следы соотечественников, томящихся до сих пор в секретных лагерях Сибири. Но Дональд лично знал одну ассистентку такого историка, которая целыми днями сидела среди бесконечных стеллажей со своим сканером, и копировала все подряд, не читая. Говорят, эти стеллажи теперь пусты, а пыльные папки давно сгорели? Не волнуйтесь, господа тайные агенты! Рукописи не горят, и ваши личные дела тоже — когда они оцифрованы.

В картотеках, к которым сейчас обратился Дональд, хранились материалы управления «К». Эта контора в КГБ занималась проверкой собственных работников и агентов. Поэтому Дональду нетрудно было узнать, является ли Марат Кирсанов русским шпионом. Точнее — являлся ли он таковым по состоянию на период с 1975 по 1985 год, потому что «историки» не успели отсканировать весь архив.

Конечно, ответ предсказать было несложно, потому что четырнадцать лет назад, в 85-м, Кирсанов еще был школьником. Василь Бойко тоже. Что касается В.А. Гранцова, то, если бы он в те годы работал во внешней разведке, то сейчас не прозябал бы в своем техникуме.

Роман Старицын старался не выдать своей иронии, диктуя Дональду запросы на безобидных туристов. В конце концов, каждый выслуживается как может. И каждый имеет право на собственный стиль имитации бурной деятельности. Послать сразу три запроса по такой важной теме — это, наверно, добавит сразу три очка к статусу...

Через четверть часа компьютер выдал всю имевшуюся информацию о гражданах СССР Бойко, Кирсанове и Гранцове.

— Твой Кирсанов никуда не годится, — сказал Дональд. — Он чист как ангел. Это очень подозрительно. Бойко еще хуже. Такая фамилия вообще не встречается. Странно.

— Странно, — согласился Старицын. — Вот у Гранцова на самом деле редкая фамилия, а Бойко довольно распространенная...

Он не успел закончить, потому что Дональд подпрыгнул на месте и закричал:

— Есть! Читай! Ты мне не верил? Читай!

«Вадим А. Гранцов, 03.16.1958. Военнослужащий. Проходил проверку в связи с заграникомандировкой в 1979, 1980, 1981, 1982».

— Да, это удачный выстрел, — признал Старицын. — Бакатин нас здорово выручил.

¹³ штаб-квартира ЦРУ

¹⁴ к сожалению

Теперь ни одна свинья наверху не сможет нас упрекнуть в пассивности.

Неожиданно Дональд выругался и оттолкнул от себя ноутбук.

— Все напрасно, — сказал он. — Видишь эти даты? Он просто ездил в Афганистан. Точно. Они же проверяли каждого офицера. А он был офицером.

— Погоди, давай сначала посмотрим материалы проверок. Посмотрим, чем они закончились. Какие на него характеристики. Какие сигналы на него поступали. Ну, давай, раскрой его файл.

— Нет никакого файла, — нехотя ответил Дональд. — Мы имеем только оглавление. Только список лиц. До материалов не добраться.

— Что же получается?

— Получается одно. Он не может быть шпионом.

— Ну и что? Мы и сами знаем, что не может, — попытался приободрить его Старицын. — Наверху не догадаются.

— Нет. Догадаться. Они догадаться, что мы им голову морочим. Нет никаких указаний на связь с КГБ. Никаких. Запросы, запросы... Они умрут от смеха, читая наши запросы! Вся эта картотека — *полностью* говно!

Роман Старицын не стал спорить, потому что Дональд был прав.

Но и соглашаться с ним было опасно. Ведь картотека считалась настолько важным трофеем «перестройки», что критиковать ее могли только сами шпионы или их пособники. Никто не хотел выглядеть пособником. И тогда Роман Старицын превзошел самого себя. Он сказал:

— А с чего мы взяли, что они русские шпионы? Приехали из России, да. Ну и что? А Василь с Украины приехал, он тем более не русский шпион. Стоп, не перебивай. Есть организация, в которой могут работать и русские, и хохлы. Это белорусский КГБ.

— О нет, — Дональд поморщился.

— Да, да, да, — сказал Роман. — И вообще, КГБ сохранился только у белорусов. В России сейчас нет КГБ. Там есть ФСБ или ФСК, там есть СВР, там есть ГРУ ГШ, но КГБ есть только в Белоруссии. В конце концов, не забывай, как действует это волшебное слово «кей-джи-би» на твоих боссов.

— О кей, — Дональд поднял руки. — Я сдаюсь. Ты хочешь, чтобы я послал запрос о связях этой тройки с Минском?

— Отличная идея! — с воодушевлением произнес Роман Старицын.

И чуть не добавил: «Что бы ты без меня делал, урод?»

Через пять минут они разошлись. Старицын позвонил своему человеку. Набирая номер, он был уверен, что Дональд тоже сейчас вызывает своего человека.

Глава 14. Нейтрализация белорусских шпионов

Василь не мог говорить, пока ему не дали напиток. Но, прежде чем пригубить, он понюхал воду, попробовал ее кончиком языка и посмотрел на свет.

— Тебе не кажется, что твоя фобия зашла слишком далеко? — спросил Марат.

Отрицательно помотав головой, одессит залпом опрокинул стакан. Отдышался и опустился на стул.

— Они меня в номере ждали, — прошептал он. — Мужик в розовой спецовке. Типа сантехник. Ковырялся с краном.

— Ну и что? — спросил Гранцов.

— Здесь краны не ломаются, — ответил Василь. — Он туда вставил какую-то фигню. Умоешься из-под такого крана — и кирдык. Мой сменщик так кончился. В последний день работы. Помылся под душем, вытерся — и остановка сердца. А у меня сегодня как раз последний день.

— И что теперь делать? — спросил Гранцов.

— Сматывать удочки, — прошептал Василь. — Прикройте меня. Хотя бы до гаража

добраться. До машины. А за забором уже не страшно. Они только здесь такие смелые.

— Кто — они?

— Сектанты эти, на кого Олежек пашет. Он пашет на них, а я пашу на него. А им это не нравится. Не любят они отсюда людей выпускать. Если б я не проболтался, что больше не буду работать, они б меня не тронули. Сам виноват, знаю. Только уже не поправить ничего. Надо сматывать удочки, — Василь откашлялся и заговорил уже не шепотом, а вполголоса. — Доеду до Сан-Деменцио. Там дождусь грузового самолета. На нем долечу до дому. И все.

Марат Кирсанов почему-то вспомнил свои занятия по коррекции кармы на первых курсах обучения в Церкви Пука. У его однокурсников были точно такие же горящие глаза, как у Василя. К исходу третьего месяца занятий многие из них уже точно знали, чем занимались в прошлых жизнях. Некоторые даже выдавали целые фразы на древнеегипетском или древнеримском языке, вспомнив свое фараонское, гетерское или гладиаторское прошлое. А отдельные выдающиеся личности погружались до того уровня, когда еще и человека не было, и воображали себя окаменевшим папоротником. Со всеми такими психами приходилось обращаться очень осторожно, то есть не спорить и ничего не спрашивать.

Он бы не удивился, если бы сейчас Василь нырнул под кровать, прячась от неумолимых преследователей.

— Вась, никаких проблем, — сказал Марат. — До гаража мы тебя доведем. Ближко никого не подпустим. И дальше я с тобой поеду. При свидетелях они тебя не тронут. Побоятся. Вдвоем-то уж мы всяко отобьемся от этих сантехников.

— Спасибо, Марик, — Василь снова закашлялся. — Что-то у меня горло скрутило от вашей воды. Не могли же они всю систему отравить из-за меня одного?

Оксана возмутилась:

— Неужели ты думаешь, что я тебе из-под крана наливала!

Гранцов снова повернулся к окну:

— Опять начинается. Две «скорые» пролетели, а вон солдатики в броневик грузятся. Опять тревога. Давай, Василий, собирайся с силами — да и трогайся, пока не поздно. Ты вещи свои забрал?

— Холера... Забыл. Да и хрен с ними, не вещи и были! Пошли, Марик!

— Спокойно, спокойно, — Гранцов снова усадил вскочившего одессита на стул. — Марат, спустись вниз, осмотришь нашего белогвардейца, отвлеки его. Скажи, что мы еще не позавтракали, не собрались и так далее. Что будем готовы через пару часов, не раньше. И вообще, скажи, мы передумали. Мы улетаем на карнавал, пускай распорядится насчет самолета, чтоб нас отправить ближайшим рейсом.

— Понял, — Марат чуть не ответил «есть!», подчиняясь спокойному голосу командира.

— А мне что прикажете делать? — спросила Оксана.

— Кто мы такие чтобы тебе приказывать? — Гранцов пожал плечами. — У тебя своих начальников хватает. Но, если хочешь ребятам помочь, удержи старика. Сдается мне, что лучше бы ему не знать, куда они уехали. Как бы не сглазил.

— Приятно, что вы мне так доверяете.

— Ты с нами хочешь? — спросил Марат. — Или у тебя будут проблемы, если мы уедем одни?

— Да какие еще могут быть проблемы? Какие еще? Я просто боюсь вас отпускать одних, вот и все, — Оксана махнула рукой. — Да делайте, что хотите. Только держитесь подальше от военных на дороге.

— Вась, а в твоей «ласточке» найдется еще одно место? — спросил Марат и заметил, что Гранцов недовольно нахмурился.

— Еще какое! Для Оксаны-то? Самое лучшее!

— А какая у тебя машина? — спросил Гранцов.

— Какая? Пока не знаю, — ответил Василь.

Видимо, по выражению лиц окружающих одессит догадался, что такой ответ им не понравился.

— А шо такого, Марик? Тебе не все равно, на чем ехать? Эх, не надо было мне раскрываться... В общем, дело такое. Я перегонщик. Мне дают тачку, и я перегоняю ее в Сан-Деменцио. Ключи и бумаги мне передаст парковщик в гараже. Что тебе не нравится?

— Все нормально, — успокоил его Марат, раздумывая, как теперь выпутаться из ситуации. Он подозревал, что машину будет угнанной, и ему совсем не хотелось попасть в криминальную хронику. — Все нормально, пошли. До свидания, Вадим Андреевич.

— Жалко расставаться, — неожиданно сказал Гранцов. — Как думаешь, Василь, твои «сантехники» тоже не знают про эту машину?

— Да никто не знает, никто! Что же я, совсем дурной? Если бы про нее хоть одна собака знала, я бы не дергался!

— Что ж ты раньше не сказал? — Гранцов похлопал Василя по плечу. — Группа «Сафари» выдвигается в полном составе. Сержант Кирсанов, задачу получил? Так чего ты стоишь, как неродной? Вперед!

Обрадовавшись такому повороту событий, Марат спустился вниз на разведку.

Начиная со второго этажа все лестницы были запружены беженцами. Люди сидели на своих узлах и чемоданах. Марат с трудом протиснулся сквозь эту толпу, перешагивая через сумки.

В вестибюле стоял шум, как на вокзале. Надрывно верещал младенец, женщина истошно звала своего пропавшего Карлито, и над этим гомоном расплывался спокойный голос диктора. «Атенсьон пор фавор...» Дальше Марат не смог ничего разобрать, сколько ни вслушивался. Но сообщение было, по всей видимости, не слишком приятным для тех, кто ожидал посадки на автобусы, стоявшие во дворе.

Он пробрался к выходу и увидел, что розовые экскурсионные «мерседесы» выстроились колонной вокруг газона, но почему-то не трогаются с места. За зеркальными окнами можно было кое-где различить белеющее лицо, прижатое к стеклу. Водители в своих голубых сорочках и капитанских фуражках собрались в кучку у ворот и глядели куда-то вдоль улицы. Они вдруг рассыпались в стороны, а из-за углового дома вылез неуклюжий танк с высоко задранной пушкой. Громко завывая дизелем и скрежеща гусеницами по асфальту, «тридцатьчетверка» развернулась на месте и задом пошла на ворота.

Один из водителей подбежал к воротам и успел потянуть створки на себя, пропуская боевую машину внутрь гостиничного двора. Неловко дергаясь, танк забрался на газон, остановился, и его башня с визгом развернулась, обведя стволом пушки всю подкову отеля. Сизое облако вырвалось из выхлопной трубы, и «тридцатьчетверка» затихла, помахивая антенной с красным вымпелом.

— Маратик, ты меня искал? — раздался за спиной голос Ксенофонтова.

Старик подошел к нему и встал рядом, глядя во двор через толстое витринное стекло.

— Что тут опять творится? — спросил Марат.

— Не обращай внимания, обычная история. В течение двух часов все уладится, — пообещал старик, довольно улыбаясь. — К тебе наш Василий не заглядывал? Что-то я не могу его найти.

— Нет, — ответил Марат и быстро добавил: — Дядя Федя, мы передумали насчет карнавала. Хотим присоединиться к остальным. Надоели уже все эти беспорядки, погромы, танки на улицах. Можно распорядиться, чтоб нас поскорее отправили в Рио?

— А что так? — удивился Ксенофонов, продолжая улыбаться. — А как же семинар?

— Да был я на этих семинарах, был. А на карнавале когда еще доведется? Вот мы и решили. Ну, так как, организуете?

— Вы уже позавтракали? — спросил старик. — Сейчас я распоряжусь насчет завтрака. А вы никуда не разбредайтесь, ждите меня у себя. Возможно, прямо сейчас и полетим. Но могут быть и небольшие технические проблемы. А Вадим Андреевич как отнесся к такому решению?

— Так он это и решил, — ответил Марат. — Значит, договорились. Сидим у себя и ждем вас.

— Договорились, — кивнул Федор Ильич. — Надо бы мне Ксюшу предупредить. Вот она обрадуется...

Во дворе протрещала автоматная очередь, и Марат непроизвольно отступил в сторону, укрывшись в простенке. Старик так же быстро оказался за другим простенком.

Тем временем во дворе уже мелькали оливковые мундиры и белые каски. Солдаты поднялись внутрь одного автобуса, через минуту вышли, и «мерседес» тронулся к выезду со двора.

— Ищут кого-то? — предположил Марат.

— Обычная проверка, — ответил Федор Ильич.

— Стрелять-то зачем?

— Это в воздух. Для пущей важности.

Проверка производилась довольно быстро. Когда Марат дошел до лифтовой площадки и посмотрел через окно, во дворе не было ни одного автобуса, а белые каски уже оцепили все выходы из отеля и оттуда потянулись редкие цепочки людей с узлами и чемоданами.

Из невидимых динамиков в коридоре звучало все то же «Атенсьон пор фавор», которое вдруг сменилось на «Этеншн, плиз», и Марат остановился, чтобы выслушать новое объявление. Дорогих гостей, проживающих на четвертом и пятом этажах, убедительно просили собрать вещички и спуститься в вестибюль, где будет производиться трансфер в отель Глобо-Хилтон.

Сообщение прозвучало только в третий раз, когда из лифта уже вывалилась первая партия дорогих гостей. Долговязый блондин с обгоревшим красным лицом неся прямо на Марата, прижимая к груди чемодан. Марат едва успел увернуться, и блондин проскочил мимо, но тут же зацепился за ковровую дорожку и растянулся на полу. Чемодан распахнулся и упал рядом, и толпа дорогих гостей пронеслась над блондином, топча его рубашки и разноцветные майки.

Марат присел рядом с ним, помогая собрать вещи.

— What is the matter?

— Oh, I don't know! Sorry... Some people say... They are looking for bomb. Sorry. ¹⁵

В холле толпились туристы с чемоданами, у лифтов было не протолкнуться. Начинался исход.

Марат толкнул стеклянную дверь с запрещающей надписью и поднялся по служебной лестнице. Площадка третьего этажа была заставлена бельевыми корзинами на колесиках. Чтобы добраться до двери, ему пришлось их раздвинуть. Корзины были пустые.

— Что там творится? — спросил Гранцов. — Что за шум?

— Эвакуация, — коротко доложил Марат. — Народ из отеля вывозят. Вы объявление слышали?

— Нет, не было ничего.

— Динамики орут по всему отелю, а вы ничего не слышали?

— Это такая система, — сказала Оксана. — Ваши апартаменты подключены к русскому каналу. Когда будет объявление на русском языке, здесь будет слышно.

— Значит, русских можно не эвакуировать? Они нас за людей не считают! — возмутился Марат.

— Ты старика видел? — остановил его Гранцов.

— Видел. Всё сказал. Он просил нас никуда не дергаться, торчать на месте, ждать его. Да, и вот еще что... — Марат потер лоб. — Что-то такое он еще сказал... Да! Василь, он тебя искал. Что-то ему от тебя надо.

— Ты сказал ему, что я тут? — насторожился одессит.

— Конечно, нет. Вы собрались? Выходим?

¹⁵ — Что случилось?

— Не знаю. Говорят, здесь ищут бомбу.

— На выходе чисто? — спросил Гранцов.

— Я бы не сказал. В коридоре пусто, а на лестницах — демонстрация. Может, оно и к лучшему, Вадим Андреевич? Затеряемся в толпе, незаметно свернем в гараж?

Вместо ответа Гранцов предостерегающе поднял палец к губам и скосил глаза на дверь. Через секунду раздался стук, и чей-то голос произнес:

— Брекфаст, сэр!

Подчиняясь жестам Гранцова, Василь юркнул за дверь ванной, Оксана опустилась в кресло, а Марат подошел к двери. Сам же Гранцов ногой задвинул свою сумку под кровать и отступил к балкону.

Марат открыл дверь, впуская доставщика.

На сервировочном столике среди салатов и тостов с джемом возвышался хрустальный шар на серебряных ножках, с бело-розовой массой внутри.

— Айс-крим, — объявил доставщик. — Презент фром компани!

— Мучос грасияс, — ответил Марат и подумал, что завтрак, заказанный Ксенофонтовым, выглядит довольно странно. Мороженое с утра пораньше?

Он протянул заранее приготовленный доллар юноше-доставщику, и увидел, что сегодня их обслуживает новичок.

Юноша был уже немолод, выбрит до синевы, и чаевые принял снисходительно.

На его розовой распашонке не было значка.

Когда дверь за доставщиком закрылась, Кирсанов прислушался. Ему очень хотелось услышать колокольчик лифта, но он его так и не услышал. Это означало, что доставщик остался на этаже. И, возможно, не один. Марат вспомнил о пустых бельевых корзинах на служебной лестнице.

Когда-то ему приходилось таскать на спине тюки с грязным бельем. Тогда он работал на тараканов и сам постепенно превращался в послушное безликое насекомое. Местные тараканы пользовались корзинами на колесиках. И содержимое корзины их не волновало. Грязное белье или труп — какая разница?

Гранцов, почуяв что-то неладное, вопросительно глянул на Марата.

— Кушать подано, — беззаботно и громко произнес Кирсанов, оглядываясь в поисках ручки или карандаша, чтобы написать пару слов. Ему уже казалось, что их подслушивают.

Не найдя ничего подходящего, он наклонился к Гранцову и прошептал тому на ухо:

— Кажется, нас отсюда хотят вынести. Я видел три корзины в коридоре.

— У мальчика ствол под мышкой. И значка нет, — тихо ответил Гранцов. — Может, охрана?

— Нет, не думаю. За Василем они пришли. И нас за компанию положат. Что делать будем?

— Будем уходить, — просто ответил Гранцов.

— В коридоре стоят. Ждут.

— Это их проблемы, — Гранцов махнул рукой.

Его жест получился каким-то восточным, он словно отмахнулся пальцами от назойливой мухи, и почему-то Марату сразу стало легко и спокойно на душе. Он вспомнил, как безмятежно дремал Гранцов, когда их захватили похитители. И чем это кончилось? Вот и сейчас все кончится хорошо. По крайней мере, для нас, добавил Марат.

Оксана так же вполголоса сказала:

— Мороженое не трогайте. Даже не открывайте.

Марат приложил палец к губам и сказал громко, подчеркнуто весело:

— Прошу к столу, сеньорита! Бон апэти, как говорят французы. Специально для вас, сеньорита, нам доставили это чудо местных кондитеров! Айс-крим грандиозо!

Громко топая, он подошел к двери, приоткрыл ее и повесил на рукоятку табличку «Не беспокоить». Он заметил, что коридор был пуст, но со стороны служебной лестницы донесся еле слышный скрип.

«Топчетесь на месте? — подумал он. — Топчитесь, топчитесь. Вам придется

подождать. Не знаю, что там придумал Вадим Андреевич, но вас, ребята, ждет еще немало интересных событий». Марат включил телевизор, нашел подходящую развеселую самбу и врубил полную громкость.

— Вы чего, товарищи? — спросил Василь, выглянув из ванной и застав своих соседей за странным занятием: Кирсанов, в джинсах и белом пиджаке со следами крови, быстро рассовывал по карманам деньги и документы, Гранцов укладывал дорожные сумки, а Оксана распарывала маникюрными ножницами подол своего длинного красного платья.

— Присоединяйся, — ответил Кирсанов, показывая пальцем сначала на столик с завтраком, потом на Василя, а потом перекрестив руки перед горлом.

— Да ты шо, — лицо Василя моментально посерело. Губы стали черными, а лоб заблестел, покрывшись испариной. Он встряхнулся всем телом, как собака, и скрючился, прижав ладони к лицу, а когда распрямился, лицо его было покрыто ярко-красными пятнами. Усы топорщились, ноздри раздувались, и уже совсем другим голосом он сказал: — Мне бы только до гаража добраться.

Гранцов приладил ножны на пояс, перекинул сумку через плечо и махнул рукой, приглашая их за собой на балкон. Он опустился на четвереньки и быстро двинулся вперед, и все остальные «паровозиком» последовали за ним. Со стороны, наверно, это выглядело бы очень забавно, если бы их кто-то мог увидеть.

Они добрались до торцевой стенки, в которой была дверь пожарного спуска.

— Стоп, вниз нельзя, — сказал Марат. — Все выходы должны быть перекрыты.

— Все им не перекрыть, — ответил Гранцов.

Спустившись на один пролет по пожарной лестнице, они оказались на какой-то площадке, где из белой стены чуть выдавался стальной серый люк. Гранцов сунул кончик своей финки в замочную скважину и провернул ее. Крышка откатилась вверх, Гранцов сел на край люка и предупредил:

— Здесь невысоко, метра три. Площадка мягкая. Прошу не пицать в полете.

Он сбросил вниз сумку, и сам соскользнул вслед за ней. Марат заглянул в люк, увидел внизу множество черных пластиковых мешков и прыгнул на них.

Они оказались набиты чем-то мягким, и с неприятным скрипом прогибались под ногами. Марат поднял руки, принимая Оксану. Ее красное платье задралось вверх, открыв загорелые ноги.

— Поберегись! — крикнул Василь и повис на руках, болтая ногами.

Он прыгнул, и крышка захлопнулась за ним. В полной темноте Марат нащупал прохладную руку Оксаны.

— Вот мы и на помойке, — сказал Гранцов, включая фонарик. — За мной.

Они пробрались по коридорчику среди каких-то бутылей, ведер, тряпок и щеток. Гранцов подергал дверь и достал из кармана связку ключей.

— Я этот вариант ухода еще в первый день заготовил, — говорил он, вставляя в скважину один ключ за другим. — Думаю, вдруг пожар или война. Регион повышенного риска, да и публика сомнительная. Заглянул сюда случайно, смотрю — ключи валяются. Вот и пригодились. Это помойка не простая, а с секретом. Сюда мешки с мусором бросают, и народ в мешках всю ночь ковыряется, а потом мусор идет дальше.

— Куда идет? — оглянулся Марат.

— А вот подними лючок, справа — и увидишь.

Кирсанов ухватился за рукоятку у самого пола и поднял крышку люка, которая с рокотом скользнула вдоль стены и щелкнула, закрепившись в пазах. Из темного проема ударил тошнотворный запах гнили.

— Фу, закрой скорее, — сказала Оксана.

Марат уже потянулся к люку, но вдруг Гранцов поднял руку и шепнул:

— Идет кто-то. Замри!

За дверью кто-то прошагал, шаркая по линолеуму. Выждав, пока шаги затихнут, Гранцов снова вставил очередной ключ в скважину.

— Бесполезно, Вадим Андреевич, — сказала Оксана. — Как только они заметили пропажу ключей, сразу сменили все замки.

— Ты думаешь?

— Не думаю. Знаю. Порядок такой. Это ведь не помойка. Тут у них пост контроля. Смотрите, на каждом мешке бирка. Чтобы знать, какой мусор поступает из какого номера. Наверно, где-то тут еще должны быть конверты или коробки, тоже с номерами. Если их еще не сдали на пост анализа.

— Откуда ты все знаешь? — спросил Марат.

— Работала я тут, — ответила девушка. — Нулевой уровень. Потом белье возила. Вот, постепенно поднялась до гида. Не думала, что снова сюда опущусь.

— Давайте выйдем дверь, — предложил Василь. — Втроем навалимся, и...

— И что? Дверь-то внутрь открывается, — Гранцов почесал затылок.

— Обратного хода нет, — Марат оглянулся. — А если вниз, в люк?

— Там нет выхода. Там дробилка и пресс, — сказал Гранцов. — Ничего, сейчас замок вынем. Не проблема. Сейчас... Тихо!

За дверью слышались торопливые шаги и голоса. Кто-то дернул дверь. Зазвенели ключи.

Гранцов, оставив ключ в замке, бесшумно отшатнулся от двери. Он обхватил Марата и Оксану за плечи и подтолкнул их к мешкам. «Я их встречу, сидите тихо-тихо», шептал он, раздвигая мусор. Оксана забилась в угол, и ее завалили легкими мешками с тряпьем.

— Давай под коробку! — приказал Гранцов Василю. — Сержант, коридор мой, а здесь ты стой. Кто прорвется, вырубай. Нож возьми! Или мы, или они, понял?

Марат перехватил рукоять ножа поудобнее и застыл у двери.

В дверь начали ломиться. Свет в коридорчике вдруг погас. Что-то с плеском и чавканьем выливалось на пол.

С треском и грохотом дверь распахнулась, и дворницкая наполнилась криками и шумом. Кирсанов изготовился, отведя руку для удара.

Теперь все было ясно.

Его не учили прятаться под мусором. Его учили драться в тесноте.

Судя по крикам, в коридор ворвались двое. Что-то случилось, и они попадали на пол. Сейчас они встанут. Сейчас набегут и другие.

Сколько бы их ни было, он уложит всех.

Он шагнул в коридор, чтобы помочь Гранцову.

Но опоздал, и его помощь не понадобилась.

Гранцов, прижимаясь спиной к стене, орудовал шваброй, а на блестящем полу перед ним бился в судороге кто-то, покрытый пеной, и швабра подталкивала его к мусорному люку, откуда доносились яростные вопли, еще один толчок — и Федор Ильич Ксенофонов, собственной персоной, соскользнул в проем.

— Закрывай скорее, — приказал Гранцов. — Ну и вонища... Эй, осторожней!

Он опоздал с предупреждением. Стоило Кирсанову потянуться к крышке люка и сделать шаг, как ноги его разъехались в разные стороны. Он грохнулся на мокрый пол, едва не свалившись в мусороприемник. Гранцов успел протянуть ему швабру и вытянуть на безопасное место, а потом той же шваброй ткнуть куда-то, отчего люк с грохотом опустился. И вовремя. Словно железные палки начали стучать по нему изнутри, и Кирсанов понял, что дядя Федя и его спутник были вооружены. Чем-то бесшумным и мелкокалиберным. Как раз для работы в помещении.

— А дисциплина-то у тебя хромает, сержант, — сказал Гранцов, пробираясь на цыпочках вдоль стенки на сухой участок пола. — Приказано же было стоять и не вмешиваться.

— Что за дрянь? — спросил Марат, обтирая рукав тряпьем.

— Мыло. Жидкое мыло. Все, уходим, пока этих придурков искать не кинулись.

— А нельзя их там запрессовать, этих козлов? — поинтересовался Кирсанов. —

Оксана, как пресс врубается, знаешь?

Не отвечая, Оксана протиснулась к выходу вслед за Гранцовым. Марат принял от Василя сумки и осторожно прошлепал по луже.

— Шире шаг, — поторопил их Гранцов. — Василь, показывай, как быстрее попасть в гараж.

— А где мы сейчас? Так, понятно... Бежим налево!

— Никаких бежим! — одернул его Гранцов. — Мы нормальные туристы, спокойно эвакуируемся.

Он уверенно шагал по тускло освещенным коридорам. Марат схватил Оксану за руку и вел за собой, словно боялся, что она отстанет и потеряется. Скоро они оказались в подземном гараже.

— Сховайтесь тут, — сказал Василь, остановившись за пожарным щитом. — Я свистну, тогда выходите.

Он ушел, и его шляпа долго мелькала над сверкающими крышами машин.

— А старик-то как расшифровался, Вадим Андреевич, — не удержался Марат. — Такой был добренький старикашка!

— Одно слово, власовец недобитый.

— Он из Парагвая, — сказала Оксана. — Его отец служил в парагвайской армии. И сам он тоже двадцать лет служил. Он полковник. Его у нас все боятся. Это очень плохо, если он меня с вами увидел.

— Не увидел, — сказал Марат и, обхватив ее талию, притянул девушку к себе. — Не бойтесь, леди, вы в надежных руках.

Ему пришлось наклониться, чтобы поцеловать ее. Губы Оксаны дрогнули и раздвинулись в улыбке. Она отстранилась:

— Ты что-то осмелел. Акклиматизация кончилась?

Послышался короткий свист. Гранцов вежливо откашлялся и потянул Марата за пиджак:

— Сержант, я вам не мешаю? Похоже, нас зовут.

Василь ждал их у сверкающего изумрудного «Лендровера-Дискавери».

— Нормальное ведро, а, Марат?

— Ничего...

— Загружаемся. Бак полный, бумаги идеальные. Дорога чистая. Погода ясная. Что еще надо для счастья?

— Для счастья? Пару автоматов и ящик патронов, — ответил Марат.

— Во дворе солдаты, — предупредил Гранцов. — Без проверки не выпустят.

— А зачем нам во двор? Мы напрямую, на бульвар, — весело прокричал Василь. — Это ж вездеход! Он везде ходит!

«Лендровер» рванул с места, лавируя между стоящими машинами. У самого выхода, в конце пандуса, Кирсанов увидел опущенный шлагбаум. Но Василь не сбавлял хода.

У шлагбаума в стеклянной будке сидели двое в розовых комбинезонах и играли в нарды. Один из них собрался метнуть кубики, да так и не метнул, засмотревшись на роскошный автомобиль, который вылетел из подземелья, снес шлагбаум, а потом, не сворачивая, прошел сквозь стеклянную стену отеля, перемахнул через поребрик и оказался на улице. Стекло еще оседало на пол, постепенно делясь на осколки, а машины уже не было видно.

Ты будешь бросать или как? — сказал второй парковщик. — Достали меня эти русские!

Глава 15. Вершители судеб уносят ноги

Начальник охраны у Старицына был родом откуда-то из Средней Азии, и имя у него было какое-то азиатское, но Старицын называл его Стасом. Ему просто очень нравилось это имя, и он думал, что так назовет своего первого сына, когда сможет себе позволить завести

детей.

Сегодня у Стаса был очень тяжелый день. Он то и дело звонил Роману, докладывая новости, которые становились все тревожнее и тревожнее.

С самого утра президентская гвардия оцепила отель.

Около десяти часов в полицию поступил анонимный звонок с угрозами взорвать отель Глобо Торизмо.

Под предлогом поиска взрывного устройства гвардейцы принялись тщательно осматривать все закоулки отеля.

Постояльцев пришлось переправлять в другие отели. Неизбежная неразбериха, паника и давка. Бездна испорченный отдых богатых туристов. И великолепная антирекламная акция.

Дело обстояло настолько плохо, что лучше было об этом не думать. Поэтому Роман только обрадовался, когда Дональд попросил его о незначительной услуге — состряпать чисто формальную бумажку для отчета наверх.

Роман Старицын еще раз просмотрел текст и позвонил Дональду.

— Я написал.

— Что написал?

— То, что ты просил.

— Я что-то просил?

— Дон, наверно, мне стоит к тебе подняться.

— Зачем?

— Отдать тебе твой текст.

— Зачем?

— Ты его прочитаешь и внесешь поправки, — терпеливо ответил Роман, поняв, что Дон напился, и лихорадочно перебирая варианты спасения ситуации.

— О. Никаких поправок. Отправь по факсу. С моей подписью. Ты что, разучился за меня подписываться?

— Я все-таки поднимаюсь к тебе.

— Черт с тобой. Дверь открыта.

Он позвонил диспетчеру, и тот сообщил, что Оксана Рамирес убыла в аэропорт вместе со своими клиентами. «Вот как надо работать», — удовлетворенно улыбнулся Роман, положив трубку. Пусть все вокруг горит и рушится, но русская дирекция будет четко выполнять намеченный цикл действий. До полного и логичного его завершения. Цикл действий завершится тем, что Кирсанов и Гранцов согласятся работать на структуру. Даже если сама структура к тому времени будет *полностью* раздавлена танками Моронадо.

Роман Старицын давно уже не видел своего «босса» в таком состоянии. Дональд развалился в кресле перед телевизором. Под одной рукой на полу стояла бутылка «Ивана Бродяги», под другой — хрустальная пепельница. Дональд отпивал из бутылки, не морщась, и тут же закуривал новую сигарету. Сделав пару затяжек, он топил сигарету в куче окурков и снова нашаривал бутылку. На нем была белоснежная сорочка в потехах виски, полосатые трусы и один носок.

«Напился, чтобы снять с себя ответственность, — подумал Роман. — Типичный аутсайдер. Надеется, что все как-нибудь само образуется к тому моменту, когда он протрезвеет. Боюсь, что его ждет большое разочарование».

План переворота уже не трещал по всем швам, как можно было выразиться несколько часов назад. И оперативный комитет уже не «сталкивался с определенными трудностями», как можно было написать в отчете. Операция полностью провалилась. Именно полностью.

Романа Старицына никто и не думал посвящать во все подробности этой операции, но он и сам мог догадаться, в чем ее суть.

Беспорядки, провокация этнических столкновений, осада международного отеля, который вызывает о помощи. Президент вынужден послать на выручку Глобо своих танкистов, и те попадают под губительный огонь. В этот момент группа боевиков

захватывает президента, который остался без защиты. Он гибнет в бою, но об этом до поры до времени не сообщается. Чтобы освободить горячо любимого президента, в город врывается губернатор Сан-Деменцио с верными ему бойцами, участниками семинара по фатта-до. Он уничтожает мятежников, раздает голодающему населению продовольствие из портовых складов, он спасает нацию от распада и временно исполняет обязанности главы государства, до ближайших выборов. Которые сам и выигрывает. План блестящий и безупречный. Но все пошло не по плану.

Танки не попали под огонь гранатометов, потому что никто не бросился спасать международный отель. Хуже того, властям явно было известно, откуда взялись эти гранатометы. Потому что как только полковника убрали, именно беззащитный и добропорядочный международный отель вдруг оказался оцепленным! Похоже, над Глобо сгустились тучи.

Но Дональду сейчас не увидеть этих туч, даже если они обрушат на его голову сотню молний. Он видел только бурю жижу на дне стакана. Хлоп — и не стало даже этой жижи...

— Вот твой текст, — сказал Роман.

— Прочитай, я ничего не вижу, — сказал Дональд, заглядывая в бутылку.

«Март, 02, 1999. Меморандум для руководителя сектора «Дельта».

Ниже следует информация, которую я получил от источника в министерстве внутренних дел по вопросу об инциденте с подполковником Моронадо.

По данным на настоящий момент:

Во время брифинга по вопросу о попытке государственного переворота, в 11:40 местного времени в пресс-зале «Президент-отеля» было взорвано неизвестное взрывное устройство.

В инциденте пострадали всего 18 человек. Из них пятеро погибли на месте, трое скончались от ран в госпитале Президентской гвардии. Десять раненых находятся там же.

Граждан США среди пострадавших нет.

Подполковник Моронадо получил множественные переломы, черепно-мозговую травму и осколочные ранения в грудь и живот. На данный момент его состояние оценивается как критическое.

Все входившие в пресс-зал обыскивались на входе охранниками.

Ночью пресс-зал не охранялся.

Неофициальная версия случившегося: мина с часовым механизмом была заложена ночью террористами с целью устранения руководства Президентской гвардии.

Расследование начато. Представляется логичным сделать вывод о неизбежности ответных репрессивных действий президентских сил по отношению к оппозиции.

Подпись. Время».

— Так он жив? — удивился Дональд.

— Он умирает. Самое страшное, что он в сознании. Он отказывается от уколов и прочего, — сказал Роман. — Иногда кричит от боли, но продолжает отдавать команды.

— Кричит от боли... Это плохо. Он может такое им накричать...

— У него никаких шансов. Здесь нет даже рядового нейрохирурга.

— Ужасная страна. Кстати, ты говоришь, граждане США не пострадали? А твоя идиотка разве не была американкой?

— Она пошла с чужими документами, — сказал Роман. — И вряд ли ее опознают.

— О да, — Дональд гадко захихикал. — Интересно, она успела удивиться?

— Что? Чему удивиться?

Дональд отсмеялся, хлебнул виски, закурил и сказал:

— Если бы я был не я, а она. Сексапильная блондинка с большими сиськами. Во-

первых, я бы обязательно потрахался со мной. То есть с Дональдом Риджэндартом, этим развратным и богатым красавчиком.

— Она была лесбиянка, — сказал Роман.

— Ну и что? Во-вторых, я бы очень обрадовался, добравшись до Моронадо. Он такой плохой, он ужасный, я же видел эти фильмы, эти расстрелянные крестьяне, отрубленные головы, эти машины, раздавленные его танками. И я навожу на него свой микрофон, в полной уверенности, что сейчас из него вылетит струйка невидимого газа, и Моронадо через два часа схватится за сердце и тихо скончается. Я нажимаю кнопку, и вдруг слышу — бабах! Она успела это услышать?

— Не думаю, — сказал Роман. — Ее на куски разорвало. Она держала микрофон слишком близко к себе.

— Ты мало с ней работал, — назидательно произнес Дональд.

— Сейчас будут показывать новости по нашему каналу, — Роман уклонился от неприятной темы, потому что журналистку-подрывницу он готовил целый год.

— Да? Прекрасно. Выпьешь со мной?

— Кажется, еще рано для виски, — осторожно сказал Роман.

— Уже поздно даже для виски, — Дональд снова захихикал.

— Что-то случилось?

— Может быть. Ну, где твои новости?

— Еще три минуты.

— Пей, приятель. Полковник Моронадо был славный малый, выпей за него, — Дональд отхлебнул и закурил. — Все мы славные малые. Кто-то выпьет и за нас. Надеюсь. Но они не будут пить за нас виски. Они поднимут свою водку и скажут: «Смешной был парень этот американец». Знаешь, где они сейчас?

— Кто?

— Наши белорусские шпионы. Знаешь?

— Знаю. Они летят в Рио, — уверенно сказал Роман.

— Да? — Дональд хихикнул. — Ты их там видел?

— Их увезла в аэропорт моя девочка. Им больше некуда деваться. Они должны там быть.

— Они должны быть... Хе-хе. Они должны быть в мусорных баках вместе с твоей шлюхой, — сказал Дональд. — Но их там нет. Они должны спокойно гореть в мусорной печи, но там их тоже нет. Может быть, они и в самом деле подались в Рио, после того как оторвались от моих идиотов?

— Извини, я не понимаю, — сказал Роман. — Мы говорили только о Моронадо. И я все сделал, как мы договорились.

— Ты правильно сделал. Ты герой. Ты получишь орден. А я не получу орден. Я получу автомобильную катастрофу. Будешь пить? Еще осталось много виски. Выпей за меня сейчас, потом мне будет все равно.

— Стоп, — сказал Роман. — Я должен знать точно. Ты приказал убить русских?

— Фу, что за выражения... Конечно, нет. Я никогда не приказываю. И я никого не убиваю. Но ситуация вышла из-под контроля. У нас нет выбора. Ты никогда не думал, почему я, такой опытный специалист, не еврей, не католик, не демократ, не гомосексуалист, не кто еще? Не лесбиянка, да. Почему я, Дональд Риджэндарт, такой хороший, и оказался в таком плохом месте?

«Потому что ты мудака», — хотел закричать Роман Старицын, но удержался, здраво рассудив, что он и сам немногим лучше.

Он на секунду пожалел, что связался с Дональдом, но тут же напомнил себе, что это зависело не от него. Он не выбирал, с кем работать. Структура согласилась на услуги Дональда, потому что за ним была огромная сила. Дональды приходят и уходят, а сила остается.

И Роман Старицын промолчал, тем более, что собеседник и не нуждался в ответе.

— Почему я здесь, а не в Центре? Потому что однажды я сделал одну маленькую ошибку, — сказал Дональд. — Я когда-то был в хорошем месте, и у меня в отделе завелся шпион. Я догадывался, что он шпион, и ничего не сделал. Только писал меморандумы. А когда мне сказали «Ну, Дон, он хороший парень, но лучше бы его не было, понимаешь?», я все понимал, но он уже был далеко.

— И теперь ты не хочешь сделать вторую ошибку?

— Уже сделал, — Дональд прикрыл глаза ладонью, откинулся в кресле и забормотал: — Наша картотека — говно. Твои русские друзья — настоящие шпионы. Самые настоящие. Даже не шпионы. Это операторы. Я это сразу понял, как только увидел их лица. Как только поговорил с ними. И как только они вернулись из Сан-Деменцио, я сказал себе: «Дон, ты хороший парень. А эти русские — плохие парни. Они приехали за твоей головой. Будет лучше, если их не будет». И я навел на них целую банду головорезов. Отличных головорезов. Правда, они вытягивали из меня слишком много денег. Но они работали идеально. Всегда идеально. Пока не захватили твоих русских друзей. Твои друзья вернулись в отель на джипе. А мои головорезы перестали отвечать на звонки. И я догадываюсь, почему. Потому что твои друзья — *специальные операторы*. Я видел таких людей у нас. Это страшные люди. А русские операторы еще страшнее. Потому что русские страшны сами по себе. Говоришь, их ждут в русском посольстве? Им наплевать на приказы любого посольства. Они не уедут, пока не сделают свою работу. Я даже боюсь думать, какую работу они сделают. Ты помнишь тех парней, которые пропали в прошлом году?

— Ты снова о русских?

— Снова, снова! Те мне тоже не понравились. С первой секунды. Я увидел, как они звонят домой прямо из аэропорта. И подумал: «Эти парни или слишком богаты, или они тратят чужие деньги на бесполезный звонок». И я попросил головорезов избавить меня от таких гостей.

— Так вот куда они делись, — сказал Роман. — Значит, это твоя работа?

— Хорошая работа! — Дональд стукнул кулаком по коленке. — Великолепная работа! Никто не пикнул! И я так хотел рассказать о такой хорошей работе! Но не мог никому рассказать! Трагедия работы контрразведчика в том, что ты не можешь ничего рассказать!

«Лучше бы ты об этом рассказал», — подумал Старицын, пытаясь унять вспышку ярости. Он был готов растерзать американца. Психопат. Параноик. Чуть было не погубил все дело. Впрочем, возможно, что уже и погубил!

— Да! Я молчал! И думал, что никто никогда не узнает! Но они узнали! — Дональд выронил стакан и принялся слепо оглядываться. — Всё пропало. Операторы приехали за мной. И за тобой. И за всей структурой. Моронадо — мелочь по сравнению с ними. Они исчезли. Всё! Их нет, понимаешь? Если завтра мне прикажут убрать шпионов, которых я сам нашел... О нет, есть еще один, твой Василь!

— Василь уже уехал, — сказал Роман, глянув на часы. — Он уже далеко.

— Нет. Только не это. Не разбивай мое сердце.

— Он уехал, — повторил Роман. — Но я знаю, где он.

— Ты моя последняя надежда, — сказал Дональд.

На экране телевизора появилась заставка новостей. Она вдруг сменилась изображением футбольного поля. Роман пощелкал пультом, но на всех каналах показывали футбол. Он поднял трубку и набрал 111.

— Это я, — сказал он. — Кажется, у меня сломался телевизор.

— У нас проблемы, — ответил голос в трубке. — На студии посторонние. Очень много посторонних.

— Я могу подойти, — сказал Роман.

— К вам уже идут, — ответил голос, и его перекрыли короткие гудки.

Роман подхватил Дональда под мышки и рывком поставил на ноги.

— Полегче, приятель, — сказал Дональд. — Босса нельзя трогать руками.

— Извини, Дон, — сказал Роман. — Но нам надо идти.

— Идти? Зачем? Опять одеваться...

— Можешь не одеваться, — сказал он, набирая номер на мобильнике, и перешел на русский. — Стас, прикажи заводить вертолет. Поставь бойцов на нашей лестнице. Никого не пускать. Да, полицию тоже. Если будут ломиться, действуйте по красному плану. Все.

«Красный план» означал открытое сопротивление властям с применением огнестрельного оружия. Охрана, выставленная на лестницах, сейчас облачается в бронежилеты и натягивает защитные шлемы. Они должны продержаться полчаса. Затем в ход будут пущены газовые гранаты. Под прикрытием газового облака бойцы сбрасывают униформу и смешиваются с толпой обезумевших беженцев, которые заполнили верхние этажи.

Еще один блестящий план. Роман знал, что на самом деле все пойдет немного иначе, но ему нужно было только несколько минут.

Он задвинул ящик стола и опустил рычажок под столешницей. На пол посыпалась белая труха — все, что осталось от бумаг Дональда. Его ноутбук был раскрыт, и на дисплее моргало какое-то сообщение. Читать было некогда, и Роман схватил ноутбук свободной рукой, выволакивая обмякшего босса в коридор. Ему стало понятно, какие именно команды отдавал умирающий Моронадо. Даже странно, что отель Глобо Торизмо до сих пор не обстреливают из танковых орудий.

Дональд и на лестнице пару раз остановился, чтобы приложиться к бутылке. И когда Роман пристегивал его к креслу в вертолете, бутылка была уже пуста. Неудивительно, что через десяток минут, когда они летели над водой, виски полезло обратно со всех дыр.

Салон заполнился густым непереносимым запахом. Пилот оглянулся, и Роман прикрикнул на него. Пилот пожал плечами и отодвинул боковое стекло. Струя морского воздуха растрепала волосы Дональда, но он не открыл глаза, не поморщился и даже не шевельнулся. У Романа тоже волосы встали дыбом, но не только от ветра. Он как раз в этот момент читал последние сообщения на компьютере Дональда.

«#10-0056. Требуется установить действия указанных вами объектов в понедельник, 03.01. в первой половине дня.

10-0057. Установлен факт гибели агента 889. Группа, в которую он был внедрен, была уничтожена 03.01. предположительно нелегальным подразделением гвардии. Однако в свете вашей информации представляется особо важным рассмотреть возможность установления полного контроля над указанными вами объектами. Настоятельно требуем немедленно сообщить ответ на запрос # 10-0056.

10-0058. Срочно требуем ответ на запрос # 10-0056. Немедленно подтвердите связь».

Последнее сообщение уже моргало красным шрифтом, и Роман Старицын быстро отстучал ответ, чтобы не поднимать излишней тревоги в Центре.

«Ответ на **56. В указанное время объекты были недоступны для наблюдения. Идет работа по уточнению».

Он с ненавистью оглянулся на храпящего Дональда. Да, американец явно заслужил хорошую автокатастрофу. Или даже авиакатастрофу. Он вполне достоин выпасть из вертолета. Прямо сейчас. Обидно, что он даже ничего не почувствует. Он просто исчезнет. А отвечать за все придется ему, Рону Старку.

Отвечать за неудачную попытку военного переворота. Правда, пока еще не все потеряно. Бунтует столица, ропщут портовые гарнизоны, карательный корпус недоволен миром с партизанами. Пока все идет в нужном направлении, если не считать заминки с танками — все-таки жаль, что не удалось их пожечь прошлой ночью, а так хотелось посмотреть новые «армбрусты» в действии... Да черт с ними, с танками. Роман пожил в этой стране достаточно долго, чтобы понять — нынешний президент устраивает всех. Он просто кукла, а кукловодов Дональду не достать. Так что вся эта шумиха обречена на провал. Рано или поздно кто-то должен будет ответить за просчеты Центра. Но почему я?

А еще придется отвечать за эту нелепую фантазию с русскими шпионами. Их придумал Дональд, и на них теперь будут вешать все. Убили стукача в какой-то банде? Рука Москвы. Пардон, Минска. Он истерически расхохотался. Взорвали Моронадо? Рука Гомеля! Рука Бобруйска! Рука Бердичева!

Кстати, о белорусах... Сердюк! Вот кто ему сейчас нужен.

Капитан Сердюк когда-то был простым участковым. Он не верил, что Бог есть. И не верил, что Бога нет. Его противоречивое религиозное становление закончилось с появлением на его участке одной нехорошей квартиры. Жили там приличные тихие люди, и навещали их приличные тихие люди, и вели они себя тихо и прилично, судя по сообщениям соседей. Но Сердюку стало известно, что люди эти — сектанты. А сектантов надо давить. Причем давить насмерть, если они не могут откупиться. Они откупились.

Лучше бы он просто брал с них деньги, как делали все остальные. Но любопытство его сгубило. Он сдружился с предводителем и стал помогать ему в просветительской деятельности. Тихие и приличные оргии, оказывается, были единственным путем, по которому одинокие женщины могли соединиться с Космосом. Космические сношения закончились грубым налетом ОМОНа, и капитан Сердюк мастерски вылетел сквозь окно, закутавшись в ритуальный халат. Естественно, когда Роман Старицын предложил ему поработать в другом городе, Сердюк недолго колебался. Так пусть теперь отработает, решил Роман.

Смех смехом, а вот с Василем-то неудобно получается. Василя придется отдать. Но, конечно, никаких контактов, никаких разработок не будет. «Неудачная попытка полного контроля» — чем она грозит? Ну, не наберу лишних очков. Зато первый же допрос специалистами Центра все раскроет и все погубит. Нет, Василек, нечего тебе делать в Центре. Туда попадет только твое тело со следами насильственной смерти.

Роман Старицын связался с базой. Сейчас он мог положиться только на своих, поэтому пришлось ждать, пока его соединят с Сердюком.

— Серый, как слышно? Я скоро буду. Ты пока сделай одно доброе дело, окажи любезность. Слушай меня очень внимательно. Завтра утром будет баржа. На ней моя тачка. Лендровер. Модель «Дискавери», цвет зеленый металлик. Займись водителем. Болтает много. Есть надежные ребята? Но так, чтобы тачку не повредить, понял? Чтобы ни царапинки! Сам пригонишь на аэродром. Тело оформишь по всем правилам. Документов на нем не будет. Это моя проблема. С тебя только персональный отчет о применении оружия. Ну и фотографии, само собой.

Дональд снова начал блевать, и Роман Старицын пожалел, что не поддался эмоциям и не выбросил его из вертолета.

Только когда внизу показалась желтая дорога среди густой зелени леса, Роман не выдержал и приказал пилоту садиться.

— Мы потеряем топливо, — сказал пилот.

— Ты можешь потерять пассажиров, — сказал Роман.

Вертолет опустился на дорогу, и они с пилотом выбросили загубленные коврики из-под сидений, кое-как обтерли переборку и стекла сорочкой Дональда, оставив его в трусах и одном носке.

Наконец вертолет поднялся и полетел над дорогой, и кроны деревьев еще долго раскачивались за ним.

Глава 16. Дорожные байки

— Зря ты прятался. Это не военный вертолет, — сказал Кирсанов.

— Без разницы, — Василь дал задний ход.

«Лендровер» выбрался из-под деревьев обратно на дорогу.

— Военных как раз можно не бояться, — пояснил одессит. — А всякие в штатском, это уже конкретная опасность.

— По радио только что сообщили, что Моронадо скончался в госпитале, — сказала Оксана. — Всего от взрыва погибли девять человек. Двое военных и семь журналистов. Из них одна женщина.

— Тогда вношу поправку. Наверно, теперь таки придется бояться даже военных, — сказал Василь.

— Ядом нас угощали примерно в десять-одиннадцать утра. И взрыв был примерно в это же время. Все это случилось одновременно, — сказал Кирсанов. — Вадим Андреевич, как вам нравится такое совпадение?

— Никак не нравится.

Сидя на заднем сиденье рядом с Оксаной, Гранцов изучал карту. До него не сразу дошло, что полковник Моронадо умер.

Ну что же, полковник.... Возможно, ваша служба безопасности нуждалась в хорошем инструкторе. Жаль, что мы не успели поработать вместе.

Он откинулся в удобном кресле, рассеянно глядя в сторону. Машина летела по мягкой дороге, плавно покачиваясь. Мотор рокотал почти неслышно, и скорость ощущалась только при взгляде в окно: сверкающая листва тропического леса сливалась в сплошную стену.

Василь вел машину уверенно и легко. Внедорожник за пять минут вырвался из города, долго петлял по нефтепромыслу между вышек-качалок, потом перевалил через гору, покрытую хижинами из картона и тряпья, и скатился по серпантину в густой высокий лес. Вот здесь одессит и показал, на что способен такой солидный с виду «лендровер». Машина летела по рыжей дороге, как штурмовик на бреющем полете. Смотреть вперед было страшновато — казалось, что автомобили несутся навстречу задним ходом, причем с дикой скоростью. Впрочем, скоро они перестали попадаться, и только изредка мелькал то колесный трактор с прицепом, в котором стояли пассажиры в соломенных шляпах, то бульдозер, облепленный такими же пассажирами. Остановился Василь только один раз, на заправке. Там Гранцов накупил красных мясистых мандаринов, печенья, а главное — воды, и гонка по сельве стала немного приятнее.

Стрелка спидометра не опускалась ниже семидесяти миль, а Василь, с кажущейся небрежностью держа ладони на верхней дуге руля, читал своим попутчикам лекцию о тоталитарных сектах.

— ...Аналогичный случай был у меня в Запорожье, — рассказывал он. — Там эти тараканы решили досрочно встретить конец света. Собрались в подвале пятиэтажки и зажгли священный огонь. Но тут как раз я мимо проходил. Мы с дворниками туда пробились, священный огонь залили, а когда дровишки разгребли, смотрим — что-то красненькое в ямке. Газовый баллон. На 70 литров. Еще немного — и пожалуйста, конец света в отдельно взятом доме.

Аналогичных случаев у Василя хватало. Уже несколько лет он гонялся за разными сектами, по просьбе родственников разыскивая в них пропавших людей. Пользы от этих поисков было немного. Даже найдя человека, даже устроив его встречу с родней, Василь не надеялся вырвать его из секты. Постепенно он пришел к убеждению, что надо просто вводить уголовную ответственность за организацию секты и членство в ней, да и сажать этих тараканов хотя бы на пятнадцать суток, чтобы выбить дурь из башки. Главное — сажать по разным камерам, чтоб они перестали тереться друг об дружку. Они же заряжаются от своих, говорил Василь, как спичка от коробки. Только спичка сгорает, а коробка остается.

Есть специальные люди, сказал Кирсанов, их называют депрограмматорами. Они ломают программу. Ломают код, освобождают человека от психической зависимости.

Самые хорошие депрограмматоры работают в КПЗ, сказал Василь. И Кирсанов согласился, вспомнив свое пребывание в камере предварительного заключения.

Я-то как раз через КПЗ на Олежку и вышел, сказал Василь. Меня туда загребли за компанию, просто оказался в ненужный момент в ненужном месте, на их митинге. А Олежек пришел нас освобождать. С телекамерами, с бумажкой из Международной Амнистии. И среди всех этих освобожденных придурков только я мог сесть за руль и развезти народ по

хатам. У него тогда была «тойота», белый джип с красными крестами, с эмблемами, надписи по борту. В общем фу ты, ну ты, просто Генсек ООН в зоне стихийного бедствия. Так что это он меня зацепил, а не я его. Я тогда и понятия не имел, чем он занимается, сказал Василь.

Кирсанов сидел рядом с ним и вставлял насмешливые замечания. Оксана, с ногами устроившись на заднем сиденье, надела наушники и слушала радио, однако иногда вступала в разговор. Чувствовалось, что тема близка и ей. Вадим Гранцов до сих пор сталкивался с сектантами только однажды — когда Институт Духовной Реабилитации оккупировал его родную базу, да еще и пытался затянуть в свои сети Регину. Института больше нет, Регину Вадим отбил, так что все кончилось хорошо. Однако он до сих пор толком не знал, какая именно секта заправляла всеми делами Института. Возможно, это мог знать Василь, но Гранцов не задавал ему никаких вопросов, потому что сейчас его мысли были заняты другими проблемами.

Вадим Гранцов был недоволен собой. С чего он взял, что для встречи с этим неуловимым Гарсиа надо обязательно попасть в Сан-Деменцио? Вполне возможно, что тот сам бы вышел на Гранцова — не в отеле, так в Рио. Больше того, трудно придумать более удобную обстановку для контакта, чем праздничная суматоха карнавала.

Наверно, надо было спокойно принимать любые изменения в программе, ничем не выделяясь в толпе отдыхающих. Ведь русским же языком было сказано — «ведите себя органично»!

А я и вел себя органично, сердито ответил Вадим внутреннему обличителю. И если бы Гарсиа мог меня найти, то уже давно нашел бы. И не случайно он оставил свой адрес и телефон на приглашении. Мог бы и не оставлять.

Допустим, согласился внутренний обличитель. Допустим, Гарсиа действительно оставил свои координаты на бланке приглашения для того, чтобы ты его нашел. Но как ты оправдаешь эту поездку на угнанной машине? Что ты будешь говорить полиции, когда вас остановят? И, наконец, как ты собираешься вернуться?

Это был удар ниже пояса. Вадим Гранцов не знал, каким способом он вернется в Питер.

Ему оставалось надеяться только на три фактора. На помощь Оксаны — все-таки официальное лицо, персональный гид. На толстую пачку денег — у него с собой было около двух тысяч долларов и неизвестно сколько местных, доставшихся от похитителей.

Но больше всего Вадим надеялся на свой опыт. В конце концов, ему не впервой пробираться по чужой стране, где не то что говорить, чихнуть нельзя было по-русски. Он был способен пересечь материк от океана до океана, с помощью карты, денег и языка. При случае Вадим мог выдать себя за араба, если только не придется раздеваться догола. Мог имитировать как бостонское произношение, так и калифорнийское. Однако в разговоре с американцами он предпочитал не скрывать европейский акцент, чтобы собеседник мог подстроиться под полуграмотного иностранца.

Все это, однако, ничего не стоило в условиях гражданской войны. «Любой патруль может оказаться последним для таких путешественников», — подумал Гранцов. И сглазил.

За поворотом на обочине стоял армейский джип.

— Приплыли, — сказал Кирсанов.

— Ничего не приплыли, — бодро ответил Василь и лихо подкатил вплотную к солдатам.

Опустив стекло, он высунул в окно сложенные бумаги и прокричал что-то жизнерадостное.

Солдат с белой каской на поясе лениво подошел к «лендроверу», развернул бумаги и, не читая, вернул их Василю, успев ловко спрятать в нагрудный карман зеленую купюру.

Когда солдаты остались далеко позади, Гранцов заметил:

— Все как у нас. С долларами любой блок-пост можно пройти.

— Да дело не в долларах, — Василь щелкнул зажигалкой, прикуривая. — Здесь уважают дорогие машины. Если человек позволяет себе такие колеса, значит, за ним стоит

очень большой дядя. Поэтому со мной никто связываться не захочет. И не нападут на такую машину никакие бандиты, даже самые тупые. Потому что куда они с ней денутся? На черный рынок? А она сама только что оттуда! Вот так-то. Одно плохо. Для таких машин все дороги — платные.

— Кстати, сколько ты ему дал?

— Без разницы.

— Это ты брось, — Вадим перегнулся между спинками сидений и положил несколько долларовых бумажек на приборную панель. — Вот, возьми билетиков. Десятками устрой?

— Да не надо, Вадим Андреевич, вы что, обидеть хотите? Это мои проблемы. Вы же меня бесплатно с того света вытащили, так и я вас бесплатно довезу. Уберите свои «билетики». У меня все рассчитано, все по смете. Вы мне очень крепко помогли. Возможно, просто-таки жизнь сохранили. Могли ведь и на фиг послать. Хотя, если честно, то я был в вас уверен, поэтому и обратился. Потому что вы свои. Мы же братья-славяне, кто же еще нам поможет, кроме нас?

— Хороши братья, — проворчал Кирсанов. — Когда отделялись, о братьях-славянах что-то не вспоминали. А теперь таможни, границы, валюта своя...

— Если б москали Союз не просрали, не было бы никакого отделения.

— Что? — Кирсанов так и застыл, задыхаясь от смеха. — Москали Союз просрали?

— Васек, да не слушай ты его, — вмешалась Оксана. — Расскажи еще про «семьи».

— Я уже почти все рассказал, — ответил Василь. — Самая знаменитая секта из всех этих «семей» — это Семья Берга. В общем, безобидная компания. Формально это выглядело как кружок по изучению Библии. Собирались приличные дяди и овладевали наследием Моисея. После уроков развлекались с девочками и мальчиками. Заловили Берга на растлении малолеток и понуждению к проституции. Он посылал на панель даже собственную жену, даже дочку.

— А где этот Берг сейчас? — напряженно спросила Оксана.

— Умер. Семья разбежалась по всему миру. А самая боевая «семья» называется, кажется, «семья-народ-родина», что-то в этом роде. Регион — Латинская Америка. В этой компании все совсем по-другому. Это вообще семья без женщин. Только мужики, причем военизированные. Такие городские партизаны-аристократы. На них вешают всякие темные дела типа убийства оправданных преступников и так далее. Сначала я думал, что эту компанию нельзя к сектам относить. Потому что в секте всегда есть секс. Даже слова похожие, «секта», «секс». Начинают с Моисея или с Сатаны, а заканчивают всегда одинаково — группухой. А эта шайка латиносов, вроде бы, не такая. Но только на первый взгляд. Если копнуть, обязательно там, у этих защитников народа, найдется или педофилия, или еще что. Например, оргии с трупами врагов. Так что все они одинаковы.

— Ну и что же общего между этими семьями? — спросил Гранцов. — Групповуха?

— Не только. Главное — зомбирование. Затягивают к себе по-разному, а обрабатывают одинаково. Промывание мозгов. Ломка воли. То есть не дают спать, кормят всякой бурдой. Психика слабеет, человек легче поддается обработке. Пара месяцев, и он будет делать все, что прикажут старшие. На панель? С удовольствием. Застрелить кого-то? За милую душу.

— Где ты начитался таких сказок? — спросил Марат.

— Это не сказки, а научные факты. Я этих сектантов всяких отслеживаю с тех самых пор, как увидел свою любимую в «белом братстве». Могу давать платные консультации.

— И дорого берешь?

— От заказчика зависит. Крымский водочный король, например, просто рассчитался недвижимостью. Домик мне подарил в Симеизе. Кстати, приглашаю в гости.

— Ничего себе консультация.

— Да у него таких домиков много. А дочка одна. Если б твою дочку увели сатанисты, ты бы последнее отдала бы.

— Нет у меня ни дочки, ни домика, — сказала Оксана. — Нет, не отдала бы. За такую дуру? Нет, ни копейки не дала бы.

— Между прочим, жена его тоже была против, — усмехнулся Василь. — Но мужик рассудил по-другому. Жен много, а дочка одна. Вот так. И когда я девчонку нашел, он просто не знал, как со мной рассчитаться. Вот, а другой был случай, так мне вагон угля предлагали. Шахтеры.

— И ты отказался? — спросил Кирсанов.

— Проблема в том, что тогда у меня еще не было домика в Симеизе, — Василь сокрушенно развел руками, выпустив руль.

Он свернул к обочине и остановился.

— Ну и как же ты, крымский домовладелец, как ты дошел до жизни такой? — сочувственно спросил Гранцов, пряча насмешку.

— Вы о чем?

— Об этом самом. Из-за чего люди по чужим углам прячутся. На кой черт тебе надо было их сумки с гранатами развозить?

— Да шо такого? — отмахнулся Василь. — Я ж не знал, что там гранаты. Думал, какая-нибудь контрабанда. Меня просто подставили. Понимаете, когда приходится работать с грязноватыми типами, надо быть готовым, что тебя рано или поздно подставят.

— Не очень-то ты оказался готов.

— Да нет, все было нормально. Только я со стариком этим погорел. Когда у вас выпивали после футбола, помните? Ляпнул, что выхожу из дела. А он, гад, настучал. Вадим Андреевич, не хотите за руль? Заодно с дорогой познакомитесь.

— Дорога, она и есть дорога, чего с ней знакомиться, — сказал Вадим Гранцов, пересаживаясь на водительское место. — Тоже мне дорога, ни развилки, ни поворотов. Ни одного поста ГАИ.

— Скрупулезно подмечено. С ГАИ тут явный дефицит, — сказал Василь, устраиваясь рядом с Оксаной. — А второй пары наушников там нет? Я бы тоже радио послушал. Новости спорта.

— Минуточку, — она подняла палец, напряженно вслушиваясь в голос диктора. — Еще один взрыв. Большой взрыв. Так, сейчас... Взорван отель Глобо Торизмо. Это где мы жили... Полностью разрушен верхний этаж. Там шел бой. Полиция пыталась арестовать кого-то. Террористы оказали сопротивление. Наверно, они подорвали себя, чтобы не попасть в плен.

— Или им помогли подорвать себя, — добавил Кирсанов. — Вот видите, Вадим Андреевич! А вы ехать не хотели. Самое главное — вовремя унести ноги.

— Мы-то унесли, а кто-то — не очень, — невесело ответил Гранцов.

Он быстро освоился с управлением, вот только немного раздражала педаль газа. Такого огромного хода педали он еще не встречал. Причем двигатель реагировал на движение ноги только на первой трети, и бесполезно было топить педаль до упора.

— Да не гоните вы так, — посоветовал Василь. — Нормально успеваем. Все равно ночевать придется на пристани.

— На какой еще пристани?

— Извините, забыл сказать. Через пару часов доедем до реки. Там пристань, там баржа. Грузимся на нее и рано утречком отходим в Буццо. Оттуда до Сан-Деменцио сорок километров. Днем будем на месте.

— Буццо? — переспросил Гранцов и оглянулся на Марата.

Тот невозмутимо кивнул. Ему тоже было знакомо это слово. «Вот ведь как получается, — подумал Вадим. — Мы могли попасть в это самое Буццо еще пару дней назад. Только не как туристы, а как заложники».

— Завтра днем? — уточнил он. — Нам бы хотя бы денек еще погулять по окрестностям.

— И так погуляете, — спокойно сказал Василь. — Если в программе записана прогулка, то погуляете. А потом Олежек вас отправит домой. Все будет путем.

— Да ладно вам, — сказала Оксана. — Васек, не отвлекайся. Расскажи еще о твоих

сатанистах. Ты сам все это видел?

— Я видел девочку, на которой они это делали, — Василь повернулся к Оксане. — Она лежала на ритуальном камне, а они обмазывали ее кровью и, извините, спермой. Потом они отключились, а она выбралась из пещеры и, умница, завалила проход. Тут как раз я случайно проходил по берегу, слышу, вроде щенки не то скулят, не то лают. Откопали мы их только на следующий день. Все честь по чести, с ментами, с понятыми, с видеокамерой. Навесили им на полную катушку, от осквернения могил до расчлененки.

— И ты говоришь, что они нормальные?

— В смысле «не душевнобольные». Они все это вытворяли в полном сознании. Нормальных людей в секте быть не может по определению.

— Тогда что ты называешь сектой? — не выдержал Вадим.

— Вас интересует мое мнение или научное определение? — Василь ненадолго задумался, прикуривая очередную сигарету. — Так я вам скажу, что такое секта. Секта — это сборище придурков, которые поклоняются хитрой сволочи, а всех остальных считают врагами.

— Это твое мнение?

— Считайте, что это мнение науки в моем изложении.

— Ты упустил одну деталь. Только одну, — вмешался Марат. — Эти придурки, как ты их называешь... Эти придурки абсолютно счастливы. Их там держит не страх, а счастье. Как только они слегка из команды выпадают, это счастье гаснет моментально, и надо любой ценой в команду вернуться. Ты понимаешь это? Они там счастливы.

— Да я знаю, знаю, — отмахнулся Василь. — Наркоман тоже счастлив, когда ломка проходит.

— Это другое. Это простое человеческое счастье. Согласен?

— Ну, и шо такого?

— А то, что это нормально, понимаешь? Нормально быть счастливым. Все хотят счастья. Так что они нормальные, а не придурки.

— Сначала нормальные, а потом... — сказала Оксана. — Счастье? Да, конечно. Значит, все-таки я была в секте. Получается так.

— Ни одна секта себя сектой не называет, — сказал Василь. — Возьмем, к примеру, коммунистов. Самая большая секта в мире...

— Секундочку, — перебил его Гранцов. — Просто хочу, чтобы ты знал, у меня есть привычка нехорошая... Ну, ничего не могу с ней поделать. Даже стыдно говорить...

— Да говорите, тут все свои, — сказал Василь.

— Ладно, скажу, — Гранцов вздохнул. — Когда при мне начинают ругать Советский Союз, советскую власть, коммунистов, БАМ, Афганистан и так далее, то я почему-то хватаю первое что под руку попадется и начинаю просто бить по башке. Вот такая привычка. Ничего не могу с собой поделать. Так что ты там о коммунистах?

— Учтите, вы за рулем, — предупредил Василь.

— Ничего не могу поделать.

— Насчет хитрой сволочи ты, конечно, прав, — сказал Марат. — Секты — это бизнес. Кто-то хорошо наживается на чужой беде. Добраться бы до них...

— У тебя есть шанс, — подсказал Гранцов. — Завтра ты встретишь Старицына.

— Старицын? Олежек? — переспросил Василь. — Да он такая же шестерка, как и я, только на ступеньку повыше. Им точно так же командуют, как и всеми остальными. А вот те, кто на самом верху — до них нам не добраться. Остается только надеяться, что в аду им придется сидеть на хорошем паяльнике.

— А вы как думаете, Вадим Андреевич? — спросил Марат. — Что делать с этими сволочами? Грохнуть их при случае или ждать, пока они сами отправятся на паяльник?

— Трудно сказать. Но вы, ребята, немного заблуждаетесь насчет ада. Паяльник — это слишком просто. К тому же человек ко всему привыкает. А через пару тысяч лет он уже без паяльника не сможет. Нет, ребята, в аду все не так, как на картинах Страшного Суда.

— А как? — спросила Оксана.

— Извини, я приведу пример, который тебе покажется непонятным. Но ребята поймут. Если выпить литр водки, а потом литр портвейна и запить все это пивом...

— Дальше не надо, — попросил Василь. — Все ясно.

— Так вот считай, что жизнь — это пьянка, а после смерти наступит похмелье. И от того, чем ты наполнял свой стакан, зависит, каково тебе будет потом. Теперь второй пример. На ту же тему. Представь, Марат, что у тебя есть любимая девушка. Или, например, у тебя есть дети, сын лет десяти и дочка лет пятнадцати. И, допустим, выпил ты перечисленный набор — водка, портвейн, пиво, и всю ночь куролесил. А когда очнулся, видишь, что лежишь поперек сломанной детской кровати, весь в дерьме, все стены в блевотине... И твои дети стоят рядом и на тебя смотрят. Или девушка.

— Круто, — сказал Марат, поведя плечами. — Вы предлагаете не пить?

— Я предлагаю знать о последствиях, — сказал Вадим, сбрасывая газ. — Паяльника не будет. Будет гораздо хуже. Приехали. Опять двадцать пять.

За поворотом стояли два открытых джипа с солдатами. Это была уже не первая встреча мирных туристов с реакционной военщиной. И на этот раз платить должен был Гранцов. С него взяли тридцать долларов и торжественную клятву не сворачивать с дороги, потому что в лесу много бандитов. Возможно, реакционная военщина и в самом деле беспокоилась о безопасности туристов. А возможно, ими двигал голый расчет: если туристы пропадут в джунглях, следующей заставе ничего не достанется. Такую версию выдвинул Василь, сменив опасную тему разговора.

На следующей заставе с Гранцова взяли двадцатку. Сержант, узнав, что они направляются к пристани, вызвался охранять их в пути. Все равно по дороге уже никто не проедет, а ночевать в лесу он не собирался.

Первый джип пылил перед «лендровером», второй держался сзади. До пристани оставалось совсем немного, когда вдруг передняя машина резко затормозила. Вадим вывернул руль вправо и только потом ударил по тормозам, и задний джип пролетел рядом.

— Твою... Ну, ездоки... — коротко прокомментировал Гранцов, вспомнив, что рядом женщина.

Все заволокла пыль, гнавшаяся за машинами. В пыли мелькали солдаты, они бежали к переднему джипу. Где-то хлопнула граната, засвистели осколки.

Минут через пять к ним подошел довольный сержант. Мы попали в засаду, доложил он. Сеньорам очень повезло.

Глава 17. Переправа

— Да, засады не каждый день случаются, — пробормотал Василь, роясь в бумажнике.

— Это у кого как, — заметил Гранцов.

— Что там случилось? — спросила Оксана.

— Не обращай внимания, — сказал Марат. — Обычный спектакль. Солдатики развлекаются и зарабатывают на ужин.

Он вышел из машины, чтобы размять ноги. Поперек дороги лежало дерево, распластавшись длинными вялыми ветвями в рыжей пыли. Розовые корни еще сжимали земляной ком, но уже сновали между ними деловитые птички, выклеывая добычу. Птиц не смущал ни недавний разрыв гранаты (видно, брошенной солдатами для профилактики), ни едкий запах после взрыва, ни солдаты, которые почему-то стояли поодаль, не приближаясь к поваленному дереву.

— Кэ проблемас? — спросил Марат на своем самодельном испанском.

— Бабах! — ответил сержант, вскинув ладони в виде взрыва, а потом добавил длинную звучную фразу, которая кончилась какой-то командой, и один из солдат осторожно шагнул к дереву.

Гранцов вдруг выскочил из машины и закричал так, что все оцепенели от

неожиданности:

— Стоп! Атенсьон!¹⁶ Стой, мать твою! Альто!

Он ухватил солдата за пояс и показал пальцем на дорогу. Марат тоже пригляделся. Какое-то время он не понимал, что могло так напугать Гранцова, но скоро заметил в пыли очень знакомый предмет, и все понял.

Это был даже не предмет, а обрывок. Обычный обрывок синей изоленды.

Солдат попятился назад, бесшумно переставляя ноги и явно стараясь стать как можно легче.

— Оксана! Бегом сюда, переведи им! — кричал Гранцов, за рукав оттягивая сержанта назад. — Переведи им, чтоб никто не двигался!

— А шо такого? — спросил Василь.

— Да ничего особенного... Так, Оксана, скажи им, что дерево может быть заминировано.

— А как это по-испански, я даже не знаю... — растерялась она.

— Скажи, что опасно, что там бомба... Черт, «бомба» у них означает насос... Короче, всем стоять, — попросил он и медленно двинулся к дереву.

— Стойте, Вадим Андреевич, — попросил Марат. — Кажется, у вас под ногами провод. Впереди. Под правой ногой.

— Стою.

— Сейчас посмотрим, — сказал Марат и поглубже надвинул свою панаму, затеня глаза. — Сзади чисто, можете отходить.

Он присел, цепко ведя взглядом по воображаемым секторам. В ближнем секторе все чисто. Средний сектор — чисто. Там, где только что стоял Гранцов, над пылью едва заметно изгибается тонкий провод. Куда он ведет? Его взгляд скользнул по едва намеченной линии. Дальний сектор... В листве поверженного дерева Марат заметил натянутую струну.

— Они говорят, что уже встречали такие штуки, — донесся до него голос Оксаны.

— Какие штуки?

— Брошенная машина на обочине. Патруль открывает дверь — и всё.

— Здесь нужны саперы, — сказал Кирсанов. — Ты знаешь, как «саперы» по-испански?

— Я и по-русски не знаю, что такое саперы, — сказала Оксана. — Которые стреляют, кажется?

— Где мы тут найдем саперов? — сказал Гранцов. — Сами что-нибудь придумаем.

Он добавил что-то по-испански. «Но, сеньор, но-но-но!» — горячо ответил сержант.

— Все, приехали, — сказал Василь. — Если до утра не разминируют, мы на баржу не успеваем.

— Они говорят, надо ехать по другой дороге.

— По другой дороге мы на пристань не попадаем, — сказал Василь.

Гранцов оглядывался с таким видом, будто где-то в кустах прятался его кровный враг.

— Опять растяжка, — говорил он негромко, — и опять там на конце какое-то тряпье. Видел, Кирсанов, как люди работают? В городе они использовали чугунную трубу для убойного эффекта. А здесь что? Щепки? Может, камни сложили под деревом? Не верю я, что там только граната. Не верю. Фугас? Откуда они возьмут фугас? В этой стране и пушек, наверно, не имеется...

— Есть идея, — Марат прикинул расстояние от поваленного дерева до подходящего укрытия на обочине. — В обход нам нельзя, значит, надо убрать дерево, так?

— Это дерево само уберет любого.

— А лебедка у нас на что? Для понта? Давай, Вась, отматывай трос, да подлиннее.

Он подобрался к дереву и обвил конец троса вокруг корней, стараясь не задеть ни одной веточки. Деловитые птички отлетели недалеко, пока он закреплял петлю, и

¹⁶ Atencion — внимание (исп.)

немедленно вернулись ковыряться в земляном коме, когда он отошел. Кирсанов замахал на них руками, но они были слишком увлечены своими червяками.

Он залег вместе с солдатами за джипом и махнул рукой Василию. «Лендровер», спрятавшись за развилкой неохватного дерева и упираясь в него бампером, заурчал барабаном лебедки. Трос, лежавший в пыли, начал извиваться, как змея, приподнялся, натянулся, лежащее дерево вздрогнуло — и тут все зажмурились, ослепленные неожиданной вспышкой, и не видели, как взметнулся огромный шар из рыжей пыли. Резкий удар был похож на близкий гром, когда небо раскалывается прямо над головой. И как после грома, зашумела листва, но не под дождем. С неба сыпались ветки и камни, щепки и песок.

Когда, наконец, Марат поднял голову, он увидел, что дорога стала шире ровно вдвое. Невидимой косой срезало все кусты и деревца по краям дороги. Нет, не срезало, а покрошило в мелкую щепку. Самое интересное, что не осталось воронки. Там, где только что лежало дерево, образовалось твердое покрытие из запекшейся пыли. Оно с хрустом пружинило под ногами, но не проламывалось.

Сержант, лежавший рядом, хлопнул Кирсанова по спине и разразился торжественной фразой.

— Он говорит, что чуть не наделал в штаны от взрыва, — некстати перевела Оксана.

— Я тоже, только чуть раньше, — сказал Кирсанов.

— Такая бомба называется «русская тишина».

— Скрупулезно подмечено, — согласился Гранцов — Такой тишины я еще никогда не слышал.

Когда они подъехали к пристани, навстречу выбежало все местное население, включая собак и кур. Население считало своим долгом сообщить об ужасном взрыве, который только что чуть не снес их ветхие строения в реку. Сержант, стоя в джипе, произнес речь. Население воспрянуло духом, под навесом начали сдвигать столы, и несколько кур горько пожалели о своем необдуманном порыве.

Импровизированный банкет проходил под лозунгом «народ и армия едины». Кроме курятины, стол украшали и экзотические блюда. Рис с какой-то липкой картошкой (оказалось, это были бананы), жареные пираньи и что-то еще, чему ни Кирсанов, ни даже Василь не смогли подобрать определения, а Оксана не знала, как это будет по-русски.

Василь пообнимался, здороваясь, с немногочисленной командой баржи-самоходки, но от участия в народном гулянии отказался. Он не прикасался к вину, пока не закатил «лендровер» на баржу. Зато потом отвел душу. Да так и заснул за столом.

В самый разгар пиршества, когда начались танцы под радио, Гранцов отозвал Марата в сторону:

— Я тут договорился с местным дедом Мазаем. У него лодка, он меня перебросит на тот берег.

— Да куда гнать-то, Вадим Андреевич? — удивился Марат. — Все равно завтра будем на месте.

— Времени жалко, — улыбнулся Гранцов. — Не скучай тут. Увидимся в отеле «Эксельсиор».

— Ну, тогда... Не прощаемся? — на всякий случай Марат протянул ему руку, и Гранцов пожал ее.

— Не прощаемся. Но если что, в Питере ты найдешь меня в Никольском соборе. Я там бываю по воскресеньям, на утренней службе.

Он закинул свою сумку на плечо, поправил панаму и зашагал к реке, где уже стучал подвесной движок длинной узкой лодки.

Марат понимал, что не стоит ничего спрашивать у Гранцова. Правды тот не скажет, а врать не захочет. Улыбнется в ответ — и всё. Значит, есть у человека дело на том берегу. Дело поважнее семинара по фатта-до и прогулки над водопадами. Мучимый завистью, Марат вернулся за стол.

Но после первого же стакана вина он почувствовал странную легкость. Зависть

испарилась. Каждый делает свое дело. И Марат неплохо справился с разминированием. Впрочем, так мог справиться и любой салага. Дернул — и нету фугаса. Хорошо, что никого не зацепило. А впрочем... Он вспомнил все, что случилось за день, и все показалось ему ерундой. Только одно казалось важным — то, что Оксана сидит рядом, иногда прижимаясь щекой к его плечу.

«Придурки, счастливые придурки», — думал он, вспоминая разговор о сектах. Он тоже был счастлив когда-то, постигая премудрости Единого Принципа и сбивая с ног очередного противника. И Оксана была счастлива в своей компании. Ее вырвали из семьи, его тоже, но вот они встретились здесь, на другом конце света — и что-то очень похожее на счастье слегка забрезжило впереди. Какой-то неясный свет, какая-то еле слышная музыка — и она становилась все слышнее, когда они соприкасались руками или коленями...

Наверно, Марат поступил не по-товарищески, но он забрал у спящего Василя ключи, по шатким мосткам перебрался на баржу, открыл дверь лендровера, и Оксана юркнула внутрь, и обвила его жаркими руками, ничего не говоря, да и ему было не до разговоров.

В какой-то момент она вдруг принялась шептать на тысяче языков, но он понимал ее безошибочно. И она понимала его, хотя он не говорил ни слова.

Взмокшие и опустошенные, они выбрались из машины, и Оксана бесшумно шагнула с борта баржи в ночную реку. Марат спрыгнул вслед за ней, и свежие струи плавного течения обвили его разгоряченное тело.

— Не отплывай далеко, — прошепестел ее голос в темноте над водой.

Он разглядел белое пятно ее лица, потом над водой вскинулся изгиб руки. Марат нырнул и под водой подплыл к девушке. Обхватил ее и притянул к себе, но Оксана испуганно забилась в его руках.

— Все-все, не балуйся, пусти, — жалобно попросила она. — Не люблю я такие шутки.

После короткого купания они еще долго сидели, укрывшись от комаров одним пончо и свесив ноги над водой.

— Ты хочешь спать? — спросила она. — Сейчас ляжем. Ты не заснешь раньше меня?

— Не надейся.

— Ненавижу ночи. Особенно эти жуткие часы с двух до четырех... Я не раздражаю тебя своими разговорами?

— Нет, что ты...

— Просто не могу молчать. А то закричу или заплачу. В общем, на грани истерики. У меня половина жизни прошла ночью. Мы жили как русские дворяне. Ложились под утро, вставали под вечер.

— Русские дворяне по ночам развлекали себя бальными танцами, — сказал Марат и поцеловал ее в ушко. — А под утро оттягивались на цыганках.

— Вот именно, — Оксана прижалась к нему плечом. — А у нас это совмещалось. Дворянка и цыганка в одном флаконе. Сколько же мне было? Господи, двенадцать лет... Меня старшая сестра с собой взяла на ту квартиру. Высшее общество. Все — ужасные старики, за двадцать, даже за тридцать лет. Но все равно интересно. Сажу с ними как взрослая. Пью «пепси». У них свои разговоры, я слушаю. Библия, Библия, Моисей сказал то, Моисей сказал это... Ничего не понимала тогда. Виски, «Мальборо», видео... Кто-то танцует, кто-то целуется. Самая красивая девушка, Марина Черная, все время рядом со мной. Там была еще Марина Белая, тоже красавица, но она меня не любила. А Черная любила. Учила меня целоваться. Лучше не вспоминать. Ты уже засыпаешь?

— Нет.

— У Черной был рак, и все знали, что она скоро умрет. Ей не давали много пить, но мужики к ней просто намертво приклеивались. Она каждый день приводила кого-то нового. Первую ночь он был с ней. Если оставался на вторую, то Марина делила его с кем-нибудь, а на третью он уже переходил к другой, а она приводила еще кого-то.

— Это был притон? — неосторожно спросил Марат.

— Скажешь тоже, — обиженно вскинулась Оксана. — Это просто была такая

компания. Это была семья.

— Ничего себе семейка... Представляю себе эту маман.

— Не говори так. Никакой маман там не было. Но это была семья, настоящая семья. Мы все были дети. И у нас было два отца, Илюша и Яша. Два брата-близнеца. Им было за сорок, когда я пришла. Это была их квартира, а мы все были их дети, и мы жили там. Все друг другу помогали. Кто по магазинам, кто на рынок, а я поначалу только на уборке была. Все разбредутся днем, я давай выскребать, проветривать, перемывать, чтоб к вечеру опять все сверкало. Потом еще одна малолетка появилась, уже полегче стало. А потом Марина меня с собой стала брать в город, как младшую сестренку. Да я и любила ее больше, чем сестру. Мы все по-настоящему любили друг друга. Родные братья и сестры так не любят. И родные родители тоже.

— Это точно, — вставил Кирсанов.

— Что ты понимаешь... У тебя ведь одно на уме. Секс. Там это ничего не значило. Просто разрядка. Сейчас-то я понимаю, какая это нагрузка — Библию изучать на полном серьезе, и при этом в Бога не верить. А может, кто-то и верил, не знаю... Вот ты — веришь?

— Не знаю, — признался Марат.

— Значит, не веришь. Как и я. А Библию читал?

— Пробовал.

— А я даже пробовать не могу. Только слово это слышу, сразу Яшу и Илюшу вспоминаю. И все остальное. Но ты не думай, я вспоминаю без обид, без злости. Там были, в общем, вполне приличные люди... Ты думаешь, мы на улице мужиков подбирали? На колхозном рынке? Из работяг у нас были только двое. Шофер из французского посольства и охранник с брежневской дачи. Все остальные — белая кость, голубая кровь. Кстати, ты глубоко ошибаешься, если думаешь, что меня в подворотне нашли. Я вообще в Гааге родилась, между прочим. У меня в советском паспорте так и было записано: место рождения город Гаага. Ой, обними меня скорее, а то страшно стало вдруг. Я ж говорю, на грани истерики.

— Успокойся, — сказал Кирсанов.

— О чем ты думаешь? Вспомнил свою девушку, да? У тебя есть кто-нибудь?

— Была одна боевая подруга. Я даже жил у нее с месяц.

— А потом?

— А потом муж вернулся.

— Мой бедный... — она, тихо смеясь, погладила его по груди. — Ты можешь мне объяснить толком, зачем мы сюда приехали? Все люди как люди, пьют и веселятся на карнавале, а мы тут сидим на какой-то барже, какие-то бомбы кругом, солдаты, партизаны. Что мы тут забыли?

— Дела у меня тут, дела, — признался Марат. — Ромка работу предлагает. Может быть, что-нибудь и получится. Если всё так, как он говорит, меня это устраивает.

— Что он тебе обещает? Золотые горы?

— Конкретно пока не обещал ничего. Нам в прошлый раз не дали договорить, — сказал Марат. — На семинаре все обсудим.

— Зачем ты с ним связался? Тебе денег не хватает?

— Денег всегда не хватает. Лишняя прибавка к зарплате не помешает. Да еще по миру поездить хочется. А что, ты против?

— Нет. Не против, — ответила она и добавила: — Даже наоборот. Если ты будешь работать на структуру... Может быть, еще увидимся.

— Погоди прощаться! Я еще не уехал, а ты...

— Иди ко мне, — сказала Оксана. — Хватит болтать. Ненавижу эти ночные разговоры.

Марат проснулся в «лендровере» от звука мотора, под неторопливое пыхтение и бульканье мощного дизеля. Первое, что он увидел — это вода перед капотом. Машина катилась по широкой коричневой реке. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что «лендровер» стоит на носу баржи.

Василя он нашел на корме, под брезентовым навесом. Голубой пиджак аккуратно висел на плечиках, голубые брюки вытянулись на рундуке, широкополая шляпа расположилась на связке бананов, а все остальное было под лоскутным одеялом. Марат увидел торчащую пятку и пощекотал ее. Пятка втянулась под одеяло, а наружу показалась прелестная всклокоченная головка. Это была та самая девчонка, которая так щедро вчера подливала им вина.

— Миль пардон, — растерялся Кирсанов.

— Шо такэ... — донеслось из-под одеяла. — Приехали чи шо?

— На горизонте земля, капитан, — сказал Марат.

— Какая земля? Анапа, Батуми, Одесса? Холера... Как бы я хотел сейчас сойти на Приморский бульвар. Ты был в Одессе, Марат? Сигареты кончились...

Девчонка вскочила вместе с одеялом и, кутаясь в него, прошлепала к мостику, оставив Василя голым на тюфяке. Он неторопливо натянул плавки, влез в штаны, накинул пиджак на голые плечи. Девчонка вернулась с тремя зажженными сигаретами.

— Луисита, ты моя прелесть, — промурлыкал кот Василию, топорща усы. — Три года тебя знаю, а ты все такая же малявочка.

— Си, Базилито, си... — отвечала девчонка, прервав его долгим поцелуем.

— Вот так и живем, — наконец сказал Василь. — Мотаюсь туда-сюда. Тачки, естественно, в угоне. Но это же не я их ворую. Я только перегоняю. И платят мне за это копейки. Так ведь не в деньгах счастье. А вот в этих губках. Ты как, в порядке? На этот раз я вам не помешал, заметь.

— Спасибо, — сказал Марат и засмеялся, обняв Василя за плечо.

Когда баржа уткнулась в берег и «лендровер» плавно скатился по мосткам, Луисита надолго прижалась к Василию и оставила на пиджаке мокрое пятно. Прощание несколько затянулось, потому что девчонка убеждала Василя не ехать дальше. Его друг сам может доехать до Сан-Деменцио, а Василию будет очень хорошо с ней, ведь они так давно не виделись. Ты обещал пожить неделю у нас, я же не прошу всю жизнь, только неделю, только несколько дней...

— Задурил голову бедной девочке, — добавила Оксана от себя.

— А что он отвечает? — спросил Марат.

— Да ничего не отвечает. Ласточка, солнышко, куколка и так далее, — сердито сказала Оксана.

— Ты что? — спросил Марат.

— Я ничего.

— Я тебя чем-то обидел?

— Отстань, — сказала она и опустила стекло. — Васек, мы опаздываем!

Такой он ее еще не видел. Она отдернула руку, когда он хотел ее погладить. Она упорно смотрела в сторону, и он не мог поймать ее взгляд. Марат разозлился и отвернулся.

Мягко зашелестел двигатель, колеса прохрустели по гальке, и скоро все скрылось за стеной деревьев — и оливковая река, и черная баржа с белым навесом, и маленькая фигурка на корме...

Глава 18. Факты и догадки

Он не имел права рисковать. «Кто его знает, доплывет ли баржа до берега. И — кто ее встретит на том берегу? Нет, самое надежное средство связи — пеший посыльный. И самая надежная разведка — пеший дозорный», — рассуждал Вадим Гранцов, шагая по влажному душистому лесу.

Задача, которую перед ним поставил Дед, поначалу казалась слишком простой. Приехать в Сан-Деменцио. Встретиться с человеком. Поговорить. Вернуться. И всё. Кто же знал, что все окажется совсем не так просто? А сейчас, когда до выполнения задачи оставался один шаг, Гранцов не мог рисковать — и бросил своих попутчиков.

Кроме того, ему следовало встретиться с нужным человеком без свидетелей.

По расчетам Гранцова, он находился недалеко от служебной дороги, которая окружала аэродром. И эту дорогу, и нитку трубопровода, и серебристые емкости топливного склада — все это он успел разглядеть, пока самолетик пытался зайти на посадку. На дороге он рассчитывал незаметно забраться в попутный грузовик, но этот расчет не оправдался. За те часы, что он прошагал вдоль дороги, по ней проехал только один уазик — открытый, с пулеметной установкой и прожектором.

Вадим Гранцов любил ходить по лесу. Все равно, по тайге или по сельве. Правда, здесь он мог передвигаться только рядом с дорогой. Уже в десяти шагах от обочины ему пришлось бы прорубать тропу в густом подлеске и свисающих лианах.

Бесшумно пробираясь между серебристыми стволами, он с наслаждением втягивал пряный воздух. Звонко зудели комары, без умолку перекрикивались незнакомые птицы. Стайка длиннохвостых попугаев перелетала через дорогу с одной стороны на другую, сопровождая Вадима. Когда он остановился, чтобы перекусить, они расселись на одной ветке перед ним, забавно переговариваясь. Заходящее солнце ярко высвечивало их медные грудки и черные хвосты на фоне неправдоподобно зеленой, сверкающей листвы.

Он раскрошил остатки печенья, разломил мандарин на дольки, чтобы попугаи не передрались, и пригласил их к трапезе, а сам пошел дальше. Через какое-то время он почувствовал, что ему уже не хватает этих веселых попутчиков. «Наелись и бросили меня», обиделся Гранцов, но тут же понял, что пропали не только попугаи. В этой части леса птиц почти не было слышно, и среди непроницаемой листвы раздавалась только тревожная трещотка сороки.

От дороги в глубь леса сворачивала широкая заросшая тропа. Вадим присел над ней, ощупывая и разглядывая старый след. Когда-то здесь проходили грузовики. Они выбили в мягком грунте две широкие колеи, которые быстро скрылись под травой от чужого глаза, но до сих пор прощупывались. Судя по надломленным кончикам веток на соседних кустах, вдоль этой тропы иногда ходят люди. Звери веток не ломают.

Ну, и куда же могут ходить люди в таком лесу?

Решив найти ответ на этот вопрос, Гранцов спрятал свою сумку под кустом, накинуд на плечи пятнистое пончо и поглубже надвинул на лоб свою рейнджерскую панаму.

Он двигался вдоль тропы, стараясь держаться от нее подальше, но так, чтобы не потерять из виду. Когда впереди между деревьями засветилось небо, Гранцов пригнулся и дальше уже двигался на четвереньках, а потом и вовсе пополз. Так, ползком, он и добрался до края большой поляны, отделенной от леса невысоким проволочным заграждением.

Четыре деревянные вышки, покрытые пальмовыми листьями, возвышались по углам поляны. На ближней вышке Вадим разглядел неподвижную фигурку часового с длинной винтовкой за спиной. Когда часовой снял винтовку с плеча, поставив ее прикладом на пол, блеснул примкнутый узкий штык. «Неужели трехлинейка?», удивился Гранцов.

Для того чтобы рассмотреть, что находится за проволокой, ему пришлось отступить в лес и забраться на дерево. Залезать было трудно, потому что в одной руке Гранцов держал ветку-рогатку, которой собирался сгонять с пути змей. Правда, ползучие гады ему не встретились, зато обнаружились кусачие. Как ни старался Вадим, а муравьи все же проникли под одежду и, похоже, принялись кормиться свежей человечинной.

Наверно, при взгляде с пролетающего самолета поляна выглядела как обычный участок леса. От края до края она была затянута провисающими полотнищами маскировочной сетки. Но Гранцов видел то, что было скрыто от воздушной разведки.

Штабеля длинных зеленых ящиков.

Приземистые, в человеческий рост, навесы, под которыми вплотную стояли открытые «уазики». По шесть машин, дверца к дверце. Лобовые стекла и фары были заклеены зеленой бумагой.

Еще штабель ящиков, по виду — патронных.

«Был бы бинокль, посмотрел бы на маркировку», вздохнул Гранцов, смахивая муравья

с кончика носа. «Столько добра в сумке, и ботинки, и нож, и фонарик — а бинокля нет. Почему эти немцы не догадались заказать хоть какую-нибудь оптику для своего сафари?»

Он все еще называл хозяев своей походной сумки немцами, хотя и был почти уверен, что они, как и он, прилетели из Питера. Но разведка не делится догадками, разведка работает с фактами. А фактов, связанных с пропавшими чекистами, у Гранцова пока не было.

Зато были другие факты. Вот, пожалуйста, можем нанести на карту склад вооружений и техники. Судя по тому, что часовые одеты как попало, склад принадлежит незаконному формированию. То есть бандитам. Или партизанам. О содержимом ящиков можно только догадываться, но автотехника явно российского производства.

Он вернулся к своей сумке и долго вытряхивал пончо и штаны, чтобы избавиться от муравьев. Сорвал сочный лист, надломил его и приложил к тому месту на карте, где надо было отметить обнаруженный склад. Отпечаток получился достаточно естественным, «органичным», чтобы не вызывать лишних вопросов у посторонних.

Следующую пометку на карте Гранцов сделал варварским способом, просто надорвав бумагу. Так он обозначил дорогу, ведущую к аэродрому.

Ему пришлось долго шагать вдоль этой дороги, подсчитывая шаги и сверяясь с компасом. Получалось, что взлетно-посадочная полоса имела длину никак не меньше двух с половиной километров. Вполне достаточно, чтобы принимать корабли дальней авиации. На склонах гор блестели круглые бока резервуаров с горючим. По периметру аэродрома каждые двадцать минут на встречных курсах проезжали патрульные «уазики». Дело было поставлено по всем правилам.

Работа отняла у Гранцова слишком много времени, но он не жалел об этом. Уже стемнело, когда он дошел до развилки. Слева остался аэродром, обозначенный неясным шумом и сполохами фар. Справа над черным лесом едва мерцало зарево городка. А прямо над головой раскинулись мохнатые южные звезды.

Если верить карте, до городка оставалось километров двадцать. Он шагал в темноте по краю дороги, иногда останавливаясь и прислушиваясь. В траве и подлеске деловито шуршали мыши, свистели цикады. Зарево впереди становилось все выше. «Еще один на редкость удачный день», — думал Вадим Гранцов, на ходу составляя устное донесение для Деда.

Существует только один способ проверить любую догадку — пойти и посмотреть самому. Он пришел и посмотрел. Да, товарищ генерал, ваше предположение подтверждается. Аэродром Сан-Деменцио вполне способен принять Ил Семьдесят Шестой. И принимает, причем уже давно.

Подтверждаются также догадки об участии Глобо Торизмо в переброске угнанных автомобилей.

Никаких достоверных сведений о пропавших «туристах» пока не имеется.

Контакт с Гарсиа пока не состоялся.

Рассвет застал его у реки. Он услышал свисток, раскатившийся по воде, и пыхтение дизеля. В воздухе появился родной запах отработанной солянки. Гранцов раздвинул ветки и увидел небольшую пристань, к которой приближалась длинная лодка, наполненная людьми. На доски причала упал канат. Босой полуголый негр в фуражке с кокардой небрежно накинул канат на причальную тумбу. Из лодки на причал полетели мешки, узлы, корзины. Пристань быстро заполнилась людьми, и Гранцов вышел из кустов, чтобы смешаться с толпой. Это были крестьяне с другого берега, и шли они на местный рынок. На рынке Гранцов купил расписную тенниску, в каких тут ходили все мужчины. Черные очки и толстая сигара дополнили портрет бродячего туриста. В свободной руке Гранцов сжимал конверт с приглашением на семинар.

Так он и явился в отель «Эксельсиор» — самое высокое здание в Сан-Деменцио. Его номер был на последнем, третьем этаже. Напротив, через площадь, находился губернаторский дворец — двухэтажный, но с башней посередине. Башню украшала тарелка спутниковой антенны.

Вадим Гранцов никогда не был в Нью-Йорке, но сразу заметил разницу между ним и Сан-Деменцио. Нью-Йорк, говорят, город контрастов. В Сан-Деменцио никаких контрастов не было. Была только грязь и только нищета. Жандармы в почетном карауле у дворца были в порванных кедах. В городском фонтане плавали апельсиновые корки и пустые бутылки. А в роскошном номере «Эксельсиора» стоял древнегерманский телевизор «Телефункен», из которого лениво вылезла пыльная крыса.

«Откуда же зарево над городом?» — подумал Гранцов. «Неужели здесь есть уличное освещение, реклама и все прочее?»

Вадим, не раздеваясь, прилег на кровать и взялся за телефон. Прежде всего он позвонил на виллу Октавия, где жил Гарсиа, но ему пришлось пообщаться с автоответчиком. Второй звонок был адресован в Петербург, (Санкт-Петербург? Где это? Флорида? Что, Россия??), но разговор не состоялся. Оказывается, такое возможно только ночью, причем почему-то через Мехико. Тут к нему пришел координатор семинара, принес программку и анкету на английском языке.

Все вокруг говорили на непонятном испанском и ужасном английском. По-английски Гранцов понимал почти все и почти сразу. Он надеялся, что и его понимают. Правда, до сих пор, не считая телефонных переговоров, ему пришлось пользоваться только двумя фразами — «йес» и «о`кей».

— Вы участник или гость? — спросил координатор.

— Есть разница? — спросил Гранцов.

— Гости живут в отеле, участники — в полевом лагере.

— В таком случае я — гость.

— В таком случае не отвечайте на вопросы третьей страницы. Какие планы на вечер? Хотите познакомиться с музеем?

— Пока не знаю.

— Завтра — групповые выступления участников. Сейчас они в лагере. Не хотите к ним присоединиться? Вас отвезут на джипе.

— Не знаю пока. Что значит «групповые выступления»?

— Битва «оранжевых» и «голубых» на развалинах древнего храма. Это будет супер-шоу.

— Верю, — сказал Вадим. — Нет, эта битва будет без меня.

— Вы уверены? — спросил координатор, внимательно оглядев Гранцова.

«Чего он привязался?» подумал Вадим. «Получает процент с каждого отправленного зрителя?»

— Завтра я записался на сафари, — огорченно объяснил он.

— Счастливой охоты, — сухо сказал координатор.

Гранцов даже не стал заглядывать в анкету. Стоило ему немного отдохнуть, как захотелось есть. Немного поколебавшись, он оставил сумку в номере и спустился в ресторан. По пути ему встретилась цепочка стрелок, указующих путь для участников и гостей семинара. Несколько столиков были отделены желтой лентой, испещренной словом «семинар». Гости семинара обслуживались в более или менее цивилизованной зоне — столики были пластиковые, но чистые. Еду можно было накладывать себе в неограниченных количествах, и тут Вадим призадумался. Никелированные тазы с кубометрами тертой моркови, свеклы, репы и десятка других корней составляли великолепную цветовую гамму. Глаз радовался. Но хотелось бы порадовать и другие органы. А к соевому мясу шести видов Гранцов был, мягко говоря, равнодушен. Так же, как и к пище восьми разновидностей.

Поэтому он покинул гостеприимную зону и сел за грязноватый столик под искусственной пальмой. Столик скрипнул, когда он устало оперся на него локтями.

Официант в черном пиджаке и белых широких брюках подошел к нему, иронично улыбаясь. Он издали начал какую-то испанскую фразу, и закончил ее на английском, доверительно наклонившись к Гранцову:

— Ю вонч риал фуд, йес? ¹⁷

— Си, альмуэрсо, пор фавор ¹⁸, - ответил ему Гранцов, учуяв доносящийся с кухни запах раскаленного свиного жира.

Пища оказалась настоящей, как и было предсказано. Официант обошелся без таких формальностей, как меню, и сразу подал тарелку обжигающего супа с накрошенным мясом. Гранцов еще не успел отодвинуть тарелку, как на столе перед ним выросла гора риса, окруженная отрогами отварных бобов и скрывающая под собой неисчерпаемые залежи свиных ребрышек. На столе не осталось свободного места из-за мисочек и вазочек с овощами, зеленью, приправами, соусами и подливами. Финалом этого пира стало песочное пирожное и полулитровый стаканчик только что выдавленного апельсинового сока.

Заплатив за все это гастрономическое безумие целых два доллара, Вадим еще долго не мог прийти в себя и сидел за столом, не в силах подняться. Так объедаться ему приходилось только на Кавказе — у неумолимо гостеприимных друзей. Он сонливо прикрыл глаза, и моментально перенесся куда-то в прошлое — то ли в Лагодехи, то ли во Владик... Запах подгоревшего масла с кухни, еле уловимая вонь общественного туалета, дизельная гарь из-за распахнутых окон и цветочный аромат смуглых блондинок за соседним столиком... Что ни говори, а юг — он и в Америке юг.

Гранцов побродил по городу, попыхивая сигарой. Прогулка оказалась недолгой. В каком бы направлении он ни двигался, улицы заканчивались развалинами. Только в центре города высились старинные дома, с балконами, колоннами и полукруглыми окнами. На окраинах же под густой зеленью громоздились бетонные обломки. Кое-где унылая перспектива разрушенных улиц была перегорожена огромными рекламными щитами. Улыбающийся красавец прижимал к плечу белокурую толстушку на фоне подъемных кранов и транспортных самолетов в безоблачном небе. Лозунг начинался с перевернутого восклицательного знака и обещал новую жизнь в новом городе. Эти персонажи были уже знакомы Гранцову. Весь рынок был обклеен подобными плакатами, и он уже знал, что сладкая парочка в виде жгучего латиноса и томной датчанки — это губернатор и его супруга.

Рекламные щиты стояли здесь давно, и зелень уже густо заплела опоры, но на розовой распашонке губернаторши все еще отчетливо чернела эмблема Глобо Туризма.

Он вспомнил, что несколько лет назад эта провинция пострадала от сильного землетрясения. И сразу ему почудилось, что из-под развалин потянуло сладковатым духом. Конечно, он понимал, что на самом деле это просто запах тропической зелени, но безмятежное настроение улетучилось, и он вернулся в отель.

Гранцов принял душ и впервые за последние два дня лег в постель. Ноги его горели, натертые чужими ботинками. Правда, туфли, оставшиеся в столичной гостинице, тоже были чужими — он получил их вместе с джинсовым костюмом перед самым вылетом. Уж для ночного перехода они, конечно, не годились. Те, кто снаряжали Вадима в командировку, полагали, что все объекты он посетит на комфортабельном автобусе с кондиционером и туалетом. Получилось, как всегда, наоборот.

Так что — спасибо этим рыжим ботинкам, не новым, разношенным. Хотя и по чужой ноге. Ему и раньше доводилось надевать чужую обувь. И чужую одежду, иногда с дырками от пуль, может, и от собственных... Он начал соскальзывать в сон.

И снова, в который уже раз, ему приснилось десантирование. Он стоял выпускающим, у самого люка, и мимо него проносились лица его друзей. Некоторых он уже и не помнил по именам, но лица были знакомые, родные... Они высыпались в ревущую черноту, а он остался, потому что в последний момент кто-то сказал ему: «Четвертый, отставить! Ты должен вернуться».

¹⁷ — Вы хотите настоящую еду? (англ.)

¹⁸ — Да, пожалуйста, обед (исп.)

Проснувшись через час, он снова взялся за телефон.

На этот раз мистер Гарсиа оказался дома. Он только что вернулся из леса. По его репликам было понятно, что он ходит по своему дому с трубкой, говорит, и на ходу переодевается, заглядывает в холодильник, открывает банку пива, прихлебывает, включает телевизор. Гранцов ожидал услышать шум спущенной воды в унитазе, но разговор получился слишком коротким. Он не назвал себя, и Гарсиа не спросил, откуда прибыл очередной клиент. Ему было все равно. К тому же он куда-то спешил.

О`кей, условия понятны. Сто долларов наличными за восемь часов сервиса, плюс по двадцать за каждый следующий час. Больше трех не собираться, выпивку и закуску приносить с собой, бензин тоже за ваш счет.

Вадим Гранцов хорошо запоминал людей, с которыми встречался хотя бы раз в жизни. До сих пор он думал, что этот Гарсиа — бывший работник Института Духовной Реабилитации, которого Вадим в свое время спас от смерти. Но голос в трубке принадлежал кому-то другому. Голос у проводника был высокий, почти женский, и Гранцов поначалу заподозрил голубизну, но по ходу разговора немного успокоился, услышав грубоватые короткие реплики. Ему не хотелось бы весь день бродить по лесу с педиком.

«Значит, мистер Гарсиа просто прикрывает кого-то», — решил Вадим Гранцов. — «Кого-то, кто знает меня. И кто хочет меня видеть. Так или иначе, но я уже здесь. Обратного хода нет».

Потом он все-таки дозвонился до Питера.

— Как отдыхается? — спросила Регина.

— Да не очень. Сервиса никакого, бардак еще хуже, чем у нас. Вот, еле-еле добрался до Сан-Деменцио.

— А мне Дед говорил, что всех иностранцев эвакуируют.

— Не всех, — насторожился Гранцов. Упоминание о генерале Митрофанове означало, что сейчас последует важная информация. — Я ведь только-только приступил к настоящему отдыху.

— Знаешь, давай там не увлекайся отдыхом. Раз у них такой бардак, собирай чемоданы. Не надо рисковать здоровьем.

Регина говорила, как бы добродушно посмеиваясь. Но это был приказ. Все отменяется. Никаких встреч с проводниками. Никаких прогулок вокруг аэродрома. Бегом домой!

У Вадима было несколько секунд на обдумывание ответной фразы.

Проще всего было ответить так, как и полагалось. То есть — «я тоже так думаю, нечего здесь делать». Но тогда зачем был нужен этот ночной переход? Зачем было крушить несчастных отмороzków? Зачем было тратить народные деньги, если не выполнена основная задача? Им там в Москве виднее? Пришел какой-нибудь новый начальник, сунул нос в потайной уголок, проявил характер — и все отменил. Отбой. Танки в боксы, стволы в пирамиду, пельмени развернуть.

Всю жизнь он выполнял приказы. Не размышляя. Размышлять будем потом — если уцелеем. Но сейчас в нем что-то надломилось...

Да сколько же может повторяться одно и то же? Сколько раз мы будем подбираться к самой цели, хватать врага за горло и заносить над ним подходящее оружие возмездия — и тут вдруг команда «Отбой! Всем спасибо!»

Кому отбой, а кому нет. Пенсионеров не касается, подумал Гранцов, и сказал на прощание:

— Понятно. Завтра перезвоню. Если смогу.

Что означало «не имею возможности выполнить вашу просьбу», и, кстати, было чистой правдой.

Дом проводника находился у реки. «Вот место, где можно жить», подумал Гранцов. Он разглядел дорожку, сбегающую к воде, а за густым кустарником угадывался причал и что-то ярко-красное, видимо, катер. Во дворе перед домом стоял замызганный внедорожник «тойота — серфер», в тени под деревьями — еще длинная зачехленная машина. Пройдись

пару раз вдоль забора, он увидел за домом просторную площадку, вполне подходящую для вертолета. Закончив осмотр места, Гранцов подошел к калитке и постучал по ней рукоятью ножа.

Из-под «тойоты» вылезла некрупная черная дворняга, оценивающе посмотрела на Гранцова, повернулась к дому и тявкнула пару раз. На крыльце появилась женщина лет тридцати, брюнетка, стриженная под мальчика. Она была в черной майке и пятнистых брюках. «А вот и женщина, с которой можно жить в этом месте», усмехнулся Гранцов и сказал:

— I'd like to see Mister Garcia.

— I suppose you are from Germany, aren't you? Sprechen Sie Deutsch? ¹⁹

— Nein, — ответил Гранцов, снял черные очки и опустил их в карман рубашки.

Женщина покачала головой и медленно опустилась, сев на ступеньку крыльца. Она закрыла лицо ладонями, словно собиралась зарыдать.

— Мэм? Ю о кей? — вспомнил Гранцов фразу из боевиков.

— Вадим Андреевич, это вы? — спросила женщина, оторвав ладони от лица. — Как же я вас не узнала сразу? Вы меня не помните? Раньше у меня были белые волосы. Вспомнили?

Он вспомнил. Не имя, потому что он его и не знал. Он вспомнил ее голос. И то, что ее называли «Восьмой».

Глава 19. Сафари

— Вот так встреча, — сказал он. — И как мне вас теперь называть?

— Здесь меня называют «сеньора Октавия Гарсиа». Но мое имя... Я была уверена, что вы знаете... Меня зовут Татьяна.

— Так значит, это вы меня сюда вытащили?

— Пришлось. Извините. Кроме вас у меня никого не осталось, — она порывисто поднялась, держась за перила обеими руками. Голос ее дрожал. — Проходите в дом. У меня сейчас урок, но я отпущу детей.

— Какой урок?

— Русский язык. Что еще я могу преподавать? Проходите же.

— Собака не будет возражать? Она не привязана.

— Это не собака, это наказание мое. А вы что, боитесь собак?

— Ужасно боюсь, — признался Гранцов.

Пока он шел через двор, дворняга трусила рядом, обнюхивая его ноги и виляя хвостом. В доме слышалась какая-то возня, и когда он вошел в комнату, женщина предложила ему сесть на единственный свободный стул. Остальные стулья, кресла и даже кровать были заняты детьми. Полуголые или в нарядных стареньких платьях, босые и в драных кедах, черные и белые, бритоголовые и с миллионом косичек — здесь собралась целая рота детей, и все они смотрели на Гранцова.

Словно что-то толкнуло его изнутри, и он сказал:

— Здравствуйте, ребята.

— За-да-ра-са-ти, — пропел неслаженный хор.

— Скажите что-нибудь еще, — попросила Татьяна.

— Меня зовут Вадим Гранцов. Я из Советского Союза.

— Из России, — поправила она, повернулась к детям и заговорила по-испански.

Дети бесшумно поднялись и чинно-благородно выскользнули из комнаты. «Пришибленные какие-то», — подумал Гранцов, но стоило первому ребенку пересечь порог, как раздался дикий визг освобождения, к нему присоединились индейские вопли, и

¹⁹ — Я хотел бы видеть мистера Гарсиа.

— Мне кажется, вы из Германии. Говорите по немецки?

нормальный детский крик на лужайке заставил собаку забиться обратно под машину.

Татьяна включила электрический чайник и достала из шкафчика две большие чашки. Гранцов обвел глазами просторное помещение, которое служило и классом, и спальней, и кухней. Он испытал глубокое разочарование, не обнаружив ни кофейника, ни кофеварки. Вместо них на полках стояли три большие банки растворимого кофе и две коробки с чаем в пакетиках.

— Когда я смогла уехать из России, мне пришлось какое-то время скрываться, — рассказывала Татьяна, накрывая на стол. — Я пожила немного в Ирландии, а потом перебралась в Америку. Мои старые связигодились, и меня приняли на работу в Глобо Торизмо. Простым гидом. Ведь я еще в Ленинграде работала групповодом. Так что, как видите, даже профессию не пришлось менять. «Посмотрите налево, посмотрите направо». Только вместо памятников Ленину и «Авроры» — водопады и древние развалины.

Деньги свои я сохранила, смогла купить маленькую квартиру в Аризоне. Городок со смешным названием Бисби. На самой границе. Глушь, конечно, но все же — Штаты. Структура предоставила мне эту небольшую виллу. Работать приходится мало, сюда редко кого отправляют. Но я пока обхожусь своими запасами. Экономлю, конечно, но не голодаю.

— Подрабатываете уроками?

— Что вы! Дети — это для души... — она села напротив него, задумчиво поглаживая пальцем золотой ободок чашки.

— Значит, это вы организовали мою поездку, — Гранцов счел, что лирическое вступление затянулось, и вернул разговор в нужное русло. — Зачем?

— Да, я. А зачем... Понимаю, что вас мало интересует моя жизнь. Извините, что никак не могу начать говорить о деле...

— Я вам помогу, — сказал Гранцов. — Кто просил вас связаться со мной?

— Никто не просил. То есть просил, но не конкретно с вами... — Татьяна отодвинула чашку и заговорила, сцепив пальцы замком. — Итак. Осенью прошлого года, когда я только освоилась на новом месте, во время изучения маршрута я натолкнулась на двух мужчин в лесу. Один был без сознания, другой тащил его на себе и выбился из сил. На джипе я привезла обоих к себе домой.

Они были страшно худыми. Волосы длинные и свалившиеся, словно они несколько лет не стриглись.

«Внимание, — сказал себе Гранцов. — Кажется, перед нами ловушка. Сейчас она скажет, что эти двое были русскими разведчиками».

— Им нужна была медицинская помощь, но Макс... Забыла сказать, один из них назвался Максом. А его друг так и не пришел в сознание, и умер вот здесь, на этом диване.

Макс пытался его похоронить тайком от меня, но смог только дойти с телом до леса, а там потерял сознание. Он тоже был на грани смерти... В общем, я его откачала.

Он сказал, что они бежали из лагеря. В лесу находится концлагерь для заложников, за которых не получили выкупа. Еще там содержат сумасшедших. Вместе с нормальными людьми. Охрана состоит из каких-то религиозных фанатиков. Как я поняла, лагерем владеет международная секта.

— Вроде вашего Института? — не удержался от вопроса Гранцов.

— Еще хуже, — спокойно ответила Татьяна. — Мы, по крайней мере, не держали своих волонтеров за колючей проволокой.

— Так вот почему вы вспомнили обо мне. Хотели показать новую секту?

— Нет. Не поэтому. Дело не в секте. Дело в том, что Макс и его друг... Они были русские. Понимаете? Они были из России.

— Были?

— Да, были. Макс через две недели попытался уйти. И погиб. Он украл лодку, поплыл по реке, и легионеры расстреляли его, когда он попал на мель под мостом. Легионеры — это местная самооборона. То есть просто солдаты губернатора.

— Незаконное вооруженное формирование, — кивнул Гранцов. — Ну, а с чего вы

решили, что эти ребята были русскими? Они что, в бреду матерились?

— Ну что вы, Макс говорил на очень приличном испанском. Я была уверена, что они откуда-то из Европы. Пока он не убежал. Дело в том, что он сам мне это сказал перед уходом.

— И что же он сказал?

— Он просил меня связаться с какой-нибудь российской организацией. Например, с культурным центром или с посольством. И сообщить, что несколько десятков российских граждан находятся в руках бандитов. Он записал паспортные данные того, кто умер, чтобы я их передала. Я запомнила фамилию. Куликов. На том же листке бумаги он начертил место, где находится этот лагерь.

— Минутку, — остановил ее Гранцов. — Тот, кто умер — это Куликов. А Макс кто? Он тоже русский?

— Думаю, что русский, — неуверенно ответила она.

— Почему вы так думаете?

— Почему? Не знаю. Потому что это как бы само собой подразумевается. Иначе зачем ему спасать русского и беспокоиться о других русских?

— То есть пока это только ваша догадка, а не факт, — заключил Гранцов. — Теперь еще одна деталь. Вы сказали, что они были длинноволосые. А можете уточнить, какой именно длины были волосы? До плеч? Или до ушей?

— Это имеет значение? Дайте вспомнить... Пожалуй, не до плеч. До ушей, наверно.

«Совпадает», — подумал Гранцов. Если эти ребята попали в плен весной, то к осени они должны были обрасти именно так.

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Привычка. Хочу создать зрительный образ. Извините, что перебил. А почему этот Макс ушел от вас? Почему не попросил, например, вас, чтобы его отвезли в город?

— Я предлагала, — быстро ответила она, вскинув голову. — Но он сказал, что это слишком опасно. Если нас перехватят по дороге, то убьют обоих. А потом, когда он погиб... Я ездила в ваше посольство. Они меня выслушали и обещали позвонить. До сих пор не позвонили... Я знаю, что три месяца — это не срок для наших бюрократов. Можно было бы еще ждать. Тем более, что помогать уже, в принципе, некому... Но я подумала, что, если этим никто не будет заниматься, люди будут и дальше гибнуть в этом концлагере, страдать и гибнуть. И тогда мне пришла в голову эта идея. Сначала идея казалась фантастической. Потом, когда я изучила возможности Глобо, замысел принял вполне реальные черты. Я вышла на базу данных Академии Меры и Чисел. Связалась с сохранившимися подразделениями Института. И вот, как видите... Вы — здесь!

— Да, я здесь. Но зачем? — спросил Гранцов. — Что я должен, по-вашему, сделать?

— Не знаю. Я хотела, чтобы вы узнали об этом лагере. И рассказали о нем всему миру.

— А вы не могли это сделать без меня?

— Могла. Но я хочу жить, — просто ответила Татьяна.

«Так вот куда они пропали, те ребята из Большого Дома», думал Гранцов, следя за тем, как она размешивает кофе в чашках. «Их захватили так же, как меня. Но не стали требовать выкуп, а сразу перебросили в лагерь. Молодцы мужики, смогли удрать. Но кто же их подставил? Прокололись на чем-то, или их заложила какая-то крыса? Теперь это не имеет значения. Теперь имеет значение только одно — я должен вернуться как можно скорее. И рассказать обо всем».

— Вам с сахаром? — Татьяна повернулась к нему.

— Где их могилы? — спросил он, и она едва не выронила сахарницу.

— Могилы? Ах, вот вы о чем... Тело Куликова я зарыла в лесу. Макс помогал копать, но и сам тогда еле держался на ногах. Он просил, чтобы могила была незаметной. Не думаю, что мы сможем ее найти. Здесь все так быстро зарастает... А сам Макс упал в реку, его унесло течением.

— Он мог выплыть где-нибудь? — спросил Гранцов без малейшей надежды.

— Ну, я не хотела вам говорить такие подробности... Легионеры рассказали, что он не всплыл. Все-таки они в него стреляли. Если даже не убили, то ведь в реке есть пираньи...

— Понятно. Да, мне с сахаром.

— Что — с сахаром?

— Кофе, кофе, пожалуйста, — напомнил Гранцов.

Татьяна рассказывала о том, как тяжело и одиноко ей было первое время на новом месте, ведь она привыкла находиться в гуще людей, рассказывала о чем-то еще, но Гранцов только вежливо кивал и сочувственно улыбался, думая о своем. Если это провокация, то чем она должна закончиться?

Дезинформацией? Слишком сложно и дорого. Для запуска «дезы» существуют проверенные и безотказные средства, которые называются журналистами.

Может быть, это только прелюдия к вербовке? Он живо вспомнил, как прошлым летом эта Татьяна, она же «Восьмая», разговаривала с ним. Тогда ее тон был совсем другим. Она была важной птицей в Институте, а он — простым работягой. Она говорила снисходительно и безапелляционно, ему оставалось только поддакивать, послушно кивать и вообще прикидываться дурачком. А сейчас перед ним сидит совсем другая женщина. Во-первых, именно женщина, а не важная птица. По-своему красивая и без амбиций. Во-вторых, в каждом ее слове и в каждом жесте читается одно — она рада ему, и она просит помощи.

А может быть, все это — правда?

Есть только один способ проверить свои догадки.

— Раз уж я сюда приехал, — сказал Гранцов, — давайте действовать по программе. Как насчет экскурсии по водопадам?

— Вы серьезно?

— Вполне. Хочу посмотреть на концлагерь хотя бы издалека. Вы сказали, что знаете, где он находится.

— Нет. Я знаю границы района, где может находиться лагерь, только и всего.

— Значит, я хочу посмотреть на эти границы, — Гранцов встал из-за стола. — Спасибо за кофе.

— Вы даже не допили чашку.

— Вернемся — допью.

Татьяна сноровисто собрала свой рюкзак и подхватила штормовку.

Старая «тойота» долго пробиралась куда-то в гору по узкой лесной дороге, где ветви смыкались над головой и барабанили по крыше. Вадим развернул было свою туристическую схему, пытаясь сориентироваться, но тут Татьяна без слов откинула крышку бардачка и вывалила ему на колени целую охапку карт, сложенных гармошкой, по-армейски.

Они остановились на берегу быстрой реки, у водопада, и Татьяна молча обвела на карте тот район за рекой, о котором сказал ей Макс.

— Это здесь. А мы — здесь.

— А что — там? — спросил Гранцов, показывая пальцем вверх, откуда с десятиметровой высоты выгибалась грохочущая стена воды и пены.

— То же самое. Река, деревья, птицы.

— Оттуда, наверно, далеко видно.

— Наверно, но туда не поднимается джип.

— Мне не нужен джип, — сказал Гранцов, доставая из сумки связку веревок. — Попробую забраться без джипа.

— Интересно, как вы будете подниматься на этих веревках.

— На веревках я буду спускаться, — сказал Гранцов. — Знаете, почему кошки часто застревают на дереве? Потому что забираются туда без веревок. Как говорят альпинисты, подъем труден — спуск опасен.

— Очень интересно, — сказала Татьяна. — Я тоже хочу. Не беспокойтесь, я не буду мешать. Я умею и подниматься, и спускаться.

Он на секунду задумался. По плану сейчас он должен действовать один. Ему не нужен

попутчик, чтобы обследовать намеченный участок наверху. Тем более, женщина. Но если там кто-то есть, без гига он не сможет объяснить свое появление. А так — просто турист, в меру любопытный, в меру беспечный.

— Пойдем в связке, — сказал Гранцов. — Я поднимусь первым и буду страховать.

Он обвязал веревкой ее крепкую талию, накинул связку на поясной карабин и ухватился за выступающий камень. Еще внизу он наметил себе путь и сейчас поднимался легко и уверенно. Пара шагов влево, подтянуться, десяток шагов вправо, вот и корень кстати торчит, сразу метра два выигрываем по прямой, еще подтянуться, ногу выше, (а растяжка-то уже не та, батенька...), возьмем левее, край уже совсем рядом. Он прижался спиной к одной стенке расщелины, а ногами уперся в другую, и так выбрался наверх.

Снизу слышались свист и хлопки. Татьяна крутила над головой шляпой, смеялась и кричала «браво». Он перекинул веревку через плечо и пояс, нашел надежную опору для ноги и крикнул, перекрывая шум водопада:

— Теперь ты! Запомнила, где я поднялся?

— Да!

— Вперед!

Она оказалась ловкой и смелой, и только в последнем камине замешкалась, но тут он ухватился покрепче и просто вытянул ее на веревке.

Вид отсюда открывался замечательный. За кронами деревьев виднелся аэродром: длинное серое поле, две группы разноцветных вертолетов, диспетчерская башенка, сверкнувшая стеклом (наверно, открыли окно).

— Я живу здесь полгода, — сказала Татьяна. — Почему я раньше не поднялась сюда? Спасибо, Вадим.

— И тебе спасибо, — сказал он. — Давай посмотрим, что тут хорошего.

Хорошего оказалось мало. Стоило немного отойти от берега в лес, как они наткнулись на старую колючую проволоку. Гранцов изучил заграждение и, не обнаружив признаков электричества или сигнализации, просто подставил сук и первым прополз под проволокой.

— Наверно, сюда нельзя, — сказала Татьяна, отряхиваясь.

— Почему это? До концлагеря еще далеко.

— Раньше здесь были солдаты. Военная база. Они искали партизан, герильерос.

— Мы не очень похожи на герильерос?

— Это ничего. Солдаты давно уехали. Но после них могли остаться мины. Рассказывают, что в лесу до сих пор гибнут люди из-за мин.

Татьяна положила на землю планшет с компасом, огляделась и поставила на карте крестик. Потом отстегнула от пояса свой «навигатор», вытянула антенну.

— Хорошая вещь, — с завистью сказал Гранцов.

— Не всегда, — ответила она, затеняя дисплей ладонью. — Старый компас не обманывает.

— У тебя на планшете другая карта, — сказал он. — Ты мне ее не показывала.

— Это специальная карта. Ее никто не понимает. Только я. Куда пойдем? Надеюсь, тебя не интересует военная база?

— На военных базах можно найти много интересного, — сказал Гранцов.

— Мы время теряем. Пошли отсюда. Мне не нравится это место. Чувствуешь запах?

— Я пойду один, — сказал он. — Подожди меня у реки. Через час я вернусь, мы спустимся к машине и поедем дальше.

— Нет, не стоит разбиваться, — сказала она. — Здесь лучше держаться вместе. Давай пойдем, куда ты надумал идти. Но запах...

Запах трудно было не заметить. Где-то недалеко явно находился ротный сортир, причем действующий. Отличный ориентир, хоть и невидимый пока. И прекрасное место для засады.

— Тебе нравится здесь жить? — спросил Гранцов.

— Здесь хорошо.

— Лучше, чем в Ленинграде?

— Иногда лучше, иногда хуже. Иногда в Ленинграде мне было лучше, чем в Париже. А лучше всего бывает в Лос-Анджелесе. Иногда. Но я не могу там долго жить.

— Почему?

— Почти все мои знакомые в конце концов оседают именно в Эл-Эй. Не хочу никого видеть. И возвращаюсь к себе в Бисби, штат Аризона.

— Понятно, — сказал Гранцов. — Постой, давай пометим место, чтобы потом не блудить.

— Блудить? Хорошее слово.

Он пригнул длинную ветку и надломил ее.

— Ты хороший скаут, — сказала она. — Мог бы работать проводником не хуже меня.

— Я и работаю проводником, — сказал Гранцов и остановился, подняв руку.

Они увидели прогалину между деревьями и широкую траншею, поперек которой были положены несколько досок. Это было бы похоже на мостик, если бы не дырки, прорубленные посредине. Сортир трехместный открытого типа. Дно траншеи густо заросло, и через дырки уже выглядывали верхушки высокой травы вроде камыша.

— Вот уж никогда не думала, что *это* может пахнуть так долго, — сказала Татьяна.

— А давно здесь были солдаты?

— Их увезли еще до меня, в позапрошлом году. Новый президент остановил войну против герильерос. Была гражданская война, теперь гражданский мир.

— Насколько я понимаю в этом деле, прошлогоднее так не воняет, — сказал Гранцов, оглядываясь.

Гарнизонные уставы всех армий мира единодушны в отношении полевой гигиены и санитарии. Отхожие места могут оборудоваться по-разному, с учетом национальных особенностей, но расстояние до палаток не бывает больше пятидесяти метров. Да еще в этом промежутке, примерно на полпути, устанавливают умывальники. Здесь же не было видно не только остатков умывальников, но и натопанной тропинки к отхожему месту.

— Дай, пожалуйста, бинокль, — попросил он. — Хочу оглядеться с высоты.

Он забрался на дерево и только оттуда увидел, наконец, источник вони. Это была дощатая будка, покрытая сверху сухими ветками. От будки вела дорожка к ручью, а за ручьем, за высокими кустами виднелась желтая макушка палатки. Еще дальше он увидел, что между деревьями натянуты веревки, на которых болтаются одинаковые рубашки и штаны.

Гранцов спрыгнул с дерева и тщательно отряхнулся от муравьев.

— Все понятно, дальше не пойдем, — сказал он.

— Слава Богу, — сказала Татьяна. — Очень не хотелось туда углубляться. Я еще подумала, что здесь могут быть мины. Солдаты всегда оставляют после себя минные поля.

Они уже выбрались за проволоку, как вдруг Татьяна спросила:

— А где бинокль?

— На ветке забыл, — Гранцов хлопнул себя по лбу. — Склероз проклятый. Подожди, я мигом!

Нехитрая уловка сработала. Он развернулся и побежал обратно. Бинокль действительно висел на ветке, и Гранцов воспользовался им, чтобы еще раз тщательно оглядеть лагерь за ручьем. Затем он подкрался к будке и осмотрел ее. Дощатый пол был посыпан хлоркой. Из стены торчал длинный гвоздь, на который были насажены тонкие тетрадки, предусмотрительно надорванные поперек. Он снял пару тетрадей и успел увидеть, что надорванные страницы исписаны русскими буквами. Это была удача, о которой он даже боялся мечтать.

Найти аэродром в джунглях и выяснить его возможности вполне могли ребята из космической службы. Но именно Вадим Гранцов нужен был для того, чтобы найти вот эту грязную тетрадку.

Конечно, невелика заслуга — выйти в квадрат, вычисленный в Москве парой бледных

«биномов», и найти там хоть какой-то русский след. Просто повезло. Может быть, ему повезет еще больше, и эти тетрадки помогут связать в один узел и аэродром, и краденое оружие, и тысячи безвестно пропавших людей, и попытку переворота, и много разных других событий... Вот теперь он мог возвращаться домой. И больше того — теперь он должен был вернуться.

Приближаясь к проволоке, Гранцов перешел на резвый бег, чтобы показать Татьяне, как он торопился. Но ее не оказалось на месте.

Листва под ногами была изрыта и смешана с землей. Компас сверкнул из-под куста своим продавленным стеклышком.

Ему хватило секунды, чтобы вспомнить незаметную тропинку вдоль колючей проволоки. Он не придал ей значения — и теперь был наказан за этот промах. Тропинка означала, что вдоль проволоки ходят. И ходят часто. Кто? А вот сейчас разберемся.

Гранцов, пригнувшись, кинулся вперед, вглядываясь в следы. На несколько мгновений он замер, прикрыв глаза и напряженно прислушиваясь. Снова кинулся, но уже правее, бесшумно скользя между деревьями вдоль реки. Шум водопада становился сильнее и заглушал его шаги, но он отчетливо слышал, как хрустит и чавкает мокрая галька под ногами тех, кто тащил к водопаду тело женщины.

Их было трое. Двое с обритыми головами, в грязно-зеленых балахонах держали Татьяну под руки и волокли ее к обрыву. Третий, тоже обритый, в таком же балахоне, но перехваченном поясом с подсумками, шагал впереди с винтовкой за плечом.

Гранцов обогнал их, и успел изготавиться. Лежа в высокой траве, он повернулся на левый бок, вытянув правую руку с ножом вдоль тела. Они шли прямо на него.

Когда до противника осталось пять шагов, Гранцов легонько свистнул. Бритоголовый с винтовкой остановился, оглядываясь. Вадим приподнялся на локте и метнул нож. С такого расстояния он не промахивался по неподвижной мишени. Раздался характерный хлюпающий звук — клинок вошел в горло между ключицами. Тело с плеском рухнуло в воду.

Один из бритоголовых наклонился над упавшим и подобрал винтовку. Гранцов кинулся к нему, но тот не собирался стрелять. Отбросив трехлинейку на берег, он с невероятной быстротой развернулся и с треском проломился в кусты.

Третий противник не остановился. Он даже прибавил шаг, подтаскивая Татьяну к обрыву, и не обращая никакого внимания на Гранцова, который бежал за ними.

Он бежал по гальке и видел, что ему не успеть. Существо в балахоне все быстрее тянуло Татьяну за собой, словно собираясь вместе с ней свалиться вниз, на камни, в пену и водовороты.

Вадим успел поднять из-под ног скользкий голыш и метнуть его, когда противник уже стоял на самом краю и подтягивал к себе безвольное тело женщины.

Камень угодил в лицо, и существо вскинуло руки, отступило и провалилось за край водопада.

Татьяна осталась лежать на самом краю, и Гранцов, осторожно ступая по шатким камням, подобрался к ней. Он опустился на четвереньки и ухватился за край ее штанины, чтобы стянуть с опасного края. Тело скользнуло в воду, пена накрыла лицо, и Татьяна ожила. Отплевываясь и откашливаясь, она выдала длинную, но однообразную фразу.

— А ты здорово ругаешься, — сказал Гранцов, когда она сделала паузу, набирая воздух в грудь.

— Твари! — закричала она. — Поганые твари!

— Тихо, тихо, — говорил он, на руках вынося ее из воды. — Все хорошо...

— Ничего хорошего, — сказала она уже спокойнее, и обняла его за шею. — Посмотри, что у меня с головой!

— На голове шишка, — сказал Гранцов после короткого осмотра. — Крови нет. Мозги на месте.

Он бережно опустил ее на сухую траву за кустами, спиной к реке, чтобы она не увидела труп.

— Спасибо. Я сама виновата. Отвлеклась. Ты ушел, а я начала причесываться, как идиотка, — Татьяна, не вставая, стянула с себя мокрую майку и принялась ее выкручивать. — Даже не заметила, как они подкрались. А когда увидела, хотела тебя позвать... Но постеснялась.

«Грудь демонстрировать ты не стесняешься», — хотел сказать Гранцов, но не поддался на провокацию.

— Куда они делись? Ты их прогнал?

— Прогнал, прогнал. Посиди пока, не вставай. Тебе нельзя делать резких движений, — он укрыл ее мокрые плечи своей курткой.

Он подошел к убитому. Надо было вытащить финку из раны, а тело незаметно для Татьяны сбросить в реку. Будем надеяться, что при падении с водопада оно не застрянет на камнях, а поплывет дальше, и там, в реке, такому подарку будут рады зубастые обитатели.

Кровь красным шлейфом вымывалась из-под головы. Гранцов наклонился и ухватился за голые лодыжки поверх стоптанных грубых ботинок. Он шагнул назад, и течение раздуло бесформенный балахон, а потом закатило его кверху, обнажая жилистые ноги и выбритый лобок. Женский лобок.

Глава 20. Прорыв Кирсанова

Чем ближе подъезжал Марат к Сан-Деменцио, тем яснее он понимал, что едет сюда из-за Ромки. Точнее, из-за его предложения. Марат уже был готов согласиться почти на любые условия. Ему хотелось работать на структуру Глобо Торизмо. Чем он рискует? Да ничем! В конце концов, никогда не поздно выйти из дела, если дело перестанет нравиться.

Фирма, в которой он работал, платила ему триста долларов в месяц плюс процент от сделки. На такие деньги можно было существовать одинокому парню, до сих пор живущему вместе с родителями. Его младшие сестры успели выскочить замуж и уже порадовали стариков стайкой внуков. А Марат считал, что не имеет права заводить семью, пока не обзавелся собственным жильем. Вот если бы, работая на Ромку, можно было накопить тысяч двадцать... Все будет зависеть от размеров сделки. И от честности Старицына.

«При чем тут честность?» — подумал Марат. «Эти люди говорят одно, думают другое, а делают — третье. Все будет зависеть только от того, насколько ему выгодно со мной работать. Если я буду приносить ему доход, он будет мне платить. Вопрос цены. Сколько мне потребовать для начала, чтобы не и прогадать, и не отпугнуть? Надо будет с Оксаной посоветоваться. Все-таки она давно его знает. И наверняка в курсе всех местных финансовых хитростей».

Но он почему-то боялся заговорить с ней. После рассвета девушка держалась отчужденно и холодно. Она то дремала на заднем сиденье, то слушала свои наушники и сообщала новости.

Оксана снова подала голос.

— Эвакуация иностранцев закончилась, — сказала она. — Голос Америки сообщает, что идут уличные бои. А российский посол, между прочим, заявил, что ваших граждан в стране уже не осталось. Ни туристов, ни специалистов.

— Значит, не осталось, — согласился Марат.

— А это что такое? Откуда здесь-то патруль? — удивился Василь, и машина остановилась.

Поперек дороги стоял «уазик» без верха и дверей, зато с пулеметом ПК на станке. Заправленная лента поблескивала латунью патронов, ствол с раструбом был направлен на «лендровер». Патрульных было четверо. Лохматые, бородатые, в заношенных спортивных костюмах, они больше походили на провинциальную шпану, чем на военный патруль. Но у одного на поясе болталась открытая кобура с пистолетом, а у другого из-под локтя выглядывал коротенький ствол «узи».

— Эй, ю! Аут! Аут оф зэ кар! Нау!²⁰ — скомандовал один из них.

— Сейчас разберемся, — нахмурился Василь. — Олежек здесь бог и царь. Они еще не знают, что это его тачка. Сейчас, сейчас. Надо ему позвонить.

Он снял с пояса телефон, вытянул антенну и чертыхнулся, поглядев на дисплей:

— Не ловит, холера! Надо за горку переехать, оттуда позвоню, чтоб не было проблем.

— Ты это духам объясни, — сказал Марат.

— А шо такого? Настоящий одессит договорится с любым папуасом, — бодро ответил Василь.

Он отстегнул обивку козырька, извлек бумажный листок с какими-то печатями и выскочил из машины, хлопнув дверью.

— Не высовывайся, — приказал Марат Оксане и тоже вышел.

Увидев его, патрульные переглянулись и заговорили удивленно и недовольно. Кажется, его появление оказалось сюрпризом. Кирсанов понял, что до сих пор тонированные стекла скрывали его. Значит, и Оксану они пока не замечают. Только бы она не вылезла...

— Стэй вэр ю а!²¹ — прозвучала новая команда.

— Стою, то есть о кей, о кей, — сказал Марат.

Но Василь не собирался подчиняться, а может, просто английского не знал. Размахивая своей бумажкой, он надвигался на патруль и вполне вежливо, но требовательно что-то повторял. Они забрали у него бумажку и по очереди прочитали. После чего один из патрульных вынул пистолет, оттянул затвор и навел ствол на Кирсанова.

Марат поднял руки, не дожидаясь команды, но «дух» и не подумал опустить ствол.

«Это не солдаты», — думал Марат. — «Это какая-то банда. Наверно, та самая, которая минировала дорогу. Зря мы остановились. Надо было сматываться. А пулемет? Шмальнут вдогонку, и весь разговор. Зря я Василя отпустил. Сейчас эти духи его шлепнут, потом меня, потом Оксану. Тачку заберут. Получат за нее тысяч пять баксов. Нам не откупиться никак. Эх, был бы здесь Вадим Андреевич...»

Он сосредоточенно смотрел на черный кружок дула. Он был уверен, что сумеет увернуться от выстрела с пяти метров. Стреляющая рука всегда делает произвольный тычок за миг до спуска. Правда, до сих пор он проверял это только в спортзале, и с незаряженным оружием... Ну... Давай... Краем глаза он видел и положение ног стрелка, и где стояли остальные, и как Василя грохнули мордой на капот уазика и заломили руки...

Страх не было. По обращению с пистолетом было ясно, что стрелок перед ним никудышный. С пяти метров промажет.

Он на миг поднял глаза и столкнулся со взглядом патрульного. Где-то он уже видел этот взгляд. Вспомнил. Так же, сочувственно и брезгливо, смотрел на него вчера утром «доставщик заказов» в отеле. А ведь сочувствовать надо не мне, подумал Кирсанов, стараясь приглушить злость. Злость ему не нужна. Играть надо свободно и легко, без эмоций. Он так, а мы так. Ну, не тяни резину...

— Кам хир, — сказал дух и поманил его пистолетом.

Марат и Василь стояли рядом, упираясь руками в капот «уазика» и далеко отставив ноги. Их обыскали сноровистым похлопыванием.

Духи переговаривались на каком-то своем языке. Кирсанов уже слышал его недавно, когда экскурсионный самолетик совершил недолгую посадку в Сан-Деменцио. На этой же англо-испанской мешанине говорили тогда легионеры в пилотках. Сейчас он легко понимал, о чем шла речь.

«Денег у них нет».

«Оставили в машине?»

²⁰ Эй, ты! Выходи из машины! Немедленно!

²¹ Стой, где стоишь!

«После возьмем все».

(«Ах, после», подумал Кирсанов. После чего?)

«Что делать со вторым? Оставим на месте?»

«Не хочу пачкать машину. У него в лендровере есть веревка. Ноги привяжем к бамперу и привезем. Второго облить бензином и поджечь».

(«Вот так приехали на семинар», сказал себе Марат, чувствуя, как начали подрагивать мышцы спины. Он глубоко вздохнул и задержал дыхание, готовясь к схватке. Почему Василь молчит? Совсем очумел от страха?)

«Завяжи им руки и глаза».

«Стой. А если лендровер на секретке? Пускай сначала заведет мотор, потом кончим».

«Я заведу любую машину».

«Иди, попробуй».

Было слышно, как открылась дверь лендровера, и раздался голос одного из патрульных. Марат различил «чика», «чика». Что-то знакомое... «Девочка»! Три мужских голоса смешались, заглушая возмущенный голос Оксаны.

Марат поднял голову. Пулеметчик смотрел в сторону лендровера, облизываясь. Голос Оксаны прервался, и Марат понял, что ее ударили.

Другого момента не будет. Он толкнул Василя в плечо, и тот упал и откатился в сторону. Пулеметчик приложился к прикладу ПК, но не успел выстрелить, потому что Кирсанов сзади схватил его за волосы, упираясь локтем между лопаток, и рванул. Хрустнули позвонки, тело пулеметчика вывалилось на землю, и Марат дал короткую очередь в воздух. Как он и ожидал, мужики вскочили, а Оксана осталась лежать.

Он уложил их одной очередью в пояс, и добавил вторую, по упавшим.

— Не стреляй! Это наши! Не стреляй! — орал Василь, хватаясь за ствол.

— А я и не стреляю, — Марат подобрал с водительского сиденья «узи» и перепрыгнул через борт «уазика».

— Что ты натворил! Идиот! Козел! Что ты натворил! Это же Олежкины пацаны! Нам конец! Полный конец, понимаешь? Сука! Убью!

Василь попытался схватить его за горло, но отлетел и повалился на землю, поджав под себя ушибленные руки.

— Соберись, Васек, нам еще долго ехать, — попросил Марат и направился к лендроверу.

Первым делом он убедился, что раненых нет. Затем обыскал убитых, стараясь не запачкаться, и повесил на шею еще один трофейный «узи».

Оксана поднялась, хватаясь за крыло лендровера. Ее красное платье было разорвано и снизу, и сверху. Она держалась за глаз.

— Досталось тебе, — сказал Марат.

— Идиот, ты же меня мог убить.

— Обижаешь.

— Напрасно это все, — сказала она, прикладывая к расцарапанной щеке пучок травы. — Что я, троих бы не пропустила? Зато спокойно поехали бы дальше. А теперь всё. Теперь нам всем просто конец.

— До конца еще далеко, — сказал Кирсанов. — Все только начинается. Васек, уходим.

— Куда тут уйдешь? — тоскливо спросил Василь, садясь за руль.

— За мной, — ответил Марат и запрыгнул на высокое сиденье «уазика».

Он развернулся, заодно проверив тормоза чужой машины. Педаль неприятно проваливалась, но все же действовала.

Марат погнал «уазик» в сторону города. Он вспомнил, как смердели волосы пулеметчика. Не моются месяцами, чертовы духи. Значит, базируются где-нибудь в лесу и орудуют на лесных дорогах, подальше от всякой там полиции, жандармерии, народной самообороны.

«А с Ромки надо будет потребовать неустойку за такой сервис», подумал Марат. Он

глянул в зеркало. «Лендровер» послушно пылил позади.

Свободной рукой Марат открыл бардачок. Почему-то он ожидал обнаружить там пистолет или карту. Но рука его нащупала что-то мягкое. В бардачке лежали четыре серые пилотки.

Он вспомнил, что в таких же пилотках-испанках щеголяли legionеры на аэродроме. А запах не оставлял никаких сомнений, что пилотки эти не были найдены на дороге, а являлись личным имуществом убитых.

Что там Василь кричал? Что это Ромкины пацаны?

Дорога круто поднималась в гору, и на вершине подъема Марат остановился. Отсюда он хорошо видел спуск. Двумя пологими петлями узкая дорога висела по косоугору среди редких деревьев и далеко внизу примыкала к бетонке, прямой и широкой. Даже отсюда ему были видны выбоины на стыках бетонных полос. Но остановился Марат вовсе не потому, что ему не нравилось качество дороги.

По бетонке навстречу ему мчались два «уазика». Точно такие, в каком сидел Марат. Только без пулемета. Зато битком набитые вооруженными людьми.

— Чего ты встал на подъеме! — заорал Василь, объезжая «уазик» Марата. — Догоняй теперь!

— погоди! — крикнул Марат, но было поздно.

«Лендровер» уже катился по спуску.

Марат был готов расстрелять одессита из пулемета, но тот, кажется, и сам заметил что-то неладное. «Лендровер» остановился, а потом, завывая и отфыркиваясь, попятился обратно.

Что ни говори, а водителем Василь был первоклассным. Он лихо развернул на подъеме свой тяжелый внедорожник и помчал обратно к реке, далеко оторвавшись от Марата.

«Если бы Вадим Андреевич был рядом, мы бы не убегали», — подумал Марат. «Покрошили бы с горки всех, и спокойно поехали дальше. А с такими бойцами, как Васек да Оксана, много не навоюешь».

Он нагнал «лендровер», когда тот остановился у развилки. Василь что-то спрашивал у старика с двухколесной тачкой, в которой лежал мешок цемента. Старик показывал рукой в сторону реки, а одессит — в другую.

— О чем спор? — закричал Марат.

— Та дорога — на пристань! — повернулся к нему Василь. — Нам туда надо? Нам туда не надо! Нас там перехватят! Я говорю, куда эта дорога, вторая? А старый козел заладил: нет дороги!

— Как нет? А это что?

— Поехали! Да моя ласточка и без дороги как-нибудь пролетит! — Василь отмахнулся от старика и объехал его тачку.

Переваливаясь и раскачиваясь на ухабах и рытвинах, обе машины покатили по узкой дороге. Кусты хлестали цепкими ветками по лобовому стеклу. Деревья с длинными перистыми листьями закрывали небо.

На пути попалась коряга, и пришлось ее перекачивать в сторону. Проехав вперед, Марат вернулся и оттащил корягу на старое место. Может быть, эта уловка собьет преследователей с толку. Когда он снова догнал «лендровер», тот стоял на самом краю обрыва.

Песчаный склон круто уходил вниз метров на пятьдесят и заканчивался горой ржавого металла. Торчащие балки и завитки тросов красноречиво подтверждали правоту встреченного крестьянина — дороги здесь не было. Была свалка.

— А вот теперь-то мы точно приехали, — констатировал Василь. — Всё. Бросаем всё и уходим пешком. Тут недалеко до города. Найдём Олежека, расскажем, что у нас машину отняли какие-то бандиты. Свалим все на них. Идет, Марик?

Марат не торопился с ответом. Он толкнул ногой камень и проследил, как тот катится вниз по песку.

— Сможешь спуститься и встать на склоне?

— Совсем с ума сошел, да?

— Не совсем. Спустишься задом. Потом на лебедке поднимешься.

— Когда это — потом?

Марат подумал.

— В общем, я скажу, когда. Минут через десять.

— Ты псих, — убежденно сказал Василь. — Зачем я только с тобой связался. Ты псих еще хуже меня.

— Как остановишься,крепи колеса. А сам бери Оксану и прячьтесь там, среди железок. И пока стрельба не затихнет, не высывайтесь. Я позову.

— А если не позовешь? — спросила Оксана.

— Тогда сами как-нибудь выбирайтесь, — Марат пожал плечами и пошел к «уазику».

Он слышал, как за спиной заурчал «лендровер», как хлопнули дверцы. Ему очень хотелось еще раз увидеть Оксану или хотя бы услышать ее голос. Но слышно было только знакомое фыркание мощного дизеля, а потом и оно стихло.

Марат отъехал назад и закатил «уазик» в лес, насколько позволили деревья. Потом тщательно замаскировал свой след, втыкая срубленные ветки в землю. Ветки скоро засохнут и потеряют естественный вид, но Марат был уверен, что успеет справиться до этого времени.

Следы «лендровера» на дороге виделись четко — две широкие черные полосы взрыхленных листьев. Преследователи не сойдут с пути.

Его беспокоили патроны. Он вытянул один из ленты и придирчиво осмотрел. Гильза была покрыта зеленоватым налетом, и только там, где патрон прижимался к звену, латунь блестела двумя медовыми полосками.

Патронная коробка, из которой тянулась лента, валялась на боковой скамье. Марат установил ее между ножками станка, в штатный паз на ребристом полу и снова обругал духов за такое отношение к оружию.

Послышался рев моторов. Марат развернул пулемет вбок, перевел предохранитель на «огонь», и сел за руль. Он слышал, как мимо него протарахтели одна за другой две тяжело нагруженные машины. Слышал возбужденные крики преследователей. Они-то знали, куда ведет эта дорога...

Он досчитал до двадцати и дал задний ход. Остановился поперек дороги. Кинулся к пулемету. Вжал плечо в приклад и, пока не стреляя, дважды перечеркнул мушкой силуэты, которые вылезали из своих машин и толпились на краю обрыва, с хохотом и свистом размахивая руками. Станок скрипел при повороте, но не заедал. Марат опустил ствол чуть пониже, чтобы ни одна пуля не улетела дальше свалки.

Но пока он не знал, придется ли ему открывать огонь. А вдруг там сам Роман Старицын? Вдруг он приехал на помощь, узнав о стрельбе на лесной дороге?

Марат ждал. И дождался. Преследователи изготовились к стрельбе — некоторые опустили на одно колено, другие остались стоять. Как только ударил первый выстрел, Марат нажал на спуск.

«Три-четыре. Три-четыре. Три-четыре», считал он про себя, короткими очередями укладывая темные силуэты. Возможно, кто-то из них успел понять, что по ним стреляют сзади, и залег за телами соседей. Поэтому Марат продолжал бить по лежащим, а потом обработал пространство между колесами машин. Чтобы дождь ленты, он выпустил последние патроны по бортам «уазиков», хотя и был уверен, что там никто не успел спрятаться.

В кино обе машины обязательно взорвались бы. А здесь ни одна даже не загорелась.

Истратив ленту, Марат накинул ремень «узи» на шею и выскочил из машины. Пригибаясь и прячась за кустами, он подбежал к обрыву. Впереди раздавались стоны и хрип.

Он прижал складной приклад к плечу и приподнялся над кустом. Враги лежали вповалку друг на друге. Кто-то вздрагивал, кто-то сучил ногами. Дымящаяся кровь яркими кляксами блестела на жухлой листве.

Ребром ладони ударив по затвору, он взвел курок. Дело следовало довести до конца.

Их было семеро. «Странно, — подумал Марат, — издалека казалось, что за нами гонится целая толпа». Выстрелив в висок последнему, он вынул магазин и мизинцем ощупал патронник. Перевесил разряженный «узи» за спину и встал на краю обрыва.

— Эй, пехота! — он помахал руками, скрещивая их над головой. — Отбой!

Пока Василь возился с лебедкой, Марат за ноги оттянул трупы с дороги.

Оксана с ужасом смотрела на него, зажав рот ладонями. Он едва сдерживал неукротимое желание обматерить ее и заставить помогать.

Однако надо все же добраться до города. Он вспомнил, что Старицын здесь царь и бог...

— Оклемался? — спросил он Василя. — Давай, звони своему Олежке. Есть разговор.

— Звони, звони... Чем звонить? Все руки мне отбил!

— Кто ж тебя просил хватать человека за горло?

— Кто же знал, что ты такой псих! Сам звони!

Наверно, Марат изменился в лице. И наверно, его рука слишком быстро нащупала рукоятку «узи» за спиной. Потому что Василь испуганно отскочил от него и трясущимися пальцами принялся набирать номер.

Глава 21. Вершитель судеб и Сердюк

После того, как Роман Старицын сдал своего невменяемого босса медикам, он принялся устраиваться на новом месте. Здесь, в Сан-Деменцио, ему придется пожить достаточно долго.

Семинар по фатта-до проводился ежегодно, но никогда еще на него не слеталось такое количество участников. Группы размещались в лесных лагерях, где непритворные «спортсмены» могли вволю упражняться во всех видах боевого искусства. Предпочтение отдавалось *практической* стрельбе из автоматического оружия, то есть на ходу, с лимитом времени, в падении, и с обязательным уходом с линии ответного огня.

Никто не знал, как долго продлится этот семинар. По «Плану оптимального цикла действий» на формирование и подготовку боевых единиц отводилось два месяца, и первые семинаристы поселились в своих палатках еще в январе. Укомплектованные звенья должны были поступить в распоряжение Защитного Сектора и — по команде оперативного комитета — принять участие в силовых акциях.

Однако оптимальный цикл действий был нарушен, и пришлось приступить к реализации запасного плана, который назывался «Порядок оптимизации цикла действий».

Находясь в Сан-Деменцио, Старицын должен был выполнять пункт 3–35 из этого «Порядка». То есть «поддерживать функциональную готовность звеньев на уровне отсроченного выступления».

Если перевести эту параноидальную канцелярщину на человеческий язык, то Роману Старицыну надо было следить за группами вооруженных молодых мужчин, живущих в палатках, в глухом лесу, без телевизора, вина и женщин. Он отвечал за то, чтобы за время ожидания эти группы не натворили ничего такого, чего нельзя было бы скрыть от руководства.

Например, существовала реальная опасность конфликта семинаристов с легионерами, которые стояли в оцеплении вокруг лесных лагерей и никого оттуда не выпускали. Чтобы не накалять ситуацию, участников семинара привлекали к совместному патрулированию. Однако уже были отмечены случаи, когда совместные патрули вступали в конфликт с городскими жандармами. К счастью, такое случалось редко и только по ночам. Свидетелями конфликтов становились разве что проститутки и покалеченный персонал питейных заведений, а этот контингент не станет строчить докладные записки и персональные отчеты.

Таким образом, ситуация с семинаром находилась под контролем. А вот поведение Дональда требовало от Старицына незамедлительной реакции. И Роман спешил отчитаться

перед вышестоящими инстанциями, пока его не опередил кто-нибудь из конкурентов.

Во внутренних документах ЦЕП принято было использовать условные обозначения, которые не подчинялись строгой регламентации. Например, слово «Германия» можно было заменить словами «колбаса», «капуста» или «шнапс». Ненавистный КГБ обозначался как «гиены», «акулы» или «шакалы». Для спецслужб, с которыми было налажено сотрудничество, использовались названия астрономических объектов.

«Сегодня третье марта, — подумал Старицын. — Значит, контору Дональда назовем Марсом».

*«Персональный отчет Рональда Старка,
старшего координатора класса А.
Направление — развитие контакта с Марсом.*

Позитивная часть.

Контакт с Марсом развивается успешно и в полном соответствии с программой, намеченной Офисом по контактам. Все запланированные действия выполняются точно в срок и в достаточном объеме. Фактура:

Марс предоставил свои каналы для доставки функциональных групп и обеспечил их юридическое и информационное прикрытие марсианская структура активно приняла участие в Акции, благодаря чему Акция развивается строго по графику, с запланированным объемом разрушений госструктуры и внедрения параллельных структур Церкви в госаппарат

влияние Марса было использовано для получения многих необходимых документов и материалов

(надо бы добавить еще пару приятных фактов, подумал Роман, да только где их взять?)

Негативная часть.

Психологические и профессиональные качества марсианина Ди-Ара являются серьезным препятствием в дальнейшей работе. Фактура:

агентурная сеть, которой располагает Ди-Ар, ненадежна; это привело к срыву пунктов 43–455 и 233–889 графика Акции.

(пока еще рано делать выводы, подумал Роман, но из-за этих пунктов гвардия начала громить фирму, и еще неизвестно, не придется ли вообще фирму прикрывать...)

реакция Ди-Ара на критику выдает в нем опасную личность

при столкновениях с трудностями Ди-Ар выбирает путь скрытого ухода, при эмоциональной нагрузке склоняется к алкоголю, сознательно перекладывая на подчиненных ответственность срочных решений

негативно относится к лицам иной сексуальной ориентации, демонстрируя это на бытовом и административном уровне

страдает патологическим антисемитизмом, который тщательно скрывает от вышестоящих уровней

пренебрежительно относится к Учению Единого Принципа и вообще к духовной практике, в дискуссиях стоит на позиции неконструктивной критики

необязателен в финансовых взаимоотношениях с сотрудниками, значительно превышает предусмотренную смету представительских расходов за счет немотивированных контактов

(хватит, решил Роман, негатив не должен перевешивать)

Конструктивная часть.

Действия предпринятые и предлагаемые:

функциональные группы укомплектованы и совершенствуют свои навыки и духовное состояние, чтобы в любой момент быть готовыми к завершению Акции

(а другого пути теперь и не осталось...)

изолированы опасные личности в структуре противника

по предложению Руководства, Ди-Ар незаметно для него отодвинут от взаимодействия

с Марсом путем фильтрации его контактов через Церковь
(фраза витиеватая и бессмысленная, ну да ладно...)
Предлагается заменить Ди-Ара новым представителем Марса

Подпись.
Знающий побеждает».

Роман Старицын задумался — а стоит ли настаивать на замене Дональда? Еще неизвестно, кто придет ему на смену. К тому же надо сначала завершить цикл действий в направлении «русских шпионов». Дональд их выдумал, пусть он их теперь и найдет.

Затрещал телефон, и Роман поднял трубку, ожидая услышать отчет Сердюка. Но раздался незнакомый голос:

— Рома, у меня проблемы. Тут какие-то духи на нас наехали, затеяли войну, чуть нас не поубивали. Не то партизаны, не то наркоманы...

— Кто говорит?

— Друзей не узнаешь?

— Марат? — Роман вскочил с кресла.

— Что у вас творится? — возмущался незнакомый голос. — То же самое, что в городе? Скажи мне конкретно, есть смысл ехать на твой семинар, или лучше, в натуре, вернуться? Мне лишних проблем не надо. Я не думал, что с тобой так опасно работать. Ты куда меня втянул, Рома? Что за война? Ну, что молчишь?

— Ты можешь конкретно сказать, в чем дело? — спросил Старицын, свободной рукой включая рацию для связи с Сердюком.

— Чисто конкретно? Остановили на дороге. Начали шмонать. Тут налетели другие, на двух «козлах». Стали тех, первых, мочить. Мы — удирать. Плутали по лесу. Вот, сейчас стоим на шоссе и не знаем, куда двигать. Ну, и что нам теперь делать? Чего молчишь, Рома? Рома, прием!

— Ты где сейчас?

— На шоссе. Впереди вижу какой-то шлагбаум, типа блокпост, а дальше уже город видно.

— Как ты добрался сюда?

— Да Василь подвез.

— Василь? Великолепно!

На шоссе между пристанью и городом могли находиться сейчас только люди Сердюка, которым было поручено перехватить «лендровер» и убить Василя. Значит, Сердюк выбрал не тех людей на это дело. К счастью, к счастью!

— Ребята, не волнуйтесь, — сказал он. — Если ты видишь шлагбаум, значит, там уже безопасно. Сейчас я дам знать на пост, они вас будут сопровождать. Все будет в порядке. Спокойно добирайтесь до «Эксельсиора», я сам вас встречу!

Он тут же связался с Сердюком и отменил приказ.

— Боюсь, что поздно, Рон... — недовольно сказал Сердюк. — Так дела не делаются. То одно, то другое.

— Если хочешь знать, как дела делаются, спроси у своих лопухов, — сказал Роман.

— Ты о чем? Я только что с ними говорил.

— Ты меня понял? — жестко спросил Роман. — Все отменяется. «Лендровер» не трогать. Обеспечить полную безопасность! Понял? Полнейшую безопасность! Жду тебя в отеле. А лопухам своим все же перезвони.

Он расхохотался, бросив трубку.

Давно уже он не испытывал такого подъема. То, что случилось, нельзя было назвать удачей. Это была в чистейшем виде его величайшая заслуга. Это была победа.

Элемент везения? Микроскопический! Единственное, в чем ему повезло — это то, что

Дональд не успел полностью очухаться к тому моменту, когда на его компьютер поступило самое важное сообщение, и Роман его прочел. Сообщение касалось «русских шпионов».

Абсолютно надежный источник в Москве подтверждал, что фирма Глобо Торизмо привлекла внимание российских спецслужб и за океан была направлена группа для подготовки активных мероприятий против фирмы. Судя по тому, что группа формировалась с участием военной разведки, можно предположить подготовку различного рода диверсий и даже физическое устранение некоторых работников фирмы. Источник не располагал установочными данными, но это как раз и не требовалось.

Прочитав это сообщение, Дональд обреченно отстучал стандартный ответ и заверил, что противник находится под контролем. Как только поступит соответствующее распоряжение, он будет готов к *полному* контролю.

С похмелья он, видимо, не сообразил, что таким ответом вводит начальство в заблуждение. Он соврал начальству только для того, чтобы отвязаться, и не подумал о последствиях. Никакого контроля не было. Московские боевики разгуливали на свободе. Завтра на голову какого-нибудь клерка из структуры упадет кирпич, и эта нелепая случайность станет прекрасным доказательством надежности источника. И одновременно покажет полную ненадежность Дональда. Подписываясь под своим посланием, «марсианин Ди-Ар» подписывал себе смертный приговор.

А теперь Роман Старицын мог даровать ему жизнь. А мог и не даровать. Ладно, черт с тобой, живи и помни мою доброту, при случае рассчитаемся, решил он после раздумий.

Итак, Василя все-таки отдаем. Дональд получит тело «русского оператора», погибшего при попытке задержания. Скажем, что в фирме он зарегистрировался как Кирсанов. И пусть дальше сами разбираются. Дональда поругают, потом наградят. Все-таки врага уничтожил.

Живого Кирсанова оставим себе. С ним будут работать по высшему разряду. Он не только расскажет все, что знал, видел, слышал и чувствовал. Он будет работать на Церковь.

Роман Старицын приехал к «Эксельсиору», когда там уже стоял «хаммер» Сердюка.

— Ну, что тебе ответили твои лопухи? — поинтересовался Роман.

— Молчат. Попрытались, суки. Ладно, ладно, — мрачно проворчал Сердюк, сдвигая на лоб соломенную шляпу. — Разберемся.

— Какие версии?

— Без версий все понятно. Не поделили «лендровер». Там два звена состыковались неудачно, курганские и хорваты. Я предупреждал, что нельзя их рядом ставить. Они давно грызлись.

— Кого предупреждал? Когда? В какой форме? — деловито уточнил Старицын.

— Я все улажу, Рон, — пообещал Сердюк, не расслышав неприятного вопроса. — Если они никого из местных не зацепили, все будет шито-крыто. Ну, подрались, ну, постреляли немного. Бывает. Вообще, Рон, с моральным духом у нас не очень. Я вот думаю, может, все-таки хоть парочку баб в расположение подвезти? А то ведь лбы-то здоровые, а мы их все боевой подготовкой да духовной практикой отвлекаем. Ну, поют они эти гимны сраные, а что у них на уме? Уроды. Кого встречаем-то?

— Дорогих гостей, — сказал Роман.

— Наши люди?

— Не совсем. Наш там только один, и он уйдет со мной. Второго возьмешь на себя. Не оплошай на этот раз.

— Да не оплошаю, — Сердюк сплюнул. — Сука, я такую персоналку накатал. Поэма. Что теперь, переписывать?

— Время поменяй, этого достаточно, — посоветовал Роман. — В отчете главное — четкая фиксация по времени. И не забывай, что все просвечивается. Если будешь писать о применении оружия, укажи ответственных за хранение и эксплуатацию.

— Нет, не буду в такие тонкости залезать. Я попроще придумал. Оружие не применялось вообще, — сказал Сердюк. — Действуя строго по указаниям руководства, мы старались установить полный контроль. То есть живьем брали. А он, понимаешь, со

связанными руками выбросился из окна. Я сколько раз говорил, что решетки надо поставить.

— Про решетки тоже написал?

— Ну.

— Перепиши, — приказал Роман. — За решетки-то кого будут потом склонять на всех уровнях? Меня.

— Извини, не подумал. Ну, значит, он со связанными руками выбросился из вертолета при перевозке.

— Это уже лучше, — согласился Роман. — Кстати, мой вертолет отмыли?

Сердюк кивнул, зажав нос и страдальчески сморщившись.

— Как идет боевая подготовка? — спросил Роман.

— Занимаемся потихоньку. Слаживание пар, огневое взаимодействие. Народу маловато для серьезных-то дел.

— Зато какой народ, — сказал Роман. — Отборные бойцы. Со всего мира собирали. Я тебе ручаюсь, их не остановить. Это просто киборги.

— Не все, не все, — сказал Сердюк. — Халявщики тоже попадают. Я сейчас смотрел книгу участников. Так некоторые записываются гостями, суки. На халяву проживание, питание, экскурсии. Ему намекают, мол, давай подтягивайся в лагерь. А он — «спасибо, я на сафари записался».

— Данные списал? Из какой организации?

— Данные списать мы всегда успеем, — Сердюк покраснел, — тут дело принципа. Я что хочу сказать. Народу не хватает...

— Ты не крути, не крути, — сказал Роман. — Такие вещи надо моментально фиксировать. Ну что ты смотришь?

— Что, прямо сейчас бежать и записывать данные этого козла, что ли?

— Прямо сейчас, — спокойно сказал Роман.

Он никогда не упускал случая лишний раз погонять подчиненных, лишний раз, как щенков, ткнуть их носом в лужицы мелких промахов.

— А вот и наши гости, — сказал Роман, увидев, как из-за поворота показался «Лендровер-Дискавери».

И снова душевный подъем охватил его. Он давно уже промышлял переброской машин, но в этот раз самолет должен был забрать автомобиль, предназначенный для него самого. И это была самая лучшая машина, вполне достойная американского гражданина, который хочет пожить какое-то время в Крыму. Он представил себе, как подъедет к самой воде, бесшумно опустит стекло и вдохнет морской воздух... А потом, вынырнув из прозрачной глубины с полной пригоршней драгоценных камней, он выйдет на берег и рассыплет их на капоте... Мечты, мечты. Крым был его детской мечтой. Ему обещали путевку в Артек — и обманули. Что ж, он всего добьется сам. Он будет жить в Крыму и собирать камни, о которых столько слышал в детстве. Кстати, а не прикупить ли нам Артек, если от него еще что-то осталось?

— Ты говорил, что их двое, а я вижу трех, — отвлек его Сердюк. — Два мужика и баба.

— Ну и что? — сказал Роман. — Ты работаешь вон с тем, в голубом костюме.

— А с бабой-то что делать?

— Что хочешь, — Роман пожал плечами. — Только не отдавай ее в лагерь. Ты списал данные?

— Тут такое дело... — сказал Сердюк. — Он не записался нигде. Анкету не заполнил. Вещей в номере нет.

— Так-так, — сказал Роман, глядя, как Кирсанов снимает свой белый пиджак и передает его Оксане, сидящей в машине. — Что еще?

— Он звонил в Ленинград, — сказал Сердюк и торопливо добавил. — Я уже распорядился, я уже послал ребят за ним, я уже знаю, куда он...

— Каких ребят, кретин? — Роман даже зажмурился от ярости, прежде чем выкрикнуть: — Сам! Сам найди, сам доставь! Живым или мертвым!

Кажется, он закричал слишком громко. Оксана оглянулась и, наверно, увидела Романа, хотя он стоял, скрываясь за «хаммером». Опустив голову, она быстро прошла за Кирсановым в вестибюль отеля и скрылась за пыльным стеклом. Василь в своем неизменном голубом костюме и шляпе остался возле машины, белоснежной тряпочкой протирая фары.

— Хорошо, хорошо, — сказал Сердюк. — А с этими как?

— Выполняй приказ. А эти никуда не денутся. Их я пока развлеку, — сказал Роман Старицын. — погоди, не суетись. Хочу, чтобы ты осознал. Этот мужик из Ленинграда прибыл сюда не загорать. У него есть заказ, и он его постарается выполнить. А заказали ему... Знаешь, кого? Меня и тебя.

— Меня-то за что? — спросил Сердюк. — В смысле, я человек маленький.

— Ты ключевая фигура, — сказал Роман внушительно, проглотив возмущенное «ах ты, падла, меня, значит, ЕСТЬ ЗА ЧТО?!». — Ты отдаешь приказы людям, и они их выполняют. От тебя зависит боевая функция. И наши враги это знают.

— Все, Рон, я осознал. Задачу понял. Достану гада из-под земли.

— Не суетись, я сказал, — перебил его Роман Старицын. — Подключай всех. Все группы. Мальчики застоялись без дела, так пускай развлекутся на прочесывании. Прямо сейчас забирай всю охрану из отеля, мне оставишь двоих. Вертолеты тоже задействуй.

— Один вопрос, — Сердюк поднял палец. — Как он выглядит? Какие на нем могут быть документы?

— Он может выглядеть как Дед Мороз или как Снегурочка, — сказал Роман. — У него могут быть документы на имя капитана Сердюка. Нет, Серый, ты все-таки не осознал еще...

— Да осознал я, осознал. Караулы тоже подключать?

— Тоже подключать. Надо обшарить каждый кустик. Не найдешь засветло, ищи ночью.

Сердюк густо покраснел. Роману Старицыну уже был знаком этот симптом. Кровь била Сердюку в голову, когда он хотел, но не мог что-то сказать. Конечно, сейчас он хотел возразить Роману. Наверно, у него было какое-то свое мнение насчет прочесывания в непроходимом лесу, тем более ночью. Наверно, он не мог побороть слепое преклонение перед уставами караульной службы. Наверно, у него были десятки других возражений — но все их придется привычно засунуть себе в жопу. Он не мог возразить Роману Старицыну. Потому что каждый, кто возражал Старшему Координатору класса «А», мог оказаться Опасной Личностью. И Сердюк сказал то, чего и ждал от него Роман.

— Есть, Рон. Будет сделано, Рон. Разрешите идти?

— Вперед, Серый, — подбодрил его Роман, — нас много, а он один.

Глава 22. Рафтинг, дайвинг и петтинг

Устроившись поудобнее на свернутом пончо, опираясь спиной на колесо «тойоты», Гранцов изучал тетрадки, иногда бросая быстрый взгляд вдоль реки.

Первая тетрадка была почти вся залита какой-то бурой дрянью, прочесть можно было только несколько строк. Зато на задней странице обложки сохранились таблица умножения, «цена 5 коп» и ГОСТ-12...(0 или 9?)...63–75.

Ну и что? Это еще не русский след. Мало ли советских тетрадок разлетелось по свету в пионерских посылках.

Вторая тетрадка оказалась розовой, в четких голубых клетках на белоснежной гладкой бумаге, на задней странице обложки можно было прочитать: Artikel Nr. 57 436 352 EVP 1,75 М. Наверно, сделано еще в ГДР, решил Гранцов, раскрывая тетрадь.

Все записи в ней велись, безусловно, одним человеком. Но почерк со временем менялся — он становился крупнее, буквы начинали вываливаться из клеток, и строчки свисали вдоль полей. Это был дневник молодой женщины, и ее воспоминания смешивались с фантазиями и сиюминутными заметками.

«Май или июнь, 1986. Я нанесла эмоциональный вред мужу и опустила свой эмоциональный тон до отрицательного уровня.»

Лестничная клетка, мы стоим перед закрытой дверью нашей квартиры. Замок испортился, муж не может его открыть. Ночь, мы вернулись из гостей, был какой-то праздник, муж пьян. Он предлагает провести ночь в баре аэропорта, как в студенческие годы. Я ничего не отвечаю, сажусь на пол. Он становится на колени, просит поехать с ним. Я говорю, что он может делать что угодно, а я уйду ночевать к соседке. Он уходит. Я иду к соседке. Там гости, трое мужчин и две женщины. Все пьяные. Муж соседки запирается со мной на кухне. Мы с ним спим. Это происходит как бы не со мной. Я словно смотрю эротическую кассету. Мы делаем это на столе, на подоконнике, на полу среди пустых бутылок. Утром муж соседки перелезает с крыши в нашу квартиру и открывает дверь. Мы с ним еще раз спим у нас дома. Муж возвращается днем. Он всю ночь бродил по городу, пытался переночевать на вокзале, его там обворовали.

Если бы я поехала с ним в аэропорт, ничего не случилось бы. Я сознательно опустила мужа до уровня затаенной обиды.

Мой собственный уровень в тот момент, скорее всего, можно оценить как удовлетворенность. Предыдущий уровень — скука. То есть я подняла свой эмоциональный тон, а тон мужа опустила, результатом чего стала тревога, то есть мой окончательный эмоциональный тон оказался резко отрицательным».

«Август, 1987. Я причинила эмоциональные страдания своей матери.

Ночь, телефонный звонок. Это звонит муж из стройотряда. Он просит встретить его на вокзале, у него будет много вещей. У меня в этот день семинар по дзэн-буддизму. Но я ничего ему не говорю про это и обещаю встретить. Тут же звоню своей матери и объясняю ей ситуацию: мне надо вести семинар, а она могла бы встретить поезд. Однако мои логичные аргументы не доходят до сознания матери. Вместо того, чтобы выслушать меня и помочь, она обрушивает на меня нескончаемые обвинения. Я пытаюсь ей объяснить, что интересы большого числа людей выше частных интересов одного человека, но она меня не слушает. Как назло, она услышала недовольное ворчание Ильи, который проснулся от всех этих полуночных дискуссий. Это не могло не дать ей еще один, сокрушительный, повод для обвинений. В конце концов я сказала, да, я блядь, я плохая дочь, но я твоя дочь, это ты меня сделала такой. И положила трубку, не дав ей произнести даже слова в ответ. Как выяснилось, ночью она даже вызывала «скорую», у нее были проблемы с сердцем.

Таким образом, я довела отрицательные эмоции матери от антагонизма до негодования, а потом и до отчаяния. Мой собственный тон при этом опустился еще ниже, до страха и сочувствия».

«Август, 1994. Я нанесла эмоциональный ущерб семье своего случайного знакомого.

Набережная в Париже. Я замечаю на скамейке Илью. Он сильно постарел за эти годы, растолстел. Он в дорогих очках и хорошем костюме. Я присаживаюсь рядом, пытаюсь установить контакт. Он обеспокоен моим появлением. Я начинаю говорить с ним, вспоминаю наши встречи, какой он был смешной и робкий, все время боялся, что муж вернется. Он отвечает односложно, все время оглядывается. Появляется какая-то толстая дама восточного типа, и он вскакивает ей навстречу. Они уходят, он скомканно прощается со мной. Она ругает его, размахивая руками, кричит по-итальянски.

В результате эмоциональный уровень Ильи опустился до самоуничижения, безнадежности и раскаяния. Его жена сорвалась с положительных тонов до отрицательных, от веселья к негодованию».

Гранцов бегло просмотрел еще несколько страниц. Пока в тексте не встретилось ничего, что помогло бы установить личность автора дневника. Кроме этого, хотелось бы встретить упоминания о тех, кто приказал вести этот дневник.

Он вспомнил, что, когда Регина занималась на курсах в Институте Духовной Реабилитации, ее тоже заставляли записывать свои самые интимные воспоминания и оценивать их по какой-то изощренной методике. «Какой материал для шантажа накапливался у хозяев Института», — подумал он, перелистывая страницы в поисках хоть каких-то имен и фамилий.

«14 апреля. Москва. Ездил в КГБ чтобы они прекратили свои проiski, зашла в магазин, рядом пельменная, купила сало и сливки — стало тошнить сразу от сливок. Проверить сливки и сало на аммиак. Чем больницы строить, СЭС пусть работает. Бронхит 10 дней аммиак вызывает раздражение верхних дыхательных путей. Сам начальник КГБ кашлял — я заметила, но он не желал долго со мной разговаривать. Продавщица — толстуха, маленькая.

Андреев Дмитрий говорил про самый лучший ресторан в Москве — забыла. Жила я у него в г. Бердянске на квартире. Семинар по медитации. Рация у него спрятана в гараже. 2 раза выходил в эфир, потом поехал в Германию под видом туриста. Проживает ул. Бехтерева 18, г. Бердянск. Жену отправляет постоянно в сумасшедший дом. Она от этих таблеток постоянно пьяная, лежит, работать не может. Таблетки не лечат, а калечат людей. Андреев говорил, что у него начальник милиции друг.

Меня угощал помидорами — я тоже спала неделями. Снотворное совал. Разве лечат психиатры?

Эсэсовские эксперименты над людьми. Нормального человека делают дураком. Кто не понимает — подумает правда — больной. Психиатрическая война — на испуг. Люди боятся психиатрии и молчат!»

«3 июня. При отравлении 3 ст. ложки питьевой соды + 2 ст. воды и целый час качать на кровати — желудок промывается. Повторить! Молоко! На следующий день.

Если рана — залить спиртом ».

Гранцов не выдержал и засмеялся.

— Надо запомнить. Если рана — залить спиртом. Это же на все случаи жизни.

— Что? — переспросила Татьяна из-за «тойоты», где она сушила одежду на солнце.

— Потом объясню. Все равно спирта нет. Ты еще не высохла?

— Дай мне еще десять минут, — попросила Татьяна. — Не подходи, я тут совсем голая.

«17 августа. Какое просветление! Пишу лежа. С утра подумала о том, что я избавлюсь от аммиака в крови, и сразу почувствовала просветление. Не хочется ничего делать, только лежать. Кровь очищается быстрее, когда лежишь. Не буду вставать»

«11 февраля. Опасная личность — Кузнецова Ирина. Проживает в Анжеро-Судженске, ул. Бехтерева, 21. Пыталась узнать мой адрес, прислала письмо. Участковый заходил с письмом от нее, спрашивал. Я все знаю. Она знает, что я измеряла аммиак в водопроводе. Хочет скрыть правду. Она моя мать, сама сдавала меня в ПНД. Таких опасных личностей надо убирать».

«Вот оно! Если эти фамилии записаны верно, то уже есть за что зацепиться. Все-таки не зря я стащил именно эту тетрадку!» — подумал Вадим. Он аккуратно сложил обе тетради в полиэтиленовый пакет и спрятал у себя на груди. Что бы ни случилось, он должен довести их до дома.

— Так это она на собственную мать стучит, — пробормотал Гранцов. — А опасных личностей надо убирать, это точно.

— Что? Я не слышу, — сказала Татьяна, виновато улыбаясь и показывая пальцем на плотную повязку вокруг головы.

— Да я не с тобой, — сказал он. — Ну что, ты уже не голая? Поехали дальше?

Вместо ответа она запустила двигатель.

Они поехали вдоль берега реки по остаткам старой дороги, и Татьяна рассказывала об этих местах. Когда-то здесь пролегал довольно оживленный путь, который связывал Сан-Деменцио с побережьем. До сих пор можно было заметить остатки рекламных щитов и дорожных знаков, которые то и дело выглядывали из-за молодых деревьев. Покосившиеся столбы — вот все, что осталось от того времени. Придорожные таверны, заправки и

небольшие поселки — ничего этого уже не было видно под буйной зеленью.

Здесь было землетрясение, после чего разлилась река и утопила тех, кто выжил под развалинами. А потом начал действовать трупный яд, людей валили эпидемии. Неудивительно, что теперь здесь трудно встретить человека.

То землетрясение могло бы стать сенсационным, но в этот район не заглядывают журналисты. А местные власти в своих отчетах напирали на масштабы разрушений, а не на число жертв. Жертвам все равно, а под разрушения были выбиты астрономические объемы стройматериалов. По реке потянулись караваны с американскими цементными мешками. Складываешь такие мешки один на другой, потом просто заливаешь водой — получается бетонная стенка. Что-то я не заметил новостроек, сказал Гранцов. Аэродром, сказала Татьяна. Они построили аэродром. Кому были нужны новые дома, те погибли. Кто жил в деревянных бараках, так и остался в них. Индейцы ушли еще глубже в лес. А губернатору был нужен аэродром, чтобы к нему в национальный парк прилетали тысячи туристов со своими долларами.

Это было пять лет назад. За пять лет, конечно, можно построить современную взлетно-посадочную полосу. Но для этого нужна техника и люди. Техники здесь не было. Люди погибли. Откуда же взялся этот аэродром?

Его построили сумасшедшие, сказала Татьяна. Те, которые живут в лесном лагере.

Только сумасшедшие могли затеять такое. И только сумасшедшие могли воплотить затею в жизнь.

Нет, подумал Гранцов, это не просто психи. Он вспомнил, как уверенно держала винтовку в руках та бритоголовая тетка. Может быть, это ее тетрадку он перечитывал сейчас? Такие дневники ведут в разных сектах, это помогает очищать сознание. Да и начальству легче контролировать процесс. Добраться бы до этого начальства...

Кто-то же сделал их такими! Были люди как люди, со своими радостями, со своими слабостями. Но со своими, неповторимыми. А теперь все стерлось, отшлифовалось, и три одинаковые фигуры в одинаковых нелепых балахонах снова возникли перед Гранцовым, и он снова похолодел от необходимости убить их.

Стоп. У тебя не было вариантов, сказал он себе. Посмотри на Татьяну. Она жива только потому, что ты убил их.

Он посмотрел на Татьяну, и увидел, что она смотрит не на дорогу, а на него.

— Ты что-то сказал? Я не расслышала.

— Мне нужен факс, — неожиданно для себя ответил Гранцов. — Здесь можно где-нибудь найти факс?

— Прямо сейчас? — деловито спросила Татьяна.

— Неужели есть? В машине?

— Здесь недалеко работают экологи из Калифорнии, у них есть связь. Это мои друзья, — добавила она. — Я могу их попросить. Наверно, пятидесяти долларов хватит. У тебя есть пятьдесят долларов?

— А можно местными? — спросил Гранцов, заглянув в бумажник. — Хоть все отдам. А доллары могут еще пригодиться.

— Можно и местными, — она быстро пересчитала яркие бумажки. — Правда, надо признать, мои друзья тоже предпочитают доллары.

Чтобы добраться до экологов, пришлось пересечь брод под самым водопадом и долго ехать по каменистому берегу. Наконец впереди показались две ярко-зеленые круглые палатки и спутниковая антенна на мачте, увенчанной американским флагом. От берега почти до середины реки были выдвинуты деревянные мостки, обвитые разноцветными кабелями. Гранцов огляделся и не обнаружил дизель-генератора. Понятное дело, экологи. Наверно, на этих мостках у них была своя экологически чистая ГЭС.

Калифорнийские друзья оказались двумя семейными парами. Татьяна принялась щебетать с женщинами на гнусаво-картавом наречии, где мелькало только одно знакомое слово — «крэйзи». Мужчины предложили Гранцову растворимый кофе. Узнав, что он

русский, они спросили его, пьет ли Ельцин. Ельцин пьет, сказал Гранцов, а по Невскому проспекту ходят белые медведи. «Oh, really?» — вежливо изумились экологи.

Он отправил три послания: обложку советской тетрадки с таблицей умножения и две странички из дневника. И как только поступило подтверждение, что все три страницы каким-то чудом преодолели джунгли, океан, пустыню, Европу, обломки железного занавеса, русскую телефонную сеть и, наконец, легли на стол дежурного по Базе — только тогда Гранцов подумал о себе. Дело сделано. Пора возвращаться. Но как?

Встретиться с Кирсановым и Оксаной. Прийти с невинным видом на семинар, дожидаться его окончания и вместе с другими участниками и гостями совершить «трансфер» в аэропорт, как и предсказывала программа Глобо Торизмо.

Почему-то этот вариант внушал Гранцову смутные опасения. Почему-то ему очень не хотелось сегодня возвращаться в свой отель «Эксельсиор».

Плох тот солдат, который доверяет смутным опасениям и неясным предчувствиям. Опасения должны быть обоснованными, а предчувствия — ясными.

Пока у него было только одно основание для тревоги — неприязненный тон координатора семинара.

Возможно, была и другая причина не ехать в отель, но Гранцову не хотелось ее искать. А что ее искать? Вот она, эта причина, сидит рядом за рулем «тойоты» и все чаще встречается с ним глазами...

— Жалко, что у тебя нет вертолета, — сказал Гранцов. — Как можно отсюда выбраться?

— Ты очень торопишься?

— У меня самолет послезавтра. Не хочу рисковать.

— Сядешь на пароход до Кальенте, оттуда — автобусом. Устраивает?

— Вполне. Довезешь меня до пристани?

— Конечно, — сказала она. — Но ты можешь переночевать у меня. Пароход будет только утром.

— Дай подумать...

— Я тебя приглашаю, — сказала она. — Ты отказываешь мне?

— Не могу отказать, — сказал он.

Было уже темно, и в белом свете мощных фар пробегали стволы деревьев и прыгала разбитая дорога. Вдруг в черных кустах на обочине мелькнула фигурка. Татьяна резко остановилась. На дорогу выскочили двое пацанят.

Татьяна открыла им заднюю дверь, но они не полезли в машину, а зачирикали, размахивая руками и подпрыгивая от возбуждения.

Пацанята убежали в темноту, а Татьяна повернулась к Гранцову.

— У нас проблемы. Вокруг моего дома солдаты.

— Полиция?

— Нет. Это солдаты губернатора. Легионеры. Они весь день караулят мой дом. А другие ездят по всем моим маршрутам. Они ищут меня везде. Дети говорят, что над лесом летали вертолеты.

«Значит, облава. Значит, опять измена», — подумал Гранцов. Значит, Москва не просто так приказывала вернуться. Подтвердилась старая истина: даже самый idiotский приказ обычно имеет глубокий смысл, недоступный исполнителю.

— Плохо ищут, — сказал Гранцов. — Что ты натворила, сознавайся. Зачем тебя ищет сам губернатор?

— Не знаю. Но мне не нравится все это. Дети говорят, солдаты застрелили мою собаку и содрали с нее шкуру.

— Здесь едят собак?

— Среди легионеров много азиатов.

— Знаешь, — сказал он, — не хочется мне с такими солдатами встречаться. Лучше я на пристани переночую.

— Как знаешь.

— А если к тебе будут приставать насчет меня, ничего не скрывай. Все расскажи. Обычная экскурсия по водопадам.

— Почему ты думаешь, что они будут спрашивать о тебе?

— Могут спросить. Скажи, что довезла меня до поворота, и я ушел в отель «Эксельсиор».

— Хорошо, скажу.

Он выпрыгнул на дорогу и вытянул за собой сумку.

— Вадим, — сказала она, вслед за ним выбираясь из «тойоты». — У меня есть катер.

— Отлично, — сказал он. — В следующий раз покатаемся.

— Ты не понял. Мы можем не ждать парохода. Если ты не хочешь встречаться с солдатами, то тебе нельзя ночевать на пристани.

— А ты умеешь водить катер по ночной реке?

Она помотала головой:

— Я почему-то была уверена, что ты умеешь.

Гранцов ободряюще встряхнул ее за плечи.

— Не волнуйся, все будет хорошо.

«Наверно, надо бы ее поцеловать», — подумал он. — «Да ведь она неправильно это поймет. Они всегда всё понимают, но всегда неправильно».

— Хочешь, я отвезу тебя до пристани?

— Здесь близко, я уже ходил по этой дороге, — сказал он.

— У тебя есть фонарик?

— Есть, но он мне не нужен. Вон какая луна.

— Непременно позвони, когда вернешься в Ленинград, — сказала она.

— Всенепременнейше, — сказал он и для убедительности произнес ее телефонный номер.

— Жалко, что мы так неожиданно расстаемся, — она пощупала перевязанный лоб. — Как я, наверно, глупо сейчас выгляжу.

— Я тоже.

— Это ужасно, но я не могу ничего изменить. Я не хочу, чтобы ты ушел. Понимаешь? Просто так — взял и ушел. Не уходи.

Он не знал, что ей ответить. «Измена, измена, — стучало в голове. — Они ищут меня, а не ее. Если бы мы не завернули к экологам, вполне могли напороться на облаву. Может быть, снова податься к американцам? Нет, до них тоже доберутся, если уже не добрались. Надо где-то спрятаться».

Она вдруг схватила его за руку.

— Я хотела сказать, что ты очень много для меня сделал. Ты изменил мою жизнь. Понимаешь, я всех учила, что главное — это выжить. А после встречи с тобой поняла, что все не так. Главное — не как выжить, а как прожить. Я очень хотела тебя когда-нибудь еще раз увидеть. Так много надо сказать... И вот мы встретились, и ты уже уходишь. Это неправильно. Так нельзя.

«А ведь они от нее просто так не отстанут, — подумал Гранцов. — Она не сможет им врать. Нет, врать-то она будет, но они ей не поверят. И не отстанут. Расколется баба, не выдержит. И они узнают все».

— Я передумал, — сказал он. — Тебе нельзя сейчас оставаться одной. У тебя есть место, где ты могла бы перекантоваться какое-то время?

— Есть.

— Сделаем так, — решил Гранцов. — Едем к тебе. Если там никого нет, собираем вещи и уходим на катере. Если там кто-то есть, то уходим без вещей.

Они оставили «тойоту» среди картонных лачуг, покрытых ребристой жостью. Татьяна вполголоса договорилась с какими-то женщинами, и они долго обнимались, прощаясь с ней.

К ее вилле они вышли со стороны реки.

— Пахнет дымом, — прошептала она. — Кто-то курит возле дома.

— Интересно, кто бы это мог курить? — шепотом ответил Гранцов, отвязывая катер. — Баки заправлены?

— Конечно. Подожди, Вадим. Может быть, я все-таки попробую войти в дом?

— Не советую. Прошу на борт.

Он с усилием перебирал руками скользкие доски причала, выводя катер на течение. Потом взял весло и оттолкнулся от стенки. Тяжелый катер медленно разворачивался, почти не слушаясь весла.

— Если мы заведем мотор, они нас услышат, — сказала Татьяна.

— Соображаешь, — похвалил ее Гранцов. — Спустимся по течению подальше. Плохо только, что луна сегодня. Будем надеяться, что здесь не принято гулять у речки по ночам.

Течение подхватило катер и понесло прочь от белеющих в темноте свай причала. Когда же они растаяли позади, стало казаться, что катер застыл на воде. Над головой висели неподвижные звезды, за лесом замер ровный диск луны. И только одинокий огонек на берегу медленно смещался в сторону.

— Далеко еще до моста? — спросил Вадим.

— Не могу сказать. Не вижу ничего.

— На нем есть какое-нибудь освещение?

— Нет. Это разрушенный мост. Он обвалился во время землетрясения. Кое-как уложили доски через проломы, но машины по нему не ходят. Только люди. Нет, я думаю, что там нет никакого освещения.

— Откуда у тебя такой крейсер?

— Достался вместе с виллой. Я каталась на нем только один раз. Не для удовольствия, по работе. Хорошо, что клиент был опытный моряк, он сам с ним возился. Все наладил, все мне показал. Он говорил, это ценная вещь.

— Хотя бы одну твою ценную вещь мы спасли, — сказал Гранцов. — Ты хотела вернуться за чашками?

— Как ты угадал?

— У меня дома такие же, «Ломоносовский кобальт», — соврал Вадим и тут же поправился: — Или почти такие же. То есть не у меня, а у жены.

— Когда ты успел жениться?

— Как только вышел из госпиталя.

— Поздравляю.

По голосу можно было догадаться, что Татьяна не слишком обрадовалась. Зато Гранцов искренне порадовался своему умению деликатно сообщать неприятные новости.

Мост показался неожиданно. На повороте река расширялась, и темная полоса, висящая над водой, словно выползала из леса. Гранцов услышал, что вода где-то впереди начала шуметь. До сих пор она только тихо плескалась о борт катера.

Шум — это плохо. Это какое-то препятствие. Пороги. Или обломок конструкции, торчащий над водой.

Дрейфующим катером почти не удавалось управлять. Если бы у Гранцова было хотя бы два весла! А одним веслом ему не справиться. «Если течение вынесет нас на это шумящее впереди препятствие, — думал Вадим, — то не останется времени для маневра. Надо срочно запускать двигатель. А если на мосту солдаты? А если не на мосту, а на берегу? По воде шум разносится далеко. Запустим мотор — и его услышат даже в «Эксельсиоре». Нет, будем терпеть до последней возможности».

Он изо всех сил загребал вправо, чтобы держаться подальше от середины моста. Уже были видны свисающие к воде балки и покосившиеся опоры. Под серединой обязательно лежат на дне всякие железки и куски бетона, они-то и шумят, как пороги.

Внезапно катер чиркнул днищем и застыл на месте, и вода зажурчала, обтекая его по бортам.

— Мель! — сказал Гранцов. — Приплыли.

— Что мне делать?

— Только не кричать.

«Эх, был бы здесь Марат», подумал Гранцов. «Придется промочить ноги. Вот и не верь после этого в примету насчет женщины на корабле».

Он отмотал несколько витков швартового конца и привязал к своему поясу. Стараясь не плескаться, прыгнул в воду. Ноги по щиколотку погрузились в песок. Обойдя вокруг катера, Гранцов заметил, что дно здесь круто углубляется в сторону ближнего берега.

— Вадим, чем я могу помочь?

— Иди сюда. Только привяжись как я, кормовым.

Вдвоем они смогли, раскатав катер, сначала сдвинуть его с гребня мели, а потом, натягивая веревки и пятась назад, оторвали днище от песка. Но, пройдя еще несколько шагов к берегу, Вадим вдруг почувствовал, как дно стремительно уходит из-под ног.

Это было похоже на боковую подсечку. Холодная струя смела его ноги в сторону, и Вадим окунулся с головой. Когда он вынырнул, Татьяны не было видно, и темный силуэт катера покачивался метрах в десяти от него.

С шумом и плеском над водой показалась перевязанная голова Татьяны.

— К берегу плыви! — скомандовал Гранцов.

Он забил ногами, пытаясь натянуть конец. Ему казалось, что он остается на месте. Перевернувшись на живот, он изо всех сил греб брассом. Где-то рядом шумно была по воде Татьяна. Еще рывок вперед, и нога задела дно.

По лицу мягко хлестнули листья свисающих над водой веток. Он ухватился за них и смог еще подтянуться вперед. Под ногами податливо прогибались какие-то корни, но дно было твердым, глинистым.

— Руку! Дай руку! — всхлипнула Татьяна, и ее голова погрузилась в воду.

Он едва успел схватить ее за короткие волосы, когда течение пронесло ее мимо.

Выбравшись из воды на скользкую траву, они долго сидели, обнявшись. Татьяну трясло, как в лихорадке, ее зубы стучали.

Гранцов затянул катер вплотную к берегу, и ветви закрыли его. «Хорошее место для дневки», — подумал Вадим, быстро раздеваясь и выкручивая одежду. Татьяна последовала его примеру. Они развесили свои майки и джинсы на ветвях. Вадим достал из сумки пончо и укрыл им себя и Татьяну.

Они сидели на траве, прижимаясь друг к другу.

— О чем... о чем ты думаешь? — спросила она.

— О рыбах, — ответил он, чтобы отвлечься и не замечать ее горячей кожи. — Тут у вас водится такая рыбка замечательная. Ее привлекает запах мочи.

— Пиранья?

— Хуже. Гораздо страшнее. Эта рыбка маленькая, меньше кильки. Наверно, как гуппи.

— Что же в ней тогда страшного?

— Как бы тебе объяснить... Она проникает в мочеиспускательный канал. Естественно, головой вперед. И там остается. А теперь представь, как ее оттуда достают.

— Как? Вот так, — прошептала она, и ее рука скользнула вниз по его животу.

Он вскочил на ноги.

— Ну что ты? — Татьяна встала на колени, скинув пончо, и прижалась горячей грудью к его бедру. — Не убегай.

Вадим с силой отвел ее руки.

— Тихо! — приказал он громким шепотом. — Здесь кто-то ходит рядом.

При свете низкой луны ему хорошо было видно, что в траве, покрывающей берег, тянется едва натопанная тропка. Она шла от воды к высоким кустам под ивами.

— Никого тут нет. И не может быть, — шептала Татьяна, расправляя пончо на траве. — Иди ко мне.

Но он пошел не к ней, а к тому месту, где тропинка спускалась к реке. Там раздавалось почти неслышное журчание. Из-под валуна пробивался родник. В круглой глубокой лужице

поблескивали под луной разноцветные камни, и короткий ручеек стекал в реку. Песок вокруг родника был ровным, утоптаным.

Вадим быстро натянул мокрую одежду и зашагал по тропинке. Как он и ожидал, в кустах оказалась прореха — кто-то аккуратно вырубил все ветки, кроме наружных. Он шагнул вперед и увидел небольшую поляну, окруженную серебристыми ровными стволами. И на ближнем к нему стволе четко виднелась полоска протертой коры. Как раз над выступом от срезанного сучка.

Такие полоски обычно остаются после гамака.

— Иди сюда, — негромко позвал он Татьяну. — Кажется, я нашел место, где мы проведем этот день.

Она подошла и прижалась к его спине.

— Сначала мы проведем здесь эту ночь, — сказала она.

«Не отстанет, — обреченно подумал Вадим. — Что бы ей такое рассказать, чтоб она остыла?»

Он повернулся и бережно обхватил ее запястья, опустив их. Татьяна закрыла глаза и, запрокинув лицо, потянулась к нему губами.

И вдруг кто-то приказал по-русски:

— Руки за голову! Быстро!

Голос прозвучал негромко, но резко и властно.

Гранцов медленно соединил ладони на затылке и подумал: «Как хорошо, что я успел одеться». Татьяна, растерянно оглядываясь, просто подняла руки над головой.

— На колени! Живо! Лечь! Лицом вниз! И тихо мне тут! Один звук — и вам конец.

Глава 23. Дружеский допрос

Марат не сразу узнал Старицына, потому что еще никогда не видел его в камуфляже. Пятнистые брюки с лямками, оливковая майка, высокие ботинки. На широком поясе — кобура, надетая по-немецки, слева у пряжки. Черные очки с утолщенными дужками, от которых вьется тонкий проводок куда-то за спину — это уже не просто очки, а мини-рация. И серая «испанка» с черной кисточкой и черной пластиковой кокардой.

— Не спрашиваю, как доехали, — Роман снял пилотку и засунул ее под плечевую лямку, а очки сдвинул наверх, за лоб. — Знаю, что с приключениями. Сейчас мои люди уже поехали разбираться. Извините, господа, но никто не обещал вам, что путешествие будет скучным.

Он крепко пожал руку Марату, а Василя еще и похлопал по плечу:

— Я знал, кому доверить такое дело! Пойдем, посмотрим на нашу красавицу. Марат, Ксюша, посидите пока здесь.

Обнимая одессита за плечо, Старицын вышел из холла. Марат опустился в красное плюшевое кресло, и к нему тотчас подошел официант с подносом, на котором стояла одна единственная чашечка кофе.

Оксана ходила туда-сюда вдоль широкого окна, сунув кулачки в карманы пиджака.

— Ну что ты нервничаешь, — сказал Марат. — Все нормально. Мы ехали-ехали, и наконец приехали. Успокойся, присядь, выпей кофе.

— Насиделась уже. На всю жизнь насиделась.

Старицын вернулся один и спросил:

— Марат, билеты на семинар у тебя? Давай сюда, надо оформить кое-какие бумаги. Бюрократия мать порядка. Паспорт тоже давай, сниму ксерокопию. А где Вадим Андреевич? На карнавал улетел?

— Не знаю, — ответил Марат.

Он хотел добавить, что Гранцов отделился от них по пути, но вместо этого почему-то сказал:

— Он сам по себе, а мы сами по себе. Слушай, Ромка, что у вас творится? Война?

Может быть, мы лучше в следующий раз поговорим о наших делах? Я смотрю, тебе сейчас не до меня.

— Да здесь круглый год война, — рассмеялся Старицын. — Двадцать пять часов в сутки. Не стоит обращать внимания, считай это местным колоритом. Ксюша, пойдем, я покажу тебе ваши апартаменты. Марат, а с тобой мы заглянем в канцелярию. Подожди меня, я быстро.

Подбежавший легионер подхватил с пола сумку Марата и поспешил вслед за Старицыным, который увел с собой Оксану по лестнице.

Марат посмотрел в окно. Изумрудный «лендровер» сверкал посреди площади у фонтана, в котором плавали апельсиновые шкурки и смятые жестяные банки. Роскошный внедорожник смотрелся здесь примерно так же, как смотрелась бы летающая тарелка.

Стайка голоногих пацанят стояла на почтительном удалении и потрясенно гладела на это четырехколесное сокровище.

«Когда только Василь успел так начистить все, что может блеснуть?» — подумал Марат. — «И, кстати, куда он подевался?»

Старицын сбежал по лестнице и уселся в кресло рядом с Маратом. Лицо его было озабоченным.

— Не хотел говорить при посторонних, — он доверительно наклонился к Марату и сжал его локоть. — На самом деле у нас, конечно, все не так гладко. Есть проблемы. Хорошо, что ты все-таки приехал, я очень рассчитываю на твою помощь.

— Какая от меня может быть помощь?

— Да хотя бы элементарная моральная поддержка. Думаешь, мне легко тут одному? Здесь не с кем даже шуткой перекинутся. Знаешь, что такое настоящая чужбина? Это когда никто вокруг не понимает твоих шуток.

— Я тоже не понимаю местных шуток, — сказал Марат. — Когда меня ставят раком и шмонают на лесной дороге, а потом начинается Сталинградская битва, я таких шуток не понимаю.

— Это далеко не шутки. Мне только что сообщили, что целое звено моих ребят полностью уничтожено. Другое звено исчезло с оружием. Боюсь, что они решили переметнуться.

— Ну и дела.

— Ничего не поделаешь, когда гонишься за количеством, страдает качество. Законы марксистско-ленинской диалектики, как видишь, торжествуют даже в сельве Южной Америки. Раньше наша структура славилась очень строгим отбором. Вспомни, каких трудов тебе стоило пробиться на семинар. Ты поехал один от многомиллионного Ленинграда. А теперь от одного только Кургана прислали семерых бойцов. Я даже не знаю, где находится этот Курган! И вот результат. Вся семерка дружно исчезает, перебив моих лучших людей и прихватив оружие, транспорт и средства связи.

Старицын в гневе стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— И это — в такой момент! Когда мы стоим на пороге тотальных перемен!

«Кажется, бывал я в Кургане, — подумал Марат Кирсанов. — Как раз после него мы перебрались в Уфу, а потом в Саратов. Нет, до Уфы был Челябинск. Моя последняя гастроль. Курган, Курган... там хорошо подавали. Чем беднее народ, тем больше подают попрошайкам. Там даже пьяницы подходили к нам, предлагали выпить в ответ на все эти бредни насчет объединения с человечеством. Хорошие люди живут в Кургане. Доверчивые».

Ему вдруг пришло в голову, что доверчивые курганские жители вполне могли влиться в секту Пука. Они же верят всяким хорошим словам, особенно, когда эти слова произносят красавчики вроде Ромки или вроде тех девчушек-попрошак, таких скромных и приветливых... Которые каждую ночь становились подстилками для охранников.

И вот такие простые ребята с рабочей окраины однажды объединились со всем человечеством, и стали заниматься фатта-до, и добились успехов, и попали на семинар в Южную Америку. О такой удаче нельзя было и мечтать у себя в Кургане. И чем закончился

для них семинар? Пулеметной очередью в спину.

Я их убил не здесь, сказал себе Марат. Я убил их еще там, когда бродил по убогим, но приветливым улочкам, и заманивал к Преподобному.

Как хорошо, что никто об этом не знает.

Но я-то знаю. Что мне теперь делать с собой?

Эх, был бы рядом Вадим Андреевич. Вот кому можно открыться. Он бы помог.

Вернусь в Питер, обязательно разыщу его, решил Марат. На воскресной службе в Никольском соборе. Господи, я даже не знаю, где этот Никольский собор...

Он отставил свою чашку.

— Что-то я не догоняю, Рома, к кому эти твои курганские могли переметнуться? — спросил Марат. — Тут кругом много-много диких обезьян, и еще солдаты встречаются. А людей мы по дороге как-то не наблюдали. Говорили еще про каких-то партизан...

— Легенды. Мифы и легенды диких племен, — сказал Старицын. — Партизаны давно кончились. Сейчас в сельве можно напороться только на охранников кокаиновых плантаций. Но они люди мирные и спокойные, никогда первыми не стреляют, поезда под откос не пускают. Зачем это делать ребятам, которые получают по штуке баксов за месяц? И, в принципе, у нас с ними мирное соглашение. У них свой бизнес, у нас — свой. Если курганские решили, что на плантациях им будут платить большие деньги, то они сильно заблуждаются.

— Тебе надо подкрутить гайки в вашей службе безопасности, — посоветовал Марат. — Что за дела? Просвечивать надо каждую фигуру. У меня вот фирма маленькая, и то есть особый отдел. Я два месяца ждал ответа, когда устраивался.

— Жаль, что Вадим Андреевич не приехал, — сокрушенно произнес Старицын. — Вот кого я хотел бы привлечь к работе.

— А я как же, в отказ?

— Ну что ты! Тебя я беру экспедитором, это вопрос решенный! — Роман похлопал его по руке. — А Гранцова можно было посадить в кресло инспектора по кадрам. С его-то опытом, с его знанием людей, с его связями!

— Ты его ни с кем не путаешь? — спросил Марат. — Какие связи? Он в техникуме преподает радиodelo.

— У меня другая информация. Знаешь, я на тебя рассчитываю. Когда увидишь его, постарайся прозондировать его настроения. Ну, сколько он получает в техникуме? Даже не копейки, а гроши. А мы его не обидим. Говоришь, он на карнавал все-таки полетел?

— Не знаю, — Марат пожал плечами. — С Василем он ехать не хотел. Ром, давай лучше обо мне поговорим. Я ведь еще ни на что не подписывался. Мне надо знать, на что я иду, понимаешь? Например, какая будет зарплата, какие льготы. Какие мои обязанности, и все такое. Я ведь только для этого сюда приехал.

— Я думал, ты рвешься на семинар, — улыбнулся Старицын.

— Честно сказать, не рвусь, — признался Марат. — Но мне твое предложение спать не дает. Умеешь ты заинтересовать человека. Так что ты скажешь насчет моей работы?

— Сначала несколько вопросов.

— Давай.

— Где Гранцов?

Марат пожал плечами. Он хотел ответить легко и быстро: «Не знаю», но почему-то не смог.

— Почему ты задумался? — улыбаясь, спросил Старицын.

— Потому что не знаю, что тебе ответить. Где Гранцов? Хотел бы я знать, где он сейчас.

— Удивительное совпадение! Я тоже этого хочу, причем больше всего на свете!

Старицын встал и прошелся перед Маратом, держа руки за спиной.

— Пойдем, — бросил он и, не оборачиваясь, пошел к выходу.

Марат с трудом выбрался из объятий плюшевого кресла и направился за Романом. Они

пересекли площадь и вошли в здание, на крыльце которого стоял легионер с «узи» под мышкой. Солдат вытянулся и приложил два пальца к пилотке, и Старицын небрежно кивнул в ответ.

Они прошли по узкому прохладному коридору и остановились перед железной дверью. Старицын потянул ее на себя и отступил, пропуская Марата вперед.

— Опа! — Василь невесело засмеялся. — Вся компания в сборе!

Одессит сидел на полу в углу комнаты. В другом углу сидела Оксана, обняв колени руками и укрывшись белым пиджаком.

Марат остановился на пороге, но Старицын сильно толкнул его в спину, и железная дверь с лязгом захлопнулась.

Комната была странная. Стены, обитые розовым ворсистым ковром от пола до потолка. Никакой мебели, только зеленые коврики на мягком розовом полу. Единственное окно затянуто драпировкой. Отодвинув ее, Марат обнаружил матовое стекло в металлическом переплете.

— Мы ехали-ехали и, наконец, приехали, — с издевкой проговорила Оксана и легла на пол, свернувшись калачиком.

Марат ходил по комнате, ощупывая стены.

— Можешь не щупать, — сказал Василь. — Ни хрена не прощупаешь.

— Сюр какой-то, — сказал Марат. — Что за дела. Это же камера для психов.

— Как раз для тебя, — подала голос Оксана. — Все, мальчики, приехали. Лучше бы я осталась...

Что-то щелкнуло, и раздался голос Романа.

— Марат, слушай меня внимательно. Ты меня слышишь?

— Слышу, слышу, — сказал он, оглядываясь. Вот видеокамера, а вот и динамик.

— В этой комнате люди говорят только правду. Не сразу, конечно. Некоторые пытаются сопротивляться. Но очень быстро начинают все-таки говорить правду. У меня есть несколько способов. Иногда это голод и жажда. Иногда мы впускаем газ. Иногда еще что-нибудь, о чем тебе лучше не знать. Но правду говорят все. Ты не исключение.

— Рома, короче, — сказал Марат. — Что за допрос, в натуре?

— Это не допрос. Считай, что это проверка. Условия такие: ты говоришь «да» или «нет». Ты готов отвечать на мои вопросы?

— Всегда готов.

— Ты готов отвечать на мои вопросы?

— Да я же сказал тебе, ты что, не слышал?

— Ты готов отвечать на мои вопросы?

— У него что, заело? — повернулся Марат к Василию.

— Неправильно отвечаешь, — подсказал тот.

— Ты готов отвечать на мои вопросы?

— Да.

— Сколько будет дважды два?

— Четыре.

— Птицы летают?

— Хорошо, что коровы не летают, — сказал Марат.

— Птицы летают?

— Да.

— Как тебя зовут?

— Морихэи Уэсиба ²².

— Марат, послушай, — сказал голос, — я не буду впускать в комнату газ. Думаю, что удушьем тебя не напугать. Сейчас для тебя самая ценная вещь — это время. И ты сам им

распоряжаешься. Тебе надо вовремя прибыть в аэропорт, иначе ты просто останешься здесь навсегда.

— Навсегда? Здесь, в этой камере?

— Как тебя зовут?

Василь подошел к Марату и шепнул ему на ухо: «Поддержи разговор, ходи вдоль стенки, отвлекай этого пидора. Мы пробьемся».

— Ладно, поддержим разговор, — сказал Марат.

— Как тебя зовут?

— Марат.

— Фамилия?

— Кирсанов.

— Рыбы плавают?

— Да.

— Рыбы летают?

— Да.

— Рыбы летают?

Марат развел руками:

— Есть же летающие рыбы!

— Рыбы летают?

— Нет.

— Когда прибыл в страну?

— В субботу.

Он отвечал на вопросы, иногда не удерживаясь от возмущенных реплик, и ходил туда-сюда вдоль стены. А Василь сначала сидел на полу под видеокамерой, а потом извлек из кармана нож и принялся вырезать в стене какие-то полоски. Марат следил за ним краем глаза, чтобы не привлечь внимание наблюдателей, и старался разозлить Романа своими ответами.

— Ты связан с органами разведки и контрразведки?

— Нет.

— У тебя есть знакомые, связанные с разведкой и контрразведкой?

— Нет.

— У тебя есть знакомые, связанные с разведкой и контрразведкой?

— Нет.

— У тебя есть знакомые, связанные с разведкой и контрразведкой?

— Да.

— Это Гранцов?

— Да, — неожиданно сказал Кирсанов, хотя собирался сказать «нет».

— Ты изучал Единственный Принцип?

— Да.

— Ты веришь в учение Единственного Принципа?

— Да.

— Гранцов находится в Сан-Деменцио?

— Да.

— Он собирается нанести вред структуре Глобо Торизмо?

— Да.

«Что я говорю? — удивился Кирсанов. — Какой такой вред?»

— Ты знаешь, где скрывается Гранцов?

— Да.

— Ты можешь это рассказать?

— Нет.

— Ты можешь провести нас туда?

— Нет.

— Ты можешь провести нас туда?

— Нет, нет, нет!

— Ты можешь провести нас туда?

— Да.

Голос надолго замолчал, и стало слышно, что из динамиков доносится какое-то шуршание и ритмичное пощелкивание. В это время Василь полез по стене, цепляясь за нарезанные петли, и накрыл видеокамеру шляпой.

Он переполз в сторону, дотянулся до динамиков ножом и перерезал провода. Шуршание оборвалось, и он прыгнул на пол.

— От же гады, — сказал он, складывая нож. — А ты еще в зомбирование не веришь. Это знаешь, что такое? Подсознательное кодирование.

— Ну да, — сказал Марат, встряхивая тяжелой головой.

— Ты говоришь, они записывают твой голос, что-то такое с ним делают, и посылают тебе команды, и ты их выполняешь. Установку тебе делают, понял?

— Что дальше? — спросил Марат.

— Дальше ничего хорошего, — сказал Василь. — Сейчас придут мордовороты, отлупят нас за испорченный динамик. Потом отвезут на фазенду. Потом я буду грузить тачку. Там кодовый замок зажигания, персональная секретка. Знаю только я, так что меня довезут вместе с тачкой. По крайней мере до ближайшей мастерской. А это уже в Одессе. Так что я, можно сказать, одной ногой уже дома.

— А я? — поинтересовался Марат.

— А ты покажи им, где Андреич прячется. Это первый вариант.

— Я не знаю. Честно, не знаю.

— Значит, тебе конец.

— А какой второй вариант?

В стене вдруг бесшумно откинулась дверь, и в комнату вошел Роман Старицын. За ним стояли двое шуплых солдат.

«Не уважаешь ты меня, Рома», подумал Кирсанов, оглядывая противников.

— А второй вариант такой, — сказал Старицын. — Ты вместе с нами ищешь Гранцова. Мы его задерживаем, допрашиваем и отправляем на родину. А ты начинаешь работать в нашей структуре. На очень приличных условиях.

— Хотелось бы знать, что ты называешь приличными условиями.

— Сорок тысяч в год. Полное содержание. Первое время — работа на базе. Переводы с русского, мониторинг российских СМИ, тестирование персонала. Затем — командировки по выбранному региону. Думаю, что ты выберешь что-нибудь подальше от Москвы. Но это в будущем.

— Соглашайся, Марик, — посоветовал Василь. — Сорок тысяч на дороге не валяются.

Марат оценил ситуацию. Старицын стоял на пороге открытой двери. За ним маячили двое легионеров, и оружия у них не было. Дальше, в конце короткого коридора, ярко светилось распахнутое окно с легкими розовыми шторами, которые взлетели и опадали под порывами ветерка. За шторами Марат разглядел площадь с фонтаном, и знакомый «Лендровер».

Он добежит до окна в три прыжка. Спрыгнет со второго этажа и через пять секунд окажется у машины. Там, под сиденьем, лежит «узи» с полным магазином.

Это шанс.

— Даже не пытайся, — усмехнулся Роман Старицын, шагнул в сторону и неожиданно прижал ладони к ушам.

Один из солдат поднял руку, что-то мелькнуло, громко хлопнуло — и Марат рухнул на пол. Ему показалось, что по коленям ударила невидимая оглобля. «Хорошо, что не выше», — подумал он.

— Ну? — спросил Роман. — Как тебе наша новая техника?

— Круто, — Кирсанов едва сумел подняться на четвереньки. — Что это было?

Взрывпакет?

— Это была прелюдия, — сказал Роман. — Тебя интересует продолжение?

— Чисто теоретически, — ответил Марат, чувствуя, что ноги к нему вернулись, но распрямляться не хотят.

Второй солдат дернулся, и Кирсанов поднял руку, прикрываясь. Теперь он успел разглядеть, что солдат ловко швырнул какой-то серый шарик, размером с яйцо, матовый, словно плетеный из шпагата. Снова раздался оглушительный разрыв. Однако, хотя звук болезненно бил по ушам, Марат не ощутил никакого сотрясения воздуха. Даже от елочной хлопушки взрывная волна была бы сильнее. Но удар пришелся по Василию, и тот сполз по стене, схватившись за грудь.

— Его-то за что? — спросил Кирсанов.

— За шляпу, — ответил Роман. — Так ты согласен работать с нами, брат Кир?

— Конечно, согласен. А чем это они кидались?

— Тебе еще рано это знать, — улыбнулся Роман. — Тебе придется еще посидеть в карантине. Послезавтра самолет уйдет без двух туристов. Москва поднимет шум. Через неделю все затихнет. К тому времени мы уже закончим с тобой все необходимые процедуры. Всякие прививки, проверки, анкеты... Поживешь пока на фазенде. Ксюша с тобой останется, если хочешь. Чтоб ты не скучал. Ей все равно деваться некуда.

Оксана медленно поднялась с пола и оправила на себе разорванное платье.

— Снова ты меня продаешь, — сказала она. — Опять, как тогда, в Киеве, да?

— Не знал, что вы так давно знакомы, — сказал Кирсанов.

— Так он же меня сюда и продал.

— Ну, так уж и продал, — Роман махнул рукой брезгливо, перестав улыбаться. — Сама захотела мулата попробовать. Вот и получила свое.

— Ребята, мы вам не мешаем? — спросил Василь.

— А ты, Василек, тоже меня удивил, — сказал Роман. — Вот ведь как человек проявляется в мягкой комнате. Ты-то чего на стенку полез? Вроде с тобой у нас все шло по хорошему?

— Да сам не знаю. Наверно, просто не люблю, когда при мне людей опускают, — Василь пожал плечами и поморщился, схватившись за грудь. — Чем это ты нас?

— Секрет фирмы. Взрывчатое волокно, — гордо сказал Роман. — Оружие будущего.

В коридоре загремели шаги, и в комнату ворвался красномордый детина в соломенной шляпе.

— Рон! Засекли! — выпалил он. — Объект уехал с твоей придурочной с виллы Октавия!

— Куда?

— Не важно! У нее всего-то пять или шесть маршрутов! Я по всем уже послал на перехват! Через час мы их возьмем!

Старицын посмотрел на часы:

— Ловлю на слове, Серый. Виллу оцепили?

— А зачем, ее же там нету... Сейчас оцепим! — красномордый вытянулся перед Старицыным.

— Оцепить виллу. Поставить патрули на дорогах у виллы, — распоряжался Старицын, надевая свою испанку. — А гостей наших я отвезу на фазенду. Потом с ними тоже разберемся.

Он повернулся к Марату и развел руками:

— Извините, ребята. Срочное дело!

Глава 24. Макс, человек-луноход

Лежа на траве с руками за головой, Гранцов больше всего опасался, что его укусит какая-нибудь ползучая тварь. По щеке его бегала букашка, и Вадим безуспешно пытался ее

сдуть, выпячивая нижнюю губу. Ему еще повезло — он успел одеться, а вот Татьяна лежала рядом с ним голая, и по ее руке уже взбиралась лохматая гусеница, отчего рука вздрагивала все сильнее и сильнее.

— Может быть, достаточно? — вполголоса спросил он. — Пусть хотя бы дама приведет себя в порядок. А я могу и полежать, если уж так надо.

— Молчать! — резко ответил человек, стоявший за кустами. — Татьяна, одевайтесь!

— Между прочим, — продолжал Гранцов, выплюнув бесстрашного муравья, — если бы в меня стреляли с берега или с моста, я бы тоже прикинулся утопленником. Упал бы с лодки со страдальческим криком и двинулся под водой против течения. Главное, кричать погромче, чтобы хорошо провентилировать легкие. Потом глубокий вдох, хороший груз в одну руку, и нырок по вертикали. Но у меня одна беда, я курящий. Мне больше минуты не продержаться, а за минуту далеко не уплывешь. А вы не курите?

— Татьяна, кто это? — спросил человек.

— Как вы меня напугали, Макс! Я же была уверена, что вас убили! Это мой знакомый из Петербурга. Я сделала ему приглашение по туристическим каналам.

— Что этот турист делает на реке? Ночью?

— Мы спасались от легионеров, — ответила Татьяна.

— Будем считать, что спаслись. Можете подняться, гражданин турист. Где вы живете в Питере?

Вадим назвал адрес, по которому был прописан.

— Общага? — спросил человек за кустами. — Отставник бездомный?

Гранцов понял, что теперь его не убьют.

— Ну вот, началось, — сказал он. — Конечно, легко обзывать, когда держишь человека на мушке.

— Да какая там мушка, — человек вышел из-за кустов.

В руке у него был посох с заостренным белеющим в темноте концом.

— Я держал вас на пике.

— Тоже неплохо, — согласился Гранцов.

Волосы Макса были коротко острижены и торчали неровными клочками. Так всегда бывает, когда стрижешься ножницами и без зеркала. Одет он был в красноармейскую гимнастерку, со стоячим воротничком, но обрезанными по локоть рукавами.

— Ваши дальнейшие действия? — спросил он.

— Переночевать тут, — ответил Гранцов. — Отсидеться днем. Когда все стихнет, уйдем на катере. До Кальенте. Оттуда автобусом. У меня самолет пятого числа, мне нельзя опаздывать. А ваши планы?

— Мои планы — это *мои* планы. Почему вы убегаете? Что случилось?

— Наверно, они боятся, что я увезу с собой вот это, — Гранцов показал сложенные тетрадные листки.

— Что это?

— Записки сумасшедшего. Нашел в сортире за колючей проволокой. Хочу показать дома своим знакомым. Пусть посмеются.

— Пошли за мной, — приказал Макс, — нечего тут маячить под луной.

Он привел их к своему жилищу. Жил Макс в микроавтобусе «Фольксваген-Каравелла», который во время наводнения несколько лет назад выбросило волной на островок. Рядом висел его гамак и стояла самодельная печка, сделанная из железной бочки.

— Как вы могли продержаться тут столько времени? — спросила Татьяна. — Почему не пришли ко мне?

— Ходок я неважный, — ответил Макс. — А продержаться можно в любом месте, была бы вода и еда. Воды у меня хватает, а еда сама приходит.

Он выдвинул из-под «каравеллы» деревянный лоток с листьями, на которых белели какие-то стручки. Гранцов с любопытством наклонился над ними:

— Личинки съедобного жука? Слышал, что они очень питательны. Можно

попробовать?

— Пожалуйста.

На вкус личинка напоминала сырой яичный белок, смешанный с крахмалом.

— Ну, как? — спросил Макс.

— Вполне, — сдержанно ответил Вадим, с трудом проглотив шевелящуюся массу. — Очень даже ничего. Похоже на творог, да?

— Не знаю. Я их ем жареными.

Кроме «съедобных» личинок, рацион Макса включал в себя разнообразные консервы. Во всяком случае, он предложил гостям поужинать гусиным паштетом.

Татьяна, как единственная дама, заняла лучшее спальное место — под крышей «каравеллы», а Гранцов натянул свое пончо между двумя деревцами, наконец-то догадавшись, для чего предназначены два длинных шнура в углах этой универсальной накидки.

Но спать он лег не сразу. Они еще долго сидели с Максом у реки, вслушиваясь в голоса, разносившиеся над водой. За деревьями метались, раскачиваясь, лучи фар, урчали моторы «уазиков», доносились резкие команды.

Макс рассказывал о лагере, из которого бежал вместе со своим погибшим приятелем. Зачем он передал Татьяне эту информацию? Просто хотел что-то сделать в память о друге. Только и всего. А спасать заключенных он и не собирался. Некого там спасать. Да и не нужно им это.

В лагерь попадали разные люди, но очень скоро все они становились одинаковыми. Их уравнивал строго однообразный быт, их сплачивал коллективный труд, их объединяли простые ритуалы — утренняя молитва перед котлом с варевом, и ночные хороводы вокруг костра, сначала в одежде, потом без нее, потом в обнимку с ближайшей женщиной. После утреннего ритуала пленники строем шли на работу. После вечернего парочками разбредались по кустам.

Гранцову показалось странным, что от лагерной баланды у кого-то еще возникает желание разбредаться парочками по кустам.

Но Макс объяснил, что баланда была вполне питательной. Во всяком случае, от голода никто не помирал. Кроме того, все дело в зелени. Кисловатые вяжущие листья, которые надо было жевать во время вечерних ритуалов, возбуждали не хуже виагры. Правда, сам Макс никогда ими не пользовался и, положив для виду в рот, незаметно выплевывал. Уклоняясь от развития этой темы, он рассказал о своих русских соседях по барaku.

Они называли себя протестантами, но за весь год Макс так и не смог выяснить, к какому направлению они все-таки примыкали. О Лютере они не слыхали, также как о методистах, адвентистах или кальвинистах. Протестанты — и всё тут. В Казахстане они, оказывается, подвергались беспощадному преследованию, и какой-то «международный центр» помог им эмигрировать в Эквадор. Там они попали в обычное рабство на креветочной ферме. Через полгода ферму разгромила полиция, и сектанты оказались в тюрьме с неграми и метисами. Оттуда их вытащил добрый русский старичок Федор Ильич. Он предложил им переехать в Аргентину, и они, собравшись всей оравой, с женами и детьми, погрузились в самолет, который и привез их сюда. Когда Макс попытался объяснить им, что до Аргентины отсюда шесть часов полета, протестанты осуждающе отвернулись и больше с ним не говорили.

Другие были не лучше. Почти все попали в лагерь, можно сказать, добровольно. Зачем таких спасать?

Все равно их жалко, сказал Гранцов. Я их понимаю. Наверно, они там неплохо жили, в своем Казахстане, пока не началось новое время. Все их лучшие друзья и соседи вдруг оказались немцами и быстренько перебрались на историческую родину. А этим-то что делать? В Россию их никто не звал, а уехать хочется. А тут подворачивается такая возможность — записаться в протестанты и слинять в Америку. Трудно удержаться от соблазна. И ведь их не обманули. Они оказались в Америке. Только в Южной.

Все равно они уроды, ответил Макс. Такие же, как и все остальные. Бывшие кришнаиты, астральные чистильщики кармы и прочие. После обеда сидят, строчат свои дневники. Им за них оценки ставят. Отличники освобождаются от работ, становятся вроде ефрейторов. Что характерно, дневники разрешают писать всем, но пишут только русские. Нация писателей. Конечно, были среди заключенных и другие персонажи. Например, многих захватили какие-то бандиты, работавшие под таксистов. Налетели прямо на улице, увезли в зиндан, или как это у них называется. Поначалу хотели выкуп получить. Потом продали в лагерь.

Им удалось бежать. И если бы не напоролись на минное поле...

Мины — это отдельный разговор. В лагере две лаборатории. В одной гонят кокаин, в другой делают взрывчатку. Не простую, а уникальную. С виду — тряпка тряпкой. Разработана одним русским технологом. Обычное на вид толстое полотно. Трехслойное, если приглядеться. Приложил, придавил. Иницируешь. Взрыв только с одной стороны ткани. Нет ни пыли, ни дыма. Дробит поверхность.

Идеальный инструмент для проделывания отверстий нужной формы. Но можно использовать и в военном деле. Как и все прочие изобретения русского гения. Ох уж этот русский ум, бессмысленный и беспощадный.

Кстати, изобретатель скончался. И вместе с ним погибло все производство. Обмотался всей произведенной продукцией, и иницировал. И сам исчез, и единственный образец. А почему он это сделал? Свихнулся, наверное. Наверно, слишком увлекся жеванием листьев, перевозбудился.

— Наверно, это был не единственный образец продукции, — сказал Гранцов. — Я видел в городе во время беспорядков такую тряпку. Позиция гранатометчика на чердаке, а на лестнице — растяжка на всякий случай, чтоб не входили без стука. Струна идет к фановой трубе, за ней какая-то тряпка. Больше ничего. Ни взрывателя, ни контактов каких-то, ни шашки. Взрыв, чугунные осколки, труп.

— Взрыватель там тоже хитрый, — сказал Макс. — Пьезо. Микроскопический. После взрыва — никаких следов. Так ты говоришь, волокно уже поступило на вооружение? Хреново. Но не страшно. Все равно технология утрачена. А что за беспорядки?

— Переворот. Иностранцев эвакуируют. Можем подбросить тебя до посольства.

— Нет, не надо, спасибо. Сам-то выберешься?

— Да у меня самолет пятого числа, я-то выберусь. Должен выбраться. Ребята ждут новостей. Будет что рассказать. За технолога они, конечно, порадуются.

Вадим Гранцов знал, что этому человеку бесполезно задавать вопросы. Почему он не хочет уйти отсюда? Что его здесь держит? Он не ответит, потому что никому не доверяет. И правильно делает.

— Тебе винтовка не нужна? — спросил он.

— Не помешала бы, — подумав, ответил Макс.

— Я тут зарыл неподалеку трехлинейку. Могу принести, пока темно.

— Тебе это надо?

— Так пропадет же. А тебе, глядишь, и пригодится. Я быстро обернусь.

— А спать когда?

— После войны отоспимся, — Гранцов поднялся, растирая затекшие колени.

— Постой, майор, — Макс оперся на свой посох и тоже поднялся. — Постой. Всякое бывает. Может, ты вернешься, может — нет. Или придешь, а тут засада. Всякое бывает. Давай так договоримся. На всякий случай. Перед уходом я заглянул в канцелярию. Там график работ висел. Так вот. На третье апреля у них намечена разгрузка и погрузка самолета. Больше он в этом году на площадку не придет. Последний срок. Я это число запомнил на всю жизнь. Третьего апреля самолет надо встретить. Я его встречу. Но в жизни всякое бывает. Хорошо бы меня подстраховать.

— Зачем он тебе, этот самолет?

— Не знаю. Как-то не думал об этом. А ты сам как думаешь, зачем?

— Думаю, хочешь рассчитаться. За себя. За Куликова.

— Фамилию эту забудь, — сказал Макс. — Она, конечно, условная, но ты все же забудь. А рассчитаться, конечно, хочется. Он хороший был парень. Он один стоил больше, чем вся эта сволочь. Я-то — что, я никто и звать меня никак. Ты говоришь, посольство. На кой черт мне посольство? Что я забыл в этом посольстве? Возвращаться мне некуда. Из России я давно уже слинял. Дом у меня в Чехии. Гоняю «мерседесы» из Голландии на Украину, свой маленький бизнес. Был. Да не о том речь. Не о том. Короче, я остаюсь, чтобы встретить самолет. Что он больше не летал. Но со страховкой мне спокойнее будет, если что. Ты понял?

— Я бы с тобой остался, — сказал Гранцов. — Но у меня жена дома. Беременная. Ждет, понимаешь? Была бы хоть какая связь, предупредить...

— Связь? Была бы связь... — Макс закашлялся. — Сука, вода в легком опять накопилась. С таким чахоточным в разведку не ходят. Была бы связь, я б тебя не просил. Ты — моя связь, понял? Помощник мне не нужен, сам справлюсь, у меня все готово. Ты понял, майор? Третье апреля. Можешь это передать кому-нибудь?

— Передам.

— Все. Давай, двигай за стволом, только поосторожнее там.

Гранцов использовал автобусное сиденье, чтобы переправить свою сумку с островка на берег. Чекист был прав, всякое могло случиться за остаток ночи, а оставаться без своих вещей Вадиму очень не хотелось.

К водопаду он вышел легко, хотя это и заняло почти час. Труднее оказалось подняться вверх. В темноте, оказывается, можно заблудиться даже на вертикальной стенке. Гранцов промахнулся мимо удобного камина и долго переползал то влево, то вправо, пытаясь нащупать знакомый корень.

Но сложнее всего было найти спрятанную винтовку. Он проклинал себя за то, что не оставил никакого ориентира. Днем он сунул ее под корягу и прикрыл ветками просто по привычке, потому что оружие не должно валяться где попало. Сейчас, при свете луны, местность неузнаваемо изменилась, и он уже начал подумывать, что вышел на какой-то другой водопад.

Присев, он водил вокруг лучом фонарика, прикрывая его панамой, но так ничего и не нашел.

До рассвета оставался еще час. Возвращаться с пустыми руками Гранцов не мог — и решил дожидаться восхода солнца. Чтобы не спать на земле, он просто расстелил свое пончо поверх подходящего куста и лег на прогнувшиеся ветки.

Хотя бы час, но он поспит. Это уже третья ночь, когда ему не дают спать. Неплохо проводим время, подумал он. Неповторимая атмосфера праздника. Рафтинг на катере. Дайвинг тоже имел место, хотя и непродолжительный, к счастью. И угроза сверхпланового петтинга была вполне реальной. Если бы не внезапно воскресший чекист...

Что бы там ни рассказывал Макс, Гранцов воспринимал его слова по-своему. Макс не врал ему. Он просто излагал легенду. А что за ней скрыто — это уже никого не касается.

Но кое-что он все-таки приоткрыл. Итак, они прибыли сюда вдвоем, работая по теме «Технолог». Их захватили бандиты. Наверно, те самые, которых спустя год уничтожил Гранцов. И, наверно, бандиты могли погибнуть и раньше, если бы не додумались отправить пленников в Буццо. Потому что, услышав волшебное слово «Буццо», наши ребята решили не прорываться из захвата, а, наоборот, нырнуть в это дерьмо еще глубже. Потому что там, на самой глубине, в секретных лабораториях Буццо, и скрывался тот самый технолог, ради которого они сюда прибыли.

Они смогли к нему подобраться. И смогли выполнить задачу: технолог уничтожен вместе с технологией. Вот уйти они не смогли, но это, скорее всего, и не входило в задание. Таких специалистов называют «луноходами». В память о той симпатичной лупоглазой черепашке, которую забросили на Луну, и которая выполняла там свою задачу, пока не прервалась связь. А возвращение в задачу не входило...

Засыпая, он думал о том, что ГРУ и ФСБ передерутся между собой, выясняя, кому достанется самолет. Наверно, на самом верху будет принято решение об отправке «Вымпела», а Дед предложит для работы «за большим кордоном» своих проверенных ребят. Чекисты увязнут в составлении и согласовании планов, в кропотливом выяснении мельчайших подробностей будущей операции. У них в распоряжении всего один месяц, даже меньше. Им надо знать всё — от уровня воды под мостом до розы ветров по состоянию на третье апреля. А Дед просто перебросит группу, которая всю информацию получит на месте. Какая там роза ветров... И пока «смежники» будут согласовывать и утверждать, работа уже будет сделана. Скорее всего, самолет не сможет взлететь. Такие машины уничтожают на взлете, чтоб наверняка. Полные баки, тяжесть груза, никакого маневра. При этом в обломках найдут остатки кокаина, а не украденное с наших складов вооружение. И не трупы очередной партии придурков. Это грубая работа, но это результат. «Смежники», конечно, хотели бы проверить все изящнее. Они бы постарались внедриться в экипаж и угнать борт, чтобы вернуть его в воздушный флот Родины, да еще с грузом. Экипаж даст показания, а кокаин поступит в закрома отечественной фармакологии. Не работа, а песня!

Хорошо бы затесаться в команду, думал Гранцов. К тем или другим, все равно. Проводником. Или переводчиком. Да нет, им не нужны пенсионеры, чтобы захватить этот проклятый самолет...

Он заснул, наверно, на слове «самолет», потому что снились ему «Аннушки» и «илы», боевые «грачи» и мирные «тушки». Они то кружили над ним, то хищно пикировали. Просыпаясь, он слышал трескотню вертолета, летавшего над лесом. Голубоватый луч прожектора прыгал по верхушкам деревьев. «Хорошо ищут, стараются», — похвалил Гранцов своих преследователей и снова заснул, и снова до самого рассвета снились ему самолеты. Проснувшись, он все еще слышал гудение могучих моторов.

Самолет гудел где-то за облаками. Гранцов посмотрел на часы. Он спал ровно сорок минут, и солнце уже осветило реку. Гудение самолета усиливалось. И это был большой самолет. Очень большой. Когда Гранцов вытащил винтовку из-под коряги, самолет вдруг вывалился из облаков, слегка накренившись, описал дугу над лесом, над рекой, и скрылся за горой. В утреннем сумраке он показался темно-зеленым. Гранцов успел разглядеть четыре подвешенных турбины и высокий Т-образный киль. Он протер глаза. Наверно, это все-таки «Глобмастер», подумал Гранцов. Но как похож на «76-й»...

Самолет снова выпал из облаков, приветственно покачал крыльями и, плавно снижаясь, пролетел над рекой, оставляя за собой шлейф копоты и дрожащего воздуха.

На аэродроме горели все огни. Сияла диспетчерская вышка, тянулись пунктиры на ВПП, вспыхивала голубая мигалка лоцманской машины, неразличимой в утреннем мраке. «Ил-76» заходил на посадку, и Гранцов никак не мог его остановить.

За свою относительно длинную и, безусловно, бурную жизнь Вадим Гранцов еще никогда не испытывал такого чувства. Ему доводилось побеждать, ему приходилось и проигрывать. Но такого явного, такого наглядного поражения еще не случалось.

Вот он, самолет, за которым столько охотились. Вот он спокойно садится на свою тайную площадку в джунглях. Сейчас его грузовая кабина освободится от ящиков с каким-то вооружением. Предположительно, это ракетные системы, которые можно будет подвесить на обычные вертолеты и этим весьма удивить охрану президентского дворца. Российские инженеры просто умирают от чувства законной гордости за тактико-технические данные своих ракет. И очень удивляются, что эти ракеты купила страна, не имеющая ни одного боевого вертолета.

Самолет садится, завывают турбины. Уже готовы колонны бритоголовых грузчиков, они вручную, бережно перенесут ящики со стертыми надписями на замаскированные склады. Самолет заправят. Загрузят в него другие ящики, и он взлетит, унося в Россию тонны кокаина. Ну, может и не тонны, одернул себя Гранцов. И уж, наверно, не в ящиках. Наверно, наркотики как-то замаскируют. Это не важно. Важно, что самолет прилетел, и он улетит обратно.

Но почему они изменили дату прибытия? Неужели из-за утечки информации? Измена, кругом измена, сокрушался Гранцов, вынимая и разглядывая патроны из трехлинейки. Их было только четыре вместо пяти, но выглядели они вполне прилично.

Придется отказаться от своих планов. Хорошо еще, что этот отказ не надо ни с кем согласовывать.

Третье апреля. А сегодня что? Сегодня четвертое марта. Он ударил себя по лбу — нет никакой измены! Макс видел эту дату в плане работ? Он видел 03.04.1999! Так ведь америкосы пишут сначала месяц, потом число! Вот ведь уроды...

Он еще раз осмотрел винтовку, вынул затвор, заглянул в ствол на свет. Оружие было в идеальном состоянии. Байковые прокладки вокруг ствола и даже вокруг шомпола говорили о том, что винтовка использовалась для точной и редкой стрельбы, скорее всего, для охоты на крупного зверя. Он вставил носик пули в дуло и с силой провернул. На пуле остался поясок потертости, который наглядно свидетельствовал о высоком качестве ствола.

Вадим Гранцов перекинул ремень винтовки через плечо. Попрыгал на месте. Ничто не гремело, не лязгало — только щелкали коленные суставы, когда он приседал.

Он разложил на траве карту с компасом, наметил маршрут. Разгрузка, погрузка и заправка займут не меньше двух часов. Он успеет выйти на рубеж.

Если же взлет назначен на какое-то другое время, что ж, он будет терпеливо ждать этого момента. Сидеть в засаде — привычное дело.

Он миновал солдатские бараки и кухню под навесом, где остро пахло горящим керосином и подгорелым хлебом. В куче мусора он разглядел знакомые желто-зеленые баночки из-под гусяного паштета. Кроме двоих поваров, на кухне не было никого, и Гранцов уверенно шагнул по натоуптанной лесной дороге, по которой ночью ушли к летному полю отряды бритоголовых людей в грязно-зеленых балахонах.

Он видел эти балахоны сохнувшими на веревках в лесу.

Кроме балахонов, на веревках сушилась и другая одежда, и Гранцов не устоял, утащил гимнастерку. Если и заметят пропажу, то нескоро, и к тому времени все будет кончено. Это была ветхая гимнастерка со стоячим воротничком и накладными карманами. На ней, к сожалению, не было пуговиц, ни одной пуговицы с красноармейской звездочкой. Но он все же надел ее, а натовскую майку спрятал в сумку. Вот теперь он был экипирован на все сто.

На половине пути он услышал приближающийся топот множества ног и свернул в глубь леса. Бритоголовые прошли мимо него, неся длинные зеленые ящики. Они двигались медленно и размеренно, по шесть человек вокруг каждого ящика. Гранцов уже собрался идти дальше, прячась за деревьями, как вдруг раздалась резкая команда, все остановились, и ящики опустили на дорогу. Вадим застыл за кустом.

Чирикнула вторая команда. Гранцов с трудом удержался от смеха, потому что по этой команде неожиданно выявились половые различия между бритоголовыми существами. Одни из них присели на обочине, задрав балахоны. Другие отвернулись к кустам стоя. Послышалось массовое журчание и вздохи неподдельного облегчения.

Еще одна команда, и ящики поплыли дальше, покачиваясь над лесной дорогой. Гранцов вспомнил, как Марат называл сектантов тараканами. Видел бы он их сейчас, целое стадо дрессированных тараканов.

Подобравшись к летному полю, Вадим увидел, как от самолета в разные стороны тянулись колонны таких же существ. Он насчитал шесть групп, до сотни голов в каждой. Их никто не сопровождал, не было видно и начальников. Команды раздавались прямо из толпы.

Колонны втягивались в лес, а из леса уже выходили другие колонны с такими же ящиками. И все это происходило под присмотром трех легионеров с автоматами и нескольких членов экипажа. Летчики были в шортах, и Гранцов отличил их по бледным ногам.

Он бесшумно двигался вдоль летного поля, выбирая позицию. Больше всего его удивляло и тревожило то, что куда-то пропала охрана. На одном краю поля стоял джип с пулеметом, на другом — пара таких же машин с автоматчиками. И все. Куда-то исчезли

целые отряды народных легионеров, которые еще недавно группировались на аэродроме. Возможно, тогда они ожидали сигнала к вылету, а теперь всё отменили. Возможно, это и были те самые солдаты губернатора, которые его искали весь день и до сих пор, наверно, ищут. А возможно и то, и другое. Чтобы там ни было, задача Гранцова оставалась неизменной.

Итак. Что мы имеем на данный момент. Винтовка Мосина, выпуска до 1931 года (все цифры вытравлены, но ствольная коробка граненая, а не круглая). Четыре патрона. (Пару придется потратить на пристрелку, значит, не четыре, а два. Да хватит и одного...) Огневой рубеж — по курсу взлета цели. Цель — 180 тонн металла, керосина и наркотиков, плюс семь — десять человек.

Он вспомнил всех своих знакомых летчиков. Может быть, кто-то из них сейчас оказался на борту. Летчик должен летать, и не он выбирает маршруты.

Что ж, ребята. Надеюсь, вы успели потратить деньги, которые вам платили за риск.

Если повезет, то самолет загорится и рухнет, перелетев через стрелка. Если не повезет, то самолет рухнет на стрелка. Других вариантов нет.

Глава 25. Вечера на хуторе близ экватора

Они быстро пересекли городок. Уазик проехал мимо развалин и петлял теперь по лесной дороге. Кирсанов незаметно пошевелил ногами. Он не был уверен, что сможет устоять на них, даже если ему удастся выпрыгнуть из машины на ходу.

Машина остановилась перед заграждением из колючей проволоки. За воротами виднелись домики с узкими окнами. Они были выкрашены в веселые тона — персиковый, банановый, оранжевый — и казались яркими декорациями на фоне темного высокого леса. На крыльце перед одним домиком сидели два мальчугана. Перед другим домиком были натянуты веревки, и на них сохли простыни. В пыли ковырялись черные куры.

Заграждение было двойным, и ворот тоже было двое. Роман сам открыл ворота и пропустил своих пленников внутрь. У Кирсанова мелькнула мысль скрутить его и взять заложником, но ворота уже захлопнулись за ними.

— Ты куда нас привез? — только и успел спросить Марат.

— Дачный поселок «Крылья Родины», — сказал Роман Старицын, закрывая внешние ворота на висячий замок.

Уазик развернулся и уехал, поднимая за собой пыль. Мальчишки попрыгали с крыльца и подбежали ближе.

— Дяденьки, вы русские?

— Русские, русские, — сказал Василь, ортодоксальный украинский фундаменталист. — А охрана-то где?

— Всех Сердюк забрал, у них облава, — доложили пацаны. — А вы у нас жить будете? А чего вы нам привезли? А самолет когда прилетит?

— Самолет прилетит завтра, — сказал Василь.

— Ура! — закричали пацаны и побежали к домикам.

«Завтра улетаем, собираемся, собираемся!», — кричали они.

— Как же, собирайтесь, — сказал Василь.

— Что за концлагерь? — спросил Марат.

— Это и есть фазенда. Элитарный поселок для жен экипажа, — сказал Василь. — Пока мужья гребут валюту, их жены и дети наслаждаются в тропическом раю. Солнце, воздух и вода из скважины. Витамины, бананы и колючая проволока. Раз в месяц свидания в гостинице. Неплохо придумано, да?

— Раз в месяц? Это садизм какой-то, — сказала Оксана.

— Все равно у них первым делом самолеты, — сказал Василь. — А за шесть тонн баксов можно и потерпеть.

— Шесть тысяч в месяц?

— Ну, так говорит Олежек. По-твоему Рома.

— И пока летчики летают, их семьи сидят за колючкой?

— А шо такого?

Они подошли к домику. Из окна выглянула хмурая загорелая женщина.

— Это вы тут переполох поднимаете?

— Нет, — сказал Василь. — Вот, ищем, где бы приткнуться.

— Надолго?

— Как получится.

— Желтую хату видите? Так она свободная. Только света нет. Но жить можно.

— А я вас знаю, — сказал Василь. — Вы, наверно, Нина, жена Семена Тарасовича.

— Да, — женщина насторожилась. — А шо такого?

— А я Василь, мы с ним машины отсюда забираем. Он мне про вас много рассказывал. Сами знаете, дорога долгая, хочется поговорить о чем-то хорошем. И карточка ваша у него прямо на приборной доске.

— Сема и мне за вас рассказывал, — оттаяла женщина. — А что же без вещей? Так вы, наверно, и не обедали? Да заходите, что ж вы через окошко? Леся, убирай все со стола, обедать будем...

Сидя за столом, Марат незаметно растирал ушибленное бедро. А Василь, казалось, и забыл о страшном ударе, только порой почесывал грудь под голубым пиджаком. Хозяйка Нина подала душистый борщ, потом появились огромные котлеты с гречкой, потом арбуз, потом дыня, а потом она сказала:

— Ну вот, скоро вареники сготовим, а там и до ужина недалеко.

Вареники готовили всем хутором: подтянулись соседки. Зарема (жена штурмана) раскатывала серое тесто, Леся (бортинженер) нарезала его тонким стаканом, а Роза (второй пилот) раскладывала начинку и заплетала края. И все наперебой нахваливали свое жите, а пан Старицын был для них и бог, и царь, и самый человечный человек.

Кто бы еще смог создать здесь, на краю света, натуральный уголок Украины? Огородить участок Латинской Америки, засадить его семечками, кабачками, бураками да гарбузами с дынями. Построить хатки под шифером, набурить колодцев — свой личный в каждом дворе, да еще и антенны приспособить так, что хуторяне могли смотреть хоть киевские «новины», хоть московскую «Санта-Барбару». Чем не жизнь?

Не сравнить с тем, как они перебивались в своей Вологодской области, где когда-то жили всем экипажем. Там, в Кипелово, базировался знаменитый авиаполк дальней разведки. Воздушные корабли, взлетая с этой площадки, могли приземлиться, например, на гвинейский аэродром Конакри или на кубинские Хосе Марти или Сан-Антонио. Для летчиков первого класса были привычны трехнедельные командировки, за время которых они успевали побывать над всеми океанами. Однако новые правители России сочли, что легендарные Ту-95 РЦ выгоднее порезать на металлолом, а экипажи пускай занимаются малым бизнесом.

Так дружная команда перебралась на окраину Киева, где всем удалось разместиться в просторном доме командира. Мужчины организовали кооператив, и асы морской разведки стали водителями и грузчиками.

Однажды кооператив получил выгодный заказ на перевозку мебели: Духовный Центр «Сознание Космоса» переезжал из неприглядной хатки в новенький коттедж в районе правительственных дач. Словоохотливый и приветливый заказчик сумел буквально за полчаса выведать у грузчиков все подробности их славного боевого прошлого. И через пару дней сам нашел бывших летчиков, предложив освоить новую технику. Оказывается, в его собственность перешло обанкротившееся авиапредприятие, а во всем Сознании Космоса, как назло, нет никого, кто мог бы отличить «Ил» от «Зила»!

Так состоялось возвращение в родную стихию. Летчик должен летать, а не тягать чужие диваны по лестницам... Большое человеческое спасибо лично господину Старицыну за нашу спокойную старость.

К вечеру Роман подкатил к хутору, как раз когда Марат изучал ограждение. Ворота пан Старицын открывать не стал, поговорил через проволоку с народом, сорвавшимся из-за стола при звуках «хаммера». Завтра будет самолет, но недолго. Разгрузка-погрузка и вперед. Свидания отложим до следующего раза, бодро пообещал Роман. С ним был насупленный мужик в красной рубашке и соломенной шляпе. Марат узнал в нем того скандинава, который командовал легионерами на аэродроме.

— Ну что, брат Кир, — спросил Роман, — так и не вспомнил, где твой Андреич прячется?

— Не получается пока, — сказал Марат. — Смотрю, у тебя тоже не очень получается?

— Да, пока не нашли. Зато нашли кое-что другое. Семь трупов на старой свалке. Мои расстрелянные ребята из Кургана. Ты можешь поздравить меня, Марат. Я думал, что мои люди меня предали, но я ошибался. Предателей у нас нет.

— Поздравляю. Предателей нет, одни уроды.

— Рон, чего он борзее, — вмешался Сердюк, сдвигая соломенную шляпу на затылок. — Давай я с ним побеседую.

— С ним уже твои лопухи беседовали, — сказал Роман. — Я вот только удивляюсь, как ему это удалось? Один и без оружия. Положил одиннадцать человек и глазом не моргнул. Просто патологический случай.

— Так это он?! — Сердюк, громко матерясь, выпрыгнул из «хаммера».

Между ним и Маратом было три метра стандартного натовского заграждения, три стены колючей проволоки. Но Марату показалось, что лиловая физиономия Сердюка может обжечь даже на таком расстоянии, и он шагнул назад, отмахнувшись ладонью:

— Отец родной, где вы брали такую дивную редьку?

— Я тебе покажу редьку, — прохрипел Сердюк. — Я тебе такую редьку покажу, что жопа треснет!

Женщины, стоявшие неподалеку, бесшумно исчезли.

— Так заходи, побеседуем, — сказал Марат.

— Зайду. Обязательно зайду, — пообещал Сердюк. — Вот только козлу одному яйца отрежу, и сразу зайду.

— Совсем ты, Рома, запустил нулевой уровень, — сказал Марат. — Что за манеры, что за стиль. Смотри, как он дышит тяжело, как глазки выкатываются. Инсульт ему не грозит, мозги и так уже сгнили. Но картина, конечно, неприглядная. Предлагаю немедленно записать солдатику на курсы самообладания. Сто баксов можешь вычестить из моей зарплаты.

— Спасибо за рекомендацию, — засмеялся Роман. — Сердюк, поехали. Потом договорите. Поехали, поехали, всех поднимем, кто еще остался. Писарей, поваров, шоферов. Всем тревога, все уголки прочешем. А потом я тебе их обоих отдам.

— Слово? — Сердюк поднял палец.

— Сука буду, — сказал Роман.

Марат вернулся за стол, на котором уже появилась бутылка с мутноватой жидкостью. Женщины замолчали, глядя на него.

— Ну, так шо, поговорил с дружбаном? — спросил Василь. — А мы тут кое-чего нашли.

— Извиняйте, — сказала одна из женщин. — Мы думали, вы тоже за них.

— За что вы извиняетесь? За обед? — удивился Марат.

— Не, — сказала она. — Мы сразу не поняли. А вы, значит, не от Старицына? Вы, значит, такой же зэк, как и мы? Вы наливайте, наливайте. Это не магазинное, это Роза из винограда гонит. Запах не очень, но на компрессы детям идет.

— Я девушкам объяснил политическую ситуацию, — сказал Василь. — Так теперь ты им нужен как специалист. Ниночка, покажите подарок мужа, будь ласка.

Жена командира выложила на стол что-то, завернутое в платок.

— Вот, на свиданку Сема принес, — заговорила она, сбиваясь на украинскую мову. — Воны нам всегда шось да приносят. Летают-то по всему миру, возят все что хотите. Так вот

он принес. А шо с циим добром робыти, никто у нас не знает. Хотели поджечь, а оно не горит. Обещал научить в следующий раз. Может, вы чого подскажете?

— Как же вы это сюда пронесли? — спросил Марат, развязав платок.

— Как всегда, за лифчиком.

Интересно, подумал Марат Кирсанов, перебирая ленты эластичной взрывчатки, отрезки шнура и прочие детали набора «Юный Подрывник». Интересно, какой же номер у такого лифчика?

— И что вы хотели с этим добром делать? — спросил он.

— Ворота открыть. Нам бы только ворота открыть, а до аэродрома мы как-нибудь доберемся.

Смуглая чернобровая Зарема, жена штурмана, добавила:

— Мы в курсе ситуации. Завтра — последний перелет. Старицын уходит. Кто будет вместо него — неизвестно. Что будет с экипажем — неизвестно. Как нам вернуться домой — тоже неизвестно. Поэтому мы должны завтра улететь вместе с ребятами. Вы слышали, что он сказал? Он ничего не сказал! Как будто так и надо! Им наплевать на нас!

— В общем, мы решили так, — мягко вставила свое слово рыжеволосая Леся. — Детей на руки, и бегом на поле. Не будут же они нас расстреливать на глазах у ребят? А ребята должны твердо сказать, без жен и детей мы не вылетаем, и точка. Но мы думали, что сделаем это на свидании. А видите, как все получилось...

— Мы и вас с собой возьмем, — пообещала Нина. — А шо такого? Очень вам оно надо, с циими говнюками оставаться?

— Спасибо, — сказал Марат. — Я постараюсь все устроить. Вам известно время прибытия?

— А оно всегда одинаковое. На рассвете.

— Успеем, — Марат сгреб все обратно в платок и спросил: — Где я могу притулиться, чтобы мне никто не мешал? И еще понадобятся плоскогубцы. Есть в доме какой-нибудь инструмент?

Его практика в минно-взрывном деле ограничивалась установкой растяжек. В Чечне он их выставлял каждую ночь вокруг расположения своей разведгруппы, и каждое утро сам же снимал. За работой настоящих подрывников ему тоже доводилось наблюдать, когда его брали в прикрытие. Он знал, как обжать капсюль-детонатор на конце огнепроводного шнура, как изолировать стык, как вставить детонатор в тротильную шашку. Все это он знал, но сам никогда не делал.

Надо же когда-то начинать, рассудил он. И принялся за работу. Василию он поручил пока снять пару дверей с какого-нибудь нежилого дома. Взрыв, скорее всего, повалит столбы, но колючая проволока останется целой, и перебраться через нее можно будет только по самодельным мосткам.

Поставил Марат и вторую задачу перед одесситом. У караульной будки виднелся «уазик» охранников. Самих же охранников еще днем увезли на прочесывание местности. Вряд ли они оставили ключи от машины. Поэтому Василию предстояло сразу после подрыва завести трофейный «уазик».

— А что его заводить? — скривился профессиональный угонщик. — Народу хватает, толкнем, он сам заведется. Как в песне. Цыгане шумною толпою толкали жопой паровоз... Ты мне лучше скажи, как собираешься к воротам подобраться со своим динамитом. Лично я на проволоку не полезу, бо вона пид током.

— От Нины заразился? «Бо вона...» Нэ журись, хлопче! — вспомнил и Марат что-то из репертуара Софии Ротару. — Бачив я пылесос у хати. Короче, собери мне трубки от всех имеющихся пылесосов. Никто под проволокой не ползет. Кстати, как на украинском «пылесос»?

— Не помню. Что «небоскреб» это «хмарочес» помню, а пылесос забыл. Давно я не был на родине, Марик, давненько!

Ближе к рассвету все женщины сбежались к воротам, словно только отсюда можно

было увидеть родной «Ильюшин». И он не обманул ожиданий. С первыми лучами солнца красавец-самолет пробился сквозь облака и покачал крыльями, совершая посадочный круг.

— Пора, — сказал Марат, и мгновенно остался один.

Он тряхнул спичечный коробок у самого уха, словно сомневался, есть ли там спички.

— Пора, — повторил он и присел, но никак не мог унять тряску в пальцах.

— Тебе помочь? — спросила сзади Оксана, и он поджег шнур.

Окна в домиках были на всякий случай распахнуты, посуда стояла на полу — потому что с полу некуда падать, а дети были спрятаны в самой дальней хате. Взрыв получился не такой уж страшный, как его боялись.

Остатками взрывчатки, чтоб добро не пропадало, Кирсанов выбил дверь в караулку, и был вознагражден форменной курткой и пилоткой, а также оружием.

«Багаж не берем, — распоряжался Василь, трамбуя пассажиров в уазик. — Брать только документы и деньги». Это распоряжение вызвало у пассажиров саркастический смех. Ни того, ни другого они взять не могли.

Никаких тысяч долларов, и даже сотен долларов — вообще никаких долларов ни летчики, ни их жены не получали. Обещания Романа Старицына из года в год становились все подробнее и красочнее, но дети росли, женщины старели, а мужья все летали и летали. Это было обыкновенное рабство, в которое они когда-то попали по собственной глупости. А шо такого, рабы тоже живут неплохо, и получше многих свободных, сказал Василь.

Может быть, и живут. Но даже такой жизни скоро должен был прийти конец. Потому что жены прознали — этот рейс будет последним. Пан Старицын вывезет на нем все свое богатство — «роллс-ройс», золотые слитки, бриллианты и героин — и сам исчезнет из Сан-Деменцио. Он надумал переехать. Он надумал купить Артек, а потом стать президентом Крыма. А сектанты его всех загипнотизируют, кто голосовать пойдет. У них и машинка такая есть для гипноза, и люди свои на телестудиях. Да он и без гипноза обойдется. А шо, он молодой, богатый, язык подвешен — да ему это запросто. Президент Старицын — это звучит гордо.

Женщины всегда всё знают. Они могут ошибаться в деталях, но суть они знают всегда.

И сейчас они расходились во мнениях только в одном вопросе — какая судьба ждала их, если они не улетят, если останутся на фазенде. Ну, с мужьями все ясно. Их просто разгонят по белу свету и наберут новый экипаж. А жен могли сдать в публичные дома... (Раскатала губу, сказала Нина). Могли отправить в лесной дурдом. А могли и просто перестрелять. А про детей и подумать страшно... Ничего не страшно, вмешались пацаны откуда-то снизу. Пошли бы в партизаны. В лесу полно партизан.

Василь затормозил на площади, где стоял его «Лендровер». Женщины и дети перебрались в него, Кирсанов сел за руль «уазика».

Лобовое стекло было выбито при взрыве. Он смахнул оставшиеся осколки пилоткой и снова нахлобучил ее, машинально приложив ладонь вдоль носа, чтобы проверить — на месте ли звездочка. Какая звездочка? Марат усмехнулся. Сколько лет прошло после армии, а рефлексы сохранились.

Оксана села рядом с ним.

— Твое место в «лендровере», — сказал Марат. — Садись лучше туда, в тесноте, да не в обиде. По Ромкиной тачке стрелять не будут.

— Мое место не там, — сказала она. — Марат, я остаюсь.

— Где?

— Здесь. Дай мне денег. Долларов триста хватит, чтоб добраться до островов.

— А там что? — спросил Марат.

— Там международный курорт. Там нужны переводчики с голландским, русским и испанским. Я бы и раньше уехала. Да то одно, то другое. Потом вот тебя встретила на свою голову.

— Малыш, я не понял. Слушай, другого такого случая не будет, — сказал он. — Ты что, не хочешь вернуться домой?

— Домой? — она пожала плечами. — Если б я знала, где это...

— Я знаю, где это, — сказал Марат. — Тебе понравится.

Она упрямо помотала головой:

— Нет. Я остаюсь. Я не верю, что можно захватить самолет.

— Да никто не захватывает, — сказал он. — Это наш самолет. Там наши мужики. Мы везем к ним их детей и жен. Все очень просто.

— Знаешь, почему я еще живая? — сказала она. — Я чувствую, куда можно идти, а куда нельзя.

— Значит, к самолету ехать нельзя? Значит, все зря?

— Для меня — да. Для тебя — не знаю.

— Ладно, — сказал Марат и протянул ей бумажник. — Возьми все.

— Я выйду у реки, — сказала она. — Скоро будет пароход.

— Ты хорошо знаешь эти места?

— Ромочка возил когда-то.

— Ах, Ромочка, — передразнил Марат.

— Да не злись ты, киллер несчастный, — сказала она. — Ну не могу я с тобой уехать. Не хочу тебе жизнь ломать, понял, дурачок?

Уазик остановился на развилке, Оксана сошла на дорогу.

— Ну что, прощай, — сказал Марат.

— Может, еще встретимся. Мир тесен, — она неловко улыбнулась.

Марат зло ударил по газу, только щепенка из-под колес полетела. «Лендровер» дожидаясь его перед поворотом на аэродром.

— Что-то подозрительное, — крикнул Василь через опустившееся стекло. — Никакой охраны, ни патрулей, даже жандармов не видно. Наверно, все в лесу. Какая-то жуткая облава.

— Им придется помучиться, — сказал Марат. — Давай гони, а то на самолет опоздаем. Ты пропуск не потерял?

— Какой пропуск! Про наш роллс-ройс уже последняя обезьяна в лесу знает. Давай, не отставай!

Не отставай? Это было сильно сказано. Кирсанов зажег фары и обогнал Василя. Если впереди покажется патруль или блокпост, он примет разборку на себя. На пассажирском сиденье у него лежали два «калашника». Но можно обойтись и без стрельбы. Проскочить, помахать рукой, что-то прокричать. Он потуже натянул пилотку. Раз пошла такая облава, значит, будем прорываться под шумок.

Они вырвались на летное поле, когда от «Ила» уже отползал последний заправщик. Легионеры в серых пилотках что-то кричали Василю, показывая в сторону самолета, и он помчался напрямую по взлетной полосе, и Кирсанов вывернул за ним, переехав через какой-то фонарь.

«Лендровер» скрылся за длинным, бесконечно длинным телом самолета. А Марат остановился посреди поля. Отсюда он мог прикрыть Василя, если понадобится.

Понадобится. Он увидел, что от дальнего края летного поля им наперерез выкатилась пара джипов. На одном из них возвышался пулемет. Водитель держал у уха рацию, но вот он опустил ее, и машина начала разгоняться, а пулеметчик привстал в кузове.

Кирсанов разъехался с заправщиком и увидел, что из лендровера выпрыгивают женщины и дети. На бетонке лежали легионеры, сложив руки на затылке, а над ними возвышался тощий летчик в шортах, и в руках его был автомат. Мелькнул голубой пиджак Василя, и «Лендровер» попятился, пристраиваясь к грузовой рампе. Марат оглянулся и увидел, что джипы охраны разделились. Один остановился по курсу взлета, а второй, с пулеметом, заезжал сбоку.

Кирсанов пристроил автомат на раму лобового стекла, ловя пулеметчика на мушку. Будет стрелять или нет? Джип остановился, чуть отвернув в сторону. До него было метров двести.

Марат поставил предохранитель на одиночный огонь. Он никогда не считал себя снайпером. Характер не тот. Да и практики мало. Правда, на работу его пулемета жалоб не поступало. Но все-таки он считал себя рукопашником, а не стрелком. Кто же знал, что так получится? Кто же мог предположить, что все будет зависеть от одного удачного выстрела?

Спокойно, сержант, сказал он себе. Кто тебе мешает задержать дыхание и плавно подвести мушку в центр ростовой фигуры? Это же обычная мишень, и ты их гасил в горах с любой дистанции, да еще под огнем. А здесь все условия — опора, тишина, никто не гонит... А ремень автомата накинем на стойку рамы, просто идеальная устойчивость. Его зрение обострилось настолько, что он видел даже лицо пулеметчика. Он видел, как тот наклонился к прикладу и потоптался, принимая устойчивую позу.

— Гад, ты что, собираешься стрелять по детям? — спросил его Марат и надавил на спуск.

Автомат дрогнул, но ремень удержал его от подскока — и еще невыносимо долго Марат смотрел на мишень сквозь мушку, пытаясь увидеть результат. Пулеметчик, наконец, дернулся, всплеснул руками и отвалился от пулемета. И только теперь он услышал удар выстрела, и в ушах зазвенело, и вторым выстрелом он попытался настичь водителя, который привстал, оглядываясь — но у того только пилотка слетела.

— Эх, Вадим Андреевич, как мне вас не хватает, — проговорил Кирсанов, падая на водительское место и выворачивая руль, — вот бы мы им на пару показали...

Он сдал назад и увидел, как из бетонки прямо перед машиной взвились белые гейзеры. Пара пуль срикошетила и по борту уазика.

— Это кто же у нас такой меткий, — приговаривал Марат, разгоняясь и уводя за собой преследователей. — Это кто же у нас такой прыткий?

Его охватил радостный азарт. Сейчас он был в своей стихии. Бой без правил. Один против всех. Оставаться живым необязательно. Ну полная свобода действий...

Было только одно ограничение — он старался, чтобы они, стреляя по нему, не попали по самолету. Он выписывал зигзаги по взлетной полосе, а за ним уже мчались два джипа. Удар по тормозам, по рулю, по газу — развернувшись через занос, Кирсанов полетел в лобовую атаку. Из-под капота его машины выбивались клубы пара. Он бросил руль и привстал, дав ногой на газ, припав к автомату и посылая вперед короткие очереди. Он и не хотел, и не мог отвернуть в сторону.

Но столкновения не получилось. Он пролетел сквозь них и глянул в зеркало. Зеркала не было. Он оглянулся. Оба джипа стояли. И в них никого не было. Не считая покойников.

Глянув в сторону самолета, он увидел, что грузовая рампа уже втянулась, и задние створки закрывались.

— Ну, кто еще хочет? — закричал Марат, схватив второй автомат и оглядываясь.

Летное поле было пусто. Он не поверил своим глазам, но на поле не было ни души.

Победа. Иногда она выглядит довольно странно. Пустое летное поле. Чьи-то ноги, свисающие из джипа. И липкое сиденье. «Когда же я успел так пропотеть?», удивился он, ощущая мокрую поясницу.

Но это был не пот. Кирсанов недоуменно уставился на окровавленную ладонь.

Он подлетел к ревущему самолету. Василь махал ему из грузового люка:

— Ну что ты телишься! Сколько тебя ждать!

— Улетайте без меня, я прикрою!

— Холера! Залазь быстрее!

— Гранцов! — выкрикнул он. — Я его не могу оставить!

— Какой еще Гранцов! — закричал Василь. — Ты теперь за самолет отвечаешь, а не за Гранцова. Залазь давай! Ну, шо ты расселся?

— Да я встать не могу, — сказал Кирсанов внезапно ослабевшим голосом.

— Ну, шо ты там шепчешь!

Василь чуть не за шкуру затащил его в самолет. Марат еле переставлял непослушные ноги. Оглянувшись на свой «уазик», он увидел развороченную спинку сиденья.

— Ты шо, раненый, чи шо? Хорош придуриваться! Я тут ему такую рекламу сделал, а он придуривается!

— Дай хоть перевязаться чем-нибудь, — попросил Кирсанов.

— Сейчас мы тебя перевяжем, мы тебя починим, будешь как новенький, ты только покажись народу, — говорил Василь и на себе тащил его наверх, к командиру.

— Здорово, Москва, — сказал командир. — Все на борту?

— Такой молодой, и полковник ФСБ? — спросил кто-то.

— Обойдемся без формальностей, — сказал Василь. — Товарищ покажет вам все документы сразу после посадки.

— Внимание, — объявил командир, — борт три сотни полста восьмой, поздравляю вас с освобождением. Курс на Москву. Запасной аэродром Ленинград.

Марат, стоя за спиной командира, видел перед самолетом взлетную полосу. Она показалась ему удивительно короткой.

— Иди вниз, полковник, — командир поправил наушники, — посмотри за пассажирами, чтоб пристегнулись.

— Я не полковник, — сказал Марат.

— Значит, будешь полковником, — сказал командир. — Василь зря брехать не будет. Иди, иди, еще наговоримся за одиннадцать часов. Нам главное сейчас через горку перепрыгнуть, так ты уж пристегни всех покрепче.

— Есть, — кивнул Кирсанов и вцепился в спинку командирского кресла.

В конце взлетной полосы зеленой стеной стояли горы. «Один пулеметчик в этой зеленке — и не будет нам ни Москвы, ни Ленинграда», подумал Марат, проваливаясь куда-то.

Глава 26. Огневой рубеж

Рубеж, намеченный Гранцовым для огня по взлетающему самолету, располагался на склоне горы. Следовало ожидать, что на пути к нему придется пересечь несколько заградительных линий. Но Вадим не наткнулся ни на забор, ни на хотя бы колючую проволоку. Это было странно. Аэродром был явно построен и оборудован при участии специалистов. Как же можно было оставить без защиты ВПП? Положим, снайперы сюда не каждый день являются. Но ведь из леса на взлетно-посадочную полосу мог выйти какой-нибудь зверь или чокнутый сектант, и столкновение с ними могло закончиться печально, причем не только для зверя или для чокнутого.

Гранцов зря беспокоился о безопасности ВПП. Когда он заметил датчики системы слежения, было уже поздно.

Вертолет вынырнул из-за горы, окатив лес грохотом и свистом своих двигателей. Деревья принялись размахивать ветками, кусты пригибались к земле, когда вертолет медленно, задрав нос, снизился над краем взлетной полосы. Из него выпрыгнули трое, вслед за ними на веревке опустили собаку в корзину.

Гранцов наблюдал за ними, скорчившись под корягой и размазывая по лицу грязь.

Вертолет поднялся и перелетел метров на семьсот, и там высадил еще одну группу.

Значит, они не знают, где я, подумал Вадим. Будут прочесывать квадрат. И пока они мельтешат в зоне действия датчиков, я тоже могу спокойно передвигаться.

Пригибаясь, Гранцов побежал вверх по склону. По пути он обламывал ветки и взрывал ногами листву. Оглянувшись, он с удовлетворением обнаружил, что следы остались достаточно четкие. На ходу порывшись в сумке, он нашел обрезок капронового шнура. Пришлось задержаться, чтобы натянуть его поперек своей тропы — один конец к ветке, другой под кучку листьев. Если за ним послали не придурков, а солдат, то они заметят эту «растяжку». И потеряют какое-то время — если не на разминирование, то на почесывание в затылке и совещания с начальством. А он тем временем успеет проложить тропу еще дальше, и они будут идти по ней все медленнее, опасаясь новых сюрпризов.

Он все рассчитал правильно, но забыл про собаку. Просто забыл, что ее могут спустить с поводка. На нее все эти военные хитрости не действовали, и она догнала его.

Это была некрупная черная собака, вроде боксера, и она летела вверх по склону, не лая и не рыча, бесшумно, словно не касаясь ни листвы, ни веток. Гранцов успел услышать ее дыхание и оглянулся.

Собака коротко зарычала и кинулась на него так стремительно, что он не успел даже скинуть винтовку с плеча. Челюсти со страшной силой впились в его руку ниже локтя. Гранцов поднял руку, отрывая собаку от земли, и развернулся. Собака висела на его руке, он чувствовал, как ее зубы проткнули рукав гимнастерки, разрезали кожу и мышцы и сдавили кость. Он крутнулся на месте, и по длинной дуге с размаху хрястнул собаку о ствол дерева. Удар пришелся как раз по середине хребта, и задние ноги собаки залетели за ствол, и он увидел ее незащищенный розовый живот. Что-то хрустнуло, и челюсти на его локте разжались. Собака свалилась на землю, и он схватил ее за заднюю ногу, снова раскрутился и повторил удар об другое дерево. Она успела коротко взвизгнуть, ваяясь у него под ногами, и впилась в его левую руку, когда он наклонился к ней. Но силы в укусе уже не было, и он быстрым движением задрал ее морду и перерезал горло ножом.

Надо было перевязаться, но времени на это уже не оставалось. Он бесшумно двинулся вниз по склону, в стороне от своей тропы, по которой, он знал, навстречу ему спешили трое.

Первый из них слишком оторвался от товарищей. Гранцов поджидал его, стоя за широким стволом. И как только противник поравнялся с ним, он сзади ударил его прикладом под затылок. За ноги оттащил труп в сторону и двинулся дальше вниз по склону.

Со стороны летного поля уже ревели турбины самолета. Вадим различил звуки выстрелов. Наверно, группы прочесывания стреляли по подозрительным кустикам.

Двое оставшихся легионеров шли рядом, напряженно вглядываясь вперед. Гранцов пропустил их. С двумя вряд ли удастся справиться без шума. А шум помешает выполнению главной задачи.

Он дождался, когда они отойдут повыше, и снова продолжил спускаться. Ему хотелось бежать, скакать, катиться кубарем, чтобы успеть на огневой рубеж — но он ступал плавно и осторожно, отодвигая носком ноги хрупкие ветки, прежде чем сделать новый шаг.

Гранцов устроился под корнями поваленного дерева, забросав себя ветвями и листвой. Кое-как перетянул рану, и порадовался, что собака не цапнула за кисть или запястье. Пальцы оставались послушными, хотя, шевеля ими, Вадим чувствовал боль в предплечье. Боль на выстрел не влияет, подбодрил он себя, оттягивая и проворачивая в боевое положение курок трехлинейки. Винтовка готова к стрельбе. Стрелок тоже готов.

Отсюда ему хорошо было видно поле. Четкий силуэт «Ила» с устало провисающими длинными крыльями. Казалось, подвешенные снизу турбины непосильной своей тяжестью оттягивают крылья книзу. Что-то насторожило его, пока он выцеливал сверкающую кабину. Поле. На поле стояли машины. Уазик на дальнем краю, рядом с самолетом. И еще пара уазиков, словно забытых на летном поле. Что-то темнело между колес. Он разглядел, наконец, что из джипа свисали ноги.

Да здесь была заварушка, подумал он. Не по кустикам стреляли.

Самолет заревел громче и начал двигаться. Гранцов плотнее придавил винтовку к опоре, прижался к прикладу. Потом разберемся, что тут было. Сейчас главное — дать ему разогнаться.

Краем глаза он заметил еще какое-то движение сбоку. На летное поле выкатился открытый «хаммер» с пулеметом на стойке. Пулеметчик был в красной рубашке и соломенной шляпе. Он неловко возился, заправляя ленту. Водитель, с черными очками на лбу, вскочил со своего места, нетерпеливо размахивая руками.

— Уйдет, уйдет! — кричал он по-русски.

«Ну вот, еще явились по мою душу», подумал Гранцов. «Сейчас как начнут лупить из пулемета по площади».

Но пулеметчик развернул ствол в другую сторону — в сторону разгонявшегося

самолета.

— Не уйдут, гады, — сказал пулеметчик и развил свою мысль с помощью мата. — Надо было Кирсанова твоего сразу кончить, как только он приехал. Не за тем мы гонялись, не за тем. Может, и не было никакого Гранцова, а, Рон?

— Это все потом, Серый! — прокричал водитель, в котором Гранцов с удивлением узнал самого Романа Старицына. — Ты мне сейчас Кирсанова не упусти! Если они улетят, нам конец!

«Какого Кирсанова?» — Вадим не верил своим ушам. — «Марат? Он в самолете? Что ему там делать? Что тут у вас вообще творится! Что за стрельбище устроили на летном поле!»

Гранцов, затаившись под своей корягой, услышал сзади голоса и шум шагов. По склону спускалась группа прочесывания.

Старицын повернулся в сторону легионеров и закричал что-то на их языке. Ему ответили тревожными и озлобленными криками. Шаги звучали все громче. Легионеры прошли рядом с укрытием Гранцова и подбежали к «хаммеру». Это были те самые двое солдат, которых он пропустил мимо себя в лесу. Старицын отдавал команды, показывая рукой на «Ил», и до Гранцова отчетливо долетело слово «фруэда», колеса.

Солдаты сняли автоматы и изготовились для стрельбы с колена. «По шасси будут бить», догадался Вадим.

— Ну, брат Кир, приехали! — выкрикнул Старицын, тряся кулаком над головой.

* * *

— Поздно, поздно, поздно, поздно, — повторял Роман Старицын, следя за тем, как начинает разгоняться самолет. — Все из-за тебя, Серый.

— Еще не вечер, — сказал Сердюк, неловко заправляя ленту в пулемет. — Сейчас как врежем по бакам, и все дела. А шуму-то будет, шуму... Давай, держи ленту вот так. Да не дергайся, подавай ровно.

— Что ты возишься! Надо было взять с собой пулеметчика.

— Где ж его взять? Все ушли на фронт, — спокойно ответил Сердюк. — Да ты не переживай. Что ж я, пулемета в руках не держал?

— Непохоже, что держал. Уйдет, уйдет самолет!

— Где-то тут предохранитель. Ага. Опа! Готово!

— Жалко машину, так жалко, — простонал Роман Старицын.

— Да, самолет-красавец, — поддакнул Сердюк.

— Да я про «Лендровер»! Просто плакать хочется.

— А ты поплачь, легче станет. — Сердюк опустил ствол. — Ну что, по кабине врежем? Или по колесам?

— Да стреляй хоть куда-нибудь, стреляй, уйдет! — закричал Роман Старицын, теребя его за рубашку.

— Не дергай ты, мать твою...

И тут Роман Старицын услышал близкий выстрел и какой-то странный удар. Что-то брызнуло ему на щеку, и он выронил ленту, испуганно вытираясь. Лента со звоном скользнула на пол джипа.

— Стреляй, Сердюк, ну стреляй же! — закричал он.

Но Сердюк не ответил ему. Он сидел, привалившись к дверце, и его голова, с вмятиной в виске, свешивалась наружу.

Сзади ударил еще один выстрел, и еще один — и автоматчики повалились на бетон, с лязгом выронив автоматы.

Первый раз в жизни Роману Старицыну стало страшно до тошноты. Он выпрыгнул из «хаммера» и хотел поднять руки, но все его тело сковал смертельный холод. Ноги его подкосились, и он повалился на бетон, в ужасе зажав лицо ладонями.

* * *

Самолет оторвался от земли, пронесся над рекой, над водопадом и скрылся в облаках.

А Вадим Гранцов вышел из-за своей коряги, держа наперевес винтовку с последним патроном.

Ему не хотелось его тратить.

«В катере найдется место для четвертого пассажира», — подумал он, глядя на Старицына, дрожащего у его ног. «А если не найдется, места, найдется камень на шею. И — на дно».

Гранцов нашел в «хаммере» аптечку и вколол Старицыну обезболивающее.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

Тот закивал, не отрывая ладоней от лица.

— Я засадил тебе кубик яда. Начнет действовать через сорок восемь часов. Если хочешь получить противоядие, веди себя хорошо.

— Не... Не убивайте меня, я все скажу!

— Да я, вроде, ничего и не спрашиваю. Подъем! — приказал Гранцов.

Он подобрал с земли автоматы убитых легионеров. Один закинул себе на плечо, другой, разрядив его, повесил на шею Старицыну. Вынул из его кобуры пистолет и, довольно хмыкнув, сунул «беретту» себе за пояс. Обыскав Старицына, нашел в заднем кармане брुक паспорта Василя и Марата.

Гудение самолета за облаками становилось все слабее, а потом исчезло, растворившись в шуме листвы.

Гранцов подмигнул вслед самолету. Счастливо, Марат. Не знаю, от какой конторы ты действовал, но сработал четко. За конспирацию — пятерка с плюсом. А твой паспорт мне еще пригодится, чтобы вывезти отсюда Макса. Впрочем, он такой же Макс, как ты — Марат. Счастливой посадки, сержант!

У него не было времени, поэтому он просто повесил на Старицына патронную ленту от ПК. Эта сотня патронов пригодится для трехлинейки, которую еще рано выбрасывать.

А пулемет он портить не стал, рука не поднялась. Просто отстегнул ствол и забросил подальше в кусты.

Ему очень жалко было бросать «хаммер», и очень не хотелось снова тащиться пешком через лес. Но выбора не было. И он легонько пнул Старицына под зад:

— Пошли, директор. Вперед. И ни звука. Понял?

Старицын закивал так, что его черные очки слетели со лба.

Глава 27. Подъем труден, спуск опасен

Привязывая пленного к дереву, следует всегда помнить, что тугая веревка нарушает кровообращение. Гранцов мог бы оправдаться тем, что рассчитывал вернуться за своим «языком» гораздо быстрее. Но все оправдания были неуместны, когда он увидел белое лицо и серые губы Старицына.

К счастью, это был всего лишь обморок.

— А мог и загнуться, — осуждающе сказал Макс.

— И загнулся бы, если б я еще час бегал за вами по всему острову. На кой черт надо было прятаться?

— Ты не вернулся вовремя. Самолет прилетел и улетел. Что я должен был подумать? Ладно, майор, давай грузить клиента на борт.

Макс еще раз потрепал Старицына за нос, и тот вяло произнес, не открывая глаз:

— Яд. Начинает. Действовать.

— Противоядие получишь дома, — пообещал ему Гранцов. — Вставай, директор.

Он потерял много времени, разыскивая Макса с Татьяной на островке, где оставил их

ночью. «Как в воду канули» было бы самым точным определением в данном случае, потому что они и в самом деле спрятались в воде. Точнее — на воде. У Макса была оборудована запасная лежка, где он отсыпался днем, и лежка эта была на плоту, замаскированном среди свисающих веток и камыша. С плота они слышали, как кто-то шныряет по острову, стараясь не шуметь. Слышали они и тихий свист Гранцова, и его негромкий поначалу мат. Но бдительный Макс не показался до тех пор, пока не убедился, что Гранцов вернулся один, да еще с трофеями. Трофеи убедили его лучше всяких слов.

Гранцов с Татьяной подтянули катер к берегу, пока Макс собирался в дорогу: мылся и переодевался в чистое.

Старицына уложили на носовой диван в каюте катера, слегка ослабив веревки на руках и ногах. Макс устроился рядом и тут же занялся чисткой оружия, разложив на откидном полированном столике трофейный АКМ. Поскольку каюта была рассчитана только на двоих, Гранцов сидел на пороге и подсказывал Татьяне, которая стояла у штурвала.

Он рассчитывал, что происшествие на аэродроме отвлечет легионеров от поисков пропавшего катера. А если кто-то и заметит Татьяну, то вряд ли решится стрелять вслед американской гражданке. Ну, а если и решится, то получит несимметричный ответ.

Макс, несколько не стесняясь посторонних слушателей, рассказывал, как он собирался встретить самолет. Оказывается, он вел ночной образ жизни. Днем отсыпался на плоту, а по ночам уходил к аэродрому. За два месяца он выполнил значительный объем земляных работ, углубив и местами спрямив русло пересохшего ручья. Получился замечательный, но незаметный для часовых канал, соединяющий летное поле и емкости с горючим. Оставалось в нужное время произвести в нужном месте направленный взрыв. Огненная река хлынула бы по склону на летное поле как раз туда, где всегда стоял «Ил-76». Согласно приблизительным подсчетам Макса, пожар должен был охватить и вертолетную стоянку. При этом неизбежно загорелся бы и лес, отрезав аэродром от помощи из города. Таким образом, с помощью складной лопаты из «каравеллы» и ящика гранат со складов концлагеря один-единственный диверсант мог бы надолго вывести из строя важнейший стратегический объект.

— А что потом? — спросил Гранцов. — Не вижу вариантов отхода.

— Никаких вариантов. Отходить было бы некому. И некуда. Но задача была бы решена, — и Макс с громким щелчком посадил на место крышку ствольной коробки.

— Решена-то решена. Только с ответом не сходитесь, — поддел его Вадим. — А правильный ответ, он сейчас уже, наверно, над Кубой пролетает.

— Почему ты думаешь, что это правильный ответ? Может быть, твой Кирсанов работает на афганцев или нигерийскую мафию? Перехватили у конкурентов груз, да еще и канал закрыли. Красота!

Гранцов не успел ничего ответить, потому что увидел, как изменилось лицо Татьяны. Он привстал и посмотрел вперед через наклонное зеленое стекло.

В этом месте река снова сужалась после очередного поворота. Гранцов увидел прямо по курсу легкие мостки, протянутые низко над водой с берега почти до середины реки. Он сразу узнал эту ажурную конструкцию, обвитую разноцветными проводами. Узнал он и мачту на берегу, с тарелкой спутниковой связи и обвисшим звездно-полосатым флагом. Это был лагерь калифорнийских экологов.

Между двумя зелеными полусферами палаток стоял пятнистый приземистый «хаммер».

— Там машина Дональда, — проговорила Татьяна.

— Кто такой, почему не знаю?

— Дональд Риджэндарт, Очень Важная Персона в структуре Глобо. Его все боятся. Он приставлен к ним то ли от ЦРУ, то ли от Пентагона, то ли еще от кого.

— По-нашему — куратор, — сказал Гранцов так, чтобы его расслышал чекист в каюте. — Интересно, зачем американец решил навестить земляков? Как у тебя с ним? Нормальные отношения? Он не такой, как эти легионеры?

— Я с ним не сталкивалась, — ответила Татьяна. — И не хочу сталкиваться.

Она плавно подтолкнула блестящий рычаг газа чуть вперед, еще чуть-чуть, и катер

пошел резвее, немного приподняв нос.

— Подверни влево, — посоветовал Гранцов, глядя из-под руки на сверкающую воду. — Обойди мостки подальше, чтоб волной их не залить.

— Левее может быть мель.

— Ты давно ходила по реке?

— Да, осенью. Тогда река была шире. Смотри, машина уезжает.

— Не отвлекайтесь, рулевой, — приказал Гранцов. — Смотри на воду. А за берегом есть кому последить.

Он присел и спрятался, увидев, что от палаток к реке быстро спускается человек, размахивая чем-то красным.

Гранцов вытянул из гнезда бинокль и рассмотрел человека. Это была женщина в шортах и просторной черной майке, и размахивала она оранжевой ветровкой.

— Не останавливайся, — сказал он. — Помаши рукой в ответ.

— Может быть, у них что-то случилось?

— Наверно, это у Дональда твоего что-то случилось, — ответил Гранцов. — Не останавливайся.

Татьяна все-таки повернула штурвал влево, и катер накренился на хорошем ходу, и Макс едва успел прижать к столу уползающие магазины.

Гранцов разложил карту на столе и ткнул пальцем в поворот реки.

— Кажется, нас хотят встретить. Вот — мы. Раз поворот, два поворот, три поворот. Вот дорога. Вопросы есть?

— Думаешь, вот здесь? — чекист обвел носиком пули самое узкое место на реке, где Дональд мог бы устроить засаду.

— Он туда приходит раньше нас. Успеет все приготовить.

— Сколько может выставить?

— У них группы по пять-шесть человек, сколько в «уазик» помещается. Допустим, с ним будут максимум три группы. Все-таки шишка.

Старицын простонал на своем диванчике:

— С Дональдом ездит личная охрана, два звена. Дайте мне противоядие, я же могу умереть. Вы же тогда ничего не узнаете!

— За два звена спасибо, — сказал Гранцов. — А противоядие, к сожалению, хранится в сейфе у российского посла. Итак, что мы имеем? Десятка два стволов для хорошего залпа в борт нашей фанерной посуды.

— А проскочить? На рывок? — предложил Макс.

— Посмотрим сначала, — решил Гранцов.

Он перебрался к Татьяне и, сидя у ее ног с биноклем, попросил:

— На повороте глуши мотор и — к берегу, в камыши.

— У нас какие-то проблемы? — спросила она.

— Пока нет.

— Вадим, я тебя очень прошу, не надо со мной обращаться, как с женщиной.

— Хорошо, не буду. А как тогда с тобой обращаться?

— Как с товарищем. Мне кажется, хотя бы это я заслужила. Ты понимаешь? Не надо делать веселое лицо. Я должна четко видеть ситуацию. Понимаешь?

— Тогда слушай боевой приказ, — сказал Гранцов. — Противник силами до двадцати штыков сгруппировался ниже по течению реки на правом берегу. Его задача — фланговым огнем потопить наш катер и захватить в плен тех, кто останется на плаву. Наша задача — прорваться через линию огня. В связи с чем приказываю. Высадить на берег боевой дозор, то есть меня. Старшим остается компаньеро Макс. Ясно, товарищ?

— Так точно.

— Ну как, тебе такое общение больше нравится?

— О да, — ответила она. — Это жутко возбуждает.

Катер с хрустом раздвигал высокие редкие стебли, продвигаясь к берегу. Гранцов

сначала греб веслом, потом отталкивался от дна. Хотелось бы подойти как можно ближе, но он побоялся, что катер снова сядет на мель, и прыгнул в воду.

Держа автомат над головой, он шел по грудь в воде. Камыши сомкнулись за спиной, и, оглянувшись, он увидел, что красный борт катера едва просвечивает сквозь зеленую стену.

«Хорошо, что их не видно с берега», подумал Гранцов. «Надо будет на берегу место пометить, когда из камышей выйду, чтоб не плутать потом».

Узкая полоска травы на берегу окаймляла крутой глинистый откос. Чтобы вскарабкаться по нему, пришлось закинуть автомат за спину. Зато, поднявшись наверх, Вадим был вознагражден великолепным видом.

Отсюда берег плавно понижался к реке и там, среди аккуратных круглых кустов, стояли два «уазика» и пятнистый «хаммер». Вадим поднял бинокль, разглядывая противников. Двенадцать бойцов в серых пилотках. Тринадцатый, в шортах и полосатой майке, ходил между ними, размахивая сверкающим пистолетом. Легионеры, подчиняясь его командам, сбились в две кучки и залегли у самой воды, нацелив свои «узи» на поворот, откуда скоро появится катер.

Соблазн перестрелять их отсюда был настолько велик, что Гранцов закусил губу. Были бы с ним хотя бы еще двое ребят. Или был бы он совсем один, так даже лучше... Но он не один. И перед ним не мишени, а опытные солдаты. Которые, к тому же, сразу укроются в своем бронированном «хаммере». А проверять, крепка ли его броня, Гранцову совсем не хотелось.

Он скатился по откосу и, не заботясь о маскировке, шумно и быстро добрался до катера.

Макс, выслушав его короткий доклад, спросил:

— У них только «узи»? Пулеметов нет?

— Только «узи».

— Прорвемся.

— Нет, — сказал Гранцов. — Там речка узкая, мы будем идти как в канаве. Дистанция двадцать метров.

— Твои предложения?

— Подержим паузу. По-моему, они уже психуют, и командир там «достойный». Пусть еще понервничают. Возвращаемся к американцам. У экологов есть телефон. Отзовонимся, потом можно и прорываться.

— Ты можешь вызвать какую-нибудь помощь? — спросил Макс.

— Ага, 242-ю дивизию ВДВ. Но я, если честно, на тебя рассчитывал. Будешь звонить?

— Попробуем, — нехотя ответил чекист. — Хочешь этими экологами прикрыться?

— Было бы неплохо.

Когда катер притерся бортом к деревянным мосткам экологического лагеря, Гранцов первым соскочил на прогибающиеся доски и подал руку Татьяне.

— Иди, поговори с ними, — попросил он. — Пусть не пугаются моего вида. Объясни, что мы попали в беду и все такое.

— Они этого не поймут. Скажу, что ты просто заблудился и отстал от группы.

Татьяна подбежала к палаткам и, нагнувшись, вошла в одну из них. Скоро она показалась оттуда вместе с женщиной в черной майке и махнула Вадиму.

— Есть связь, — сказал Гранцов, повернувшись к Макс. — Пойдем.

— По очереди. Ты первый. Я прикрываю.

— Да мне и звонить-то некуда, — сказал Вадим. — Разве что жене. Давай без лишней конспирации, время уходит.

— Тогда держи дорогу, — чекист прислонил трехлинейку к борту катера и неловко перешагнул на мостки.

Гранцов посмотрел на часы. Еще минут десять у него есть.

Он не стал делиться подробностями своего плана с чекистом. Слишком много было в нем «если». Например, Гранцов предполагал, что легионеры, полежав на берегу какое-то

время, поймут, что катер повернул обратно, и отправят одну машину вверх по реке на поиск. Катер будет обнаружен. Предположим, разведка вызовет группу. Когда машины покажутся на дороге и войдут в зону действия трехлинейки, им будут нанесены повреждения, несовместимые с правилами эксплуатации. Предполагается, что катер не будет поврежден ответным огнем. Он отчаливает и на полном ходу устремляется по реке. А у Дональда остаются два варианта действий: либо преследовать катер в пешем порядке, либо утопиться в реке.

Присутствие экологов планом не учитывалось, но чекист подсказал неплохую идею. Если взять их с собой...

Он не успел обдумать эту идею, потому что увидел, как от палаток резво удаляются четыре фигуры. Экологи убежали от своих палаток в ту сторону, куда уехал Дональд.

Когда Гранцов ввалился в зеленую палатку и втянул за собой Старицына, Макс разговаривал по телефону. Он показал Гранцову кулак, потом приложил палец к губам и продолжил фразу:

— Да-да, я хочу поговорить с Сергеем Григорьяном, советником по культуре... Нет, я его школьный товарищ, здесь нахожусь проездом, у меня очень мало времени... Почему? А где он? Как с ним связаться? Может быть, меня тоже нужно эвакуировать. Понятно. А с кем я говорю в таком случае? Ах ты мразь! Ах ты козел!

Он отдал трубку Татьяне:

— Все. Разговор окончен.

— Ты чего эфир засоряешь? Что говорят-то? — спросил Гранцов, хотя и так было видно, что услышанное не обрадовало Макса.

— Сказали, что Григорьян переведен на другую работу. Что он сейчас занят эвакуацией российских граждан. А говорил со мной настоящий советник по культуре. Так, сука, и сказал: настоящий.

— Другие телефоны есть?

— Других не помню, только этот. Хрен с ними, пробьемся и сами, — сказал Макс. — Ты чего пост бросил?

— Заложники наши смылись, — доложил Гранцов. — Сейчас сюда бойцы приедут. Я отсюда с ними повоюю, а вы пока держите крейсер под парами.

— Этого уroda зачем притащил?

— Пригодится. Давай пока позицию оборудуем.

В палатке стояли деревянные ящики, наполненные тяжелыми бумажными пакетами с аккуратными бирками. Вадим заглянул в один пакет и обнаружил там песок. Отличный материал для защитного сооружения.

Татьяна помогала перетаскивать ящики и устанавливала их. Сил у нее, казалось, было побольше, чем у Макса, который все чаще останавливался и кашлял.

Полог палатки скрутили в рулон и закрепили наверху. Через открытый вход открывался прекрасный сектор обстрела.

— Все, я готов, — Гранцов установил винтовку ложом на стопку блокнотов.

— Я справа буду, — предупредил Макс, вставляя магазин в автомат. — Подключусь по ходу дела. Смотри, не забудь, что справа — свои.

— Вас понял, сосед справа. Таня, слушай, ты свою задачу поняла? Держи мотор на холостых оборотах. Если увидишь, что из палатки пошел дым, жми на газ и пробивайся по реке в Кальенте. Если тебя остановят, вали все на нас. Ты была нашей заложницей.

— Ага, заложница-наложница, как бы не так, — сердито сказала она. — Я останусь здесь. Дай мне пистолет. Я умею стрелять. Зачем тебе он? У тебя много оружия. Дай мне пистолет.

— Успокойся. Кто-то же должен держать катер в боевой готовности, верно?

— Ты не хочешь позвонить в Ленинград? — спросила она.

«Ах, хитрюга», — с нежностью подумал Гранцов. «Что мне с тобой делать?»

— Хочу, — сказал он, качая головой. — А успеем?

— Сейчас сделаем! — она снова села к складному столику, на котором стоял аппарат.
— Куда будешь звонить? — спросил Макс.
— Жене. Предупрежу, что могу задержаться. Ты же понимаешь, беременной женщине вредно волноваться...

Он оглядывал дорогу и макушки деревьев, выглядывавшие из-за пригорка. Если появится вертолет, придется рассредоточиться. Будем надеяться, что хотя бы Татьяну не тронут. Будем надеяться, что ее считают пленницей, а не сообщницей.

А с нами им придется повозиться. С чего бы им брать нас живыми? Нет, они просто хотят не выпустить нас отсюда, вот и все.

Гранцов увидел, что над гребнем холма, за который переваливала дорога, поднялась почти невидимая полоса пыли.

Едут.

— Говорите, — произнесла Татьяна голосом телефонистки.

Гранцов схватил трубку, потом перехватил другой рукой и вытер потную ладонь о гимнастерку.

— Регина? Привет! Я уже еду домой.

— Наконец-то. Я не могу заснуть.

— Деду передай, что Григоряна я так и не встретил. Хотели посидеть, выпить. А его никак найти не могут, уроды. Пусть отцу его позвонит, все объяснит, как он умеет. Чтоб потом никто не обижался. Только побыстрее. Ты меня хорошо слышишь?

— Слышу вас хорошо, — обиженно ответила Регина.

— Я уже выехал из Сан-Деменцио, скоро буду в Кальенте, оттуда автобусом уже напрямую в посольство. Нас оттуда будут отправлять. С транспортом тут, конечно, проблемы. Да, еще скажи, что половина группы уже улетела, на транспортном, с оказией. Тот самый транспортный, о котором мы с тобой говорили. А я не захотел. Хочу с комфортом.

Макс покрутил пальцем у виска, потом, смеясь, хлопнул его по плечу и, пригибаясь, выбежал из палатки.

Гранцов рассчитывал на чудо. На то, что ребята, которые прослушивают телефон Регины, не спят сейчас. На то, что они все поймут. На то, что не будут ждать утра, а сразу свяжутся с генералом Митрофановым. Он говорил так, будто Дед и «отец Григоряна», то есть российский посол, сидели сейчас рядом с Региной.

А на что еще оставалось рассчитывать? Он уже видел крыши двух «уазиков», которые двигались по ту сторону пригорка. Вот один из них целиком показался на дороге и сразу остановился.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Гранцов, чтобы не обрывать разговор на полуслове. Он старался вести себя органично. — Как твоя знаменитая пигментация?

— У тебя все в порядке?

— Да, все отлично. Сидим на берегу реки, пьем пиво. Девушки тут всякие...

Он услышал сухие автоматные выстрелы. Макс бил одиночными.

— В общем, скоро увидимся, — громко сказал Гранцов и прикрыл микрофон ладонью.

Из-за силуэта «уазика» показалась фигура. Неяркая вспышка, фигура окуталась облаком пыли, послышался набегающий шелест. Гранцов упал за ящики, сжимая в одной руке трубку, а другой обнимая Татьяну.

— Что у тебя там гремит? — спросила Регина.

— Да это по телевизору, — ответил Вадим. — Так ты передашь деду? Пускай срочно звонит отцу Григоряна. Все, милая, больше не могу, извини.

— Приезжай скорее, — попросила Регина.

— Скоро увидимся, — пообещал он.

Первая граната угодила в катер. Вторая упала рядом с мачтой, подпрыгнула и улетела к реке.

Гранатометчик только поднял на плечо третью трубу, когда Гранцов, наконец,

выстрелил. Он увидел, что силуэт провалился куда-то, и через пару секунд из-за «уазика» вскинулось огненное облако.

— Катер! Ты видел?! Никогда не буду тебя слушаться! — закричала Татьяна. — Дай мне пистолет!

— Держи.

Он отдал ей старицынскую «беретту».

— Твоя задача — вести беспокоящий огонь! Лежишь за ящиками! Голову не поднимаешь, только руку! Стреляешь в небо! Интервал между выстрелами — тридцать секунд! Ясно?

— Ясно. А ты куда?

— Я — твой сосед слева, — сказал Гранцов.

У него были заняты обе руки, винтовкой и автоматом. Он не мог ни обнять ее на прощание, ни хотя бы пожать руку.

Стоя перед ней на коленях, Гранцов наклонился к ее лицу. Она подставила свои губы. Поцелуй получился звонким и детским.

— Запасной магазин, — деловито напомнила она.

Он отползал в сторону, скользя по влажной траве, и считал ее выстрелы. Со стороны дороги трещали короткие очереди «узи». «Дистанция двести метров», думал Гранцов. «Кого они хотят напугать? А в атаку не сунутся. Очень хотят выжить. А Макс их напугал, напугал. Нет, не сунутся. На измор берут. Ждут, когда у нас патроны кончатся. Посмотрим, кто кончится раньше».

Ему нетрудно было представить сценарий, по которому действовал невидимый Дональд. Уничтожить катер. Это уже выполнено. Непрерывным огнем прижать беглецов к земле. В данном случае — не выпускать их из палатки, где они укрылись. И ждать подкрепления. Скорее всего, он уже вызвал пару вертолетов. Минут через пятнадцать они прилетят. И пустят в ход свои ракеты, предположительно, российского производства. Два-три залпа — и от лагеря экологов останется только обугленная земля.

Это был стандартный сценарий. Бесконтактная война. Американцы никогда не будут штурмовать даже брезентовую палатку, пока не обработают ее авиацией.

«Но почему они думают, что их самих никто не может атаковать?» — думал Гранцов, скользя и извиваясь в траве, забираясь во фланг легионерам. «Кто вбил в их головы идею, что численное и техническое превосходство — это все, что нужно для победы?

Высокая трава и складки местности — вот что нужно для победы». Придя к такому стратегическому выводу, Гранцов решил, что уже достиг намеченного рубежа.

Вот удобная кочка на ровном месте. Он поднял голову. «Хаммера» нет. Только «уазики». Легионеры лежат за машинами и палат из-за колес. Одна группа бьет по палаткам, другая куда-то в сторону. Наверно, оттуда по ним стреляет Макс. И хорошо стреляет: уже двое лежат неподвижно.

Позади одного из «уазиков» он увидел черное пятно. Внутри еще дымилась нижняя половина тела. Вот что бывает при удачном попадании в гранатометчика.

«Начнем, пожалуй».

Отстреляв четыре патрона, он перекатился в сторону. Патроны гремели в нагрудных карманах гимнастерки и больно давили на грудь. Краем глаза он увидел над рекой столб черного дыма. Катер все еще горел.

Открыл затвор и утопил один за другим пять патронов в магазин. С обоймой было бы проще. Почему он не снял тогда с той тетке подсумки с обоймами? Вопиющая бесхозяйственность!

Он снова изготовился к стрельбе, широко расставив локти и плотно прижавшись к прикладу. Куда, куда? Фигурки перебегали из стороны в сторону, и некоторые даже стреляли в его направлении. Но Гранцов твердо верил, что на такой дистанции их оружие не может причинить ему никакого вреда. Он уложил троих, а двое упали после выстрелов Макса.

Все. Автомат не понадобился.

И сразу же вспыхнула и разгорелась острая пульсирующая боль в левой руке. Он даже винтовку выронил и затряс кистью, словно пытался ее остудить. Собачий укус, о котором он уже и позабыл, вдруг напомнил о себе с неожиданной силой.

Как бы не было заражения, обеспокоился Гранцов. Рука хоть и левая, а иногда незаменимая.

Он привстал и свистнул.

Издалека донесся ответный свист.

Он закинул винтовку на плечо и, с автоматом наперевес, направился к расстрелянным. Макс оказался там раньше. Он добил троих раненых, чем сильно разозлил Гранцова.

— Что за дела! — возмутился он. — Столько надо было спросить!

— Они все равно по-нашему не понимают, — махнул рукой Макс. — Так и знал, что ты начнешь телячьи нежности разводить. А я на них насмотрелся, знаешь ли.

— Есть тут хоть одна целая машина? — Гранцов помахал рукой, поторапливая Татьяну, которая шла к ним от палаток.

— Есть, — сказал Макс и показал стволом автомата: — «Хаммер» видишь?

Пятнистый «хаммер» на приличной скорости удалялся в сторону города.

— Теперь-то он нас не догонит, — сказала Татьяна и, встряхнув пистолетом, выбросила пустой магазин.

— Он о другом думает, — сказал Гранцов. — Как бы мы его не догнали.

* * *

Они выбрали уазик с обожженным сзади брезентом, потому что его колеса оказались целыми. Перегрузили в него еще пару канистр из второй машины, прихватили и всю питьевую воду из экологических палаток.

Макс снял с одного из убитых часы, протер их о гимнастерку и, смущенно улыбаясь, сказал:

— Больше всего мучался из-за того, что не было часов. Не могу без точного времени. Сверим часы, майор.

Гранцов вытер пыль с циферблата:

— Шестнадцать двадцать девять местного времени. Через два часа будем в... Отставить. Поехали. А когда будем, где будем и все такое — это уж как получится.

Он вспомнил шоферскую примету, которой поделился с ним Василь перед тем, как отправиться в дорогу.

Не будем загадывать. Дело сделано. Остались пустяки — добратся до посольства.

Два часа спустя они еще ехали по узкой дороге, иногда останавливались и прислушивались. Но никаких вертолетов не было.

Прошло еще семь часов. Они остановились на первой встреченной заправке. «Кирсанов, наверно, уже дома», подумал Гранцов.

(По странному совпадению именно в это время на военном аэродроме «Чкаловский» садился внеплановый борт. Он еще будет долго стоять на краю поля, окруженный оцеплением, и только к вечеру подлетят к нему две черные «волги» и «форд-транзит» скорой помощи. И все это время Марат Кирсанов будет крепиться изо всех сил, чтобы не потерять сознание, и он дождется человека, который предъявит удостоверение с буквами ФСБ, и скажет ему: «Наш человек, Гранцов Вадим Андреевич, остался в Сан-Деменцио. Помогите ему». «Уже помогаем» — услышит Марат от чекиста, и только после всего этого он, наконец, уронит голову и просто вырубится от измучившей его боли).

А еще через час у ворот российского посольства остановится обгоревший, пропыленный и заляпанный грязью армейский вездеход производства Ульяновского автозавода. И сам посол выйдет навстречу пассажирам этой странной машины, и пожмет руку каждому из них, кроме одного, у которого руки будут связаны.

Человек, известный как Макс, после такого приема сильно зауважает жену Гранцова и в дальнейшем будет ее бояться так же, как сам Гранцов и все его сослуживцы.

Татьяна улетит к себе в Аризону, а оттуда — неизвестно куда.

Будут у этой туристической поездки и более отдаленные последствия. Фирма «Глобо Торизмо» сменит вывеску. Президент вызовет губернатора Сан-Деменцио в столицу на переговоры, и тот погибнет в авиакатастрофе.

И еще — довольно долго при появлении в аэропорту туристов из России на стоянке такси не будет видно ни одной машины.